

**СВЯТООТЕЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

**Преподобный
Феодор Студит**

ПОСЛАНИЯ
КНИГА 2

Одобрено
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Москва

2003

Приход храма Святого Духа сошествия

✠ ✠ Как весной листья и цветы на траве и деревьях изнутри исходят и произрастают вне, и этими листьями и цветами как бы одеваются трава и деревья и так в прекрасном образе и виде представляются смотрящим, так в воскресении в телах святых явится красота, которая ныне в душах их сокрытой пребывает, и этой красотой, как бы прекрасной ризой, оденутся оживотворившиеся тела их. Ибо они будут сообразны прославленному Телу Спасителя нашего.

✠ ✠ Звали в царство Божие пророки, звали апостолы, звали преемники их, святые, пастыри и учителя церковные, в древности пожившие, которые и сами жаждущим духом к почести высшего того звания спешили. И ничто их званию и стремлению воспрепятствовать не могло. Не только богатство, честь, славу и всякое удобство мира сего ни во что вменяли, но и узы, темницы, изгнания, биения, раны, мучения, злострадания и всякую смерть презирали; и через эти скорби входили в царствие Божие (см. Деян. 14, 22). Поэтому и званные ими люди, видя такое стремление к высшему званию своих предводителей, со всяким усердием за ними спешили. Пример их, соответствующий слову звания, поощрял и привлекал к этому званых людей.

Святитель Тихон Задонский

І. К БРАТСТВУ КИЗАРСКОМУ¹

Весть о кончине духовного отца нашего и вашего, возлюбленные братия, поразила нашу душу, как и следовало, и ввергла в тяжкую скорбь. Не об умершем, — блажен он, окончивший блаженную жизнь, доблестный монах, и до старости отлично подвизавшийся, с сохраненною — и это главное — среди бедствий и гонений за добро православною верою, отшедший отсюда и как бы увенчанный венцом правды за исповедание Христово. Но скорбь о нас, или лучше сказать, о вас самих, оставшихся подобно стаду, находящемуся в беспомощном состоянии после переселения доброго пастыря. Поистине, к сожалению и сокрушению сердца располагает воспоминание об этом предстоятеле, приводящее на мысль место и образ его управления в Господе: как он иного падающего увещевал, другого же дерзко поступающего наказывал, иного непокорного убеждал, другого ленивого пробуждал, с кротостью и смирением делая это, по примеру Самого Владыки, сказавшего: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); и вообще все, чем он отличался среди вас, как звезда утренняя. От долговременной привычки разлука с отцом обыкновенно весьма тяготит душу.

Но что нам делать, братия, пред законом Божиим, который так повелевает: *земля ты и в землю*

¹ Кизара — город в Малой Армении, в Азии.

возвратишься (Быт. 3, 19)? Лучше сказать, эта разлука есть переселение к Господу. Ему повелено было переселиться, и он вышел из тела, отделился от вас и приложился к отцам своим, оставив вам в своей жизни прекрасный пример добродетели в подражание. Что же затем еще нужно? Прийти в себя и утешать друг друга в Духе Святом; и так как он оставил вам настоятелем господина Антония, то по тем же правилам и по тем же стопам благочестия начать вам жить, соблюдая веру, с готовностью злострадать за нее, если будет нужно, даже до смерти среди настоящего гонения, и отнюдь не изменять истине, также всеми силами стараться иметь любовь между собою и послушание настоятелю. Это служит к вашему спасению; это — хвала и для того блаженного в день Христов; это превозмужденно и для нас, друзей и братьев ваших. Ибо, шествуя таким прекрасным образом, вы будете иметь и нас последователями вашими, сколько возможно, в делах Господних, почтеннейшие братия.

II. ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ К УЧЕНИКАМ СВОИМ

Феодор, нижайший пресвитер и игумен Студийский, возлюбленным братиям моим и сынам духовным, рассеявшимся здесь и там ради Господа.

Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, даровавшего вам терпеть за имя Его гонение, которое прискорбно по плоти, но радостно по духу; ибо служит виною божественных блаженств и доставляет вечные венцы. Поэтому и я, уничиженный, весьма радуюсь и восхищаюсь, что удостоился видеть возлюбленных моих в таком преуспейании, на такой степени доброго исповедания, которое мы испо-

ведали пред Богом и людьми, поклоняясь Христу начертанному, т. е. изображенному на иконе, как все Святые Отцы наши.

Об одном только напоминаю и убеждаю, чтобы вы жили достойно Евангелия Христова, отличаясь добрым поведением в тех местах и с теми лицами, с которыми обращаетесь, словом, растворенным солию благодати, внешним видом, исполненным благоговения, в пище и питии умеренностью, в одежде и походе благонравием, так, чтобы вам быть светом для мирян и предметом божественного славословия, а не напротив.

Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией, как написано: говорит ли кто, говори как слова Божиим, а не пустословие, служит ли кто, служи по силе, а не с высокомерием (1 Пет. 4, 10—11). Каждый да делает своими руками, чтобы не быть обременительным для других, чтобы не быть, как празднолюбцу, осужденным и за вкушение пищи; каждый да во всем поступает по заповеди, как делатель Божий, а не служащий к соблазну ближнего, чтобы во всем прославлялся Бог, и я, несчастный, слыша об этом, веселюсь и радуюсь. Остерегайтесь дурных связей, остерегайтесь пагубной дерзости, остерегайтесь блудодейственного объедения; пусть никто не беседует с женщиной без нужды; пусть никто не остается одиноким; пусть никто не предается сребролюбию, прилагая прибыток к прибутку и умножая золото, в котором коренится грех и часть с Иудою (см. 1 Тим. 6, 10).

Никто пусть не продает купленного раба, как владеющий монашеской свободой; ибо до этого простерлась порочность некоторых, поработившихся страстям

и погубивших монашеское достоинство. Никто пусть не предается пьянству, слыша слова апостола: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частей твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). От этого возбуждаются против души плотские похоти, и воспаляется дом Божий — внутренний ваш человек. Но так как мы странники и пришельцы, будем, при настоящем гонении, «как умирающие, и вот мы живы; как наказываемые, а не умерщвляемые; как скорбящие, всегда же радующиеся; как нищие, но многих обогащающие духовно, как ничего не имеющие, но всем обладающие», по словам апостола (2 Кор. 6, 9—10).

Очи мои всегда на вас, возлюбленных моих: сердце мое горит по вас в Господе; чувства мои бушуют во мне, когда слышу дурную весть о ком-нибудь; когда узнаю о богоненавистном отступлении, глаза мои проливают слезы. Душа моя сокрушается, когда кто-нибудь, не любящий Бога, поступает вопреки преданию и установлению, и вышеизложенному. Вы, отцы, вышли из монастыря в высший свет гонения. Разве для омрачения мы отлучены друг от друга действием Духа? Разве для того, чтобы нам жить по влечению страстей? Разве не видит Бог? Разве не становится известным дело каждого — то, как вы ведете себя? Выслушайте это вы, имеющие рабов, живущие в одиночестве, обращающиеся с женщинами, чтобы не сказать еще: сребролюбцы, празднотлюбцы. Не добровольно я укоряю, простите, но с прискорбием обличаю, как поставленный на это. *Дополните мою радость, дети, будьте единомысленны* (Флп. 2, 2): руководствуйтесь одним и тем же правилом, оставляя добрые примеры и воспоминания в душах, взирающих на вас, ко славе Божией, к вечной хвале вашей, к радости и меня, грешного, к похвале вашего братства

во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, вместе с Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

III. К ИГУМЕНИИ ИГНИЙСКОЙ

Приятно мне благочестие твое, сестра о Господе, и дары, которые ты прислала, и то участие, какое принимаешь ты в наших обстоятельствах. Но мы не таковы; не имея достаточно сил, чтобы соблюдать самих себя в добре, как мы можем преподавать другим благопотребное наставление? Да будет тебе по вере твоей, чтобы тебе жить богоугодно, неукоризненно продолжая девственную жизнь, и не только это, но и неосужденно проходить должность настоятельства. Ты знаешь, что это дело соединено со многими наградами, но для невнимательных и опасно начальствовать над душами, созданными по образу Божию. Управляй же, как начальствующая о Господе, и руководи паству свою, представляя собою пример всего доброго, чтобы тебе удостоиться сказать: *вот я и дети, которых дал мне Господь* (Ис. 8, 18). Бог вверил тебе души, отрeksiеся от мира, и к Нему ты должна привести их, как благоприятную жертву; за это тебе будет великая награда на небесах.

Поучай их, внушай им спасительные заповеди: любить одного только Христа, а не плоть и кровь, быть нестяжательными и ничего не иметь собственного, не быть пристрастными и не оказывать особенной любви к своим близким, быть ревностными и не предаваться лени в подвижничестве. Если будет так, то скоро встретит их, имеющих светильники, Жених Христос, и встретит с радостью, приветствует их и Сам будет ими священно приветствуем, отверзет им небесный и нерукотворенный чертог и дарует им

царство небесное, наслаждение райское, струи бессмертия и сладости вечной жизни, облечет их в светлые одежды, украсит красотами нетления, брачными диадемами, исполнит бесчисленных благ на веки веков.

Поэтому и ты, и они, подвизайтесь, старайтесь ежедневно содействовать свое спасение, воодушевляясь надеждами и божественною любовью, в душе погашайте воспламеняемый врагом огонь. Если случится и другое что-нибудь враждебное в подвижничестве, ободряйте себя занятиями, божественным чтением и пением, остерегаясь общения с ересью, не изменяйте вере, хотя бы надлежало пострадать за это даже до смерти. Нет ничего важнее любви Христовой, как показали девственницы, бывшие от века доселе; ибо и теперь есть гонимые и изгоняемые из обителей ради Христа, но не соглашающиеся участвовать в еретическом хлебе.

Это написал я тебе и находящимся с тобою, как сестре и дочери во Христе, чтобы ты видела, что есть общий Владыка для всех нас и что мы желаем всем спастись, как составляющие одно тело Христово и от Него сделавшиеся братьями друг другу; ибо во Христе Иисусе *нет мужеского пола, ни женского, но все и во всем Христос* (Гал. 3, 28; Кол. 3, 11), Который да спасет и вас, и нас!

IV. К ЕФРЕМУ И АГАФОНУ, И ПРОЧИМ СЫНАМ

Скончался блаженный Лаврентий. Для него смерть есть покой, ибо может ли быть иначе для доброго мужа, отошедшего от подвижнических трудов или, точнее, от гонения за правду переселившегося к

Господу? Многие стали свидетелями его добродетельной жизни. А для вас, почтеннейшие братия, и для нас, смиренных, это событие прискорбно, так как мы лишились доблестного монаха, достопочтенного брата, стоявшего во главе духовного руководства. Впрочем, эта скорбь изменяется у нас в радость, потому что избранник Божий взят от нас по повелению благого Бога, в преподобии и правде. Потому и я, смиренный, радуюсь и сорадуюсь вам, что мы проводили к Богу такой сосуд; ибо Лаврентий поистине стал сосудом избранным, сначала чрез неложное отречение от мира и послушание, потом чрез ревность и преуспеяние в добродетелях, почему он и удостоился священства, и получил достоинство наблюдения над многими братиями, и достолюбезно пас их, будучи полезен для паствы, живя поистине для Бога и для игумена, а не для мира и дел мирских. Известны его гонения и ссылки ради Господа и прежде, его и *ноги прекрасны, как ноги благовестника*, скажу словами Писания (Ис. 52, 7), так как он ходил повсюду и возвещал братиям спасительные обетования. Мир — духовный пот его, и священная роса — добродетельное подвижничество его. Взятый среди настоящего гонения, что иное получил он от Господа, как не блаженство?

Итак, он ныне на небе в обществе равночестных ему; а мы еще стоим на поприще под страхом изменения. Ибо не бывает совершенного блаженства для человека прежде окончания жизни, по неизвестности исхода.

Поэтому увещаю вас, братия, бодрствовать и трезвиться, мужаться и укрепляться в предстоящем подвиге духовного и телесного гонения. Ибо живущий по воле Божией всегда бывает гоним невидимым

врагом для совлечения во грех; будем же избегать его, мужественные воины Христовы. Как избегать? Посредством благоугождения Богу во всем, находясь под крепкою Его рукой. А это будет тогда, когда вы станете жить не по своему произволу, а общежительно, имея своим настоятелем брата Ефрема, как и время и обстоятельства требуют, и мы соизволяем. Пусть будет у вас все общим; «мое» и «твое» пусть будет изгнано; пусть оказывается любовь; пусть соблюдается послушание; и, *если это знаете*, — говорит Господь, — *блаженны вы, когда исполняете* (Ин. 13, 17).

V. К ЕВФРОСИНИИ ИГУМЕНИИ

Воспоминание о блаженной матери, твоей — по духу и плоти, а моей — по духу, и, осмелюсь сказать, многих других, — ибо это почтенная госпожа, — побудило меня, как бы побуждаемого ею самою, высказать тебе и теперь нечто, сестра в Господе. Что же именно? То, чтобы ты подвизалась *добрым подвигом* аскетической жизни, к которой ты призвана, и исповедала *доброе исповедание перед многими свидетелями* (1 Тим. 6, 12).

Как же подвизаться? Во-первых — иметь страх Божий в сердце. Ибо где страх Божий, там соблюдение заповедей Его. Во-вторых — заботиться о смерти. Ибо где забота о смерти, там удаление от страстей. Далее — помышлять о разлуке с телом, о присутствии при этом Ангела, о возведении души на небо, где она получит местопребывание до времени воскресения, когда она соединится со сродным себе телом неизреченною силою Божией, и о том, как ей избежать начальника настоящего века, стареющегося

привлечь к себе восходящую душу, если он увидит ее оскверненною страстями.

Не говорю о скором пришествии Жениха Христа, *с неба, с Ангелами силы Его* (2 Фес. 1, 7), восхищении боголюбивых душ на воздух и собрании всех вообще тварей пред страшным престолом, о приговоре той и другой из предстоящих сторон, призывающем праведных в царство небесное, а грешных посылающим в огонь крошечный.

Внимательно помышляя об этом, душа трепещет, страшится, сокрушается, плачет, очищается, просвещается, освобождаясь от здешних привязанностей, изменяясь и возносясь к Богу в духовной радости и неизреченном веселии от превосходнейшего созерцания блага, так что не хочет смотреть на солнце и наслаждаться в настоящей жизни. Так следует подвизаться добрым подвигом, почтеннейшая. Так подвизаясь, добрая мать твоя соединилась с Богом и переселилась отсюда с похвалою.

Поспешим же и мы, увещаю, следовать по стопам ее. Не смущайся, стремясь на высоту добродетелей, как потому, что по благодати Божией ты можешь достигнуть до высших степеней совершенства теми добрыми делами своими, о которых я слышу, так и потому, что, где есть желание, там силою Бога, любящего спасать имеющих такое настроение, мало-помалу достигается и совершенство. Может быть, ты считаешь препятствием для осуществления такого намерения настоятельство над сестрами, тяготясь управлением? Но нет, госпожа, ничто так не любезно Богу, как пасти и руководить ближних. Сам Он говорит великому Петру: *если любишь Меня, паси овец Моих* (Ин. 21, 17); и еще: *если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15, 19); и

еще: обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов (Иак. 5, 20).

Кто самовольно по властолюбию берет пастырский жезл, тот ненавистен и противен Богу, не спасет других и сам не спасется; а кто, будучи призван, примет настоятельство из повиновения Богу, тот будет другом Божиим, может спасти других и сам спастись. А так как ты призвана к этому, то радуйся и страшись: первое — на основании надежды, второе — по причине подвигов; управляй и руководи, исполняя пастырство и неся заботы об общине. Ты говоришь, что тебя страшит молва; но ты, при помощи молитв матери, имеешь покровителем Бога; на Него возложи заботы свои, и Он сделает удобоисполнимыми намерения твои. Ты говоришь, что не имеешь никого, кто бы искренно защищал тебя? Но ты имеешь первым защитником Самого Господа, Которого ты возлюбила; потом и хранителя жизни твоей — Ангела, избавляющего тебя от всякого зла.

Поэтому благодушествуй и не унывай, укрепляйся и не ослабевай, имея попечение и о благосостоянии тела, чтобы надлежащим образом служить Богу и управлять сестрами. Также и сестры, — ибо к ним надобно обратиться, — пусть следуют разумно и пасутся богоприлично, дыша только тобою одной и признавая тебя истинной своей матерью, а друг друга неложными сродниками.

Ибо, где есть такое единодушие, там Христос посреди и совершенство блаженной жизни. Они избрали блаженную жизнь, возлюбив девство, имея женихом своим Христа, но не женихов тленных, с которыми сочетание прискорбно, а спустя немного разлука еще горестнее. Жених же Христос, Которого они

имеют, никогда не умирает, но есть жизнь всех, и с Ним они, соблюдая обет воздержания, войдут в небесный чертог, и пищу, и питье, и одежду, и все нужное получают от благопопечительной любви Его. Ибо апостол говорит: *мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши* (1 Фес. 2, 8).

Только пусть они будут единомысленны, согласны, имеют одну душу, одну волю, все общее, ничего собственного, никакого разногласия, и все устроится к их спасению. Краткое и прекрасное поприще общежития будет пройдено, и станут они ликовать во веки веков с твоею доброю и богомудрою матерью. Так эта прекрасная община и прекрасно пасущая ее возрадуются общей радостью и будут с Господом всегда.

Вот наше малое и ничтожное воззвание. Ты же, госпожа, приняв эти незначительные семена, приложи недостающее от себя самой и не оставляй молитвы о нас, грешных, чтобы нам оказаться деятельными исполнителями того, чему учим, и спастись вместе с вами в царстве небесном.

VI. ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ К ИГУМЕНИИ

Ты, почтенная, желала получить слово назидания от нас, смиренных; но и слово наше ничтожно, и жизнь презренна. Впрочем, мы заботимся о твоём спасении, так как ты девственница, невеста Христова, сокровище святости, и так как по убеждению желаешь ты от нас назидания, желаешь его по той причине, что при дверях стоит Святая Четыредесятница. И хотя истинная девственница Христова не в определенные дни, но во всякое время и каждый день печется, как бы угодить Господу и Жениху своему, конечно, время

поста имеет и особенность пред всем годом в отношении к ревности о добродетелях.

Итак, почтеннейшая, продолжай и теперь исполнять свое обыкновенное правило подвижничества; мы не можем определить то или другое ни тебе, ни подвижницам твоим, потому что еще не знаем порядка и образа вашей жизни. Но один закон и одно правило общепользительно для всех, особенно для принявших обет монашеский: не делать ничего, кроме угодного Богу, *но со страхом и трепетом совершать свое спасение* (Флп. 2, 12), ибо истинный пост есть воздержание от всякого зла.

Будем же соблюдать пост, во-первых, в том, чтобы не допускать порочным помыслам вселяться в сердце и потом обращаться в непристойные пожелания. Один предмет желаний и истинной любви — Господь наш Иисус Христос, добрый и прекрасный Жених, всецело предавшись Которому, душа ненавидит плоть и кровь, и все тленные образы и, постоянно окрыляясь любовью к Нему, не хочет взирать и на самое солнце и стремится выйти из тела и пребывать с Возлюбленным, что составляет край желаний у частных слову.

Будем соблюдать пост, во-вторых, в количестве и качестве пищи, столько, сколько позволяют телесные силы; ибо апостол говорит: *каждый*, как совесть подсказывает, *не с огорчением и не с принуждением; ибо доброе произволение любит Бог* (2 Кор. 9, 7). Это может относиться собственно к тебе — игуменствующей. А в отношении к общине сестер не имеет силы, потому что каждой из них следует есть и пить, и во всем прочем поступать по данному от тебя правилу; а тебе нужно иметь прозорливое око, чтобы с должной внимательностью относиться к их делам.

Вообще же всем должно воздерживаться от неуместного пустословия, нелепой клеветы, суетной праздности, а лучше соблюдать благовременное безмолвие и говорить должное, любить и уважать друг друга о Господе, иметь все общее и ничего отдельного, и не делать ничего по своему желанию, хотя бы оно казалось приятным, по той причине, что тобой так устроено.

И не разделяй сердца твоего расположениями к родственникам твоим по плоти. Потерей времени было бы говорить о любви к кому-либо другому. Но пусть душа твоя будет вся целиком привязана к Богу, к сестрам по духу, чтобы можно было сказать о вас то, что сказано в книге Деяний Апостольских, именно, что у них у всех *было одно сердце и одна душа*, и никто из начальствующих не говорил, что ему принадлежит что-либо, как собственность, но *было у них все общее* (Деян. 4, 32). Где это соблюдается, там апостольская жизнь созерцается, там мир Бога, который господствует над умом каждого; там беспечальная и блаженная жизнь, там хоры мудрых дев; там посреди Христос, Который смотрит и Сам бывает видим, духовно питает и Сам принимает пищу, услаждает и Сам услаждается, любит и Сам взаимно любим, так как и их питает лучами Своего света и Сам питается приношениями сообразно с добродетелью каждого. Ибо Он жаждет спасения каждого и посещает его, как смоковницу, о которой повествует Евангельская история (см. Мк. гл. 11): если найдет там плод, произращенный Богом, от него питается, если же нет, — проклинает ее.

Поспешим же, сестра о Господе, — и мы, и вы — принести приятные Богу плоды от вдохновенных и божественных размышлений. Это да будет в течение всей нашей жизни, особенно же во время приближа-

ющегося святого поста, чтобы мы, когда наступит Святая Пасха, приготовили пищу Тому, Кто в изобилии благословляет нас, и чтобы Он в великий и страшный день Своего откровения сделал участниками Его воскресения и славы нас, которые уподобились Его страданиям.

Ему подобает слава, честь и поклонение со Отцем и Святым Духом всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ВII. ФЕОДОТУ ВОЕНАЧАЛЬНИКУ

И скорбь, и радость того, кто есть друг, естественно переходят к любящему, так как у того и другого при одних и тех же условиях наблюдается одинаковое расположение. Итак, поскольку печаль вождя-леннейшего господина нашего относительно общения с иноверными теперь возведена нам чрез благочестивейшую госпожу игуменью, то она коснулась и нас, смиренных, и причинила скорбь нашему сердцу в то время, когда мы думали о противоположной встрече.

О, несчастье! Что это за невольное увлечение? Что это за принудительное участие под страхом телесных страданий в случае отказа участвовать в иноверном хлебе? Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, — мысль самая христианская! — есть Жертва добровольная. Ибо великий апостол говорит о Нем: *будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2, 6—8). Если же она — Жертва добровольная, то добровольно и преподается желающим, а не

нежелающим. Сам Господь в Евангелии говорит апостолам по поводу ушедших от Него из числа тех, которые казались учениками Его: *не хотите ли и вы отойти?* Ответ же великого Петра таков: *к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго* (Ин. 6, 67—68). Также и в своем послании великий Петр говорит: *охотно нужно пасти, а не принужденно* (1 Пет. 5, 2).

Итак, пусть знают насильно привлекающие к общению с собою нежелающих, что они поступают поязычески, предлагая не Тело Христово, добровольно принесенное в жертву, а, напротив, некоторый род идоложертвенного, подобный не произвольно приносимым жертвам бесовским. Истинно это слово, и доказательство ясно, а никто не слушает. Но *пощади, Господи, не предай наследия Твоего на совершенное поругание*, как говорит в одном месте некто из пророков (Иоил. 2, 17).

Что же будет с нами, возлюбленный и достопочтенный? Нам будет сказано: хотя и тяжело, но где обет любви? Неужели же мы будем еще увлекаться временем? Неужели будем бояться власти более, нежели следует? Где же изречение Господа, запрещающее бояться людей и повелевающее более бояться Одного Господа, у Которого всякая власть и сила ввергнуть и тело, и душу в геенну огненную (Лк. 12, 5)?

О, падение! О, страх, недостойный всякого человека, особенно христианина! Впрочем, скорее, любезный и добрый господин, восстанем, раскаемся. Близок Господь призывающим Его (Пс. 144, 18) и не хочет нашей гибели от какого-нибудь греха (см. Иез. 33, 11), но желает, чтобы мы по падении скорее восстали и по согрешении обратились, сколько

бы раз это ни случилось по какому-либо безрассудству. Может быть, почтенная душа твоя скажет: Кто уязвил — Тот и уврачуе нас (Ос. 6, 2). Для этого именно и есть епитимия. Действительно, нет ничего неисцелимого, если врачует; да не будет для вас тяжко это слово врачевания.

VIII. К ПРОКОПИЮ МОНАХУ

Пишу к тебе, почтеннейший, теперь, когда встретил посыльного, доставившего письма, мое и твое, который и побуждал меня к тому, так как и твое благочестие желает этого и любит. Радуйся же, человек Божий, радуйся, прекраснейший из друзей и притом старых; радуйся, знаменитый благочестием и славный ведением.

Где ты, зачем некогда оставил нас, скрывшись на столь долгое время? Почему ты заключился дома, не выходишь и не являешься между людьми? И наконец, — скажу смелее, или любезнее; ибо любви свойственно не уклоняться от напоминаний, полезных для любимого, — зачем ты так поступаешь? Зачем ты, который удалился от мира через принятие монашеского совершенства, и возвратился домой; расторг узы пристрастия, — ибо это означает отречение от мира, — и опять связал себя сожителем с госпожою супругою и богохранимыми детьми; и, что еще страннее, остригся по обыкновению живущих в уединении и принял посвящение чрез Божественное таинодействие, и опять отпустил волосы по примеру живущих в пустыне? *Каждый*, — говорит апостол, — *оставайся в том звании, в котором призван* (1 Кор. 7, 20). И еще в другом месте: *не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Бо-*

жией (1 Кор. 10, 32). И еще в ином месте он говорит о самом себе: *не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего* (1 Кор. 8, 13).

Каждый дает о себе знать собственным видом, воин — тем, что носит меч, гражданин — тем, что носит плащ. Вообще почти каждый из облеченных властью или занимающихся искусствами или ремеслами носит приличествующую ему одежду. Так врач не возьмет пастушеского посоха, и пастух не возьмет в руку врачебного орудия. Если же так бывает в этих делах, то тем более в духовных и величайших никто не должен ни жить, ни являться несвойственно своему состоянию, чтобы ему не подвергнуться определенному от Господа осуждению, как соблазнителю мира, чего постараемся избежать, возлюбленный, особенно мы, отличающиеся от других и ведением, и саном. Ибо *строг суд над теми, кто получил преимущество, ибо меньший заслуживает помилование*, как написано (Прем. 6, 5—6). Также и Господь сказал: *кому дано много, с того больше взыщут* (Лк. 12, 48).

Итак, увещаю, будем остерегаться, чтобы нам, которые должны быть светом для находящихся во мраке, не сделаться противными призванию, и чтобы нам, которые обязаны быть *солью земли*, по Евангелию (Мф. 5, 13), не потерять силу по нерадению. *Все должно быть благопристойно и чинно*, — вызывает апостол (1 Кор. 14, 40), — все на пользу ближнего, а не ко вреду. И в делах, дозволенных нам, да не произошел соблазн, — и Великий Василий этого требует, и весь вообще Ветхий и Новый Завет повелевает — каждому должно оставаться в собственных пределах и обычаях.

Не подумай, господин, что я обращаюсь к тебе с высокомерием; нет, напротив, с великою любовью и

заботливостью, относя твои дела к себе самому, по союзу любви, и желая спасения почтенной душе твоей так же, как самому себе. Если же в словах моих есть что-нибудь непристойное, то ты своим словом научи мое смирение и убеди, что ты поступаешь надлежащим образом в том, что подверглось укоризне, как непристойное.

IX. К ФЕОКТИСТУ ПУСТЫННИКУ

Заповедь Божия, повелевающая нам *любить друг друга* и притом так, чтобы *полагать душу* друг за друга (Ин. 15, 12—13), побудила меня, духовный брат, опять написать к тебе. Ибо я забочусь о твоём спасении и слышу, что между вами и другими братьями происходит раскольническое несогласие — не малое, но весьма сильное, так что принадлежащий к пастве народ разделился на две противоположные части, из которых одна нападает на другую и удаляется от взаимного общения. Все это — дело сатаны, древнего человекоубийцы, и великий соблазн. А Господом сказано: *горе миру от соблазнов; и еще: горе тому человеку, через которого соблазн приходит, лучше было бы, если бы повесили тому мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской, чем соблазнить одного из малых сих* (Мф. 18, 7—6).

Я удивляюсь, как ты, почтенный, подвизаясь и служа Богу столько лет, не заботишься о такой опасности, которая, если не будет отвращена всем твоим усердием и старанием, не только сделает тщетным все твоё подвижничество, но и удалит тебя от Бога, чего да не будет! Поэтому, брат, ещё три года тому назад, находясь близ тамошних мест при возвращении из Смирны и узнав об этом разделении, я по чувству

братской любви писал к тебе, что слышал, и как должно тебе мыслить об истине, и как избежать угрожающей опасности соблазна; но ты не отвечал мне. Потом я опять объяснял тебе, а ты опять не отвечал мне: это — явное доказательство, что ты не хочешь служить Богу и поступать право по истине. Прости, не гневайся на меня, говорящего истину. Написано: *обличи ближнего твоего, чтобы не иметь греха его* (Сир. 19, 17; 22, 13). Вот я, несчастный, хотя никогда не видал тебя, но так как ты — брат мой во Христе, я не перенес этой молвы по какому-либо страху, но произнес обличение и сделал увещание, опасаясь суда и желая тебе спасения. Как же ты, подвергшийся обличению и отец разделения, предстанешь на суд? Как ты будешь оправдываться, давая отчет за такой народ? Хотя бы ты совершал дела Иоанна Предтечи, это лишит тебя царства Божия, если не предупредишь исправлением.

Каким же исправлением? Оправдывая себя относительно того, в чем прежде ты был обвиняем, и показывая правую веру и во всем правое исповедание слова истины, если возможно, сам лично; если же нет, то чрез посланного от тебя письменным объяснением. Когда таким образом наступит единомыслие в Господе, не говорю — с таким-то и таким-то, а только с одним мною, смиренным, то прекратится соблазн и соединится разделённое, и будет Господь среди нас, и не станет хулиться имя Его чрез нас, не говорю — между язычниками, но между христианами. И если после взаимного соглашения останутся некоторые разногласные, то и они научатся и соединятся чрез нас, смиренных, которые будем защищать тебя, как самих себя. И Бог будет милостив, и жизнь твоя будет так блаженна, и конец твой с похвалою, и останки твои в правде.

Вот это второе уничиженное письмо мое. Если ты сделаешь должное, объяснив и оправдавшись во всем, в чем обвиняешься, то *приобретен ты, брат* наш, скажу словами Господа (Мф. 18, 15), и мы, смиренные, весьма возрадуемся о тебе. Если же, — чего да не будет, — останешься при том же молчании и непослушании, то подвергнешься вечному осуждению, напрасно совершая подвиги, а точнее, — гибельно разделяя народ Божий собственным поведением. Мы же будем внимать апостолу, который говорит: *Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден* (Тит. 3, 10—11).

Х. К СТЕФАНУ ИГУМЕНУ

Частая присылка писем доказывает сильную любовь твою, почтенный, руководящуюся отеческим обычаем. Ибо и тот блаженный, при других своих достоинствах, отличался и тем качеством, что поддерживал благо любви к братьям. Пиши же, возлюбленный, подражая в этом отцу, доставляя и нам удовольствие постоянной беседой. Впрочем, не высказывай похвал и не смешивай свинца с золотом и грязи с жемчугом, а лучше молись, чтобы и мне следовать по стопам вас, последователей его. Ибо я во всех отношениях непотребен, хотя ты по влечению любви и говоришь, что получаешь пользу от нас, бесполезных. Если же бывает для тебя какая-нибудь польза, то надобно приписывать это Богу, устрояющему полезное нам друг чрез друга и друг с другом. Об этом так.

Относительно крестного знамения при трапезе или при каком-нибудь другом случае, полагаемого восставшими от падения покаянием и принимаемого

избавившимися от падения, уже соборно, можно сказать, обсуждено и определено святыми отцами, что это хорошее дело, и нам, смиренным, кажется благопотребным соблюдать это и другим передавать. Поэтому, если и тебе угодно будет сохранить это, то мы хвалим и одобряем. Отвергать это, как делают некоторые, есть дело излишней ревности в служении Богу, осуждаемой апостолом и не имеющей ни законных оснований, ни братской любви. Ибо чем они докажут верность своего мнения, когда нет ни правила подтверждающего, ни священный иерарх наш не запрещает нам принимать это? Не значит ли это скорее ниспровергать покаяние и отвергать спасение? Тому, кто удостоился причащаться Святых Таин и полагать на самом себе крестное знамение, может ли быть непозволительно знаменовать общую трапезу наедине или пред всеми?

Разве мы не знаем, что благий Бог и Господь наш, Единый безгрешный и взявший грехи мира, позволял блуднице касаться пречистых ног Его, умащать их слезами, равно как и миром? Он вкушал пищу и вместе с мытарями и у мытарей, и учениками Своими делал мытарей. И нет ничего столь любезного Ему, как обращение от греха и любовь друг к другу. Это ставит Он и признаком учеников Своих (см. Ин. 13, 35), и блаженного Петра после отречения Он объявляет верховным между прочими апостолами. Что может быть сильнее для доказательства предложенного предмета? И кто безрассуднее людей, невежественно и высокомерно не допускающих, чтобы полагали знамение креста и молились уже исправившиеся покаянием? Мы, смиренные, думаем так, как выше сказано, так и вам советуем. Другие, иначе думающие, пусть рассудят об этом.

Мы, смиренные, отвечали на вопрос брата нашего Симеона и желаем, чтобы у вас, почтенных, было спокойствие во всем, и молимся, чтобы вам сохраняться во всем невредимыми.

ХІ. ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ К НАХОДЯЩИМСЯ В КИЗИКЕ

С удовольствием увидели мы прибывших вместе с братом Симеоном, поставленным во главе вас, как по долговременному отсутствию его, так и по прекрасному образу жизни. Подлинно, благодетелен такой образ жизни и для него, и для нас, когда столько братьев живут вместе во времена гонений. Ибо достойно похвалы то, что двое или трое собраны во имя Мое, так как Христос посреди присутствует, по обетованию Его (Мф. 18, 20). А где столько братьев, составляющих целый монастырь и великую общину, там несомненно похвальное дело. Благодарение Богу, Который сподобил нас в одном духе, с одною душою подвизаться по вере Евангельской, переносить вместе подвижническую жизнь, ратоборную и славную, и в это время совершать достойный венцов подвиг. Хотели бы мы видеть лично и вас, отсутствующих, и утешиться духовным общением, чтобы узнать и имя, и лице, и нрав, и беседу каждого; но так как это невозможно, то мы созерцаем вас в лице игумена и товарищей ваших, которые при свидании утешили сердца наши своим благоговейным видом.

Остается только сказать, чтобы вы как по благодати Господа нашего Иисуса Христа собрались и соединились духовным общением и блистали единодушным согласием в тамошних местах, подобно звездам в мрачной ночи ереси, так и впредь оставались такими

же единомышленными, единомысленными, согласными, благочестными, покорными, послушными, благодарными, достохвальными, чистыми, целомудренными, кроткими, исправными, готовыми на всякое благое дело, еще более блистающими, еще более сияющими, еще более просвещающими, еще более служащими солью для других, — чтобы и о вас справедливо можно было сказать слова Господа: *вы свет миру*; и еще: *вы соль земли* (Мф. 5, 14, 13). А так как вы обитаете на гористом месте, то прилично было бы, пожалуй, сказать о вас и следующее: *не может укрыться город, стоящий на верху горы* (Мф. 5, 14), т. е. на горе высокой жизни, восшедшие на которую пребывают на земле, как на небе, *которых весь мир не достоин*, по словам апостола (Евр. 11, 38). Смотрите, сыны и братья, как возвысило вас слово истины, поставив на высоте похвал, явив истинными монахами, исповедниками Христовыми, отшельниками от мира, мужами высших желаний, победителями плотских страстей, венценосцами в духе. Впрочем, это только еще простые слова воздаяния. Когда же вы вполне окончите ваш подвиг послушания и исповедания, тогда, переселившись из здешней жизни, получите действительное блаженство, которого да сподобимся все мы, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ХІІ. К ИГУМЕНУ

Почтеннейший брат, Бог даровал величайший дар нашей епархии — славнейшего куратора и превосходнейшего по благочестию, который, став поборником Христа, довел до покорности того, кто жил разбойнически между христианами, хотя прежде был посвящен

Богу чрез монашеское совершенство. Говорю об Амоне, бывшем некогда нашим братом, а теперь сделавшемся подвластным тебе чрез посредство этого достоуважаемого мужа, по благоволению самого Христа, радующегося спасению погибавшего¹.

Сколь дивное дело совершено боголюбезным куратором и достойное его добродетели, равно как и тебя, духовного отца, принявшего, подобно Христу, на рамена свои погибавшего! Возрадовался я, смиренный, и возвеселился, что погибший *был мертв и ожил* и ушедший водворен в дом (Лк. 15, 24). Благодарение державе и славной милости Бога, Который и его помиловал, и меня, смиренного, избавил от скорби. Ибо я много лет скорбел о гибели сына моего. Итак, по милости Божией ты стал теперь отцом его, при помощи доброго посредника, и приведешь его потом к Богу. Вот я передаю его в твои руки, как бы лично пред глазами, и пусть он называется твоим учеником и учится от тебя до конца, и наследуешь ты награду за него во веки.

Прочитай ему это письмо, чтобы он был осторожен, как я писал и ему самому. И пусть исполнятся слова апостола: *носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6, 2); да сохранит Он тебя со всею богоизбранною общиною твоею, молящегося о даровании лучшего и нам, грешным!

13. К ВАСИЛИЮ ИГУМЕНУ

Почтенный брат, ты привык всегда писать превышающее наше достоинство, превознося почестями и похвалами наше ничтожество; но мы научены не выступать из своих пределов, а считать себя ничем, ка-

¹ См. I том, письма LXXXVIII и XCVI.

ковы мы и на самом деле. Впрочем, об этом довольно.

Замедление письма твоего не опечалило нас. И почему бы? По какому побуждению? Но опечалило, — надобно открыть приходящее на мысль, — твое пребывание в городе, речь к императору и собеседование с ним, и удаление по приказанию, между тем как мы снова находимся в самых стеснительных обстоятельствах, задерживаемые в руках иноверных; прибавил бы я и посольство от эконома к тому же императору, и общение с ним в пище, и удаление вместе с ним; все это опечалило нас, почтеннейший, и беспокоит нас, прости, ваше обольщение, сообщество, сношение, принятие и вручение даров, и прочие знаки дружества и обычного обращения.

Для чего, — говорит апостол, — *моей свободе быть судимой чужою совестью* (1 Кор. 10, 29)? И так как мы уже довольно приспособлялись к обстоятельствам в прошедшее время и, как знает один Бог, с многим расположением и состраданием, то теперь нужно и благоустраивать, и не терпеть вреда ни с той, ни с другой стороны, не заимствовать чужого и не бросать безрассудно своего. Говорю знающим: *никто не может служить двум господам*, как объявила Истина (Мф. 6, 24). Вы — господа и владыки, и распорядители своих обителей и намерений; а мы, смиренные и скитающиеся, рассеяны здесь гонением. Дайте нам эту свободу и возможность сокрушаться о собственных грехах.

Знаю, что это письмо прискорбно для тебя, почтенный, равно как и для нас, но нет ничего выше любви Божией, по которой и мы, вместе со Святыми Отцами нашими, по причине оскорбления Христа, отреклись от того, от чего отреклись, и избрали то, что исповедуем.

ХІV. К НЕМУ ЖЕ

Утешилась несколько скорбь души нашей о вас, почтеннейших, если действительно, как вы написали, вы оставляете игуменское управление. Ибо не может быть общения, друг, у гонимых с негонимыми, и не только не гонимыми, но и платящими подать гонителям из управляемых ими монастырей, если только не будет признано, что есть *общее у света с тьмою*, но это невозможно, как открыло священное слово (2 Кор. 6, 14). Если до настоящего времени мы были благосклонны к уловленным, по врачебному снисхождению, то это было потому, что нам было обещано, что они ни словом, ни делом и никаким образом не будут снова обольщены иноверными и теми, кто находится как бы в середине между владением и невладением монастырями; и вообще сказать, потому, что исповедание совершается законно и чрез уклонение от врагов, и чрез сопротивление нападающим.

Когда же пришло ожидаемое время, и это условие не выполнено пред Богом и людьми для полнейшего излечения прежнего падения, но опять произошло отступление, опять падение и словами, и делами, как свидетельствуют события и как мы слышали от знающих, и опять игумены не тревожатся, будучи принимаемы и отпускаемы императором, — говорю о всех, поступающих так, — уже смешно налагать епитимию. Точнее, это было бы безумием со стороны налагающих ее, обманом благочестивых, соблазном и недоразумением в исповедании Христовом. Должно слушать апостола, который говорит: *отлучайтесь от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Фес. 3, 6), или лучше сказать, от Самого Бога, Который взывает

чрез пророка: *не касайтесь нечистого; выходите из среды их* (Ис. 52, 11). И я одобрю вас, если вы таким образом уклонитесь и не будете смешивать исповедания Христова.

Подлинно, почтеннейший, что скажут игумен Селений и Гулейский вместе с другими, которые подобно им ныне подверглись преследованию за свое противодействие, если они увидят, что вы удерживаете монастыри чрез предательство истины, и мы увлекаемся вместе с вами? Что скажут те, которые в горах страдают от жестокого гонения? Не восплачут ли? Не возрыдают ли? Не подумают ли, что исповедание Христово есть только игра? Что скажут прежде игуменствовавшие в монастырях и ради Христа гонимые вместе с нами? Не подумают ли, что претерпеваемое нами есть только шутка? *Не обманывайтесь*, — говорит апостол, — *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7). Исповедание Христово не посрамляется, хотя некоторые позволяют себе думать и говорить иначе. Поэтому, возлюбленный брат, если желаешь быть между нами, смиренными, то откажись от обладания монастырем, как ты обещал; к этому мы и убеждаем тебя, об этом и молимся, чтобы ты был православным как изнутри, так и извне, спасая почтенную душу свою, с которою не может сравниться ничто видимое. Господин архиепископ вместе с нами усерднейше приветствует тебя, весьма желая тебе спасения, равно как и прочие братья.

ХV. К ФЕОДОРУ ПАТРИЦИЮ

Поздно посылается это письмо, но потому, что мы поздно слышали горестную весть о несчастье, случившемся с нашим господином. О, плачевная

весть! Оставила нас вожденная госпожа, отсечен ты от прекрасной супруги, отторгнут от достохвальной плоти, как говорит священное слово: *будут два одна плоть* (Быт. 2, 24). Если же они, несомненно, одна плоть, то очевидно, что разлука причиняет разлученным такую же боль, какую причиняет меч, рассекающий надвое одного человека. Поистине прискорбное рассечение, и как бы кровь течет из глаз ваших, но нет целебных повязок, нет пластыря, который можно было бы приложить, нет человеческой помощи.

Кроме того, почившая супруга была не из обыкновенных, но весьма достохвальная и дивная. Во-первых, она имела неизменное благочестие веры и любовь к мужу, как едва ли какая другая, чего прежде всего требует в супружестве святой апостол (см. 2 Тим. 2, 4). Отсюда происходили ее молитвы и моления о главе своей, взывания и усердное служение Богу, так что блаженная совершала ночные путешествия босыми ногами, чтобы таким образом преклонить Бога на милость.

А какое попечение о доме? Какое воспитание детей? Какая заботливость о рабах? Какая простота нравов и обходительность с друзьями? Какая привязанность к родным, независтливость к равным себе, почтенность и скромность во всем? Это больше золотых ожерелий и жемчужных повязок, и драгоценных одежд украшало ее, поистине приснопамятную, когда она оставалась дома, когда совершала путешествия и когда являлась в царских чертогах.

Но все это прошло, и мы остались, с горечью скажу, полумертвыми и расстроенными, или, скажу словами псалма, *как ночной ворон на развалине дома, как птица одинокая на кровле* (Пс. 101, 7—8), видя дом, лишенный госпожи, детей пред глазами вашими,

находящихся в ваших объятиях, но не имеющих на что опереться руками своими, где найти материнский привет и ласки. Печален дом, как бы оставленный солнцем своим; никто не ласкает слух твой, и детей, и всех подручных, не стало ее, поистине доброгласной и услаждавшей приходивших своей истинно благопристойной беседой и встречей.

Подлинно, все это горестно и плачевно, и выражаемое словами, и представляемое умом. Но что делать, господин? Есть Божие повеление, или лучше сказать, определение, воспетое божественным Давидом: *какой человек поживет и не увидит смерти* (Пс. 88, 49).

Так, всякий человек, от праотца нашего Адама доселе приходящий в мир посредством рождения, опять отходит посредством разрушения в тамошний мир, высший и превосходнейший. *Сеется в тлении, — говорит апостол, — восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немоги, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное* (1 Кор. 15, 42—44). Ибо мы будем равными Ангелам, станем сынами воскресения, когда смертное будет поглощено жизнью.

Видишь ли, господин, что госпожа, оставив нас, перешла из тьмы в свет и из жизни тленной в состояние бессмертное? Ты вскоре увидишь ее, когда и сам перейдешь туда. Поэтому не будем скорбеть, *как прочие, не имеющие надежды* (1 Фес. 4, 13), надеясь через воскресение перейти в лучшее состояние безмятежной жизни.

Напоминаю, обратимся лучше к самим себе, будем заботиться о доме, о детях, а прежде всего о собственной почтенной душе, подобно той блаженной украшаясь добродетелями и радуясь тому, что мы

предпослали туда эту супругу, как молитвенницу пред Богом, оставившую пример доброй жизни и нам, и всем знакомым.

XVI. К СУПРУГЕ ГРЕЧЕСКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА

Не видевшись никогда лично и не состоя в знакомстве, мы не стали бы писать к тебе, почтенная, но так как сделано предложение от лица боголюбезного и знакомого нам, именно от родственницы твоей, знаменитой патриции, а потом и через самого письмоносца Игнатия, духовного сына нашего, передано нам, смиренным, твое приветствие, то мы признали необходимым написать слово утешения душе твоей, истерзанной приключившейся ей скорбью по случаю смерти блаженного сына твоего, погибшего на войне.

Впрочем, какое может быть найдено врачевство утешения для исцеления неудобоисцелимой раны? О, несчастье, поражающее и при одном слухе о нем! Не стало почтенного семени, материнского глаза, предмета сердечной привязанности, благородной ветви, совершенного для матери света, носившего в себе отеческие черты, облегчавшего по возможности одиночество вдовства и служившего утешением всей жизни, как в своем доме, так и для родных.

И что случилось? Отлетел он от материнских глаз, отсечен от доброго корня, и не пред глазами последовала смерть его, когда провожающие своих близких получают утешение, как от последних слов умирающего, так и от благочестивого погребения. А теперь, между прочим, мы лишены и этого утешения, так как эта добрая ветвь отсечена воинским мечом.

О, плачевное событие! О, неутешное горе! Недоумевает ум, помышляя о несчастьи, где и как это случилось, какую часть тела поразила убийственная рука, на каком месте упавши, он испустил дух, и скоро ли, от одного ли удара, сказавши ли что-нибудь? О, какое зрелище! О, какой час! Отправили мы сокровище с доброю надеждою и получили неутешную скорбь.

Но кто, горько оплакивая это бедствие, мог бы сказать что-нибудь достойное? Может быть, для тебя и солнце не радостно, и воздух печален, и море не приятно, и земля не вожаделенна, и небо несносно, не заключая в себе твоей умственной звезды. Это и еще многое другое терзает твою душу, теснит сердце, исторгает горячие слезы, извлекает вопли и вызывает недоумение относительно самой жизни, вселяет отвращение к ней.

Но ободрись, госпожа, ободрись; время утешиться; отверзи слух свой и выслушай божественные изречения: *человек — что трава, дни его, как полевой цветок, так и он отцветает* (Пс. 102, 15). *Какой человек проживет и не увидит смерти* (Пс. 88, 49)? *Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним* (1 Фес. 4, 14). Итак, мы не совсем потеряли сына, но спустя немного, когда затрубит последняя труба, он восстанет в сретение Господу на воздухе (1 Фес. 4, 17), и там мы увидим его.

Он здесь поражен смертным ударом, но там не испытает вечной скорби, как облекшийся во Христа в Крещении, содержащий православную веру и еще не насытившийся здешними приятностями, вкусив их как бы концом перста по юности своей. Поэтому мы веруем, что за такую преждевременную и несправедливую

смерть он получит прощение сделанных им, как человеком, проступков и прегрешений.

Сколько зол, госпожа, он бы перенес, оставаясь во плоти? Разве ты не думаешь, что здешняя жизнь есть испытание человеку? Супруга, дети, изобилие рабов и прочего необходимого для жизни, к тому же, и земная слава — вот что предстояло ему. Избавившись от всего этого и лишь немного омочив душу горькими волнами жизни, он будет иметь великую свободу души, соединившись с Богом.

Таким образом, госпожа, отстрани, оставь неутешную скорбь, положи надлежащий предел страданию: *принеси Богу жертву хвалы, исповедания* (Пс. 49, 14). Скажи с блаженным Иовом: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21); повтори слова Давида: *возвратись, душа моя, в покой твой* (Пс. 114, 6). Ибо смерть сына — душа твоя. На вдовство же свое взирая, восклицай: *Господь мне помощник, и не убоюсь: что делает мне человек* (Пс. 117, 6).

Так настраивая себя, ты, во-первых, благоугодишь Богу, как бы добровольно принося сына в жертву, подобно Аврааму, потом и самому любезнейшему сыну доставишь величайшее благо, когда он будет видеть, что ты переносишь это с благодарностью. Этим ты и всем другим представишь пример доброго терпения во Христе Иисусе, Господе нашем, Которого молим, чтобы Он, коснувшись сердца твоего *милостию и щедротами* (Пс. 102, 4), произвел в тебе свет утешения и даровал тебе мирную жизнь, а по окончании здесь богоугодной жизни сподобил тебя свидания с сыном твоим и вечного с ним веселия.

XVII. К БРАТСТВУ ПЕЛЕКИТСКОМУ¹

Прискорбно случившееся с вами, почтенные братия и отцы. Ибо не прискорбно ли, что вы лишились своего пастыря и стали как бы осиротевшим стадом, и притом в такие дни, когда свирепые волки нападают на стадо Христово и стараются уловить души?

Впрочем, так как случившееся — от Бога, и Им взят пастырь ваш в такое время, в какое признал это полезным для всех Господь, всем управляющий премудростью Своею, то надобно благодарить, а не роптать. Он Сам дал, Сам и взял, и как *угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21).

Что же нужно делать? Обратитесь теперь к самим себе, и так как вы решили избрать пастырем господина Сергия, благочестивейшего брата нашего, — если нет какого-нибудь сомнения относительно господина Макария, духовного отца нашего, — то продолжайте под его руководством и управлением путь к спасительному благоустройству своему и к совершенному богоугодной жизни. Да поможет вам Господь избежать бури еретических дуновений и войти в пристань спасения, чтобы не хулилось через вас имя Божие, а прославлялось, как и прежде, процветающей чистотой вашей жизни.

Ты же, возлюбленный брат, не несправедливо поступил, если уже так все сложилось, сошедши с вершины скалы и приняв управление братиями. Так и Господь наш Иисус Христос, снизошедши, совершил таинство Домостроительства ко спасению вселенной. Стой же, как ты рассудил и как рассудили братия, до дня назначения священного архиерея нашего, и тогда

¹ Пелекитский монастырь в Малой Азии, близ Геллеспонта.

будет сделано, что следует, сообразно с законами и правилами. А пока не наступило желаемое время, управляй братьями и руководи их в Господе, памятуя, что тебе предстоит дать отчет о душах их и вместе получить награду за них. Ибо чем более бремя настоятельства, тем более и награда.

Только имей очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, сердце бодрственное и ищущее Бога, настроение пастырское, слово учительное, нрав благопристойный, стояние и хождение благочинное; слово твое пусть вполне соблюдается и управляется разумом. И блажен ты, совершая дело апостольское. Ибо и Господь указал на это, как на преимущественный признак любви к Нему, вручив верховному апостолу Петру жезл пастырский: *Симон,— сказал Он,— любишь ли ты Меня больше, нежели они? Паси овец Моих* (Ин. 21, 15)!

Паси же овец Господних, соблюдая их в ограде православия, питая их снедию заповедей Его и располагая их у вод упокоения волею Его. Смотри, чтобы не быть увлечену или тебе самому, или какой-нибудь из овец твоих еретическими зверями. Довольно и того, что было прежде; теперь же будем ходить осторожно и без падения, считая все второстепенным, если обстоятельства потребуют, даже и самые тела свои, а не только что иное — что-нибудь из вещей тленных, по любви к Богу, Которого мир да исполнит сердца ваши и помышления ваши и да направит путь ваш во Христе Иисусе, Господе нашем.

ХVIII. ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ К УЧЕНИКАМ СВОИМ

Так как уже наступает Святая Четыредесятница, то я признал благовременным кратко побеседовать с

вами, возлюбленные дети и почтеннейшие братья, имея заповедь от апостола *умолять, обличать, запрещать во время и не во время* (2 Тим. 4, 2). Теперь же и само время поста заключает в себе назидание, может и сурового привести в сокрушение.

Итак, братья, с охотою встречайте эти радостные дни, совершая каждый по силам своим обычное в том месте, где остановился, чтобы нам посредством спокойствия и воздержания в пище очистить сердце, окрылить душу, обуздать страсти. Ибо в этом состоит пост, в этом — спокойствие, этого требует заповедь, это — глава нашего спасения, от этого и причащение Святых Таин может быть для нас благоприятно, или лучше сказать, может послужить напутствием к вечной жизни. *Ибо, кто ест и пьет недостойно*, т. е. не чисто, насколько доступно нашей природе, *тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем*, по апостольскому изречению (1 Кор. 11, 29).

Поэтому, братья мои, нужно подвизаться и соблюдать себя чистыми от непристойной похоти, от зависти, снedaющей душу, от сребролюбия, потопляющего ум, и от нерадения, омрачающего око души, постоянно ожидая исхода из тела, чем и истребляются страсти, и укрепляется душа. Заклучайте вход для страстей, избегайте мест падения, избегайте бесед и обращения с женщинами.

Ибо может ли не возгореться, не воспламениться сердце, обмениваясь словами с девицею, с поющею или с какою-либо другой женщиной? Может ли, скажу словами Григория Богослова, спасти чужая того, кого погубила своя? И хотя бы кто казался соблюдающим себя на деле, не спасется в сердце, по изречению Господа (см. Мф. 5, 28). Пусть же гонение будет не

для гибели, а для спасения, и нет теперь такой нужды, которая заставляла бы общаться с женщиной, как некогда обстоятельства принудили славного между отцами Афанасия жить семь лет у девы или других святых принимать услуги от женщины¹. Но теперь и города, и селения располагают свободой гостеприимства, так что не нужно общаться с женщинами.

А ты, брат, очевидно, не замечаешь, что исповедание и гонение ради Христа обращаешь против Христа, часто беседуя с женщинами, может быть воспевая псалмы вместе с ними, а может быть вместе и вкушая пищу или живя в одном доме, питаюсь лицемерием живущей рядом и тем пагубно снedaясь ею?

Бегайте, как от огня, мужчины от женщин и женщины от мужчин; если же нужно будет иметь общение, то столько, сколько требует нужда и польза, избегая при этом ввести в соблазн других. *Для чего моей свободе, — говорит апостол, — быть судимой чужою совестью (1 Кор. 10, 29)? И еще: если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего (1 Кор. 8, 13).* Живите же не соблазнительно, сыны мои, и не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией, как написано (1 Кор. 10, 32), помышляя и о неизвестности смерти. Уже отошел и брат Сила, и еще прежде него авва Феосост, и брат Прокопий, и никто не останется навсегда. Блажен умеющий безукоризненно пройти здешнюю жизнь. Не забывайте молиться о нас, смиренных, чтобы нам спастись.

¹ Созомен. Церковная история. Спб. 1851. Кн. V. Гл. 6. С. 322.

ХІХ. К ДИМИТРИЮ КОНСУЛУ

При телесном отсутствии, какое другое можно найти утешение, кроме общения посредством письма? Поэтому посредством него мы, смиренные, теперь и обращаемся к любви твоей, прекраснейший из друзей, объемля тебя духом и извещая, что отсутствие не расторгло любви, но она, жаждающая усилиться, еще более возбуждается, подобно томимым жаждою, прибегающим к источникам вод. Это в доказательство любви.

А как ты проводишь жизнь во вверенной тебе императорами области, мы не ведаем, или лучше сказать, беспокоимся; ибо знаем, что к прежней твоей провинции, вопреки твоему желанию, но по повелению императора присоединена другая, и что она, находясь дальше первой, близка к варварам. От этого объемлет страх почтенную душу твою, как говорят, не желающую и не расположенную действовать мечом, идти войною или подвергаться войне.

Все это побудило и нас совершать молитвы и моления, чтобы тебе быть невредимым в той и другой власти; и мы веруем, что ты сохранишься невредимым, имея пред очами страх Божий и получаемую отсюда помощь. Ибо где Бог покровитель, там исчезает всякое зло. *Ополчится Ангел Господень, — говорится в Писании, — вокруг боящихся Его и избавит их (Пс. 33, 8).*

Таким будь и ты, возлюбленный господин наш, чрез благочестие свое и добрые дела, под защитой Ангела-Хранителя жизни твоей. Бодрствуй в молитвах, трезвись в молениях, произноси суд справедливый, являй благосклонный взор бедному, будь защитником обижаемых, соблюдая умеренность в пище и питии; ибо неумеренность есть мать зол.

Если другие забавляются и смеются, ты, господин мой, послушай Господа всех, Который говорит: *Горе вам, смеющиеся, ибо восплачете* (Лк. 6, 25). Если другие сквернословят, ты, увещаю, загради уши свои; ибо слова бывают путем к делам. Если другие наполняют дарами руки свои, ты, боголюбивый мой, довольствуйся *наградой*, скажу словами Евангелия, даваемой по древнему обычаю (Лк. 10, 7–8).

Если другие живут нечестиво, ты будь благочестив, уклоняясь, сколько возможно, от людей порочных. Ибо ты знаешь, что эта жизнь, подобно сновидению, обольщает служащих ей. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16, 26)? Этого да не будет и в мыслях твоих, почтенный, ибо ты имеешь врожденное добро и любишь служить Богу, приведшему тебя из небытия в бытие и даровавшему жизнь, движение и дыхание.

Таким образом, залог, который вверен тебе Духом Святым, веру и правую деятельность, постарайся возвратить Ему невредимым в день исхода, чтобы услышать от Него: *хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господина твоего* (Мф. 25, 23). Дай Бог тебе услышать эти слова и спастись со всем домом своим во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

XX. К ЛИКАСТУ КОНСУЛУ

Сам посланный с письмом к тебе, почтенный, известил нас о случившемся с тобою несчастии, и горе твое поистине тронуло нас. Ибо я близок к тебе и как родственник, и как старинный друг и сверстник; и невозможно истинно любящему не сострадать люби-

мому, как и наоборот — не сочувствовать в случае радости.

О, плачевная весть! Оставила нас госпожа консульша, женщина достохвальная, как мы слышали от других и сами видели своими глазами. Во-первых, она любила мужа, что апостол признает прекраснейшим качеством в супружестве (Тит. 2, 4), была благоразумна, попечительна о доме, радушна, приветлива, благочестива, нищелюбива, а что еще важнее, украшалась целомудрием и блистала православием. И ее плоды — дети служат свидетельством доброй жизни вас обоих. Подлинно, как по плодам узнается дерево, так по детям родители, какие и каковы они.

Впрочем, имев небольшое знакомство с блаженною, как я могу восхвалить качества ее? Только дважды видевшись с нею и беседовав, я убедился, что Бог даровал тебе жену поистине помощницу, не подобную древней праматери, не виновницу обольщения, но содействовавшую спасению твоему в течение всей жизни.

О, несчастье! Не стало ее, отлетела она от глаз ваших, оставила вас полумертвыми, отторгнутыми от прекрасной супруги. Уже мы не можем видеть глазами отрады, превышающей всякое удовольствие, не имеем ни утешения в скорбях, ни увещания в несчастьях, ни напоминания во всем нужном, ни помощи, ни содействия. Закатилось солнце дома. Кто будет встречать? Кто будет приветствовать? Кто будет убеждать? Мы стали, как город, лишенный своего украшения, как птица, сидящая на кровле, скажу словами Давида (Пс. 101, 8).

Что же? Печалиться ли нам чрезмерно? Предаться ли неутешной скорби? Нет, отнюдь нет, возлюбленный. Но зная, что Бог, давший ее нам сначала

в супруги, Сам и взял ее ныне, будем с благодарностью переносить случившееся, подражая приснопамятному Иову и повторяя те блаженные слова, которые он сказал по случаю утраты не жены, а десяти детей, вместе умерших, предварительно потеряв все имущество, сидя на гноище, при самом крайнем поражении тела, тогда как прежде был царем, и выскабывая черепицами гной на теле своем: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21).

Если, друг, мы сами себя так настроим и так будем говорить, то не только будем недалеко от их участи, но и блаженной устроим таким образом прекрасный надгробный памятник, и данным нам от Бога чадам представим собою пример богоугодной жизни, и все это послужит нам во благо. Ибо, если Бог, вечный Владыка всех, увидит, что мы охотно принимаем все, совершаемое Им с нами, то как Он не подаст нам благополучие в настоящей жизни, по ходатайству Своего Святого Духа, и не уготовит нам будущих благ к наслаждению в бесконечные веки? Это, хотя кратко, но с любовью к тебе я написал и высказал; ты же, господин, приветствуй от нас почтенных детей своих.

XXI. К ЕВФРОСИНИИ ИГУМЕНИИ

Настоящее смиренное письмо наше служит свидетельством того, что мы печемся о тебе, почтенная. Ибо нечестиво было бы не исполнять обещания, которое мы дали блаженной и святой матери твоей: заботиться о твоём преподобии через словесные наставления, сколько возможно, будем ли мы далеко или близко. Притом, хотя бы мы и не имели этой причины, одна внимательность и услужливость к нам, уни-

чиженным, от тебя самой побудила бы нас оказывать попечение посредством писем.

Итак, здравствуй, почтеннейшая моя, и руководи паству, которую вверила тебе святая мать, или лучше сказать, Бог через нее, богоугодно и ревностно. Знай, что настоятельная должность есть величайшее дело. Наблюдай за подвластными тебе душами, ибо это — собрание невест Царя Небесного, единого прекрасного и нетленного Жениха Христа, Который не одну невесту вверил тебе в день уневещения, союзом Духа Святого, но столько, сколько ты имеешь, будучи сама первой невестой.

Ибо Иисус принимает в невесты Свои и приходящих из мирской жизни, подобно тебе, ибо имеет много и бесконечно много невест и желает соединить с Собою все души мужей и жен, чтобы наполнить вышний чертог. В нем многие обители, как бы некоторые брачные чертоги, приготовлены Отцом для душ, которые удостоятся их чистой жизнью и искренней верой. И, когда наступит время откровения Жениха, придут они вслед за Ним и вступят в этот чертог, и будут наслаждаться бесконечной радостью во веки веков.

Вот объяснение служения твоего, которое ты получила от Господа, служения великого и вознаграждаемого многими небесными наградами. За то, что ты не только себя, но и многих невест приведешь к бессмертному Жениху, какое и сколь великое ожидает тебя воздаяние! Он поставит тебя между высшими невестами, между избранными отроковицами; даст тебе ожерелья — вечные дары Духа, светлые одежды, сияющие бессмертием; увенчает тебя венцом правды; ты будешь ликовать нескончаемым ликованием, подобно Ангелам, с нетленной радостью.

Смотри же, госпожа, внемли самой себе и невест Христовых соблюдай тщательно: питай их чистым хлебом православия, напай струями добродетелей, чтобы они были тучными и прекрасными на вид, — говорю о красоте душевной, — чего и желает, как обещал святой Давид, Христос Бог наш. Ибо он говорит: *слушай, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего! И возжелает Царь красоты твоей, ибо Он — Господь твой, и поклонись Ему* (Пс. 44, 11–12). Видишь ли, что когда вы забыли, т. е. расстались с родителями, братьями, родными, друзьями и всем в жизни, то Царь возжелал доброты души вашей для уневеждения Себе? А слова: *Он Господь твой и ты поклонись Ему*, исполнятся над вами в день явления Его.

О, как мудро поступили вы, забыв все! О, какого вы получили Жениха! *Восплещите руками, воскликните Богу гласом радости* (Пс. 46, 2), ибо выше всех царств земных вы возвысились, выше всех красот земных вы украсились. Уважают вас и Ангелы, весьма почитают вас и Архангелы; вы стали вышними царицами на небесах, выше всех матерей и дочерей, происходящих от плоти.

Итак, радуйтесь и сорадуйтесь друг другу, благодушно перенося труды подвижничества, за которыми следует вступление в брачный чертог, зная, что *всякая плоть — трава, и вся красота ее — как цвет полевой* (Ис. 40, 6). Ибо все желания настоящего века происходят от тления и оканчиваются тлением; только ваша любовь и желание беспредельны и нетленны. Подождите немного, потерпите, точно и послушно подчиняясь госпоже первой невесте, повелевающей вам то, посредством чего приобретается и сохраняется любовь Жениха Христа. А ты, госпожа,

как представляющая Жениха и полагающая душу свою, кроме прочего, и для соблюдения не только души, но и тела этих отроковиц, исполняя сказанное апостолом: *из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши* (1 Фес. 2, 8), во Христе Иисусе Господе нашем. Его молитесь о спасении и нашей смиренной души, чтобы нам самим помнить то, что внушаем другим, и всем нам избавиться от лукавого.

XXII. К СЕВЕРИАНУ, ДУХОВНОМУ СЫНУ

Насколько обрадовало нас малое письмо твое, сын мой, настолько опечалили твои слова. Разве ты никогда не говорил об изложенных в нем предметах и от нас не слышал надлежащего? Зачем же ты теперь вздумал завести речь, по-видимому, опровергая другое лицо, а на самом деле, противясь истине?

Между тем ты не должен и учить, не говорю — потому, что ты находишься в числе подвластных, прими это великодушно, — но и потому, что уличенные в общении с ересью, из которых один и ты, не смеют отверзать уста, а должны оставаться в надлежащем безмолвии и испрашивать прощения в течение всей жизни. К тому же, у тебя нет и такого познания догматической науки, чтобы уметь говорить с точностью, ведь ты не изучал ни грамматику, ни философию. Но и сведущие в этом преподают о Боге не какое-либо собственное учение, но следуя богоносным Отцам.

Почему же, спрашиваю, тебе вздумалось сказать: «разве не относительно поклоняются иконе Христовой?» Знаешь ли ты, что такое отношение? Отношение бывает между относительными предметами; относительные же предметы — первообраз и изображение

его, например, Христос и икона Его; ибо одно содержится в другом, и нераздельны они ни по державе, ни по славе.

Вот этого ты, несведущий, не знаешь, и прилично теперь сказать следующее: видел я странность под солнцем — мужа, казавшегося мудрым самому себе и, что еще хуже, пытающегося учить других.

Какое еще второе твое предложение? «Христос богочитается в иконе Своей; поэтому и икона должна быть богочитаема». Откуда или от кого узнав, ты учишь этому? Из святых никто не мог сказать этого, но говорили они, что Христу поклоняются в иконе Его и икона достойна поклонения, т. е. почтения или уважения, — то и другое имеет один смысл. И это справедливо, потому что богочитание, равно как и вера, относится к одной только Святой Троице, а поклонение к другим: Матери Божией, Святому Кресту, святым, достопоклоняемой иконе Христовой и всем прочим иконам святых, и притом настолько, насколько первообразы превосходнее своих изображений. Поэтому, если в иконе богочитается Христос, как говоришь ты, то, так как богочитание относится к Троице, в иконе воздается богочитание и Отцу, и Духу. И что следует отсюда? То, что и Отец, и Дух воплотились, а может ли быть что-нибудь нечестивее этого?

Если ты говоришь, что «должна быть богочитаема и икона Христова», — то следует, что ты оказываешься ничем иным, как Тетрадитом, богочитающим, вместе с Троицею, и икону Христову¹.

¹ Тетрадитами назывались в IV и V вв. еретики, признававшие, кроме трех Лиц Божества, еще как бы четвертым Божеством — одни божественную сущность, другие — душу Христову и т. п.

Между тем, кто поклоняется Троице, а потом и иконе, тот не впадает в такую нелепость. Ибо сказано, что честь и поклонение воздаются даже и простому человеку, но не вера и богочитание. Как мы веруем только в Отца и Сына и Святого Духа, так и богочитаем их.

Выслушав это, воздержись, брат, увещаваю тебя, от пустословия и цикалийской или кентукладийской ереси, которая совершенно противоположна иконоборческой. Если же, — чего да не будет! — ты останешься при своем, то знай, что ты не имеешь части с нами, или лучше сказать, ни с одним православным.

С трудом продиктовал я это письмо к тебе.

XXIII. К ФЕОДОРУ МОНАХУ

С удовольствием, а не с огорчением, принял я укоризны твои, почтеннейший. Ибо я не столь неразумен, чтобы сердиться на дружеские замечания. Если же я огорчился, то не напоминанием, а ересью каждого, которою рассекается тело Христово, разделяясь множеством мнений. Начну с начала, ибо мне, обвиняемому, нужно оправдаться.

Назначая епитимии по принуждению с самого первого дня, и притом из заключения под стражею посредством писем, — ибо посредством писем же просили об этом монахи и священники, — я давал ответ не в виде определения, а в виде совета от меня относительно епитимии. Почему? Потому, что я не иерарх, но священник, делающий внушения своим ученикам, другим же, как сказано, предлагающий свое мнение до времени мира, с тем, чтобы тогда принять то, что будет определено Святейшим Патриархом, с утверждения святого Собора, к увеличению

епитимии или к уменьшению. И, думаю, я поступал не несправедливо, простирая человеколюбиво руку помощи падшим, впрочем, не присваивая себе власти, что было бы нелепо.

Какие же епитимии? Различные по различным грехам, о чем в письме подробно говорить нет возможности. Кратко сказать: священник или даже диакон, уличенный или в подписи, или в общении с еретиками, должен быть совершенно отлучен от священства, равно как и от причащения, а по исполнении епитимии может причащаться Святых Таин, но отнюдь не священнодействовать, до святого Собора; благословлять же или молиться может как обыкновенный монах, а не как священник, и притом по исполнении епитимии; в церкви, занимаемые еретиками, не входить и, если храм поступит во владение православного после совершения там еретических возношений, не священнодействовать в нем православному без разрешения православного епископа.

Когда же мы, по благоволению Божию, избавились от заключения под стражею и соединились со Святейшим Патриархом и святыми епископами, и потом дали отчет преподобным игуменам, то никто не выразил порицания относительно чего-либо, кроме только одного, который осуждал нас относительно благословения. На это мы отвечали: если достойно осуждения, что гора поражена от самой вершины (см. Дан. 2, 34), то и мы замолчим.

Осуждающие пусть осуждают не нас, а господ епископов, которым мы, уничиженные и подвластные, следуем; ими быв вынуждены, мы и доселе назначали епитимии сказанным порядком и назначаем, когда случится. Пусть же смотрят любители обвинений, чтобы им, отцеживая комара, в забывчивости не

поглотить верблюда и, нащупывая соломинку, не пропустить, что носят бревно (см. Мф. 7, 3; 23, 24).

Таким образом, мы, богопочтенный брат, как бы пред свидетелем Богом, руководились состраданием и братолюбием, а не пристрастием или каким-либо другим человеческим побуждением. *Смущающий вас*, — говорит апостол, — *кто бы он ни был, понесет на себе осуждение* (Гал. 5, 10).

XXIV. К ЛАВРЕНТИУ СЫНУ

Дошло до нашего слуха, сын Лаврентий, что по действию лукавого беса совершилось горестное событие в Антисархенском селении; и вздохнули мы тяжело об этом, как по общему закону человеческой любви, так и потому, что удавившийся был родственником брата, протопресвитера Афанасия, по внушению которого и пишу я.

О, страшное зрелище! Человек, бывший в чести, стоявший выше местных жителей, имевший все нужное для жизни, муж разумный, постоянно пребывавший в молитвах и молениях и в прочих отношениях отличавшийся благочестивым образом жизни, без всякого несчастного случая, от чего часто происходит некоторое уклонение от долга, при безмятежном течении дел, совершил такое зло, удавившись. О, скажу опять, плачевная весть!

Это — козни диавола. *Он человекоубийца от начала*, как сказал Господь (Ин. 8, 44). Он сначала Ахитофела, а потом Иуду склонил удавиться; он и доселе не перестает делать то же с повинующимися ему. Я думаю, что он уловляет человека двумя способами, как мы узнали по опыту: или неутешною сердечною скорбью, или безрассудным стремлением, омрачая его и извращая.

Как при убийстве или прелюбодеянии и подобных преступлениях он представляет тьму светом и горькое сладким, — ибо иначе, если бы он не внушал таких мыслей, не мог бы уловить нас, — так и при удавлении он представляет смерть приятною, омрачает ум и совершает удавление. Увы, каков этот дракон и сколь многими кознями он везде умерщвляет людей, одного так, другого иначе, и никто не может избежать сетей его без помощи Божией, которая подается верно живущему *со страхом и трепетом* по заповеди Его (Флп. 2, 12)! Но возвратимся к предмету.

Ты объяснил, что все жители селения отвращаются от дома его, т. е. от жены и детей, так что не хотят и касаться, и иметь общение, и даже давать хлеба займы. Если родственники удавившегося считают удавление делом хорошим и самим себе желают одинаковой с ним кончины, то от них справедливо удаляются, хотя и в этом случае не следовало бы делать это сразу. Ибо сначала надобно учить, просвещать, убеждать, чтобы они избегали погибели: это свойственно христианам, это свойственно братолюбивым.

Так и Господь, зная, что намеревался сделать Иуда, старался отклонить его от этого многими знаками Своего благоволения и побуждающими к исправлению предсказаниями, возвещая ему *горе* и говоря: *лучше было бы этому человеку не родиться* (Мф. 26, 24), хотя и не уразумел несчастный.

Если же они, как говоришь ты, оплакивают эту Иудину кончину и не желают такой участи никакому христианину, и, находясь вне себя от невыносимой скорби, ищут утешения, то такое отношение жителей, о котором ты рассказываешь, означает то, что жите-

ли противятся Христу и отверзают диаволу дверь для погубления достойных утешения. Горе поступающим так, ибо они — сотрудники диавола. Поэтому хорошо сделал господин Макарий, духовный отец, что утешил тех людей; хорошо сделал он, что и принимал пищу в том доме; и никто из христиан пусть не сомневается делать то же.

Но так как речь идет об епитимии, не потому, чтобы они были виновны, — *ибо каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление*, как сказано в Писании, *и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов*, и обратно (Втор. 24, 16), — но для утешения; то пусть они в течение одной сорокадневницы воздержатся от вкушения мяса, равно как и от причащения Святых Таин. В церковь же на молитву пусть ходят, оставаясь там до удаления оглашенных, и принадлежащую несчастному часть пусть отдадут бедным.

Ибо совершать приношение и Литургию за него отнюдь не должно, а милостыня пусть будет, ибо она приносит пользу и неверному, как говорит Златоуст; притом и по удавлении Иуды сребренники были отданы на погребение странников. Пусть поставят и животворящий Крест на том месте, где он удавился; ибо самый этот Крест был поставлен на лобном месте, потому что там находился череп умершего Адама, отчего оно и получило свое название.

Вот, что мы можем сказать на основании Писаний, увещевая потерпевших это прекратить многую скорбь и с благодарностью и добрыми делами служить благому Богу, а жителей селения убеждая, чтобы они, оставив дурное расположение, по-прежнему имели общение с тем домом, во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

XXV. К НИКИТЕ ИГУМЕНУ

Не безвременно, я думаю, будет настоящее письмо к отеческой твоей святости, не только потому, что им исполняется долг любви, но и потому, что оно открывает некоторую скорбь, скрывающуюся в смиренной душе нашей. Если угодно, внемли словам моим.

По возвращении после свидания в Акрите с вами, святыми отцами, я встретился с братом нашим Афанасием и рассказал ему подробно обо всем, о чем мы рассуждали о Господе, прибавив, что и Мидикийский игумен одобряет Максимиана за прекрасное его обращение, т. е. за оправдание и исповедание. Он же не согласился с этим и на мой вопрос представил следующую причину своего несогласия: в оправдании, которое написал Максимин и которое сам Афанасий читал, Максимин говорит, что он причащался, но не имел общения, и что это есть экономия, не заключающая отступления от истины, хотя и не с точным ее соблюдением.

Что это, почтеннейший отец? Не исповедует ли он, кратко сказать, следующего: «Из сожаления к старости я погубил душу свою, приняв участие в отвержении иконы Христа, Богородицы и всех святых,— ибо такова иконоборческая ересь,— и соединившись в этом с нечестивыми; затем до конца я оставался в своем монастыре, не подвергаясь гонению, тогда как наша Церковь потрясалась?» Не так ли он исповедует и сетует? Но все эти слова — вздор, равно как и то, как говорил рассказывавший, когда он приводит в свое оправдание некоего Диания из отцов, который сделал то же и которого будто бы одобрил святой Василий, также и отца Григория Богослова.

О, как справедливо негодование священного архиерея нашего и всего сонма исповедников! Если это не есть общение и отступление, то какая польза от их трудов и подвигов, кровопролитий и страданий? Для чего и сам извергнут? Для чего оставляет монастырь? Для чего отлучается от священнодействия? О, скажу опять, божественное негодование! *Содержа истину в неправде* (Рим. 1, 18), он думает, что и отцы одинаково с ним поступали.

Обратим же внимание на эти неразумные слова. «Я причащался, но не имел общения», — говорит он. А знаменитейший из богословов в одном месте говорит: «я был причастником образа, и не сохранил его. Он делается причастником моей немощи, чтобы и образ спасти, и плоти даровать бессмертие; таким образом Он вступает во второе общение, гораздо превосходнейшее первого»¹. Вот объясняется, что причащаться значит иметь общение.

Причастие и общение — одно и то же; первое получило свое название от выражения: иметь что-нибудь вместе, а второе от того, что имеющие что-нибудь вместе поступают сообща. И святой апостол говорит: *Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба* (1 Кор. 10, 16—17).

Вот и здесь свет мира (Мф. 5, 14) показывает, что причастие есть общение; и никто из здравомыслящих не скажет, что причастие не есть общение. Как Божественный Хлеб, которого причащаются право-

¹ Ср. творения Григория Богослова. М. 1889. Т. III. С. 229.

славные, делает всех причащающихся одним телом, так точно и еретический хлеб, приводя причащающихся его в общение друг с другом, делает их одним телом, противным Христу; и пустословящий напрасно пустословит.

Если же он скажет, что, когда он причащался, ум его не был расположен к этому действию, то это еще более предосудительно: ибо, хотя он сознавал, что поступает недостойно, однако с сознанием грешил, не страшась Бога, Который *может и душу, и тело ввергнуть* на погибель в *геенну* (Мф. 10, 28), но боясь временно истязующего тело.

К чему неразумные оправдания? Как может он считать своими защитниками святых, которые говорят против него? Ибо, по их мнению, одно только подтверждение или отрицание в деле исповедания или отречения есть уже полное действие; и лицемерия даже только в прикосновении к жертве, не только идольской, но и частным образом закланной, они не допускали, чему есть бесчисленное множество примеров.

Не то же ли было и в предшествовавшее гонение? Священный Патриарх взят, изгнан, заключен в потаенное место; на престоле его христорец; собор нечестивых; проклятие святого Никейского Собора; возобновление борьбы против Христа; ссылки святых епископов и игуменов, монахов и монахинь; пролитие крови, безвременные смерти, заключение в темницах, умерщвление голодом, разграбления; а что еще страшнее видеть и слышать, — оскорбление и поправание досточтимой иконы Христа, Богородицы, всех святых, разрушение храмов и жертвенников, осквернение и сожжение святынь.

При таких обстоятельствах, всякий причащающийся или участвующий в ядовитом хлебе не есть ли

отступник от Христа, отверженный, нечестивый, если он не обратится назад через покаяние? Такова истина; за нее мученики были убиваемы и терпели все, не отступая от нее. *Тем, которые поступают по сему правилу, —* говорит апостол, *— мир им и милость, и Израилю Божию* (Гал. 6, 16).

Сообщаемое же о Диании и об отце Григория Богослова и другое что-либо подобное, выдуманное и написанное еретиками в искаженном виде, было обманом для обольщения простых, и не по какому-нибудь страху — нет! — подписывались святые. Поэтому у них тотчас же, как они узнавали обман, являлось негодование и смелое оправдание.

Это, святой отец, если возможно, передай тому человеку, чтобы он, узнав истину, отвергнул неправедную подпись и присоединился к благочестивым, так как он и стар, и подлежит епитимии, и для этого оставил знаменитый монастырь. Если же нет, то молись о нас, чтобы нам не иметь никакого общения в этом отношении с таким человеком, доколе он не раскается.

XXVI. К ФЕОФИЛУ, ЕПИСКОПУ ЕФЕССКОМУ

Взяв в руки письмо, которое прислала священная высота твоя брату нашему Афанасию, и прочитав его, я опечалился великою печалью, почтеннейший отец мой, во-первых, потому, что между нами самими, прямо выступавшими за истину против неистовствующей теперь ереси иконоборцев, происходят несогласия и возникают разделения; во-вторых, потому, что я, нижайший, вынужден сделать возражение. Да простит величие твое; но речь идет об истине, важнее и достопочтеннее которой нет ничего.

Что же прискорбное содержится в письме? «Мы,— говоришь ты,— не советовали ни убивать манихеев, ни не убивать; но если бы и позволили, то сделали бы дело, величайшее из прекрасных».

Что говоришь ты, богопочтенный? Господь запрети́л это в Евангелии, сказав: *нет,— чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы* (Мф. 13, 29). Ты же называешь величайшим из прекрасных дел позволение исторгать их.

А то, что плевелами Он назвал именно еретиков, как тогдашних, так и последующих, т. е. всех, об этом послушаем Златоуста, который, изъясняя те же самые слова, говорит так: «Что Господь запрещает, говоря: *чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы*? Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства; и еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной».

И далее: «Что разумел Господь, сказав: *чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы*, как не то, что если вы приметесь за оружие и станете убивать еретиков, то неминуемо будут истреблены вместе с ними и многие из святых?»¹ Это и случилось в наши времена; ибо кровопролития и убийства наполнили нашу страну, и многие из святых преданы смерти; слово Господне оказалось нетщетным, как засвидетельствовали многие.

И для чего мы говорим, что не позволительно убивать еретиков? Нам не позволительно даже и желать им зла. Послушаем опять Господа, Который, по

¹ Беседа 46 на Евангелие от Матфея. Творения святого Иоанна Златоуста. Спб. 1901. Т. VII. С. 482.

словам премудрого Дионисия, сказал святому Карпу: «Наноси Мне удары, Я готов опять страдать за спасение людей; для Меня это вождено, только бы другие люди не грешили; впрочем, смотри, хорошо ли будет для тебя — пребывание с Богом и добрыми и человеколюбивыми Ангелами променять на жизнь в пропасти со змиями»¹.

Видишь, богомудрый, гнев Божий на святого за то, что он молил о еретиках, чтобы они лишены были жизни; и если бы святой остался при таком расположении, то был бы осужден. Таким образом, отнюдь не должно желать зла врагам, как показала истина; а, напротив, нужно молиться о них, как показал Сам Господь во время страдания, сказав к Отцу Своему: *Отче! прости им грех: ибо не знают, что делают* (Лк. 23, 34).

Что же касается того, будто, как говорит святость твоя, с твоим мнением согласны некоторые святые, то прости, отец, мы не хорошо понимаем слова святых и потому оказываемся вносящими новое вопреки отцам, или лучше сказать, вопреки Богу. Так божественный Кирилл, в речи против Юлиана, выразился согласно с древним законом, не смешивая Ветхого Завета с Новым; — да не будет. Ибо он не мог не знать, что сказанное в законе сказано тем, кто жил под законом (см. Рим. гл. 4); равно не мог не знать он и сравнения, сделанного Спасителем в следующих словах: *сказано древним то-то; а Я говорю вам то-то* (Мф. 5, 21—22). Поэтому мы, как говорит божественный Дионисий к некоему Демофилу, не примем твоих слишком ревностных

¹ Дионисий Ареопагит к Демофилу. Гл 6. Четии-Миней 26 мая и 3 октября.

стремлений, хотя бы тысячу раз ты ссылался на Финееса и Илию.

То же услышав, Иисус не одобрил учеников, чуждых кроткого и благого духа (Лк. 9, 54–56). Ибо наш Божественный Священноначальник с кротостью поучает противящихся учению Божию. Надобно учить неведущих, а не наказывать. Будем же, блаженный, внимать тому, что сказал и святой Павел, солнце вселенной (см. 2 Тим. 2, 25). Также и Игнатий Богоносец говорит: «Ненавидящих Бога надобно ненавидеть и на врагов Его негодовать (ср. Пс. 78, 6), но не преследовать или бить их нам, подобно язычникам, не знающим Бога». Если же не должно бить, то едва ли должно убивать их.

Так как ты, Владыка, полагаешь, что и святой Симеон, живший на дивной горе, согласен с тобою, то не думай этого. Ибо святой не мог противиться Христу или учителям, высшим его. Но что же тогда? Он говорил увещание к тогдашнему императору о язычниках, мучивших христианский народ, стараясь о том, чтобы христиане не были угнетаемы самарянами. Это и хорошо. К тому же самому и мы ныне увещеваем, когда говорим, чтобы императоры не щадили, но воевали против скифов и арабов, убивающих народ Божий. Но это иное дело, а то иное; это относится к неприятелям, а то к подвластным еретикам.

Сообщаемое об Иоанне Постнике, предстоятеле Константинопольском¹, будто он повелел посадить на кол волшебников, мне не кажется истинным, но, может быть, он допустил это. Ибо и они убийцы, с которыми начальникам не запрещено поступать по рим-

¹ Преп. Симеон Столпник, Дивногорец, и св. Иоанн Постник, архиепископ Цареградский, жили в конце VI в.

ским законам; *ибо они не напрасно*, — говорит апостол, — *носят меч*, но суть отмстители *делающему злое* (Рим. 13, 4); но это непозволительно в отношении к тем, о которых Господь изрек запрещение. Начальствующие над телами имеют право наказывать виновных в преступлениях, касающихся тела, а не виновных в делах душевных; ибо право наказывать последних принадлежит управляющим душами, и наказания здесь суть отлучения и прочие епитимии.

Так, Владыка, думаем мы, уничиженные; и, скажем по неразумию, даже Блаженнейшему Патриарху нашему мы дерзновенно сказали, что Церковь не мстит мечом, и он согласился с этим. Императорам же, совершавшим убийство, мы сказали, первому: «Не угодно Богу такое убийство», а второму, требовавшему одобрения на убийство: «Прежде пусть снимут мою голову, нежели я соглашусь на это». Таков ответ от нас, грешных. Вы же, святейшие, если читали другое Евангелие, которого мы не знаем, то хорошо; а если нет, то вздумайтесь в то, что объявил апостол.

XXVII. К БРАТСТВУ, НАХОДЯЩЕМУСЯ ПРИ ПАТРИКИИ СЫНЕ

Братия и отцы! Получив приглашение от отца вашего, как отец его и ваш через него, сказать вам полезное к спасению, я, смиренный, убедился, что это справедливо, и начинаю речь так: наше спасение, возлюбленные дети, состоит в том, чтобы правильно веровать в Святую Троицу и совершать дела, засвидетельствованные святыми заповедями Божиими. *Ибо во Христе Иисусе*, как говорит апостол, *не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью* (Гал. 5, 6). Понятие о вере

относится к учению о православии, а понятие о любви — к учению о добром делании.

Итак, мы веруем в Отца и Сына и Святого Духа, Которые суть три Лица, одно естество, одна сила, одно начальное царство над всем, поклоняемые в одном как естестве, так и воле и действии, державе и славе. Веруем, что одно Лицо Святой Троицы, Сын и Слово Бога и Отца, по высочайшей благодати, уничижив Себя Самого, принял образ раба и явился в нашем подобии. Это и значит то, о чем говорит св. Богослов: *И Слово стало плотью* (Ин. 1, 14); и о чем говорит великий апостол: *Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16). Он, Один и Тот же в двух естествах, есть совершенный Бог и совершенный Человек, и в том, и в другом совершенстве не имеет недостатка ни в каком свойстве, но имеет все отеческое по божеству и все материнское по человечеству, как Сын истинный.

Как по Отцу Он неопишем, так по Матери опишем, т. е. может быть изображаем на иконе, подобно Матери. Поэтому иконоборцы, которые отрицают этот догмат, не исповедуя Его описуемым, несомненно оказываются не исповедующими Его истинным сыном Матери. Ибо как рожденное будет родным, а не совершенно чуждым, если оно не будет подобно родившей во всех физических свойствах. Как по описуемости Он не имеет никакого общения с Отцом, но с Матерью, так по неопишемости, наоборот, у Него общение с Родителем, а не с Родительницей.

Таково правое учение истины, такова вера апостольская: исповедывать описуемым Христа во плоти. Так и Василий Великий говорит: «Да будет изображен на картине и подвигоположник в бранях Христос». Начертанную икону надобно почитать, так как на ней почитается поклонением Христос. Золотой

Златоуст восклицает, что он видел Ангела на иконе. Если же бестелесное существо изображается на иконе, то не тем ли более воплотившееся Слово? Если он взирал, то, конечно, и поклонялся Ангелу на иконе, равно как и Христу. Ибо удостоиться видеть на иконе и поклоняться — одно и то же, так как «чествование образа восходит к первообразу», как говорит опять Василий Великий.

Поэтому Христа отрицают те, кто оскорбляют икону Его, и отвергая ее, отвергают Его, хотя они и говорят, что исповедуют Христа; ибо и бесы исповедуют Бога, как говорит Писание (см. Иак. 2, 19), но делами отрицаются. Итак, братия, велико нечестие их, и велико исповедание наше, нисколько не ниже исповедания древних мучеников.

Стойте же сильно, мужественно, отнюдь не сомневаясь в том, истинность чего достоверно известна, но принимая на себя подвиги за эту веру до крови, если обстоятельства потребуют этого. Отсюда происходит и светлая жизнь, как солнце от солнца, ибо одно свидетельствует о другом, как объяснил брат Господень (см. Иак. 2, 18).

Любите Бога всеми тремя способностями — сердцем, душою и разумением — как повелевает заповедь (см. Мф. 22, 37). Любите и самих себя, как членов Христовых; ибо *по тому*, — говорит Господь, — *узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35).

Имейте доверие к игумену вашему; никто пусть не будет скрытен пред ним, ибо такой питает в себе змия. Никто пусть не будет теплохладным в вере, ибо такой не причастен кипения Святого Духа. Никто пусть не приобретает имущества тайно, ибо такой подобен вору Иуде. Никто пусть не будет упорен в своих мнениях,

ибо такой и не монах. Никто пусть не будет дерзок на словах, ибо такой бывает виновником гибели. Никто пусть не вкушает пищи тайно, ибо такой подобен рабу.

Каждый пусть ни в чем не полагает претекания, чтобы не было порицаемо служение, как взывает апостол, но во всем будем являть себя, как служители Божию, в великом терпении, в нуждах, в тесных обстоятельствах, и в прочем, что перечислил он, изображая истинного христианина (2 Кор. 6, 3—4). Если же таков должен быть подчиненный, то что и сколько требуется от игумена, который должен быть добрым примером для тех, кого он учит?

Велик подвиг, но беспредельна и награда, царство небесное, которого да сподобимся мы, и начальствующие, и подчиненные, живя свято во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, вместе с Отцем и Святым Духом, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

XXVIII. К АНТОНИЮ, ЕПИСКОПУ ДИРРАХИЙСКОМУ¹

Получив, хотя и поздно, давно написанное почтенное письмо святейшего отца нашего, мы, смиренные, весьма обрадовались, ибо ничто так не скрепляет любовь и не сохраняет ее неизменной, как взаимное общение.

Но для чего, Владыка, ты так превознес похвалами многомудрых уст своих нас, не имеющих в себе ничего доброго? Или причину тому любовь, закрыва-

¹ Диррахий — город в Иллирии, на побережье Адриатического моря.

ющая истинное и приписывающая любимым не существующее, как существующее? Разве только то мы имеем, если не обманываемся, что уважаем и любим братьев и отцов таких, каков ты, располагающий добротой своих благих нравов к любви и самого дикого нравом. Это сказано от обоих нас священной главе твоей в кратких словах, в ответ на пространное и любвеобильное письмо.

В оправдание же по обвинению относительно брата Ераста скажем следующее. Мы, святейший, хотя в других отношениях ничтожны, но не так невежественны или невнимательны к Божественным заповедям, чтобы повелеть ученику нашему, не имеющему священства, осмелиться совершать действия священства и поэтому крестить младенцев, ибо в этом состоит обвинение.

Но в настоящие дни, когда ересь вводит народ в заблуждение, и особенно во время предшествовавших насилий, когда человеку осторожному невозможно было даже показаться из потаенного убежища, этого требовала необходимость. И я, по своему малому разумению, не могу осуждать ни этого монаха, ни кого-либо другого. Ибо необходимо быть перемене и закона (Евр. 7, 12).

Притом мы видим, что и в древние времена то же бывало; один возливанием песка в пустыне, по случаю угрожавшей смерти, крестил и крестился, другой иначе; должно быть не безызвестно совершенству твоему и повествуемое о святом Афанасии. Равным образом и детское действие, замеченное Блаженнейшим Александром, признано было за богосовершенное; и совершивший его принят за священника, а тот, над кем совершено, за возрожденного, хотя тогда не было никакой нужды.

И Шестой Собор в Божественных правилах позволяет, когда нет священника, по нужде и мирянину преподавать самому себе Святые Тайны, что однако не дозволяется без нужды¹.

Поэтому, если дело так было, то прости, почтеннейший, мы не осмеливаемся сказать что-нибудь или назначить епитимию вопреки тому, что боговдохновенно было высказано отцами. А что брат действительно так поступил, об этом показывают, и притом с великим сокрушением, во-первых, сам принудивший его, муж из числа весьма благочестивых и благоразумных, знатный Фома консул и халтуларий; затем Иаков, монах благочестивейший и непричастный ереси; также и Евфимий, другой монах, почтенный и потерпевший гонение. *При словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится всякое дело*, — говорится в Писании (Втор. 19, 15).

Ты же, Владыка, говоришь, что дело не так было, ты, имеющий преимущество пред всеми. Что же делать мне, находясь среди таких свидетелей? Если он, как ты говоришь, при наличии священников, по властолюбию присвоив себе священство, поступил так, то не будет он возведен нами никогда в звание священства, кроме других епитимий; этого требует справедливость.

Если же дело было так, как рассказывают свидетели и сам принужденный, и если угрожали две опасности: или младенец мог умереть непосвященным, что уже случилось прежде, когда он не повиновался, с двумя младенцами, или соблюдающим благочестие родителям пришлось бы обратиться к еретикам, то я, грешный, не осмеливаюсь ничего постановить, пока

¹ Трульского собора правило 58.

блаженнейший священноначальник наш, рассмотрев дело, не произнесет суд.

Не сожалею о моем смирении, любезнейший из отцов, но лучше молись, чтобы нам не братья за превышающее нашу меру и исправить греховную жизнь. Относительно других проступков нашего брата, о которых твое благочестие сообщило и объяснило нам, мы думаем, что он нимало не поступал незаконно, а наоборот, даже достойно похвалы. Услышав о прелюбодеях, он не убоился сказать тем, которые могли прекратить это нечестие, увидев, что жена сановника хотела удавиться, сделал надлежащее. Это считал он своим долгом, а не что-нибудь иное, и многих славных похвал от вышеупомянутых мужей, как я сам слышал, удостоился брат Ераст.

Итак, святой муж, не за то, что он произвел разделение в тамошних местах, но по причине соблазнов, ведущих к неустройству, я запретил брату опять совершать песнопения, чтобы таким образом и обвиняемый оправдался, и любители обвинений и клевет успокоились. Выслушав это, не откажи, блаженнейший отец наш, в благоугодных молитвах твоих о нас и в прощении брату.

XXIX. К ИОАННУ СПАФАРИЮ

Благая весть о спасении благословенного господина и духовного брата моего, дошедшая еще прежде письма, обрадовала смиренные сердца наши; а когда и оно было прочитано, то совершенно утешило и возвеселило не одних нас, грешных, но и ангельские силы; ибо на небесах более радости бывает об одном человеке кающемся, по священному изречению (Лк. 15, 7). Благословен Бог, Который не попустил

тебе, почтенный, до конца быть увлеченным злой ересью христорборцев, но посредством доброй и блаженной дочери обратил к свету истины.

О, чудо и с родившим, и с рожденною! О, искренняя любовь обоих: одной — заботившейся до самого последнего вздоха о спасении отца, а другого — богоприлично приклонившего слух и доставившего просившей доброе напутствие во гроб, обращение в православие! Она отошла, имея вместе с своими добрыми делами принести Богу приятный дар, отеческое спасение; а он дождался от священной дочери благочестивого украшения и поистине радостного для всех православных. *Почему ты знаешь, жена, — говорит апостол, — не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены (1 Кор. 7, 16)?* Нам же нужно несколько изменить это так: дочь спасла отца. Блаженна она, преподобная; блажен и ты, возлюбленный. Я убежден, что вместе с собою и весь дом, а может быть, и род ты приведешь православным к Владыке Христу, чтобы многие воссылали благодарность о вас за вашу благодать.

Таково божественное приношение и прекрасное исповедание твое, которое ты исповедал в письме пред Богом и людьми. Истинная вера христиан такова: по учению о Боге веровать в Отца и Сына и Святого Духа, во имя Которых совершается и крещение, в Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого, в Одного Бога, а не в трех, нет. Ибо одно божество, не разделяемое по трем Ипостасям, но все в Каждом Лице нераздельно созерцаемое; хотя это и непостижимо — называть Каждого Богом и в то же время сводить исповедание к Одному Богу; по учению же о домостроительстве опять веровать, что Слово стало плотью (Ин. 1, 14), т. е. Один из Святой Троицы

родился от Пречистой Девы Марии, оставшись Тем же, Чем был, Богом неизменяемым и совечным Отцу, но приняв наше естество чрез рождение от Девы во Святом Духе.

Он есть всецелый Бог и всецелый Человек, нося в себе вполне все свойства обоих естеств, из которых Он состоит, то есть божеского и человеческого, в одной Ипостаси. Он описуем и неописуем, одно по божеству, а другое по человечеству: ибо таковы их свойства: по неопикуемости Он — Один из Святой Троицы, а по описуемости — один из нас. Поэтому веруем, что Он стал посредником между Богом и людьми, как соединивший в себе крайности и чрез Себя сделавший нас причастниками Божественного естества и сынами Божиими, хотя это и удивительно, и выше всякого разумения и слова.

Итак, кто говорит, что Он неопикуем по плоти подобно нам, тот отвергает, благословенный брат мой, что Бог явился во плоти, противоречит Евангелию Христову и подобен иудеям. Ибо как останется истинным то, что Он сделался по всему подобным нам, если Он не может изображаться на иконе подобно нам? Что будет с изречением: *осязите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня (Лк. 24, 39)?* Для чего и это сказано: *ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога (Ин. 8, 40)?*

Итак, Тот, Кто неопикуем, конечно, не подобен нам, не может быть ни осязаем, ни убиваем. Но Он был убит и осязаем по воскресении. Следовательно, Он и описуем чрез изображение на иконе подобно нам. Но *осутились в умствованиях своих иконоборцы, и омрачилось несмысленное их сердце (Рим. 1, 21).* Отвергая икону Христа, Богородицы и всех святых,

они отвергают спасительное домостроительство и, исповедуя Христа, как бесы, отвергают его делами. Ибо Христос не есть Христос, если Он не может быть изображаем; и не поклоняются Ему, если не веруют, что следует поклоняться Ему в иконе.

Такова истина, человек Божий; и такое учение преподано апостолами, пророками и богоносными Отцами, хотя не в тех же выражениях, но по истинному смыслу сказанного ими. Ибо все догматические истины, как бы некоторые семена, предложены в мыслях божественных изречений, а в противоположность вырастающим по временам ересям они благочестиво объясняются, будучи извлекаемы оттуда действием Духа, и таким образом плевелы нечестия истребляются.

Так и ты веруй и будь здрав в Господе, поклоняясь Христу, поклоняясь и иконе Его, Богородице и иконе Ее, святым и иконам их; потому что в иконах почитаются поклонением первообразы, и «чествование образа восходит к первообразу», как говорит Василий Великий.

XXX. К ФОМЕ ХАЛТУЛАРИЮ

Прочитав письмо твоего достоинства и узнав, что окончила жизнь госпожа супруга твоя, сочувствовал я скорби твоей, господин, зная, как прискорбно это горе. Подлинно, какую боль причиняет меч, рассекая тело, такую же и разлука супругов: ибо они *одна плоть*, по изречению Господа (Мф. 19, 5). Однако это случилось, и мы подпали общему для всех наказанию разлуки. Спустя немного и мы пойдем тем же путем, как ты знаешь; такова жизнь: несуществующим рождаться, а существующим разрушаться.

Мы похвалили благочестие твое, решившееся после этой разлуки принять монашество и всецело прилепиться к Господу. Это изъяснено в письме, а также и то, что некий монашествующий брат находился при тебе для руководства в такой жизни, которого ты потом отверг как негодного, по свидетельству Георгия, человека доброго и домашнего нотарию; а нас просишь скорее доставить тебе другого, способного управлять душами и соблюдать всю обитель.

Поэтому справедливо высказана нами похвала. Но, во-первых, нам надобно знать, что такое монашеский обет и как высока эта жизнь, чтобы нам, решившись необдуманно, не подвергнуться опасности во время плаванья. Отречение от мира есть не что иное, как обет на крест и смерть. Что это значит? По слову Господа, желающему этого нужно отречься от всего своего имущества и, взяв *крест свой*, последовать Ему (Лк. 9, 23). А так как всякий истинный игумен представляет лице Христа, то посредством него надобно неложно следовать за Христом. Таким образом и исполнится эта дивная заповедь.

А кто не так поступает, но строит монастырь в своих владениях и приглашает руководителя, чтобы самому у себя быть монахом, и спасаться, и получать руководство, тот не знает, что он трудится тщетно и напрасно и чего ищет, не найдет, но встретит совершенно противоположное тому. Ибо такое отречение несогласно с заповедью Господа, по которой следовало бы отрешиться от всего имущества и отказаться от собственности, получить лучшего руководителя и, таким образом, переплывать великое море здешней жизни с безопасностью, но не так, чтобы не делать ничего из вышесказанного, а только построить монастырь, одеться в черное и казаться имеющим игумена, который есть на самом де-

ле просто опекун, который и удерживает, и удерживается, и не спасает, и не спасается.

Пойди, — сказано в Писании, — *из земли твоей, от родства твоего* (Быт. 12, 1), возьми крест на рамена свои, подвергнись оплеванию, потерпи заушение, испей оцта, испытай бичевания, взойди на крест, пролей кровь, умственно или чувственно. Если же не можешь перенести этого, то сиди в своем доме, стараясь спастись более смиренною жизнью; ибо и здесь спасение достигается не без труда, а посредством многих скорбей. Не указывай мне на нынешние примеры: все, что не по заповеди, — ненадежно, тщетно, соблазнительно, есть дело человека, таким образом отрекшегося, а не божественного повеления.

Если ты желаешь построить новый монастырь, то это не несправедливое дело; но когда передашь его человеку, который бы управлял им, то уже не налагай на него руки своей, как на имущество; только тогда это будет угодно Богу и послужит к твоему вечному блаженству. Решившемуся на это мы вручим такого брата, какого изберет ищущий, вместе с другими девятью братьями, желающими быть в подчинении у игумена.

Вот, добрый друг, я изложил тебе монашеское оправдание: так следует поступать строящему монастырь; таково должно быть ваше пожертвование. Впрочем, да будет Господь утешением твоим, вразумляя тебя во всем ко спасению.

XXXI. К ГРИГОРИЮ СЫНУ

О чем в прежнем письме сказано было как бы мимоходом относительно святейшего митрополита Халкидонского и отца нашего, о том теперь будет сказано обстоятельнее. Скажи ему, в почтительном к отцу раз-

говоре, что непременно, по изречению апостола, *каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня* (1 Кор. 3, 13–15).

Спрашиваю: выражение *сгорит* означает ли совершенное истребление или нет? Если несомненно первое, как в одном месте говорит и Григорий Богослов, следуя Павлу, и здесь разумеется конечный огонь, которым все наше испытывается или очищается, то для чего смущать ум слушателя, будто святой Максим не хорошо сказал, что есть три воскресения, которые признает Церковь? «Одно, свойственное каждому в отношении к добродетели, в котором восстает исполнивший добродетель возможным для него образом; второе — воскресение всей природы, восстановление в нетление и бессмертие; третье, — о котором особенно упоминает в своих беседах святой Григорий Нисский¹, есть восстановление душевных сил, падших от греха, опять в то состояние, в каком они созданы. Ибо как надлежит всей природе получить при воскресении нетление плоти, долго ожидаемое, так и душе возвратить силы, извращенные в течение веков, а по окончании всех веков, не нашедши постоянного пребывания, прийти к Богу, не имеющему конца, и тогда познанием, но не участием в благах, возвратить силы и восстановиться в прежнее состояние, дабы открылось, что Творец не есть виновник греха».

¹ Творения в русском переводе. Т. I. С. 161–163. М. 1861.

Итак, третье воскресение есть не что иное, — ибо о тех двух нет сомнения, — как изъясненное апостолом, при котором дело греховное сгорит, а сделавший сохранится несожженным, впрочем, не участвуя в благах, но сознавая лишение этого участия. И весьма справедливо сказано отцом: «Чтобы открылось, что Творец не есть виновник греха»; ибо то, что от Бога, то есть наша природа, произведенная из сущего, не истребится тем огнем; а что не от Бога, то есть грех, произведенный свободной волей сделавшего его, как нечто не относящееся к существующему, но прившедшее, истребится, не имея места наряду с существующим. Таким образом, хотя бы ни Григорий Нисский, ни отец Максим не говорили об этом, великий апостол объявил, что *в огне* совершится *отмщение* греха (2 Фес. 1, 8), чем выражается восстановление, о котором сказал отец, — не Оригеново, да не будет; ибо нет общения у света с тьмою и согласия у святых с ересеначальниками, к истинному изъяснению и обличению в татьбе присвоющих себе священное учение божественного Григория по своему неправому разумению, а не к опровержению вышесказанного, как нам кажется. Если же святейший митрополит придумает что-нибудь более глубокое, то мы желаем еще послушать; между тем и наш Святейший Патриарх, выслушав сказанное святым Максимом, не сказал тогда никакого возражения.

XXXII. К НИКИТЕ СПАФАРИУ

Добрый брат твой известил меня, что один из наших иерархов оклеветал меня пред тобою, почтенный, будто я боготворю икону Христову и будто это содер-

жится в моем письме к брату Афанасию¹. По поводу этой клеветы вздохнул я, смиренный, помышляя, как могут знающие, что и за *праздное слово* должно будет дать *ответ в день суда* (Мф. 12, 36), необдуманно и неосторожно говорить о таких величайших предметах, — ибо что больше веры? — уязвляя стрелою клеветы невинных. Не лучше было бы, если и есть какая-либо погрешность, с любовью сделать напоминание, по написанному: *обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха* (Лев. 19, 17). Так клеветать — значит не только отвергать эту заповедь, но и показывать самого себя достойным имени клеветника, — а может ли быть что-нибудь хуже между людьми?

Впрочем, обратимся к обвинению. «Он боготворит, — говорят, — икону Христову». Отнюдь нет этого в письме моем, возлюбленный, но есть то, что иконе Христовой не следует воздавать богочитания, — ибо это идолопоклонническая мысль, так как должно воздавать его одной только Святой Троице, — что поклоняемый во святой иконе Христос богочтится вместе с Отцом и Духом, но иконе Христовой нужно поклоняться относительным поклонением, и что, поклоняясь ей, мы поклоняемся Христу, не разделяемому по лицу, но отличаемому по сущности. Это и справедливо, ибо в образе является первообраз и один в другом, с различием по сущности, как говорит премудрый Дионисий². Как же, когда таково письмо, он напротив клеветает и показывает себя противником святых? Чего хочет он? Не того ли, чтобы мы, поклоняясь иконе Христовой, исповедали, что

¹ См. I том, письмо LXXXV.

² См. I том, письмо XXXVI.

поклоняемся другому лицу? О, нелепость! Это значило бы разделять, что невозможно; ибо ни держава не рассекается, ни слава не разделяется, как говорит опять Василий Великий¹. Посему, когда поклоняются иконе, то поклоняются Христу, Которого она есть подобие, а не веществу, на котором находится подобие, как то же усматривается и на изображении креста. Кто думает, что он поклоняется веществу, тот младенец, неразумный. Итак, не вещество, на котором икона, почитается поклонением, и не другое лицо, кроме изображенного на иконе. В обоих случаях неправильность одинаково нечестива.

Посему и называется изображение Креста Крестом, и икона Христова называется Христом, — не в собственном, но в переносном смысле. Если бы он убедил нас, что изображение Креста не называется Крестом, то убедил бы и в том, что икона Христова не называется Христом. И если в первом случае, поклоняясь изображению, не поклоняются Кресту, то и во втором, поклоняясь иконе Христовой, не поклоняются Христу. Но справедливо первое, то есть изображение называется Крестом, и он почитается поклонением в своем изображении. Следовательно, и второе справедливо, то есть икона называется Христом, и Он почитается поклонением в иконе Своей; и тщетно пустословит тот, кто мыслит или говорит что-нибудь несогласное с этим.

Я написал это как для того, чтобы оправдать самого себя от обвинения, так и имея в виду пользу твоего любезного превосходительства, дабы ты содержал православную веру и не увлекался словами иного учения.

¹ К Амфилохию о Св. Духе. Гл. 18. Творения в русском переводе. Т. VIII. С. 244. М. 1891.

XXXIII. К ФЕОДОРУ МОНАХУ

Брат, я получил письмо твоего достоинства, с надписью: «окружное послание», и тотчас же с самого начала изумился. Прочитав же дальнейшее, едва не потерял рассудка — что подумать или отвечать возлюбленному. Перенеси великодушно, если жестоким окажется то, что будет сказано мною, не умеющим как-то иначе по-надлежащему выразить тяжесть смиренного сердца своего, а только высказать необходимо.

Не другой ли кто, приняв на себя твой облик, возлюбленный, дошел до такого высокомерия, что задумал недостижимое и совершил возмутительное? Или мы сами, потеряв рассудок, приняли за шуточное дело — писать не о шуточных, а о весьма важных предметах? Что говоришь ты, почтенный? Разве позволительно нам, не имеющим никакого жребия священства, а только монахам (в то время как истина не подвергается опасности), присвоив себе священное звание, составлять окружное послание и в нем восставать против иерархов и священников, монахов и игуменов, издавать частные законы из собственного сердца и притом подвергать укоризнам и обидам, осуждениям и отлучениям все общество исповеднического братства?

«Они, — говоришь ты, — хотя и не все поборники истины, — лицемерно принимая покаяние, подобно тому, как принадлежащие к противной стороне, злоупотребляют названием благочестия, точно так же весьма дурно обращаются с истиной и покаянием. При том уязвляют тяжкими выражениями и привносят сор жалких суждений, унижают непорочную веру, оскорбляя Распорядителя, Правителя и Создателя

всего, возбуждают распри, враждуют друг с другом. Из корыстолюбия, придумывают способы получения доходов. Из угождения нечестивым единомышленникам, предпочитая и уважая особенно тех, которые искажали и преследовали истину, оказывают неприязнь, считают за ничто и оскорбляют исповедников, не понимая и жестоко и несправедливо забывая, за что подвергались опасности последние, которые и ныне подвизаются и страдают ради Христа».

Ужаснитесь сему, небеса (Иер. 2, 12), и я, несчастный, крайне удивился, и если бы не слышал твоего голоса, то не поверил бы известившему, что тобою, почтенный, составлено послание против Церкви Божией. Ибо против нее идет тот, кто произносит такие нелепости против знаменитых мужей и исповедников, которые подвергались различным искушениям, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли, по словам апостольским (Евр. 11, 37—38). Но здесь еще не высказано более тяжкое и жестокое. Осмелится ли кто-нибудь, принадлежащий к числу воинов, составив от себя царскую грамоту, провозглашать то и это и укорять высших, будто они поступают неправильно и безрассудно? Если кто сделает это и будет обличен, то его тотчас возьмут и отведут на смертную казнь; неужели же не подвергнется наказанию по суду Церкви простой монах, осмелившийся поступить подобно этому? Разве мы не имеем архиерея, который может сострадать нам в немощах наших, по словам Писания, может снисходить невежествующим и заблуждающим (Евр. 4, 15; 5, 2), от которого может быть издано окружное послание по данной ему власти от Духа?

Он, если бы узнал в происходящем что-нибудь незаконное и бесполезное, то, конечно, изрек бы должное. Но так как он видит, что господствует ересь и обстоятельства со всех сторон стеснительны, то предоставил всем желающим врачевать приключившиеся болезни, кто как может. И хорошо сделал он, достопочтеннейший, так как и совершаемое не есть закон, и душа, за которую умер Христос, не осталась без врачевания. Это продолжится до Православного собора, когда сделанное хорошо будет одобрено, а сделанное иначе будет отвергнуто. И это есть дело, весьма угодное Богу, Который желает всем спастись (не тем ли более прибегающим к врачевству покаяния?), Который помогает простирающим братолюбиво руку помощи и содействует поднимающему лежащего. Ибо Его эти слова, обращенные к священникам: *Утешайте, утешайте народ Мой, говорите к сердцу Иерусалима (Ис. 40, 1).*

А утешение это что иное, как не охранение сопротивляющихся и исправление покаянием заблуждающихся? Потом и к грешникам сказано: *когда возвратившись воздохнешь, тогда спасешься (Ис. 30, 15).* И еще: *тогда ты воззовешь ко Господу, и Он скажет: вот Я (Ис. 58, 9).* Он есть помощник обращающихся от порочного пути; Он приемлет на рамена заблудшую овцу и, доколе можно говорить (Евр. 3, 13), предлагает врачевство покаяния: Он разбойника удостоил рая в одно мгновение, и великого Петра, отрекшегося, принял после горьких слез, и Давиду, как бы ни в чем не согрешившему, возвратил дар пророчества.

Но для чего приводить много примеров и распространять речь? Он благ для добрых к сорабам своим и грозен для несострадательных. Посему епитимии,

употребляемые в настоящее время, суть врачевство, а не то, чем в насмешку представляешь их ты, почтенный. Да не будет злословия! — не соблазн производят эти действия, а служат доказательством истинной любви. Ибо Господь говорит: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13). Так врачи и полагают души свои за врачуемых, по слову истины, не извлекая себе прибыли от Божественного домостроительства, как совершающие куплю Христову. Народ Божий ежедневно очищается и «дом Саулов, изнемогая, уменьшается, а дом Давидов, возвышаясь, умножается» (2 Цар. 3, 1), и здравие более и более восстанавливается.

А ты чего хотел бы, почтеннейший? Не того ли, чтобы в эти времена господства ереси и гибели божественного создания нигде не было видно врача, не были принимаемы врачебные меры, не было оказываемо руководство слепому, не доставлялось исцеление больному, не делались перевязки раненому, не был исправляем хромающий, не был укрепляем расслабленный, не был обращаем заблуждающийся и никакой болезни не противодействовал бы, сколько возможно, никто из желающих? У врачей телесных мы видим великое усердие и много средств врачевания: один берется лечить того, другой другого, и даже находящемуся в звании слуги не запрещается заниматься этим, по мере приобретенного ими врачебного знания, высшего или низшего. Есть люди, ежедневно осматривающие больных, и дома, в которых они принимаются, бывают наполнены, и никто не осуждает такого усердия и не обвиняет прилежно занимающегося врачебным искусством, но и высшие и главные врачи, и посредственные, и низшие, совершают это человеколюбивое дело.

Если же здесь так бывает, то тем более в душевных болезнях все должно быть сообразно усматриваемо и совершаемо. И препятствующий этому есть некий губитель и общий враг человеческого рода, так что его можно считать сотрудником человекоубийцы искони. «Но наше дело, — говоришь ты, — не таково, а спрошу вот что: если Господь не осмеливался за покаяние отпускать нарушения правды и точного исполнения добродетели, прежде нежели Сам понес все праведное наказание, следовавшее по мере и весу правды, то кто будет так дерзок и высокомерен, чтобы позволить себе освобождать от покаяния отрицающих страдания за нас Спасителя нашего Христа, прежде нежели они перенесут все наказание по неизменной строгости правды?»

Увы, какое дерзкое и безрассудное суждение! Когда Христос стал проповедовать покаяние? Когда Он сказал расслабленному: *дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои* (Мф. 9, 2)? Когда блуднице, оросившей слезами Божественные ноги, даровано такое же прощение, удивившее Симона, у которого в доме был Он (см. Лк. 7, 44)? Когда страдавшему болезнью тридцать восемь лет сказано: *вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже*, так как болезнь произошла от греха (Ин. 5, 14)? И прочие дела Божественной силы, которые неблагоприятно перечислять подробно, до страдания ли Его были совершены или после страдания?

Если всем очевидно и известно, что прежде страдания, равно как и ученикам Своим, посылая их, Он дал власть *врачевать всякую болезнь и всякую немощь* (Мф. 10, 1), которая была употребляема при покаянии и сокрушении просящих, то как дерзок язык, говорящий, что Христос не осмеливался на это

прежде, нежели Сам понес все праведное наказание, следовавшее по мере и весу правды. Таким образом ты осуждаешь распоряжения принимающих покаяние, без предварительного наказания по всей строгости правды, как дерзких и высокомерных? Не очевидно ли, что это — осуждение фарисейского ума и приговор новатианского безчеловечия?

Смотри же, муж, как бы тебе, поднявшись на высоту, не низвергнуться в пропасть, и, выйдя из своих пределов, не потерять самому принадлежащего тебе достоинства. Или ты не читал, что всякий, восшедший на чужое епископское место, подвергается отлучению? *Я не посылал сих*, — говорит Господь, — *а они пророчествовали* (Иер. 23, 21). И еще: *И никто сам собою не приемлет этой чести, но призывается Богом. Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты священник вовек по чину Мелхиседека* (Евр. 5, 4—6). А тебя, брат, кто поставил законодателем в Церкви Божией, тогда как ты, может быть, еще не научился и повиноваться? Посему, не будучи избран начальствовать над кем-нибудь, ты должен принимать законы, а не законодествовать, руководиться, а не руководить, просвещаться, а не просвещать, учиться, а не учить, и, испытав первое, переходить ко второму, как повелевает Божественный закон, прекрасно оправданный и божественными, и человеческими званиями.

Не будем думать, друг, будто умение сказать что-нибудь с неразумною мудростью и составить негодную речь делает законодателем; ибо моавитянам и аммонитянам не дозволено было приступать к жертвеннику. Но это принадлежит тем, которые отличались богоподобным послушанием, которые показали

долговременное терпение, которых усовершило Евангельское слово. Если же будет притом и внешнее просвещение, то и оно не излишне, когда украшено смиренномудрием и управляется евангельским смирением, а не хвалится собственными достоинствами, хвалящиеся которыми подобны опирающимся на камышовую трость и, подвергаясь удару, скоро низвергаются.

«Но, — говоришь ты, — возревновал я о Господе (3 Цар. 19, 10), и усматриваемое невыносимо». А где у нас, почтеннейший, дар пророчества? Где гора Кармил? Где ключи небесные? Где милоть, разделяющая Иордан, ниспавшая на Елисея с сугубой благодатью? Если же и есть у нас какой-нибудь дар, то кому мы оставим его, не имея даже ученика? Посему будем остерегаться, чтобы нам, стремясь к превышающему наши силы, не лишиться и малого, чтобы, отцеживая комара, не поглотить верблюда (см. Мф. 23, 24), чтобы, стараясь вырвать сучок из глаз братьев, самим не остаться не замечающими в глазах своих бревна (см. Мф. 7, 3), так как мы осуждаемся смотря по тому, с кем мы обращаемся и с кем вместе вкушаем пищу здесь и там. «Такой-то, — говоришь ты, — лживо исповедался, скрыв постыдный грех свой; другой, скрыв свое постыдное дело, рассказывает одно вместо другого; как же врачующий может сказать, что они получили исцеление?»

Нельзя верить, почтенный, а должно весьма осуждать это; никто, добровольно приступая к врачеванию, не станет скрывать своей болезни. Если же иногда и действительно бывает так, то не нам судить об этом, а Богу видящему. Ибо говорится: явное — Богу и нам, а тайное — Господу Богу твоему (1 Цар. 16, 7). *А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты,*

что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов, Который и осветит скрытое во мраке, и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога (Рим. 14, 10; 1 Кор. 4, 5).

«Все,— говоришь ты,— простирают ногу выше меры, дерзают на недозволенное им и стремятся к высшему». От собственных крыльев погиб ты, как сказал некий из внешних; отсюда происходит и это суждение твое. Будучи поставлен на месте ноги, ты самовластно возвел себя на место головы. Увлечшись двумя другими суждениями, доблестный, ты предлагаешь еще иное обвинение: «Все присваивают себе превышающее силы их и считают других низшими себя; незаконно и без призвания стремятся разрешать и связывать и стараются всех привлечь к ногам своим; не хотят, чтобы кто-нибудь другой был или считался разрешающим и завидуют делающим это; принимают только тех, которых сами разрешили, а принявших епитимии от других отвращаются и осуждают за то, что те не к ним прибегли и не от них испросили прощения».

Эти обвинения — изобретения бесовского ума и произведения завистливого сердца, над которыми иной справедливо мог бы посмеяться, как над какими-то шутками, пустяками и забавами: получается, что так как никто не прибегает к нам за получением епитимии по недоверию, то мы неистовствуем против врачующих по доверию приходящих к ним, страдая некоторой бесовской страстью и оскорбляя людей почтенных наравне с иконоборцами.

«Какое,— говоришь ты,— различие между этим заблуждением и манихейством? Разве мы не против манихейской ереси подвизались и словами, и делами?»

Это показывают написанные сочинения ратоборствовавших против нее, в которых они доказали это неоспоримыми доводами и неопровержимыми доказательствами, хотя теперь и забывают сами себя и свои писания».

Кажется, друг, ты судишь превратно и собственными суждениями хочешь ниспровергнуть истину, не зная, что подобия, сравниваемые с первообразами, не одно и то же с первообразами, но они имеют столько сходства между собою, сколько предметы общие по названию, но отличающиеся в прочем. Одни называются собственно, а другие не собственно; одни называются в переносном смысле, а другие в действительном. Например, икона Христова и сам Христос: Он поистине есть и называется Христос, а она называется так в переносном смысле или по подобию. Так и святой апостол Павел назвал *лихоимство* вторым *идолослужением* (Еф. 5, 5), указывая на причину его и по сходственному отношению к действительному идолослужению. Но отсюда не следует, что лихоимцам надобно назначать такое же наказание, какое идолослужителям; иначе мы должны были бы выйти из мира. И теперь много лихоимцев, но они остаются не наказанными.

Что же несообразного и здесь, когда иконоборческая ересь сравнивается с манихейскою, сколько позволяет отношение образа к первообразу? Так и Никейский Второй Вселенский и святой Собор, осуждая впадших в эту ересь, врачевал их не как манихеев; и ничего не забыли те, которые предпринимали подвиги по этому поводу, ратоборствуя против нее и словами, и делами. Подлинно, сам ты не знаешь самого себя, что заслуживает великого осуждения и обвинения в глупости.

Хотел я и другие суждения пространного и тождесловного письма твоего присоединить к вышесказанному и показать, что они совершенно несогласны со здравым смыслом. Но одни из них, как бесполезные и несвязные, другие, как опровергающие сами себя, а иные, как темные и противные истине, отбросив далеко, как бы в огонь Гефеста (вулкана), скажу в заключение речи следующее. Если мы будем просить прощения в том, что дерзко и Бога прогневали, и святых оклеветали, и исповедников осудили, и Церковь злословили, то будет хорошо; а если нет, то мы, смиренные, положим руку на уста и не станем вызывать твое преподобие на второе письменное приветствие.

XXXIV. К ФЕОДОРУ ПАТРИЦИЮ

Чрез почтенное письмо твое мы увидели твое знатное превосходительство, а по выслушании изложенного в нем, узнали твою прекрасную душу. Подлинно, употребить такие почтительные выражения в отношении к нам, грешным, желать увидеть уничиженное лице наше, а затем и послушать спасительной беседы свойственно мужу, поистине благочестивому, и душе, стремящейся к Богу.

Как дивны дела великого и Единого Бога нашего христианского, Который призвал тебя из народа неправедного к священному познанию истины Его, таким, как казалось, невольным образом, а на самом деле, весьма добровольным; вместе со сродниками, также обратившимися, — ибо не иначе благоугодно было Божественному Промыслу исхитить вас из безбожия.

О, дивное призвание! О, достохвальное избавление! Ты изведен из тьмы в чудный свет Его; *совлекшись ветхого человека* (Кол. 3, 9) с порочными и

языческими помыслами и деяниями, ты облекся во Христа, сделался христианином вместо язычника, сыном света и дня вместо сына тьмы и ночи нечестия, почитая Единого Бога, поклоняемого в Отце и Сыне и Святом Духе, избегнув нечестия многобожия и болгарского идолослужения. Затем, исповедуя, что Один из Святой Троицы, Сын и Слово Божие, по высочайшей милости к роду нашему, сделался человеком, подобным нам во всем, оставаясь в то же время совершенным Богом. Ибо Бог Отец, Бог и Сын, Бог и Дух Святой, Один Бог, а не три Бога, — да не будет, — одно по Единому Божеству, а другое по трем Лицам. Вот истинная вера христиан, уничтожающая всякое заблуждение и всякую ересь.

Христос двояк, совершенный Бог и совершенный Человек, первое, как рожденный от Отца прежде веков, подобно сиянию от солнца, второе, как рожденный от Матери в последние времена, подобно нашему рождению, или лучше сказать, выше нашего, ибо родившая Его есть Дева и прежде рождения, и в рождении, и после рождения, почему и мыслится, и называется поистине Богородицей. Посему, как по Отцу Он неопишем, так по Матери изображается на картине, и изображение Его или икона достойна поклонения и почитания. В ней усматривается нами, христианами, какой образ принял Он, и славословится, как сделавшийся подобным нам во всем, кроме греха, упразднив всякое идольское подобие, служа которому от дней века погибал род человеческий.

Итак, добрый друг, кто не допускает, что Он может быть изображаем на иконе, тот самым делом отвергает, хотя на словах и соглашается, что Сын Божий стал человеком; и кто не поклоняется святой иконе Его, тот очевидно не поклоняется Ему, хотя и исповедует,

что поклоняется. Ибо чествование иконы Его переходит к первообразу, равно как и отвержение ее отсылает к отвержению Его. Ты сам, как я слышу, также убежден и поэтому уклоняешься от общения с иконоборцами; этому я радуюсь и сорадуюсь тебе, благодарю и вместе с тобою благодарю, что ты видишь истину, хотя и поздно научен и недавно стал возрожденным сыном Божиим. Не удивляйся, что и между христианами бывает заблуждение. Где спасение, там бежит дракон диавол, чтобы причинить погибель, и это чрез одного человека, имеющего власть. Такое заблуждение недавно введено среди христиан, ибо от века была икона Христа, Богородицы и святых Его.

Это тебе, почтеннейший господин, я, как бы движимый Богом, хотя и грешник, высказал для утверждения твоей веры, ибо ты — брат наш, а не чуждый, как ты сказал. Если ты чужд миру, то хорошо; и мы, смиренные, — то же самое, и поэтому заброшены сюда за слово Божие. Блажен ты, верующий во Христа правильно и поставляющий все ниже Его. Видеться друг с другом трудно, по запрещению от правительственной власти, если Бог не устроит каким-нибудь образом. Мы не перестанем поминать тебя и любить тебя, как брата нашего, которого прежде мы не знали по плоти и крови, а ныне имеем сродником от Духа Святого, будучи рождены оба от усыновившей матери, купели крещения. Мир тебе, друг и брат, и господин. Мир и дому твоему, и всем близким к тебе, от Отца и Сына и Святого Духа.

XXXV. К АРХИМАНДРИТУ ГОТФСКОМУ

Благодарение исповедуем святому Богу, что мы удостоились получить любезное письмо вашего пре-

подобия; оправдания же в медленности нам не нужно. Ибо кто мы, уничиженные? И вообще зачем вам сообщать нашему ничтожеству о занимающих вас надобностях? Впрочем, так как вы, по смирению своему, имеете обыкновение обращаться и с нижайшими, то благопотребно и вы сами написали, и мы узнали не только о том, что содержится в письме, но и о том, что указали принесшие его почтеннейшие братия и отцы. Во всем этом Бог — наш покровитель и защитник от неразумно возводимых обвинений. Но и мы, смиренные, сделаем возможное со своей стороны (когда будет о том речь, пред теми, которые решаются клеветать), не для воздаяния благодарности вам, но чтобы исполнить долг любви. Для этого мы вынуждены были послать письмо и боголюбезнейшему отцу и архиерею господину Филарету, если только будет принято увещание от нас, смиренных, направленное к миру, полезнее которого нет ничего и которым должны отличаться избранные ученики Христовы. Это кратко о самом необходимом.

О прочем же вообще зачем просите нас отвечать, когда вы, богопросвещенные, имеете богоначертанную книгу Великого Василия, которая преподает спасительные и полезные правила монашеской и киновийной жизни и без которой невозможно ни руководить богоугодно, ни руководиться с пользою, ни начальнику, ни подчиненному? Он, будучи спрашиваем о всех предметах и побуждениях к священной жизни в киновии, отвечал Духом Святым; и следующий ему следует Духу Святому, а не повинующийся ему не повинуетс^я говорившему чрез него Христу.

Так, случающиеся между братиями, по невнимательности, проступки не следует отдавать на суд мирских лиц. И сам святой апостол говорит: *как смеет*

кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых? И далее: неужели нет между вами ни одного разумного, который мог бы рассудить между братьями своими? Но брат с братом судится, и притом перед неверными (1 Кор. 6, 1; 5—6). Ибо одно и то же — и судиться у неверных, и отдавать дела монахов на суд мирянам, и отверзать дверь тому, кому не следует вмешиваться в наши дела; это совершенно несообразно и противно Церкви Божией.

Относительно отречения от мира и пострижения, — так как и об этом нужно сказать, — отказывать не безопасно, ибо Господь говорит: *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37); но и принимать просто и без разбора и постригать без испытания не благочестиво; ибо, если *никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2, 4), то не тем ли более в богоизбранном воинстве? Надобно проститься со всем, нужно обнажиться от всего, должно отказаться от всех и пристрастий, и домашних, и друзей, и родных, и отойти добровольно от всего мира тому, кто намеревается истинно последовать Христу, и таким образом настраиваться и готовиться к богоугодной и богоустроенной монашеской жизни, и потом, выдержав испытание и искусы в добродетели, при свидетельстве многих удостоиться монашеского совершенства и сделаться одной из овец Христовых.

Без приготовления же и без наставления постригаться, как сказано нами, опасно и весьма губительно и для постригаемого, и для постригающего. А слагать монашество — то же, что слагать крещение. Однако осмеливаются и это делать: страшно и слышать. Если же после надлежащего пострижения некоторые пре-

клонятся к худшему, таких, когда они пребывают во зле и не исцеляют своих душевных болезней, должно отсекал от братства, подобно гнилым членам, чтобы от прикосновения к ним не заразились и здоровые. Ибо Господь сказал: *лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твоё было ввержено в геенну* (Мф. 5, 29).

Если кому-либо другому возможно будет принять отсеченного по человеколюбию, то это не предосудительно, когда найдется способнейший врачевать, а не обращающийся с погибающими. Впрочем, легкомысленные, убегающие из киновии, не должны быть принимаемы другими братствами, чтобы у всех их во всем было взаимное содействие и согласие и чтобы им не разрушать трудов друг друга, от чего бывает главою их не Христос, связующий все миром, но кто? — отвратительно и сказать. А иметь раба монаху в монастыре так же странно, как и иметь жену. То и другое суть изобретения непослушания; для тех, которые хотят достигнуть первобытного состояния монашескою жизнью и стараются подражать беспечальной райской жизни, все вышесказанное непристойно. Это мы не от себя, но из учения богоносных Отцов собрали и высказали для напоминания, прося вас, святейших, молиться, чтобы мы не только говорили хорошее, но и делали в Господе.

XXXVI. К ГРИГОРИУ СЫНУ

Обрадовался я письму твоему, возлюбленный сын, узнав, что и путь находящийся в городе городской, и здоровье восстановил ты вместе с братом Зосимою посредством кровопускания, и все прочее у вас идет благоприятно.

Относительно предложений Ксенодоха. Для чего ты требуешь от нас объяснения, рассудительно ответив ему согласно с учением богоносных Отцов? Мы не можем ничего прибавить к твоим ответам. Пустословят, кажется, а не научиться хотят спрашивающие. Но так как написано: *будьте всегда готовы к ответу всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании* (1 Пет. 3, 15), то и мы отвечаем следующее.

Монашеский образ есть обет девства и таинство монашеского совершенства, по выражению божественного и премудрого Дионисия¹. Спрашивать: откуда предано отречься от мира и делаться монахом, есть не что иное, как спрашивать: откуда предано делаться кому-либо христианином? Кто установил первое по апостольскому преданию, тот установил и второе, изложив шесть таинств: первое — о просвещении, второе — о собрании или причащении, третье — об освящении мира, четвертое — о священнических посвящениях, пятое — о монашеском совершенстве, шестое — о свято скончавшихся².

Что нужно сказать об этом? То, что сомневающийся относительно одного из сказанных, очевидно, сомневается и о прочих, от Божественного ли они Предания, и с уничтожением одного необходимо уничтожаются и прочие; ни священнического посвящения, ни чинопоследования о свято скончавшихся не было бы, если бы не было монашеского совершенства.

¹ О церковной иерархии. Творения в русском переводе. С. 195–196. М. 1855.

² Преподобный отец говорит здесь не собственно о Святых Таинствах, которых числом семь, а перечисляет тайнодействия, о которых говорит св. Дионисий Ареопагит в книге «О церковной иерархии».

ва, и мы были бы язычниками по образу мыслей, безбожными в мире и не имеющими надежды.

Таков предлагающий этот вопрос: откуда взято делаться человеку монахом? Уже не говорю о том, что все знаменитейшие из богоносных Отцов были монахами и превозносят похвалами монашескую жизнь, как ангельскую; от них остались и сочинения с изложением правил этой священной жизни. Кто имеет ум, тот, конечно, заметит, как и сам божественный Дионисий сообразно с чинами ангельскими и степени священнические и находящиеся вне священства разделяет равночисленно на три разряда: первый и вступительный — еще начинающих или оглашенных, второй — просвещенных, и третий — получивших монашеское совершенство; а противоречить очевидному свойственно бесчувственным или некрещеным.

Второе предложение о юношах, а именно, он говорит, будто святой Василий в правилах позволяет достигшему законного возраста, если он не может переносить ига девственной жизни, слагать монашеский образ. Это не так; но все во всем он учредил Божественным Духом и ко спасению мира. Чтобы кто не подумал, что может быть нечто лучшее, хотя некоторые неразумные и стараются измышлять лучшие постановления, то он сам дал правила управления и относительно приходящих с юного возраста тем, которые принимают их; это объяснено в его книге, а здесь подробно излагать нет времени¹. Именно по совершеннолетию, то есть с шестнадцати лет и более, когда начинаются и почести, и наказания, как он сам говорит, он повелел делать решение и присоединять

¹ Правила, пространно изложенные. Вопрос 15. Творения в русском переводе. Т. V. С. 119–123. М. 1892.

их к братствам посредством монашеского совершенства. С того же времени, если они будут уклоняться к мирской жизни, по порочному настроению, он не позволил ни мало отверзать им дверь к тому, от чего они отказались. В течение же сказанного года, если они не избирают девственной жизни, или избирают, но не хотят вполне посвятить себя монашеству, он повелевает отстранять их и обращать в мирскую жизнь, чтобы не причинить позора священной жизни.

Это делается у некоторых не совсем так, как заповедано, а постригают с юных лет, или и в законный возраст, но незаконно и не совершенно; от чего все низверглось, и *священник и пророк обезумели*, как написано (Ис. 28, 7), и явилось бесчисленное множество преданий и самоизмышленных постановлений не по любви, а по сребролюбию, не для спасения, а для прибыли. На это я, несчастный, ничего не могу отвечать, как только вздыхать, скорбеть и оплакивать собственные грехи; ты же достигай спасения, возлюбленный сын.

XXXVII. К ФЕОКТИСТУ ПУСТЫННИКУ¹

Получив письмо твоего достоинства и прочитав в слух боголюбнейшего архиепископа и брата моего вместе с присутствовавшими братьями, я, смиренный, возблагодарил Господа, склонившего сердце твое написать правильно символ веры. Исповедовать, что принимаешь Ветхий и Новый Завет и все, преданное от Святых Отцов Церкви Божией, вообще есть правая вера. Но так как и еретики обыкновенно говорят то же, и однако оказываются вопреки словам своим

¹ Писано в 825 году. См. I том, письмо CXVI.

не право содержащими слово истины, то от присланных братьев и особенно от аввы Сосипатра мы старались в точности узнать (как и ты предлагал в письме, потому что в письме нельзя высказать всего), — и по благодати Божией узнали, что переданное им тобою, по словам их, действительно православно. Что же именно? Это нужно кратко указать.

Во-первых, о Пресвятой Богородице; говорят, будто ты утверждал, что Дева существовала прежде веков. Так как ты уверяешь, что ты не говорил и не думал этого, но исповедуешь, что она родилась от мужа и жены, Иоакима и Анны, то хорошо.

Во-вторых, о Господе, будто Он не был распят. Так как ты исповедуешь, что Он распят по Писаниям, то хорошо.

В-третьих, об Ангелах и бесах, будто после суда будет восстановление их в прежнее состояние: *и будет одно стадо и один пастырь* (Ин. 10, 16). Так как ты отвергаешь это и исповедуешь, что и осуждение, и Царство Небесное вечно, то хорошо.

В-четвертых, о монахе одном, будто он может избавить от наказания сто пятьдесят осужденных. Так как ты отвергаешь это и говоришь, что после смерти нет покаяния и никто не может избавить от назначенного Богом каждому наказания, то хорошо.

В-пятых, о книге, называемой Антониевою, будто ты говорил, что она достойна принятия, между тем в ней есть много богохульного, как мы сами, прочитав, узнали. Так как ты исповедуешь, что отвергаешь ее, как чуждую Церкви Божией и уже не имеешь и не читаешь ее, — ни ты, ни находящиеся с тобою, то хорошо.

Благословен Бог, сделавший очищение среди вас от вышесказанных соблазнов, и благословенно

славное имя Его, внушившего тебе сказать, что ты невежда и неученый и во всем будешь повиноваться и слушаться слова нашего смирения.

Я же не буду внушать или предписывать ничего, кроме того, что божественно изречено святыми апостолами, и пророками, и отцами, но только то самое, о чем ты писал: чтобы ты веровал во Святую Троицу, нераздельную по существу, но разделяемую по личным свойствам — в Отца и Сына и Святого Духа, Единого Бога, Единого Господа, — как и вера одна. Отец есть Бог, и Сын Бог, и Дух Бог, не три Бога, — да не будет, — но один Бог и Господь. Это — учение о Боге.

По учению же о домостроительстве надобно веровать, что Один из Троицы, по благоволению Отца и действием Святого Духа, воплотился от святой Богородицы, наитием на нее Святого Духа, осенившего Ее таким образом силою Всевышнего, по Евангелию (см. Лк. 1, 35), от Которой Он и родился, как совершенный Человек, будучи вместе и совершенным Богом, единый по Лицу, двоякий по естеству, как изложили богоносные отцы и семь святых Вселенских Соборов. Также нужно исповедовать, что Дева есть Богородица, высшая и Честнейшая всех, и может ходатайствовать, как Матерь, пред Своим Сыном и Господом за весь мир. Еще нужно исповедовать Ангелов, что они также молятся за всех людей, а бесы отлучены от них на бесконечные веки, удалены за отступничество в собственное свое жилище и осуждены от Бога на справедливые наказания. Еще исповедовать, что и все святые, как служители Божии, могут ходатайствовать пред Богом о нашем спасении; еще исповедовать святые иконы как Самого Господа нашего Иисуса Христа, так и Матери Его, Ангелов и

всех святых, поклоняться им и принимать их, по учению Второго Никейского Собора; анафематствовать всех еретиков, анафематствованных Соборами, и прославлять всех православных, ими прославленных.

Такова истинная вера христианская: таково свидетельство исповедания Христова. Мудрствующий вопреки этому да будет проклят от Отца и Сына и Святого Духа, как говорит апостол Павел: *Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема* (Гал. 1, 8—9).

Так как ты сам обстоятельно изложил все это в письме своем, то непременно нужно удостоверить, что ты так думаешь. Каким же образом? Если в конце этого письма сделаешь свою подпись на приложенном к нему листе. Таким образом, *мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет* (Флп. 4, 7) и сподобит нас и вас в одном духе и одном сердце веровать и служить Святой Троице, ко спасению своих душ и разделенного на две части народа. Приветствие господину Иоанникию, духовному отцу нашему, и тебе, почтенному и отцу, и брату нашему.

XXXVIII. К ДИОГЕНУ СЕКРЕТАРЮ

Вопрос. Как должно называть икону Христову и как надлежит поклоняться ей?

Ответ. Вопрос получает двоякий ответ, именно относительно названия: называется и собственно, и не собственно то, что в ней именуется. Собственно икона Христова называется иконою Его; а не собственно — она называется Христом; это в переносном смысле.

Такое же положение следует признавать и по отношению к Животворящему Кресту и его изображению. Равным образом и при поклонении поклонение ей подобно тому, как в отношении к изображению Креста. Оно относительное, так как первообраз и образ суть предметы относительные, по выражению Василия Великого; ибо чествование образа восходит к первообразу. Поклонение одно в отношении к обоим, не рассекаемое и не разделяемое, но к первообразу оно обращается существенно, а к изображению относительно, равно как и самое созерцание образа там бывает существенно, а здесь по подобию.

Итак, поклоняющийся чьему-нибудь образу, или Христа, или Богородицы, или святого, или просто царя, или начальника, или низшего человека, поклоняется тому, чей он есть образ и, таким образом поклоняясь, не заблуждается, но, православно утверждаясь, верно опровергает погрешающих против истины с той и другой стороны. Кого же именно? Тех, которые отвергают поклонение досточтимым иконам, и тех, которые при поклонении говорят, что они существенно поклоняются самим первообразами. Те и другие из них равно богохульствуют: первые, как отвергающие таинство домостроительства, а вторые, как обоготворяющие или придающие существенность тому, что по существу далеко отстоит от первообразов.

Итак, надобно поклоняться иконе Христовой, — в этом главный предмет речи, — относительно, но не надобно богочитать ее; ибо это естественно относится к Самому Христу, так как богочитание единственно принадлежит Троице. И Богородицу не надобно богочитать, равно как и Животворящий Крест. Так и икону Христову не должно богочитать, а должно поклоняться ей, так что все поклоне-

ния, чрез посредство первообразов их, возносятся к одному и единственному богочтительному поклонению Святой Троице; ибо прочие все суть не богочтительные, а почитательные поклонения, по различию лиц, низшего или высшего.

XXXIX. К ИОАННУ-ГРАММАТИКУ¹

Нелицемерную искренность любви своей показало достоинство твое в поправках и замечаниях к сочинению, составленному нами, несведущими. Они должны быть всячески сличены с сочинением. Относительно же недоумения твоего, как мы разумеем подлежащее, которое сам ты разумеешь иначе, как ты объяснил, мы недоумеваем, как мудрый во всем муж впал в такое недоумение. Подлежащее, почтеннейший, по словам блаженного Леонтия², от которого остались прекрасные толкования, есть сущность вместе с лицом. И Великий Василий, говоря о Святой Троице, употребляет выражение: «не в подлежащем». Также и премудрый Дионисий в одном месте говорит: «Многое по свойствам, единое по подлежащему; свойства же созерцаются не в существе вообще, а в лице, как ты знаешь». В словах: «многое по свойствам, единое по подлежащему», подлежащее он принимает за сущность вместе с лицом; и потому не несправедливо, я думаю, оно употреблено в сочинении. Ибо то, что не едино по подлежащему, разве не тремя названиями и предметами означает в богосло-

¹ Иоанн Грамматик, впоследствии Константинопольский патриарх (834–843).

² Леонтий, епископ Неапольский на о. Кипр, писатель VI века.

вии? Таким образом, подлежащее есть не что иное, как сущность вместе с лицом. Если же что-нибудь более проникательное изобретет святость твоя, то не откажись научить нас в прекрасный дар от себя.

XL. ЗА ЕВСТРАТИЯ ИГУМЕНА¹

Предложение, кажущееся тебе здравомысленным, почтеннейший, (не говорю о прочих твоих предшествующих и последующих выражениях, как недуманных и странных), буквально таково: «Христос, Истинный Бог наш, имеет два естества, две воли, два действия, но одно Лицо из двух естеств; чье же Лицо я буду изображать на иконе?» Так как ты спрашиваешь: какое Лицо, то послушай внимательно.

Принявшее вид; ибо безвидный образ *Ипостаси* Отца (Евр. 1, 3) принял наш вид. Подлежащее времени; ибо Вечный принял временное состояние. Имеющее глаза, уши, нос, уста, ланиты; ибо не имеющий внешнего образа *по виду стал как человек* (Флп. 2, 7). Подвергавшееся лобзанию; ибо Необъятный был взят и лобзаем предателем (см. Мф. 26, 49). Подвергавшееся заушению; ибо Непрístupный, став доступным, получал удары от служителя (см. Ин. 18, 22). Висевшее на Кресте; ибо Бессмертный, *преклонив главу, предал дух* (Ин. 19, 30).

Не два лица означаются этим, — да не будет такого нечестия! — но одно Лицо, состоящее из двух и в двух естествах нераздельно и неслитно. Поэтому и говорит святой апостол: *о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти и открылся*

¹ Заглавие этого письма в подлиннике: Феодор за Евстратия игумена.

Сыном Божиим в силе, по духу святыни (Рим. 1, 3—4). Выражением *по плоти* он показал тебе то, что Иисус Христос описуем или изображаем на иконе, а словами *по духу святыни* то, что Он же неопикуем; на этом основании все богоносные Отцы весьма ясно называют Его описуемым и неопикуемым, видимым и невидимым, временным и вечным.

Если же ты не допускаешь этого, то твое предложение есть иудейское. Как ты, говоря, что Христос из двух естеств, называешь Его только неопикуемым? Это указывает на одно естество Его. Если же Он из двух, то следует назвать Его описуемым и неопикуемым. Таким образом, ты противоречишь сам себе. Если тебе Он кажется только неопикуемым, то это свойственно и манихею, лишаящему Слово человечества; ибо не имеющий его неопикуем и неизобразим; то и другое одинаково.

Или опять же: как ты причащаешься Тела и Крови Христовой, тогда как Он по твоему мнению неопикуем, а то, чего ты причащаешься, описуемо? Или не причащайся, почтеннейший, или, причащаясь, исповедуй, что причащаешься описуемого Тела и Крови описуемого Христа, чтобы тебе не оказаться павлианином, как будто причащаясь простого человека, а не воплотившегося Бога.

Итак, поистине несомненно следует, что изображающий Христа не есть служитель человека по Несторию или служитель твари по Арию, как ты невежественно пустословил, но вполне истинный православный христианин. Равно и не изображающий Его согласно с тобою есть манихей и вместе павлианин: первое, потому что названием неопикуемого представляет Его чистым Богом, воплотившимся призрачно, а второе, потому что при том же названии неопикуемого причащается Тела

и Крови Его, как простого человека (по ереси Павла Самосатского), а не Бога, истинно вочеловечившегося.

ХЛІ. К ФЕОДОРУ ДИАКОНУ

По требованию любви твоей приступаю к опровержению еретических возражений и, если опровергну их хорошо, то и ты приложи печать к словам моим, а если нет, то сам объясни рассудительнее. Но так как невозможно хорошо разрешить возражение еретиков, если не будет изложено самое предложение их, то пусть сначала будет представлено оно, а потом — православная вера.

Возражение еретика. Исповедуя одно естество Бога Слова воплотившееся, вы называете Христа чем-то целым или одною цельностью, состоящею из частей, божества и человечества. Итак, мы спрашиваем, что вы причисляете к Святой Троице, целое или часть? Если целое, то Святая Троица не будет Единосущною, а если часть, то, если причисляете божество, очевидно, оставляете человечество вне Святой Троицы, а если причисляете человечество, оказываетесь допускающими божество вне Троицы.

Опровержение его. Исповедуя одно естество Слова воплотившееся, мы исповедуем Христа не просто чем-то целым, но состоящим из двух соединенных цельностей, божества и человечества; по этим цельностям, как частям, взятым в совокупности, Он есть и целый Бог, естественно соединенный с Отцом и Духом, и целый Человек, существенно соединенный с Матерью и с нами, единственным образом соединяя в себе крайности и сохраняя в соединении свойства этих крайностей неврежденными и неслитными. При чем Троица остается Троицею, не принимая в состав свой чего-нибудь несродного, и человечество остается че-

ловечеством, не отделяясь от соединенного с ним божества. Итак, неразумно возражение твое, заимствованное из смешивающей предметы ереси акефалов¹.

Другое возражение того же еретика. Этот Христос, Который исповедуется нами, причисляется к Святой Троице или нет? Если Он причисляется к Святой Троице, то как после того Троица будет Единосущною? Если же не причисляется, то Он не будет Богом, а только простым человеком. Поэтому те же доводы, какими вы станете разрешать недоумение, сохраняя учение о едином Христе неприкосновенным, послужат и нам при этом недоумении.

Опровержение его. Этот Христос, Который исповедуется нами, теми же доводами, какими Он опроверг первое возражение, может опровергнуть и настоящее, как равное ему по нечестию. А тот Христос, которого вы чтите, то есть как одну естественную цельность, состоящую из частей, божества и человечества, не был бы ни единосущным Отцу, так как Отец есть только Бог, а не и человек, ни единосущным Матери, так как Мать есть только Человек, а не и Бог. И время вам искать других Христов, с которыми Он был бы единосущным; ибо невозможно, чтобы Он был познаваем, как единоличное естество.

Если же вы не можете найти, то, запутываясь в собственных возражениях, этой пустой выдумкой полагаете, что вовсе нет Христа.

ХЛІІ. К НИКИТЕ МОНАХУ

Присланную к нам от вашего преподобия чрез боголюбейшего митрополита книгу мы прочитали.

¹ См. I том, письмо ХL.

Написавший ее неправо мыслит относительно догмата о досточтимых иконах. Он говорит следующее: «Неизреченное и непостижимое человеколюбие Божие к нам и священные подвиги святых мы представляем прославленными в священных письменах, совершенно не услаждаясь со своей стороны никаким изображением или живописью; но позволяем простейшим, как несовершеннейшим, поучаться тому посредством сродного для них руководства и подходящего для них созерцания, в виде предуготовления».

Что сказать на это? Во-первых, то, что он производит разделение единой, совершенной и недопускающей никакого прибавления или уменьшения веры нашей, самому себе присвоая изображение событий посредством священных писем, а простейшим и несовершеннейшим предоставляя созерцание их в скульптуре и живописи. Потом он себе приписывает совершенство благодати, а им оставляет иудейскую юность, как нуждающимся в сродном руководстве. Итак, по его мнению, ложно говорит святой апостол: *нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 28). Если же апостол говорит истину (как и действительно говорит истину), и *один Господь, одна вера, одно крещение* (Еф. 4, 5), то для чего это пустое разделение на две неравные части, *царственное священство, народ святой* разделяется (1 Пет. 2, 9), и одни составляют совершеннейшую часть, а другие низшую? Затем, так как всякий здравомыслящий стремится к совершенству, то он будет считать несовершенное достойным порицания; а отсюда необходимо следует, что учение посредством изображений излишне. В особенности же он противится Великому Василию, не принимая того, что свя-

тым признается наравне: «Что повествовательное слово, — говорит он, — передает через слух, то живопись показывает молча через подражание»¹.

Таким образом, доблестный муж противоречит священным изречениям, равно как и верховному отцу, и, думая исправлять другого относительно этого догмата, оказывается сам пустословящим.

Поэтому мы совершенно отвергаем такое пустословие. Напоминаем и вашей ревности следовать тому же правилу православия, зная, что всякий совершенный, хотя бы он был облечен апостольским достоинством, имеет нужду как в Евангельском свитке, так и в начертанном согласно с ним изображении: ибо то и другое достойно одинакового почитания и поклонения.

XLIII. К ИСИХИЮ ПРОТОНОТАРИЮ

Прекрасно письмо добрейшего достоинства твоего — и как высказанное из благой сокровищницы сердца, и как блистающее красотой любви, но непохвально тем, что превозносит нас, невежественных. Ибо, когда я был, как говоришь ты, *светильник, горящий и светящий* (Ин. 5, 35), которым ты, господин мой, просвещаясь, радовался, или источником, светло протекающим, из которого любовь твоя почерпала спасительное слово? Напротив, не *темнее ли сажи*, скажу словами пророка, *стал вид наш* (Плач. 4, 8) от бесполезной жизни? И слово не изнемогло ли, не получая силы от дела, для утверждения слушателя? Говорю это не в укоризну смирнской темнице, — нет, почтенна она, хранительница досточтимого

¹ Беседа на день святых сорока мучеников. Творения в русском переводе. Т. IV. С. 274. М. 1892.

исповедания моего,— но в осуждение меня самого, как недостойно жившего в ней.

Впрочем, оставив это, сказанное в знак любви, обращаю речь к нужнейшему. Доброта твоя известила нас, что ты имеешь двух, скажу кратко, благодарованных дочерей, и первую из них еще прежде рождения обещал Богу на посвящение монашеской жизни, а вторую оставил в неопределенном состоянии. Теперь же, переменяв намерение, думаешь сделать наоборот по некоторому необходимому обстоятельству, именно — обещанную Богу отдать миру, т. е. выдать замуж за человека доброго во всех отношениях и одинакового возраста с отроковицею, а оставшуюся в неопределенном состоянии, совершенно юную и неравную по возрасту, принести в жертву Богу; но при этом колеблешься и сомневаешься, не будет ли это противно воле Божией.

Надлежало бы тебе, почтеннейший господин, спросить других об этом предмете и от них, как превосходящих ведением наше ничтожество, получить разрешение, а не вызывать на ответ нас, удаленных на такое расстояние по местопребыванию. Но если уже ты рассудил так по некоторому доверию, то, сообразив вместе с боголюбезнейшим архиепископом и братом нашим, мы полагаем, что это дело несправедливо, противно правой вере и примерам, бывшим от века.

Некогда Анна приснопамятная, обещав Самуила прежде рождения, не переменяла обещанного, хотя имела и других детей, но его принесла Богу. Блаженная Нонна, также обещав Григория Богослова, исполнила обет свой Богу. И святой Евфимий, будучи посвящен Богу родителями прежде рождения, не был заменен после рождения. Они и оказались неким дивным явлением в мире; за них и родители убажуются.

Как же мы, почтеннейший, поступив вопреки этому, избавимся от осуждения? Не обличит ли нас, напротив, блаженный Петр такими словами: *Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоем* (Деян. 5, 4)? Следующую за этим укоризну не стану повторять, беседуя с знающим. Подлинно, что посвящено Богу блаженным обетом, то обращать на обыкновенное употребление небезопасно.

Обыкновенное же употребление есть брачное сожитительство. Как обещавшийся быть монахом и сделавшийся им, возвратившись назад и женившись, осуждается; так и решившийся принести сына или дочь в жертву Богу, а потом изменивший намерение, подлежит такому же осуждению.

Так мы думаем, прости, хотя и хотели бы сказать что-нибудь успокоительное для тебя и сделать желаемое тобою, но ради одной заповеди не должно нарушать другую и ради спасительного для одного не должно употреблять вредное для другого, как показали богоносные Отцы. Об этом так.

Третий предмет речи — о некоторых монахах, которые, по-видимому, содержат правую веру и терпели много гонений за истину, но обращаются и вкушают пищу вместе с еретиками, и сходятся с ними, и считают это делом безразличным, как бы получив такую заповедь от какого-либо отца, соблюдая только следующие три условия: чтобы не принимать благословения от еретиков, не петь вместе с ними, когда они предначинают, и не участвовать в приобщении хлеба их.

Это противно постановлениям Святых Отцов. Ибо они не позволяют ни обращаться, ни вкушать

пищу, ни петь вместе, ни вообще вступать в какое-либо общение с еретиками, но и возвещают горе тем, которые имеют общение с ними и в пище, и в питии, и в обращении. Итак, достойный осуждения и чуждый учитель тот, кто говорит это, кто бы он ни был между людьми.

XLIV. К ГРИГОРИЮ КОНСУЛУ

Огорчало нас доселе достоинство твое, не присылая писем; между тем ты пишешь хорошо, как показывает само письмо. В нем мы восхвалили не только ученость твою, но и любознательность, желающую получить высшее образование, для чего свиток, который ты требуешь, мы имеем, но не здесь. Если же случится быть в тамошних местах нашему помощнику эконома, то, взяв его оттуда, где хранится, он доставит тебе. Прекрасно образование, господин, доколе оно содействует действительно истинному образованию, а не беснуется, делая невежественными причастников его.

Смысл же апостольского изречения: *ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно* (Кол. 2, 9), мне кажется, таков: в плоти Слова, принятой от Девы, как бы в храме, который Оно создало Себе, обитает вся полнота божества; *вся полнота*, — говорит он, — а не часть какая-нибудь, как думали разделявшие не имеющее частей божество. А слово *телесно* значит: существенно; ибо так разумеют Отцы в противоположность тем, которые пустословят, будто — относительно.

То же означает и следующее изречение: *Слово стало плотью, и обитало с нами* (Ин. 1, 14). Чтобы кто-нибудь не подумал, что Слово обратилось в

плоть, он прибавил: *и обитало с нами*. Очевидно, что иное — Обитающий, и иное — обиталище, в котором обитает Обитающий, так что два, божество и человечество, пребывают в одном Лице Христа. Если же тебе кажется иначе, то не лиши пронизательнейшего и вернейшего соображения нас, малосведущих и, прибавлю, нерадивых, хотя ты и превознес нас до небес дружескими похвалами.

XLV. К ФИЛОФЕЮ КТИТОРУ

Приятно письмо достоинства твоего и Богу, и благочестивому человеку; ибо в настоящее время, когда свирепствует еретическая ночная борьба и буря нечестия, ты показал нам, что ты сияешь в здешних местах, как звезда, не омрачаясь общением с еретиками и не погружаясь в бездну неверия. Благословен Господь, имеющий и в мирском звании держащихся закона Его, при нынешнем смятении и ниспровержении православия. Блажен ты, почтеннейший брат, и поистине приличествует тебе имя твое¹; ибо ты и Бога возлюбил, и закон веры сохранил.

Ты объяснил в письме, что так и так ты был руководим теми блаженными отцами, которые переселились к Господу благою кончиною, *которых имена в книге жизни* (Флп. 4, 3). Это хорошо и свойственно твоей пламенной ревности. По отшествии же их, как бы осиротев, ты опять требуешь руководства от нашего смирения; а мы уничижены и ничтожны; но так как написано: *снисходя друг ко другу любовью* (Еф. 4, 2), то по этой любви в Господе мы повинемся и одобряем расположение твое, поистине прекрас-

¹ Филофей по-гречески — боголюбец.

ное и похвальное. Ты всячески старался воздерживаться от общения с еретиками и воздерживался, как говоришь, благодатию Христовой. Продолжай же воздерживаться, ибо таким образом ты окажешь свою любовь к Богу и общение с Ним, а противоположное общение отделяет от Христа.

Что же касается до того, что вас принуждает военачальник есть вместе с еретиками и вкушать яства, ими знаменуемые крестом, так как господин военачальник иначе не может оставаться в безопасности; то ответить на это легко мы не можем, ибо закон строго требует, чтобы православный отнюдь не имел общения с иноверными и не принимал участия вместе с ними ни в пище, ни в питии, ни в обращении. Зная это, доброта твоя пусть держится своей благой ревности, назидая на хорошем основании прекрасные здания точного исполнения заповедей, молясь и о нашем смирении.

XLVI. К ИРИНЕ ПАТРИЦИИ

Так как ты, госпожа, приветствовала нас, смиренных, чрез почтеннейшего пресвитера, то взаимно и мы приветствуем тебя письмом, с удовольствием принимая твою прекрасную веру и теплую доверенность и отсюда убеждаясь, что ты добрая между женами, боголюбивая и монахолюбивая, так что прилично сказать следующие слова Писания: *Счастлив муж доброй жены* (Сир. 26, 1). Видишь, госпожа, как за твою доброту ублажается Писанием господин патриций и благодарованный супруг твой. Поэтому усердно старайся сделать его еще более блаженным.

Каким же образом это возможно? Если ты еще более будешь делать добро, именно, напоминать

ему, увещевать его, умолять, чтобы он боголюбезно проходил высокую должность военачальника, как он и проходит, чтобы утешал сирот и вдовиц в скорби их, соблюдал себя незапятнанным от несправедливости, был монахолюбивым и нищелюбивым, кротким, — ибо власть и сама по себе достаточно может устрашать подвластных, — воздерживался от угроз и, наказывая с целью воспитания, наказывал человеколюбиво и умеренно (ибо и совершенное послабление неспасительно, и чрезмерная строгость неодобрительна), а прежде всего был по вере православным.

Если он скажет, что по внешности прежде он не мог соблюдать этого, хотя и это не может достаточно оправдывать пред Богом, — ибо не должно ничего предпочитать любви Его, — то по внутреннему человеку может соблюдать себя и быть спасителем многих и монахов, и мирян, и начальников, и подчиненных. Об этом мы осмелились напомнить, побуждаемые духовной любовью к вам, зная, впрочем, что и без напоминания вы держитесь добра.

XLVII. К ВРИЕНЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКУ

Дошла до нас весть о смерти блаженной матери, и сколько мы сетовали, нужно ли и говорить об этом? Сетовали не о почившей праведно, — нет, для нее это переселение есть приобретение, так как она избегла этой многогрешной жизни, но помышляя о твоей доброте, совершенно как бы осиротевшей и не имеющей никакого утешения в жизни, притом находящейся в таком горестном положении и даже не получившей удовольствия от благочестивого погребения ее, что обыкновенно доставляет некоторое уте-

шение, то есть прощальная речь и последние слова умирающего, объятие почитаемых останков и самый взгляд на гроб, в котором они полагаются. Ты, кажется, испытал страдания Тантала (хотя это сказание и баснословно), — томясь жаждою среди источников, узнав по одному только слуху, а не видев глазами кончины матери.

Что же затем? Будем ли скорбеть больше надлежащего? Будем ли проливать слезы без меры? Будем ли сетовать неудержимо? Но где знание, где мудрость, где разумение, которыми украшено твое благородство и притом более многих из нынешних сановников? Нет, возлюбленный, нет; но, посетовав и поплакав умеренно, сколько нужно для исполнения долга погребения матери и для удовлетворения естественной потребности, обратимся опять, если угодно, к самим себе и будем возвышенным взором смотреть на здешнее. Ибо находящееся на земле есть сновидение, тень и забава, как говорит некто из богословов; несуществующие рождаются, а существующие разрушаются. Так и мы пойдем тем же путем, которым прошли отцы наши, и всех ожидает одинаковая участь, а, может быть, одна другой печальнее; ибо один, может быть, будет погребен мирно, а другой не так, но делается или жертвою войны, или добычею моря, или как-нибудь иначе погибнет жалким образом, как мы видим в другом роде внезапной смерти, чего блаженная мать избавилась, отшедши отсюда в святости и крестной жизни.

Остается нам при этом произнести приснопамятные слова божественного Иова: *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21). Прибавил бы я, что эти слова могут быть полезны нам и в наших прискорбных и за-

труднительных обстоятельствах, ибо и тот знаменитый муж, как ты знаешь, среди бесчисленных бедствий воздавал благодарение Богу. Не будем же унывать, любезнейший, и не станем отчаиваться в жизни, зная, что Бог не попустит нам *быть искушаемыми* сверх наших сил (1 Кор. 10, 13). Кто знает, *что родит завтрашний день* (Прит. 27, 1)? И кто сказал бы Аврааму: *Сарра будет кормить детей грудью* (Быт. 21, 7)? Знаменательны эти слова. Будем же молить Самого Господа славы, чтобы Он, коснувшись твоего сердца, произвел в нем свет нескончаемого утешения, так чтобы оно, имея в самом себе средства утешения, не нуждалось в словах другого.

Видели мы и возлюбленного брата нашего и духовного сына, господина Иоанна, единокровного вашей высоты, посетившего нас, грешных, по-надлежащему; его мы утешали краткими словами о смерти матери и увещевали с братским расположением переносить касающееся твоего благочестия.

XLVIII. К ЕВФРОСИНИИ ИГУМЕНИИ

И теперь мы посещаем достоинство твое писемом, желая знать, в здравии ли ты продолжаешь священно проводить духовную жизнь. Делать это — наш долг; ибо ты сама вверила себя нашему смирению после блаженной матери своей, которой память в книге живых, как жившей прекрасно и оставившей в жизни своей образец благочестия не только для тебя, священной и богомудрой, и для подвластных тебе, но и для всех других, которые желают ревновать о добре. Итак, имея в матери пример добродетели, приложи, увещеваем тебя, госпожа, должное еще и со своей стороны, чтобы по прекрасному образцу и самой тебе

сделаться образцом божественной жизни для взирающих на тебя, как ты и сделаешься. Ибо мы еще и еще слышим о прекрасных делах, которые ты совершаешь как в руководстве сестер, с любовью соединяя всех единокровием, бодрствуя пред Богом в молитвах, псалмопениях, чтениях, так и в братолюбивом принятии странников, разнообразно разделяя себя между заботами и благодеяниями. Что глаз в теле, то же в Византии, как я слышу, твой монастырь, которым прославляется Бог и неизречно радуется блаженная мать; ибо святые удостоены взирать на доблестные дела учеников своих.

Радуйся же, добрая учительница и истинная мать детей Божиих; другие пусть получают земные достоинства и отличия, диадемы и венцы временные; для тебя достаточно будет креста Христова, богоугодной жизни, возлюбленного Христу девственного жилища и, если угодно, важнейших золота и драгоценного камня глаголов Божиих, темной одежды, последования Христу; это выше всего земного и есть залог царства небесного.

Пусть же не дремлет у тебя око ума, и не заграждается слух сердца, и никогда не прекращается божественная любовь твоя, но возрадай постоянно, преуспевающая в добродетелях, умеряя и сокрушая душу и как бы из некоторого источника проливая слезы. Эта вода особенно хороша: она очищает душу, иногда оскверняемую помыслами, погашает огонь, по невнимательности воспламеняющийся от плотской любви, укрошает беспокойные расположения от нападений врага, поистине преклоняет Бога на милость и возвращает в прежнее невинное состояние любящего ее.

Как мудрая, ты разумей, о чем я говорю. Господь подает тебе благодать и еще да подаст тебе, чтобы

любить и взаимно быть любимой, желать и взаимно быть предметом желаний, так чтобы и тебе можно было сказать с апостолом: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Подлинно, кто всецело любит Бога, тот выходит из себя, в Любимом живя и двигаясь, и существуя. Такою быть слово мое желает тебе, невесте Христовой, и подвластным тебе дочерям Божиим.

Что же после этого? Жених Христос, небесный брачный чертог, блага вышнего Иерусалима, самое царство небесное и все утешения, обещанные святым, достигнув которых, блаженная мать увещевает и вас пребывать в подвижничестве, в согласии, в единокровии, попирая страсти, ненавидеть плоть и кровь, прилепляться к добродетелям, посредством которых можно достигнуть тех неизреченных благ.

XLIX. К ЕВДОКИМУ СПАФАРИЮ

Во второй раз пишу к твоему достоинству и делаю это по убеждению Силуана, почтеннейшего брата нашего. Ибо, придя для личной беседы, он тронул нашу смиренную душу, рассказав подробно, как ты, господин наш, с благодарностью переносишь случившееся и относишь к Богу свое страдание, поставляя вне себя все, причиняемое кознями человеческими, имея в виду одно: как бы тебе впредь устроить жизнь благоугодно Владыке всех. Всем этим он расположил нас по справедливости сказать, что *добрый человек из доброго сокровища выносит доброе* (Мф. 12, 35). Подлинно, сложив в душе своей, как бы в некоторой сокровищнице, сокровища ведения, приобретенные прежним обучением, Божественным и человеческим, ты в благопотребное время вынимаешь духовные богатства,

чтобы устроить свое спасение. И посмотри, добрый человек, как во благо послужили тебе божественные познания, чтение и учение, досуг и упражнение, посещение церкви и молитва, приобретение священных глаголов и свитков, как ты богат, хотя и немного есть у тебя средств к жизни, как хорошо твое лицо и красоты твои вежды, хотя ты и лишен зрения несправедливостью, как ты знаменит и славен, хотя ты думаешь, что влачишь позорную и бесславную жизнь.

Без сомнения — это искушение и испытание добродетели, чтобы, когда по-видимому мы оставлены, тогда и оказаться нам благодетельствованными благим Богом, Который счастьем и несчастьем, *в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах* (2 Кор. 6, 8), и прочим, перечисленным в словах апостола, благоволит полезно устраивать жизнь нашу.

Это древняя истина и отличительный признак жизни богоугодных мужей. Возьми в пример Авеля, которого праведность засвидетельствована Богом; не сделался ли он жертвою руки брата? Возьми Еноха, угодившего Богу; не исхитил ли его Бог из среды тогдашних развратников, старавшихся и его развратить, переселив в неизвестные места, где он и доселе пребывает, имея быть предвестником Второго Пришествия Христова? Вспомни Авраама, который был разнобразно искушаем Богом, *испытанная вера которого драгоценнее золота* (1 Пет. 1, 7). Не говоря о многих других, которых невозможно всех упомянуть в письме. Если мы сравним страдания многострадального Иова со своими, то найдем наши весьма незначительными и будем непрестанно повторять приснопамятные слова его.

Так увещеваем тебя, возлюбленный, устраивать дела свои и, высшими помыслами и проникнутыми ве-

рою мыслями, обращать время несчастья и страдания в счастье и благополучие. Ибо кто так утвердился и живет упованием на Бога, того не поколеблет ничто человеческое, как стоящего выше всего, обыкновенно причиняющего скорби. Ты говоришь, что при слушании читающего клонит тебя ко сну; это неудивительно; лишение зрения обыкновенно производит это. А что ты, как говоришь, не имеешь никакого дела в руках, по бездействию естественных сил, и об этом не беспокойся. Апостол говорит: *есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, — все сие да будет к назиданию* (1 Кор. 14, 26). Кушай, пей, спи. Только имей благодарность и читай то, что есть у тебя внутри и содержится в естественной книге ума. Спустя немного ты будешь ясно смотреть и увидишь неприступный свет, Иисуса Сына Божия, грядущего с небес со Славою и Силою Своею в огненном пламени, чтобы одних осудить, как достойных осуждения, а других прославить, как причастников славы (2 Фес. 1, 6—7), с которыми да будешь и ты, любезнейший мой и почтеннейший, сияя подобно лучу солнечному. Намерение твое — обратить предместье в монастырь, и прочее, так или иначе задуманное к добру, все принял Бог, как уже совершившееся; только ты переноси лишение всего с благодарностью.

Молись о нас, грешных, и не только о нас, но если и кто другой из преподобных станет просить молитв от тебя, как удрученного страданиями. Боголюбнейший брат наш и архиепископ усерднейше приветствует тебя.

Л. К СЕРГИЮ ИГУМЕНУ

Благодарение Господу, что достоинство твое здравствует; так извещают письмо и двое братьев. С

удовольствием приняли мы и намерение твое — прийти к нам, которое, впрочем, встречает препятствия в происходящих междоусобных войнах и опасностях на пути. Бедствия эти Господь Бог наш скоро устранил, доставив мир подданным и избавив от нашествия агарян. Узнали мы и о том, сколько зол произошло от меча их в тамошних местах. Все это — наказания от Бога за неисправимые пороки наши.

Впрочем, ты, добрый муж и почтеннейший брат, стой и мужайся в руководстве братий, не падая духом, хотя и терпишь много трудностей, и не тяготясь заботами, хотя силы и ослабевают. Но, во-первых, — чего прежде всего нужно желать, — соблюдай веру твердо и непоколебимо, всячески избегая общения с иноверными. Ты знаешь, что теперь гонение, и не дело совершенства — сидеть дома и оставаться негонимыми, тогда как ревнители благочестия много страдают и некоторые увенчались венцами мученичества. Поэтому вам нужно вести строгую жизнь, которая восполнила бы недостатки ваши, какую вел прежний предстоятель ваш, а от него и вы все наследовали; ибо какова глава, таково и все тело. Говорю это не для того, чтобы вы рассеялись, но чтобы тщательно соблюдали себя и укреплялись, воздерживаясь общения с ересью.

Во-вторых, будь крайне внимателен и неусыпно бодрствуй; ибо много у нас врагов издревле, много сетей диавола, который *ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8). Одного старается он погубить плотскими удовольствиями, другого — болезнью неверия отторгнуть от общества братий; иного заражает стрелами зависти, желая сделать из него второго Каина; иного поражает грехом сребролюбия, стараясь показать второго Иуду. Кратко сказать: его дело ночью и днем — наша погибель.

Будь же внимателен, соблюдай делами и словами овец Христовых. И великая награда будет тебе от Бога. Ибо Сам Он сказал верховному из апостолов: *Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Паси овец Моих* (Ин. 21, 15–16). По этому изречению, пастырский жезл есть доказательство любви к Нему.

ЛІ. К СТЕФАНУ СЫНУ

Добрый и возлюбленный сын Стефан, пришел ко мне авва Анфим, и точно как бы тебя увидев, я спрашивал его, как ты поживаешь. Ибо обязанность настоятельства требует этого; так я поступил и с братом твоим Анфимом. И узнал я, что вы имеете любовь между собою, но не такую, какой требует истина между верными братьями о Господе. Что это значит, что не все у вас общее, но ты имеешь свои деньги, и он имеет свои деньги, чем и нарушается любовь? Ибо как может быть одна душа и одно сердце там, где употребляются слова: мое и твое? Отсюда подозрения, отсюда злословия. От этого не Христос среди вас, сказавший: *ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20), но враг душ наших, расторгающий члены Христовы. Ибо очевидно, что где своекорыстие и необщительность, там нет Христа.

При апостолах, по Писанию, *никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее* (Деян. 4, 32). Не стыдно ли теперь, простите, вам двоим не иметь все общим, тогда как при апостолах у такого множества верующих была общность? Посему там был Христос, а между вами нет, хотя и тяжки эти слова; ибо иначе вы были бы единодушными,

согласными, единомысленными, поддерживали бы друг друга, заботились бы друг о друге, были бы довольными, послушными, обходительными, веселыми, довольствовались бы тем, что есть, проводили бы жизнь приятную и при одном только хлебе и воде, какую проводили святые.

А теперь происходит противное тому, как выше сказано. Отсюда у вас и беспокойство о том, чтобы прибавить еще одну серебряную или одну золотую монету к деньгам, уже собранным; это страсть сребролюбия и дело Иудино.

Я спрашиваю, а вы отвечайте мне: есть ли у вас хлеб и вино, и немного масла с другими необходимыми припасами для пропитания тела на один месяц или на два? Если дадите утвердительный ответ, то благодарение Господу; а если нет, то купите на деньги, которые недавно я дал вам, и не будет никакого беспокойства, никакого смущения. Я знаю, что их достанет на нужды и в течение четырех месяцев. А когда будете нуждаться, то опять так или иначе прибавлю — и посредством ваших собственных трудов. Питающий все пропитает и вас. Вот превосходная жизнь; таким образом, вы будете иметь Христа между вами, то работая, то молясь, то отдыхая, то читая. И воссияет вам приятный свет, и взирающим на вас вы будете любезны, и Бог прославится в вас и взаимно прославит вас и ныне, и в будущем веке; и для нас, грешных, вы будете хвалою, и для всего братства славою.

Это сказал я не потому, чтобы вы имели сокрытое золото; да не будет его у вас, чтобы вам не услышать: *ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет* (Лк. 12, 34). А для монаха сокровище уже то, если он приобретет себе больше трех монет, как написано у

Отцов, и притом с мыслию о бедных. Ибо строгий монах, господствующий над миром нестяжательностью, не имеет и одного сребреника и взывает вместе со святым Павлом: *мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем* (2 Кор. 6, 10). Подлинно, такому Бог всегда отверзает дверь: и находящемуся в покое, и гонимому, и заключенному в темнице, и терпящему какую-нибудь другую скорбь. Такой есть христоносец и истинный христианин, ангел на земле и богоподобный муж, наследник Богу и сонаследник Христу.

Вникните же, братия, в эти слова: и если вы оба имеете три монеты, то не исключаетесь из числа монахов, по примеру отцов; а если имеете более десяти монет, как я слышу, или еще более, то знайте, что вы отпали от монашеского чина и стали служителями не Христа, но врага, и сынами не меня, смиренного, а корыстолюбца. Может быть, вы скажете: ты сам имеешь. Да; и Христос имел в ковчежке, который был носим, и всякий игумен и предстоятель церквей имеет. Но это для братской экономии. Господь в Евангелии говорит Иуде: *что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим* (Ин. 13, 27–28). Так, по примеру Христа, у всех истинных предстоятелей, конечно, есть ковчежек; но не для чего-либо иного, нет, ибо это было бы противно Богу. Итак, если и вы предстоятели и кто-нибудь подаст вам, как и Самому Христу служили именем своим следовавшие за Ним жены, как написано (Лк. 8, 3), как и иным святым и иные служили, то хорошо; и тогда да будет у вас не десять монет, а тысячи; ибо это не

ваше, а Христово, и вы распорядители благ Христовых, как и Павел, ничего не имевший, а все содержавший, и всякий другой доселе богобоязненно предстоятельствующий.

Если же вы не предстоятели и правители душ, то прошу и умоляю, немедленно раздайте превышающее определенную меру, чтобы вам, заразившись страстью сребролюбия от диавола, не перестать быть учениками Христовыми. Это сказал я не вам одним, но чрез вас и всем братьям, не по ненависти, нет, но по великой любви, и желая не стеснить вас, а сделать совершенно свободными. Ибо в такой тесноте широта и в скорби о Христе — радость духа. Сыны мои, послушайте меня, грешника, подающего хороший совет, повелевающего согласно с законом, чтобы нам, по всему и во всем благоугождая Христу, сделаться наследниками вечных благ.

ЛII. К МАРИИ ИМПЕРАТРИЦЕ¹

Какие и кто мы, униженные, что удостоились защиты при совершающихся бедствиях и, кроме того, слишком превознесены похвалами от весьма почтенной твоей власти? Впрочем, как приняли мы снисходительность твоего благочестия, это действительно покажут дела, в случае же нужды, ты избавишь многих от ложного подозрения, которое обыкновенно допускается при таких обстоятельствах. Это и не удиви-

¹ Императрица Мария была супругою императора Константина VI, с которой он развелся в 795 году, заключив ее в монастырь, откуда она была приглашаема дочерью своею ко двору при императоре Льве Армянине. По этому случаю и написано настоящее письмо в 816 году.

тельно; потому что произнесенное слово распространяется между многими, не удерживая у каждого совершенной истины.

Какие же мы найдем слова, желая уврачевать скорбь твоего многопечального сердца? Или какими нежными врачевствами можем облегчить тяжесть души твоей? Ты потерпела, начнем речь нашу с начала, несправедливый развод с супругом, лишившись вместе с тем и державы, от чего поколебался мир. Жалкое зрелище! Прелюбодейка облеклась в порфиру, а царица — в черную одежду; раба стала господствовать, а госпожа — служить. Не будем говорить о прочем, о чем ты, страждущая, знаешь гораздо лучше нас, несведущих. Ты потерпела ссылку за истину, быв отторгнута от собственной внутренности. Отсюда тебе великая скорбь и высокая хвала от Бога и всех благочестивых.

Третий удар настоящий, по случаю которого мы получили повеление сказать должное. Иные будут говорить иное: чтобы мать следовала за дочерью; ибо это бывает, говорят, даже и у зверей, по естественному влечению. Пусть кто-нибудь думает так; а мы, униженные, повторим слова Господа: *кто Матерь Моя и кто братья Мои* (Мф. 12, 48)? И еще: *кто приходит ко Мне и не возненавидит дщери, не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26).

Что же следует отсюда? То, чтобы твое благочестие оставалось дома, когда Августа занимает дворец, в котором евангельский меч явно производит рассечение. Это, прости, госпожа, с великою внимательностью и тревогою сердечною осмелились мы, как бы беседуя на ухо, изложить в письме, моля Бога о даровании обеим вам лучшего и спасительного и ныне, и в будущем.

ЛIII. К ВАСИЛИЮ МОНАХУ

Мы не отказываемся излагать на письме смиренное наше слово всякий раз, когда вы разумно требуете того, почтеннейший, так как оно может быть и полезно для вас. Это самое мы выразили и в предшествовавшем письме. Поэтому и теперь мы излагаем его частью для утешения, частью для напоминания. Какое же утешение?

Скончалась в Господе игуменья с десятью сестрами, как вы говорите: это не беспечальное событие, но весьма поразительное; ибо по отнятии головы все тело мертво, и по отсечении лучших членов оставшиеся неблагоприятны. Таково это событие по плоти. Но *соображая духовное с духовным* (1 Кор. 2, 13), случившееся и прискорбно, и вместе радостно: первое по причине лишения, а второе по надежде. Вы похоронили игуменью особо священную, как говорите, и сестер почтенных; это причина радости, так как преставившиеся приготовят вам место покоя молитвенным ходатайством, подобно как предшествующие на пути приготавливают помещения для отдыха; а мы, оставшиеся, будем соревновать в доброй жизни и честном поведении и постоянно взирать туда, где спустя немного встретимся с матерью о Боге и сестрами.

Вот какова скорбь ваша, соединенная с надеждою и радостью, а не такая, как у умерших плотью, которые с плачем и безумными воплями предаются скорби, подобно язычникам, *не имеющим надежды* (1 Фес. 4, 13). Поэтому для них не вожделенна кончина, а весьма горестна. Для нас же, для которых *жизнь — Христос, и смерть — приобретение* (Флп. 1, 21), служит поводом к радости кончина духовных отцов, как

живущих в Господе жизнью гораздо вышею здешней жизни и бессмертною.

Итак, оставив всякую неразумную скорбь и непристойные слезы, вы, в том состоянии, в каком поставлены благодатию Христовою, — один в управлении мужскою обителью, а другая в управлении женскою, *трезвитесь, бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8), *будьте мужественны, тверды, все у вас да будет с любовью* (1 Кор. 16, 13–14), все с соблюдением заповедей, по указаниям святого Василия. Пусть они процветают в обеих обителях ваших, чтобы вы, мужи и жены, проводя неукоризненную и непорочную жизнь, прославили Бога в теле вашем и в духе вашем; пусть один монастырь от другого богоприлично поддерживается и устраивается, то есть чтобы ты, брат Василий, написавший нам и известный нам, присутствовал и принимал на себя заботы в том и другом монастыре, сколько возможно, хотя ты и не несешь обязанности предстоятеля, но, когда желание твое исполнилось назначением преемника, еще более оказывая свое усердие и содействие в должном.

Итак, вы имеете прекрасные примеры к преуспеянию в добродетели в отшедших женах и мужах; имеете жития святых, постановления отцов; имеете еще более того, Создателя всего Бога среди вас по неложному Его обетованию (см. Мф. 18, 20); имеете предстательницей Пресвятую Богородицу, всех святых ходатаями, имеете и наше ничтожество, готовое усердно служить вашему благу.

Делайте же все хорошо, исполняйте все мирно. *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите* (1 Фес. 5, 16–18), взывает великий апостол, молитвами которого да спасемся и мы, и вы.

LIV. К ИЛИИ ПРЕСВИТЕРУ

Приветствие твое, священный человек Божий, весьма почтенно и служит знаком единодушия; но вопрос, не знаю, как и сказать, странен и неизвестен нашему смирению. Никогда ни прежде, ни теперь мы не слыхали, чтобы сыновья были постригаемы отцом насильно или против воли. Ибо, если они еще дети или не достигли совершеннолетия, то не имеют своей воли, так как неспособны различать добра и зла. Поэтому их дело подчиняться решению родителей, как это известно относительно Анны, которая принесла Самуила Богу, и относительно тех, которые поревновали ей, не беспокоясь о будущем, как говорит Григорий, прозванный Богословом, сам прежде рождения принесенный Богу.

Приношение родителей не всегда было действительно вследствие того, что в некоторых случаях погрешали относительно настроения, состояния тела и возраста тех, которые имели быть принесенными Богу. Отсюда происходили некоторые печали, так как иногда, как это было известно и ранее, и теперь, бывало иногда хорошо, а иногда худо. Когда же дети таким образом приходят в сознание и законный возраст, то не приятно и не естественно было бы, чтобы родители насильно налагали на них совершенство монашеского звания. И так как относительно внешнего мы приучены соблюдать естественный порядок, чтобы некоторые из нас не считались от людей невежественных чуждыми природе или лишенными разума, то мы отвергаем всякие объяснения по этому поводу.

Тебе же, полагающемуся на Бога и любящему Его, мы напоминаем и увещеваем право править слово истины, имея слово как огонь, подобно соименни-

ку твоему: впадающего в блуд монаха наставлять, увещевать, просвещать, восстанавливать из падения, чтобы члены Христа не сделались членами блуда. Быть может, слово, коснувшись его когда-либо (хотя и поздно), как искра для сухих дров, зажжет любовь ко Христу во внутреннем человеке, на которого оказал влияние внешний человек, уже постриженный в монашество, но совершенно отвергший свое исповедание, как бы надругавшийся над Тем Самым Святым Духом, от Которого благодать.

И сам убеждай, и каждый из благочестивых, чтобы ты не был уличен, как участник против заповедей богопреданных изречений.

LV. К МАКАРИЮ МОНАХУ

Мы ободрены братским твоим голосом, возлюбленнейший, ибо нет ничего приятнее дружбы, особенно когда один ум и одна душа по Боге как в словах, так и в делах. Таким ты был известен нам некогда с самого начала. Поэтому мы, смиренные, умоляем, чтобы в таком же состоянии ты постоянно пребывал, сохраняя и учение православное, и образ жизни, соответствующий этому учению. Если же ты от нас получаешь некоторую пользу, как говоришь, то это должно отнести к Богу, от Которого как для нас, так и для вас здравие и души, и тела. Впрочем, об этом довольно: ибо не время распространять речь мне, занятому другими затруднительными делами.

О епископе же Хиосском для чего ты написал то и другое? Мы даже не виделись лично с этим мужем, по прибытии его сюда, во избежание подозрений, но и не оставили его совершенно без ответа; ибо непозволительно отвращаться и от простого человека, тем бо-

лее — от носящего тот же образ и получившего имя епископа. Мы обрадовались, что он, хотя и поздно, отказался от епископства, решившись быть как бы отверженным, и наложили на него надлежащую епитимию, как мы делали с поступавшими подобно ему. Бог есть Бог кающихся. Это именно и требовалось в действительное доказательство раскаяния от нас и от других, от которых зависело врачевание, — отказ падшего от епископства и отлучение от священнослужения с епитимией до времени мира. Если же этот муж признал нужным поступить так, то кто мы, чтобы отвергать приходящего и чрез то делаться врагами Богу?

И ты, почтеннейший, не гневайся на этого мужа, хотя бы в действительности оказалось, что он совершил больше того, о чем ты говоришь; а мы и не слыхали об этом до настоящего времени, и если бы слышали, не стали бы осуждать его. Ибо написано: *судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает* (Ин. 7, 51)? Также и апостол говорит: *обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях* (1 Тим. 5, 19).

Притом не об этом идет речь, или предстоит право судить, но о том, что падшие приступают к покаянию; а сказанное тобою, почтенный, может быть предоставлено или здесь в надлежащее время предстоятелям Церкви, или в будущем веке Судии всех. Поэтому советую доброте твоей, оставив те речи, благодарить теперь Господа за раскаяние этого мужа, чтобы нам содействовать Богу, желающему спасения всякому человеку (см. Иез. 33, 11; 1 Тим. 2, 4). И таким образом да имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа (Рим. 5, 1).

И наконец, когда будет у тебя время, если хочешь, тогда и можешь рассудить по правоте

(Пс. 74, 3). Ныне же молись о нас, чтобы нам быть здоровыми по душе и по телу; ибо мы сознаем себя грешнейшими всех людей.

Господин архиепископ усерднейше приветствует тебя, получив приветствие от тебя, также и все находящиеся с нами братия. Будь здоров в Господе, брат.

LVI. К АВКСЕНТИУ ИГУМЕНУ

Письмо достоинства твоего мы получили и, сколько можно было нам, прочитали, отбросив похвалы нам, как совершенно недостойным похвальной речи, а скорее достойным обличительного порицания. Ибо кто мы такие, непотребные и недостойные даже того имени, которым называемся?

Относительно же мест Писания, о которых ты спрашиваешь, мы весьма удивились, почему нужно изъяснение от нас, несведущих, и притом таких мест, которые изъяснять свойственно одним только богоносным мужам, от которых и осталось изъяснение, в особенности буквальное от Великого и божественного Василия.

Итак, взяв толковательную книгу его на Исаию, ты можешь узнать желаемое; притом и меру письма превосходит обсуждение таких предметов, требующих целого сочинения. Ты прибавляешь, что предстоит словопрение с иудеями; оставь этих христорборцев, почтеннейший из отцов, неистовствовать против себя самих. Ибо, если они не внимали наставлениям Самого Христа, Истинного Бога нашего, отвергли наставления апостолов и отвращались от высокого учения вообще всех богоносных мужей, то напрасно было бы нам руководить их или вступать с ними в беседу. *Оставьте их, — сказал Господь, — они — слепые* (Мф. 15, 14). И пророк говорит: *нечестивым же нет мира, гово-*

рит Господь (Ис. 48, 22). Ибо кроме того, что мы не получим никакой пользы от такого собеседования, еще и сами можем заразиться ядовитыми речами их, как бы ядом змия. Бог сокрушит зубы их в устах их: челюсти львов сокрушил Господь (Пс. 57, 7).

Этого довольно для тебя. А что необходимо нужно нам, чтобы угодить Господу? Как мы избежим сетей диавола? Очевидно, в том случае, если окрылимся духом: *ищите горнего, о горнем помышляйте, где Христос сидит одесную Бога (Кол. 3, 1–2), откуда Он и придет с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне, чтобы дать отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Его (2 Фес. 1, 7–8), т. е. иудеям и согласующимся с иудеями как по искажению веры, так и по развращению жизни.*

Об этом заботься, любезнейший, в этом пребывай, чтобы преуспевание твое явно было во всем. Павел, великий проповедник истины, заповедует тебе: *Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся (Тит. 3, 9).*

Впрочем, чтобы кратко ответить на предложенное тобою, скажу: все содержание пророчеств относится к Пришествию Господа нашего Иисуса Христа, Которым и народ отвергнутый спасен от четырех крыльев или концов земли.

Выражение: *начертал тебя на дланях Моих; стены нового Иерусалима (Ис. 49, 16)* означает крестное страдание. Ибо повешенный святыми руками на гвоздях отторгает людей от греховных страстей и украшает подлинной красотой богоподобия. Поэтому, вскоре после тридневного Воскресения: *возведи очи твои и посмотри вокруг: все собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут (Ис. 60, 4); жив Я, говорит Господь (Ис. 49, 18).*

Следующее за этим, в связи с тем же пророчеством, радостно, торжественно и исполнено веселия; и всякий благомыслящий поймет и отзовется надлежащим образом; а неблагомыслящий иудей останется развращенным в сердце своем и не послушает здраво ни Ветхого, ни Нового Завета; чего да избавимся мы молитвами святых, священный отец, и да спасемся в царстве небесном, во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

LVII. К ЕВДОКИМУ СПАФАРИУ

И сами по себе мы чувствовали, какое горе и страдание постигли твое достоинство; а теперь, когда выслушали тебя и многоплачевное описание каждого из случившихся бедствий, то еще более почувствовали и сострадали, как следует. Впрочем, хотя ты относишь постигшие тебя обстоятельства к праведному наказанию Божью, хорошо поступая и в этом случае, ибо несчастья посылаются более для наказания за грех, нежели для искушения добродетели; но мы, напротив, не перестанем опять направлять речь к светлому и отрадному. Ты лишился зрения. Прискорбно потерять светильник тела, ибо как не прискорбно это? Но, с другой стороны, надобно благодарить, что мы не видим сует мира, которыми обыкновенно увлекается всякий ум невольно. Ты удален от выходов и собраний городских и придворных; но вместе с тем ты избавился от церкви лукавствующих и обращения с беззаконниками. Понимаешь, о чем я говорю. Ты лишился имущества; и это весьма тяжело; но ты можешь легко переноситься и парить выше обстоятельств и перемен житейских.

Где ты, почтеннейший, находил когда-нибудь такое место, какое имеешь ныне, удобное для того, что-

бы посвящать себя Богу и познавать Его, сколько возможно? Где такое удобное время для молитвы, воздыхания, сокрушения, воздеяния рук, какими вы можете пользоваться вследствие случившегося бедствия? Разве ты не видишь, что обстоятельства послужили к твоему благу и злоба людей обратилась к твоему спасению? Одно прежде всего надобно знать, что при прежнем образе жизни трудно было удержаться на спасительном пути, когда многое, как ты знаешь, отвлекало от благочестивого намерения. А теперь вам не только отверста дверь покаяния, но и вход в царство небесное, и всякий здравомыслящий поставит тебя в числе спасающихся, к чему стремится всякий благочестивый и чего достигнуть важнее всего. О, если бы когда-нибудь произошла перемена обстоятельств, чтобы нам сообщить друг другу свои чувствования!

Я, со своей стороны, весьма желал бы, чтобы с лишением зрения освободиться и от находящегося пред глазами змеиною жалом греха. Впрочем, это сказано по дружбе. Тебя же да утешит благий Бог наш великим утешением, чтобы тебе переносить все с благодарностью, по примеру блаженного Иова, и да сподобит нас когда-нибудь сойтись с тобою для личной беседы, чтобы то, что теперь не вошло в письмо, восполнить живым голосом, и еще более тогда узнать друг друга, изведав и по прежнему непродолжительному опыту сладость любви твоей!

LVIII. К НИКИТЕ СПАФАРИЮ

При малых страданиях легко найти утешение желающему утешать страждущих. А при таком величайшем бедствии, которому подверглось твое боголюбие, какое может быть найдено утешительное слово? Кто,

желая облегчить такое горе, сможет сделать это разумно? О, плачевная весть! Отторгнута от тебя госпожа супруга, как мы недавно слышали; отнято единственное утешение в приключаящихся обстоятельствах; лишился украшения своего благословенный дом; склонились ветви по отсечении доброго корня; служители и служанки блуждают туда и сюда, не встречая лица госпожи, блиставшего в доме; все исполнилось печали; может быть, и воздух изменился для тебя с переменою в мыслях. Где та, которая встречала тебя радостно возвращавшегося домой из царских чертогов? Где та, которая приветливо принимала близких, которая то и это, кратко сказать, все приводила в порядок и стройность, распоряжаясь и устроая все относящееся к дому и к другим домашним и гостям? Все прошло и исчезло, и мы стали как бы в пустыне, лишившись всех наших благ. Таково и столь велико страдание почтенной души твоей, господин, и от людей никакое утешение недостаточно для облегчения твоего пламенеющего сердца, а только от одного Бога, утешающего смиренных сердцем внушением добрых помыслов.

Она блаженна, блаженна потому, что имела твердую веру в Бога и проводила честную жизнь, чему много доказательств, которых и мы не непричастны были; наконец она, как золото в огне, очистившись в продолжительной и тяжелой болезни, отлетела отсюда. Поэтому нам доставляет утешение то, что ты предпослал к Богу такую супругу, оставившую нам в своей жизни пример прекрасного поведения. Кроме того, и сам ты, как наученный Божественным истинам, не должен столько сокрушаться о случившемся. Ты знаешь, что, как скоро мы приходим в бытие по благоволению Божию, тотчас же вместе с рождением при-

входит к нам и необходимость исхода, и никто из людей не бессмертен, и ни одно супружество не нерасторжимо. Рассмотрим, если угодно, бывших от Адама донине, и мы увидим непрерывное преемство, продолжающееся с тех пор, как стоит здешний мир. Где родившие тебя, господин, и родившие их? И отступая назад, ты не найдешь ничего другого, кроме того, что человеческая жизнь есть прилив и отлив.

К чему же должно стремиться теперь? Чтобы нам обратиться к самим себе, совершить подобающее погребение приснопамятной, — о которой и мы, смиренные, немало молились, чтобы она осталась в здешней жизни, хотя и не услышаны, как грешники, — благоустроить дела относительно детей и приготовляться к своему исходу, проводя жизнь богоугодно, чтобы, переселившись отсюда, когда повелит Промысл, нам найти там добрую супругу наслаждающейся вместе с нами в беспредельные веки участием в неизреченных благах. Это, хотя слишком малое для утешения, высказали мы в знак любви к тебе, желая, чтобы ты был благодушен и восприимчив к утешению, при вашей преданности Богу во всем.

ЛХ. К ЛЬВУ САКЕЛЛАРИУ

И молчать мы не можем, пользуясь благодеяниями твоего высокого и возлюбленного превосходства, и отвечать по достоинству мы не в состоянии, не владея надлежащим словом. А что твоя боголюбезная душа не так думает, это неудивительно; ибо *любовь*, — говорит апостол, — *не мыслит зла* (1 Кор. 13, 5); она издавна привыкла одинаково дружески обращаться и напрасно осыпать нас, недостойных, похвалами, и ты, как говоришь, не можешь и сравнивать нас с другими

в отношении превосходства. Но это, как сказано, знак священной любви. Сам же ты, достохвальный, подобно некоторой твердыне, пребываешь в царствующем городе, или, сказать точнее, поистине ты — многоместительная пристань, успокоение сетующих, благопотребное утешение жаждущих утешительного слова, ежедневно, так сказать, принимая и леча, врачую и освящая то тех, то других, великих и малых, священников и архиереев, начальников и подчиненных.

Как великолепно твое божественное достоинство и боголюбезна твоя деятельность! Приличествуют тебе и слова приснопамятного Иова: *отец был сирым, нога хромым*, всякому человеку была отверста дверь моя, и прочее, что следует за тем (Иов. 29, 15). Ты — остаток благочестия, ты — вместилище православия; не касаюсь словом еще многого, чтобы высказываемое в лицо не показалось угодливостью и лестью. Впрочем, окончу речь, прибавив одно слово. Твое великодушное и славное управление, однородный и любящий отца сын, есть единственное утешение для отца, равно как и для царствующего города.

ЛХ. К СПАФАРИИ (СУПРУГЕ) ФЛАВИАНА

Горестная весть о несчастье с приснопамятным сыном твоим достигла и до нашего смирения. Как те, слух которых поражен громом, приходят в совершенное самозабвение, так и нас эта весть привела в изумление и такое состояние, что мы не можем сказать ничего соответственного скорби. О, что случилось внезапно? От чего кончил жизнь муж дивный, в возрасте самом богатом жизнью? Как он был величествен ростом! Как красив лицом! Как благороден по крови!

Как именит славою! Он один оставался утешением для счастливой матери, опорой отеческого дома, украшением рода и, прибавлю еще, дивным явлением при дворе царском. И этот муж, устроив царские дела в стране отдаленной, улетел, оставив знаменитую мать, оставив и знатную супругу, с благородными детьми, и великолепный дом, именитое родство, богатое имущество, верных слуг, любящих господина телохранителей, то и другое, вообще все, чтобы не говорить о каждом в отдельности. Потом он возвратился из чужой страны домой, как плачевная ноша, с горестью встреченная и царствующим городом, и достопочтенным домом. О, чрезвычайное несчастье! Стонали, вероятно, и самые стены города, а не только начальники и сверстники, сетовали и сами самодержцы, потеряв дивную отрасль; плакал, может быть, и городской народ, рыдал по справедливости и весь род. Если же это так, то кто, госпожа, может изобразить твое страдание? Кто — страдание супруги? Кто — страдание сестры? Кто — страдание домашних? Струи рек, обратившись в слезы, не были бы достаточно послужить вашему плачу. А что воздух? Не изменился ли он в глазах ваших? И солнце не перестало ли восходить, умертвив солнце дома? Это и тому подобное сказать со слезами заставляет скорбь.

Но так как мы говорим жене, издавна изучившей Божественные истины и показавшей всю полноту добродетели в своей жизни, как свидетельствует почти всякий слух и зрение, то не нужно много напоминать имеющей внутри себя средства к утешению. Ты получила в руки много священных книг, ты прочла много отеческих творений, ночь и день занимаясь молитвами, совершая всенощные моления, также ночные и дневные псалмопения и песнопения. Отсюда воздер-

жание и изнурение тела, щедродательность к бедным, почтительность к священникам и монахам и многие другие благочестивые качества, воспеваемые и прославляемые. Поэтому ты у себя самой и от себя самой имеешь довольно того, что следует сказать душе, и не только себе, но и невесте, и дочери, и всему дому Авраамову, как общая учительница, как образец добродетели, как издревле хранящая Божественные вещания и умеющая в свое время каждому раздавать меру хлеба (Лк. 12, 42). Вспомни, доблестная и дивная между женами, что случившееся несколько не странно и не неожиданно. Рассмотрю бывших от Адама доныне, вникни в глубокие судьбы Божии и обрати внимание на то, что человек, как трава, дни его, как тень, исчезают (Пс. 102, 15). Так как прародитель смертен от греха, то смертно и потомство, преемственно происходящее от него доселе. Впрочем, с того времени, как явился Христос, смерть уже не смерть, а начало бессмертного возрождения.

Ты родила и препроводила туда сына благочестивого и православного, монахолюбивого и добролюбивого. Это пусть будет для тебя достаточным утешением и побуждением к благодарности. Увещеваем тебя, утешаемую Богом и премудрую: будь как во всем прочем, так и в настоящем случае примером великодушия, принося в жертву Богу доброе погребение и этого прекрасного сына, как ты душевно и заботишься о подобающем ему. Может быть, Бог для того и сохранил тебя последнею из предшествовавших, чтобы ты, богоприлично устроив все, блаженно переселилась отсюда и наследовала вместе с ними жизнь вечную. Это же и брат наш, боголюбнейший архиепископ, высказывает тебе, многоуважаемая госпожа моя.

LXI. К ПАНТОЛЕОНУ ЛОГОФЕТУ

Знаем, что смелость бывает достойна порицания; знаем, что и время требует от нас осторожности; но чрезмерность неизреченной твоей расположенности к нам, смиренным, побудила нас дерзнуть и на это письмо.

Поистине дерзновенно — не только о себе самих сообщать, но просить и за других; однако, как сказано, великая твоя благосклонность и сугубое благочестие ободрили нас дерзнуть на это. О чем же речь? О Феодоте протоспафарии. В каком несчастье находится он, благодаря эконому церкви, который вместе с ним отплыл на запад, о том, конечно, знает несравненное твое превосходительство. Кто же другой может быть вернейшим защитником этого мужа? Кто благоразумнее твоей мудрости может усмотреть должное? Кто и к державной власти может быть ближе твоего искреннего ходатайства? Окажи, возлюбленный господин, милость нуждающемуся, какую сам ты получил от Бога.

Припадаем к почтенным стопам твоим; совет твой, как совет Ангела; голос твой, как молния, блистающая и светом дерзновения, и сиянием любви; если удостоится его проситель твой, то, конечно, избежит обвинительных стрел врага своего, различными способами, как знаешь ты, великоумный. Мы же, смиренные, вознесем тебе великую благодарность и молитвы о здравии обоих вас с доброю поистине и достопочтенною супругою. И, может быть, Божественный дар и посылаемая от Бога милость будет для вас драгоценнее приносящих золотые дары, ко спасению души и тела вашей возлюбленной и именитой двоицы.

LXII. К ФЕОФАНУ МОНАХУ¹

Если тебе приятны письма от нас, уничиженных, то прими еще одно, не имеющее ничего изящного и красноречивого, как сказал ты из расположения, но как знак любви; и это совершенно верно; чем чаще бывает взаимный обмен писем, тем более возрастает чувство любви; а что может быть вожделеннее этого? Впрочем, пусть это лежит здесь и речь должна перейти к дальнейшему. Какое ныне там нововведение? Кто те новоявленные драконы, подобно Харибде, поглощающие души, не утвержденные словом истины? Ты сам не назвал их по имени, но мы, еще прежде известия в письме, сильно скорбели, говоря, что от одного только еретика, или лучше сказать, истинного богохульника, получившего от державной власти должность халтулария, в тамошних местах зараза проникла в знаменитую Сицилию. Это зло составлено не на основании догматического учения, — ибо чуждо его это чудовище, — а произошло от нечестивого мнения, и, сказать точнее, от предков перешло к нечестивому, вместе с двумя другими единокровными.

Но я уверен, что Троица поразит их божественными устами вашими и здешних поборников истины. Тебя же и подобных тебе пусть не удивляет еще свирепствующая ересь. Зло еще не сокрушено, и любовь верных к Богу еще недостаточно испытана, и, к тому же, мы не можем проникнуть в бездну судеб Божиих: почему Он попускает народу своему доселе колебаться бурей неверия; конечно и для того, чтобы явлены были искусные, как сказал исполненный мудрости

¹ Феофан Керамейский, бывший потом архиепископом Тавроменийским на острове Сицилии, церковный писатель.

Павел (1 Кор. 11, 19). Поэтому увещеваем и умоляем тебя не переставать обличать противников, вынося Божественное учение из священных сокровищниц сердца твоего и отсюда ясно доказывая, что Христос не был бы Христом, если бы Он не был описуем по образу нашему. Если Он стал плотью, то, конечно, и описуем, как плоть. А что не может быть описуемо, то не заключается в человечестве, но вне и места, и времени; это — чистый Бог, называемый и представляемый непостижимым и беспредельным.

К несомненному доказательству истины и естественными соображениями нужно доказывать, что Христос описуем и поклоняем в иконе; ибо «в ней изображается первообраз», как говорит в одном месте божественный Дионисий; и в другом месте: «одно в другом, кроме различия по сущности». Итак, отвергающий, что Христос описуем, отвергает, что Он стал человеком; и не поклоняющийся иконе Его совершенно не поклоняется Ему, хотя и думает, что поклоняется, как говорит священное слово: *неверные говорят, что знают Бога, а делами отрекаются от Него* (Тит. 1, 16).

Это изложил я тебе, почтенный, не как не знающему, но как мыслящему точно так же, и почерпнув как бы каплю из моря учения; между тем есть бесчисленное множество отеческих свидетельств, равно как и древней истории от самого начала евангельской проповеди, к утверждению непорочной нашей христианской веры.

ЛХІІІ. К ФИЛОФЕЮ КТИТОРУ

Великим благом считает достоинство твое, как говоришь ты, когда получаешь наши письма и даже когда мы упоминаем о тебе. Это похвально для твоей бо-

гомудрой души, украшенной великим смиренномудрием, а не для нас, уничиженных и ничего не значащих. Впрочем, по вере своей ты получишь награду от правосудия благого Бога нашего, Который вознаграждает веру каждого небесными воздаяниями и сделанное для ближнего о Христе относит к Себе Самому. Мы же поистине радуемся, называя себя друзьями столь доблестного мужа, добродетель которого всем известна, хвала весьма справедлива, и жизнь, достигшая самых высот добродетелей, есть образец для многих, желающих жить благочестиво в настоящем веке.

Соответственно своему имени, ты поистине явился боголюбом, избрав по любви к Богу жизнь спокойную и тихую, чтобы соблюдать Божественные заповеди и достигать вечных благ. Хотя ты и по виду достоин власти, и происхождением знатен по крови, но Божественная любовь, затмив все это и показав ничтожество всего этого, как оно и есть в действительности, возвела очи ума твоего к пресветлому сиянию Божественной красоты, чтобы туда взирать, туда устремлять мысли, туда переселиться бытием, где радость неизреченная, где жизнь нетленная, где свет блаженной и Живоначальной Троицы.

Да будет же у тебя, дивный и возлюбленный наш, преуспевание в добродетели еще и еще и приумножение добрых дел, чтобы тебе с богатым запасом переселиться отсюда к наслаждению вечными благами.

Здесь пусть будет конец приветствия. А так как ты опять спрашиваешь относительно пресвитера, пояснив скрытый проступок его, то мы скажем, что церковное правило не позволяет пресвитеру даже пиршествовать на браке второбрачного — не значит ли это, что тем более нельзя венчать такого? Венец возлагается на победителя невозддержания, соблюдавшего

славу девства; второбрачный же, кроме того, что недостойн быть венчанным, еще подлежит епитимии по церковным правилам. Как же он не боялся венчать подлежащих суду по правилам о второбрачии?

Итак, по нашему мнению, прости, хотя бы не было за ним никакой другой вины, ему не позволительно вовсе священнодействовать; не знаю, чтобы можно было у вас, разве только по экономии, причащаться Святых Таин, совершенных спасшимся пресвитером.

Относительно чтеца, который, подвергшись епитимии, обратился, справедливо поступить так, чтобы он не читал апостола до времени Собора; ибо пресвитер, подвергшийся епитимии, отлучается от священнодействия, диакон — от диаконства, а чтец — от чтения. Мы так думаем и определяем, а как думает ваше благочестие, так пусть и делает.

LXIV. К ИРИНЕ ПАТРИЦИИ

Знаком доброй доверенности твоей служит то, что ты приветствовала нас, смиренных, почтеннейшая госпожа моя, чрез возлюбленного брата нашего и родственника твоего, господина Петра, чрез которого и мы считаем долгом взаимно приветствовать тебя, восхваляя твое благочестие и ревность к добру. Об этом мы и сами знаем и от брата часто слыхали, равно как и о том, что ты по любви Божией оказываешь и ему честь, достойную присущей тебе добродетели и жизни этого мужа.

Ты спрашивала относительно монастыря, называемого Львы, — можно ли обратить его в мужской при его возобновлении, тогда как прежде он был женскою обителью. На это мы можем отвечать, что если бы ты начинала вновь устраивать священное место,

можно было бы делать, что тебе угодно. А оно было прежде освящено блаженной памяти скончавшеюся дочерью твоею, которая там была игуменьей и довольно времени управляла общиною девственниц. И хотя во время предшествовавшей междоусобной войны оттуда было переселение братства, но так как сама игуменья остается там в преподобной гробнице вместе с другими прежде бывшими в том же звании душами, то, по моему мнению, госпожа, не позволительно сделать тебе такую перемену, особенно с тем, чтобы отпустить сестер и дочерей прежней игуменнии, избравших это место для служения Богу; к тому же, там покоится игуменья. Апостол говорит: *каждый оставайся в том звании, в котором призван* (1 Кор. 7, 20).

Обитель названа женскою, какая же причина изменять ее в мужскую, тогда как и мужей не видно, и удаленные не захотят жить в другом месте? Если же иногда бывало изменение в некоторых монастырях, то или по причине гонения, или по несправедливому хищению, или незаконною властью. А тем, у которых и вера правая, и жизнь не противная ей, следует говорить и действовать законно и правильно. Поэтому увещаем и убеждаем, как бы сама блаженная дочь твоя взывала чрез нас, смиренных: пусть монастырь Львы продолжает быть женским и охранять оставшихся дочерей ее, в духе служащих Богу. Ибо это послужит истинным свидетельством как ее, так и твоего благочестия и не даст повода к осуждению наблюдающим за нашими делами; что заповедует и апостол, когда говорит: *не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией* (1 Кор. 10, 32). А если не так делаешь, то это дело не устоит, будучи один раз изменено из благопристойного в неестественное. Мы же не

избавимся от укоризн и, прибавлю, подвергнемся осуждению за грех.

LXV. К ЕВДОКИМУ СПАФАРИУ

Запоздали мы ответить на письмо твоего достоинства, так что едва не изгладилось из нашей памяти содержание присланного. Но это случилось по причине отсутствия верного письмоносца. Теперь же, посылая по надобности в тамошние места эконома нашего монастыря, мы по-надлежащему восполняем недостающее. Во-первых, заявляем о том, что мы не в состоянии утешать душу прискорбную и удрученную многими страданиями.

Впрочем, надобно попытаться найти врачевство в богодухновенных изречениях. Что же говорит величайший Раздаятель их? *Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите* (1 Фес. 5, 16—18). Если же нам заповедано во всякое время и при всяком деле непрестанно радоваться, благодарить и молиться, то не должно быть никакого времени, неблагоприятного и не назначенного истинному христианину для радости и благодарности.

Прискорбно ли после этого настоящее, хотя бы оно являло собой величайшее несчастье, какое когда-либо случалось? Это сказано мною доброй душе твоей не как незнающей, но для напоминания; ибо страждущая душа иногда бывает бессильна возвыситься к созерцанию.

Во-вторых, скажу, что, хотя многого имущества лишили тебя властители, но отнюдь не могли они лишить тебя драгоценнейшего стяжания. Видишь ли, какое дал тебе Бог обильное ведение и благодаришь ли? Какой язык? Им, как бы из священной сокро-

вищницы сердца, ты произносишь изречения и мысли с особенною благодатью. Это превосходнее и полезнее всех стяжаний и более всякого земного богатства; и кто владеет этим, тот предпочтительнее богатейших людей в глазах имеющего ум, хотя бы он одевался только в рубище. Этому научает нас весь сонм праведников, а из внешних лиц известный Одиссей, явившийся пред своею женою царицею лишенным всего после кораблекрушения.

Впрочем, надобно обратиться к твоему вопросу. Ты и сам знаешь благопотребное, однако желаешь научиться и от нас, смиренных. Ты говоришь, что разум, с одной стороны, побуждает тебя к молитве, а с другой, — отклоняет, внушая, что Бог знает, о чем мы хотим молиться, и потому молиться излишне; притом, если ты грешник, то и вообще нет никакой пользы молиться. Может быть, и иное что-нибудь заключалось в письме; его нет у меня под руками.

Что же надобно сказать на это? Такое суждение допускает случай и судьбу, и вообще, уничтожает свободу воли. Поэтому не должно останавливаться на этом мнении нам, здравомыслящим и обогащенным познанием о Боге. Относительно второго предложения, надо быть убежденными, что Бог слушает и грешников, оказывающих искреннее раскаяние. Ибо, если Он радуется кающимся, по словам Священного Писания (см. Лк. 15, 10), то как же не станет Он слушать их молитвы?

На первое же предложение нужно отвечать так: Божественное предведение не уничтожает свободы, ибо не потому, что Он предвидит, мы делаем то, что делаем, а потому Он предвидит, что мы сделаем; при этом сохраняется и определение предведения, и свойство свободы. В том, что не зависит от нас, предшествует

определение Божие,— относительно времени, места и способа; а в том, что зависит от нас, от нашей свободы, предведение Божие последует соответственно нашим добродетелям или порокам.

Итак, нам должно и любить, и молиться о лучшем, чтобы чрез это и Бог содействовал нам, но иначе. Ибо различным образом Он содействует нам: здесь испытывая и наказывая, а там увенчивая и даруя нам царство небесное.

LXVI. К ИОАННУ ГРАММАТИКУ

Когда я вступил в разговор о досточтимых иконах в присутствии собеседовавшего Платона нашего, то он сказал, что твоя мудрость, получив некогда мое письмо о том же предмете, усомнилась, посчитав, что в письме нет изложения ясного учения, и, более того, оно уводит читателя от истины. Если бы высказавший порицание был из необразованных простолудинов, то меня бы это не так бы тронуло,— я привык переносить и стрелы зависти, и порицания невежд. Но так как упрек сделан другом, и другом мудрейшим, то я счел необходимым восстановить это письмо в памяти и послать твоей благосклонности как можно более подробное объяснение, которое бы или разрешило твое недоумение, или было бы исправлено твоей рассудительностью. Ибо осуждающему должно высказывать и собственное мнение относительно того положения, которое вызывает у него упрек.

Вот это письмо¹.

¹ Далее полностью приводится письмо LXXXV к Афанасию сыну. См. I том.

«Итак, любезный, прекрасным мне кажется правило, чтобы по отношению к блаженной и поклоняемой Троице употреблялся предлог “вместе”. Ибо он, указывая на различие Ипостасей, отмечает единство естества, как и в Символе веры поется у всех христиан. В отношении же к поклонению Христу и иконе Его неуместно употребление предлога “вместе”; иначе он, разделяя одну Ипостась на две ипостаси, последовательно привел бы нас к нечестивому обоготворению твари. Поэтому справедливо принята “относительность”, которая, сохраняя единство Ипостаси в обоих случаях, указывает на различие естества.

“Итак,— говорит премудрый Дионисий,— одно в другом, кроме различия по сущности”. Сказав о различии по сущности словами: “одно в другом”,— он выразил тожество Ипостаси, по которому и поклонение представляется относительным. Ибо отношение, как говорится, бывает между предметами относительными; они совокупно существуют и обращаются один к другому, как, например, Первообраз к образу. Один не может быть без другого, как предметы, существующие совокупно. Дионисий прибавляет: “то есть сходственное”, буквально, “одноименное”. Таким образом, и здесь есть понятие о предметах относительных; ибо и по философскому учению мы знаем, что одноименные предметы суть те, у которых только название общее, а сущность за названием различна, как, например: Сам Христос и Христос изображенный. Еще прибавлено: “ипостасное”; этим ясно показывается, что не отлична от Христовой Ипостась в иконе Его, но та же самая Ипостась Христа, или выражение по виду образа Его, созерцается в иконе и почитается поклонением; и таким образом все суждение твердо держится у здравомыслящих».

Для большого же подтверждения этого суждения я признал необходимым приложить к письму три отеческих свидетельства, чтобы и здесь исполнились слова Писания *при словах двух или трех свидетелей состоится всякое дело* (Втор. 19, 15).

Первое — из толкований — Златоуста о купели: «Когда царские изображения и подобия вносятся в город, то их встречают начальники и народ с восклицаниями, почитая не доску или восковое изображение, но образ царя; так и тварь почитает не земное изображение, но благоговеет пред образом небесным».

Второе — из постановления Антиохийского собора при патриархе Феодорите. «Не как иного по виду почитаем на иконе, но как Одного и Того же Господа, существующего в одном виде; ибо Он, естественный образ Ипостаси Отца, и прежде воплощения был один бестелесный, и во плоти Один, и в иконе один и Тот же, не разделяемый на два образа и не расторгаемый на две славы, но почитаемый одною». И далее: «Но как Он есть Один из двух противоположных естеств и составляет одно Лицо, так и икона Его есть одна и Одного и Того же Христа; и не говорим мы, что иной образ явился нам во плоти, а иной образ находится на иконе по подобию вида Его, но Один и Тот же; ибо и образом называется Он не как тело, но как бестелесный: это яснее выражается божественным Златоустом, который называет Его небесным образом; и с неба Он не как тело, но как бестелесный, едиnorodный Бог, пришедший с небес, воплотился и явился облекшимся в наше тело». И спустя немного: «Посему, так как икона относительно представляет самый образ Его, то мы поклоняемся Самому Христу, а не веществу, искусственно начертанному на иконе».

Третье — из Второго Никейского Собора: «и поклоняющийся иконе поклоняется существу изображенного на ней».

LXVII. К ЕВДОКИИ КАНДИДАТКЕ¹

Брат Силуан известил меня о твоём достоинстве, что ты скорбишь по поводу приключившегося с тобою какого-то страха и смущения в душе без всякой причины. Услышав об этом, я, смиренный, не равнодушно переносил это известие, но скорбел и молился (хотя я и недостоин быть услышанным Богом), чтобы этот страх удалился от тебя. И теперь ещё и я, и господин архиепископ, и братия вместе молимся, чтобы твоё благочестие избавилось от этой страсти. Впрочем, эта страсть нелепа и достойна презрения, и ты совершенно не должна думать, что она может в чём-нибудь повредить тебе, ибо ты облечена во Христа и имеешь Его оружие — Крест, знаменуясь которым, веруй, что отгонишь тотчас всякие козни бесовские, когда бы тебе ни случилось подвергнуться страху, днём или ночью. Пой же к Господу: *избавь душу мою от страха пред врагами* (Пс. 63, 2). И ещё: *не убоюсь от ужаса ночи, стрелы, летящей днём, бедствия, постигающего ночью, болезни и полуденного беса* (Пс. 90, 5–6). И ещё: *Если Бог за тебя, кто против тебя* (Рим. 8, 31)? Его и Тело ты вкушаешь, и Кровь пьешь, силою которых мы наступаем на змей и скорпионов и на всю силу вражью (Лк. 10, 19). Итак, не падай духом и не предавайся беспечности при этом неуместном страхе, но благодумствуй в Господе и, напоминаем, молись, как ты и привыкла,

¹ Т. е. супруге кандидата.

ночью и днем, если можешь, и немного читай, и мир Божий соблюдет тебя и сохранит невредимою во всем.

LXVIII. К ЕВФРОСИНИИ ИГУМЕНИИ

Узнал я от хорошо знающего, что скорбь коснулась тебя, почтенная, по тому случаю, что одна сестра хочет отделиться от святой общины твоей; и не несправедлива эта скорбь. Ибо как не сетовать душе, когда отсекается собственный член? Впрочем, так как это бывает по злобе действующего в сынах противления, то нам нужно великодушно переносить находящее, употребляя все старание, насколько позволяет истинное учение, чтобы нам быть неповинными в крови такого-то или такой-то, брата или сестры. Ты хотела узнать, не предосудительно ли тебе, почтенная, отпустить сестру свою, стремящуюся отделиться. Как же ты, мудрая и благоразумная, сама по себе не знаешь должного? Ни для тебя, учительницы, ни для ученицы не безопасно это разделение, совершаемое добровольно.

Почему, каким образом оно может считаться разумным? Если ученица совершенна и вполне приготовлена управлять другими сестрами, и ее уже ищет община, то это есть экономия, как говорит святой Василий, а не отделение. Ведь кто был хорош под начальством, тот законно восходит к начальствованию. Отсюда происходит доброе соревнование у товарищей — стремиться к совершенству и преуспевать в богоугодных делах. Так и Господь и Бог наш, указывая признак любви к Нему, сказал верховному из апостолов: *если любишь Меня, паси агнцев Моих*, и еще: *паси овец Моих* (Ин. 21, 15—17). Поэтому тот,

кто с таким расположением выступает на пастырство, будет блажен, подражая Христу, истинному Первому Архипастырю.

Бывает и другой случай экономии, усматриваемый у отцов наших: когда душа, не устоявшаяся в твердых нравах, после многих и долгих стараний, решается перейти в другое братство, надеясь там быть полезною, подобно деревьям, пересаживаемым из одного места в другое. Если и так поступишь, то дело сие имеет некоторое основание, так как в этом случае обе — и отдающая, и принимающая, содействуют друг другу, во исполнение апостольской заповеди: *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6, 2).

Другого же разделения не допускает слово истинны, потому что нарушается союз Святого Духа, обещанный пред Богом и людьми при монашеском посвящении; а что может быть пагубнее этого? И здесь прилично повторить слова Господа: *что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19, 6). Ибо если там, при плотском сочетании, запрещается отделение, то не тем ли более при духовном союзе? Иначе Божественное будет обращено в шутку, — но нет, верно слово таинства, как при отпущении грехов, так и при ненарушимом заключении этого союза. Да и потом, как может благоустроиться община, от которой отделяется сестра, хотя бы отпускаемая игуменьей была невиновна? Не склонится ли она скорее к раздорам, заражаясь таким примером, — если ныне одна, после другая, а немного спустя еще иная уйдет с самого начала поприща, и, таким образом, целое тело Христово все разойдется и погибнет? Та, которая причиняет все это зло, — наследница горя, как говорит святой Василий. Ни твоя

обитель, ни какая-либо другая не будет иметь ни твердости, ни постоянства, поступая таким образом. Поэтому не повинующийся пусть не повинуетя еще, и беззаконствующий пусть беззаконствует еще, по Писанию (Откр. 22, 11). А ты тщательно спасай свою душу, не нарушая законов Божиих, но утверждаясь на учении святых, из которых первый в этих делах Василий Великий, хотя бы тебе пришлось жить вместе с двумя или тремя девами: *там, где двое или трое собраны во имя Мое*, — говорит Господь, — *там и Я посреди них* (Мф. 18, 20), а не с беззаконными, хотя бы их были тысячи.

LXIX. К ДОРОФЕЮ СЫНУ

И из письма, недавно написанного тобою, возлюбленный сын, узнал я доверенность и любовь твою к нам, смиренным, что служит признаком истинного послушания, хотя мы и грешны, и ничтожны. Да пребудешь ты в этом и впредь, благоугождая Господу и сияя добродетелью в братстве своем и среди многих других. Ибо добро по природе своей не может скрываться, но когда кажется наиболее сокрытым, тогда и делает явным того, кто совершает его, так что он становится как бы *градом Божиим*, по Писанию (Пс. 47, 9).

Впрочем, об этом довольно. О том же предмете, о котором ты упомянул, то есть о поминовении такого-то, ты должен и сам знать. Если имевший прежде общение с ересью по страху человеческого покается при смерти, приняв, например, епитимию, от кого-нибудь и таким образом вступив в общение с православными, и в этом состоянии скончается, то естественно поместить его в помянниках православных, так

как Благий Бог наш по великому человеколюбию принимает кающегося и в самый последний час и там судит его. Поэтому, если так было, то не запрещается совершать Литургию о нем пред Богом. Если же не было ничего такого, но, находясь в общении с ересью, он не успел причаститься Тела и Крови Господних, — так как хлеб еретический не есть тело Христова, — то нельзя дерзать поминать его на Литургии. Ибо Божественное не может быть обращено в шутку, и чтобы не услышал молящийся о нем: *Просите, и не получаете, потому что просите не на добро* (Иак. 4, 3).

Другого ничего не имею сказать, насколько могу понимать истину. *Что общего у света с тьмою* (2 Кор. 6, 14)? Не может быть поминаем среди православных не имевший общения с Православием, — хотя бы в свой последний час. Ибо где он застигнут, там и будет судим, и с каким напутствием отошел в жизнь вечную, с тем и останется.

Молись же обо мне. Приветствует тебя господин архиепископ и братия твои. Находящихся с тобою братьев приветствую, как сынов моих, равно и госпожу Феклу, как дочь во Христе.

LXX. К АВОЛИЮ И ИОАННУ МОНАХАМ

Получив приветствие от вас, святых, чрез Исаию, боголюбезнейшего епископа и духовного отца, я не только узнал, кем является ваша преподобная и отеческая девица, но и решился написать вам это уничиженное письмо. Хотя мы и смиренны и грешны, но желаем воспламенить в вас любовь, драгоценнее которой нет ничего. С другой стороны, мы

приступили к написанию письма и желая оказать послушание. Благодарим Бога, что и вы, святые отцы, остались непоколебимыми в буре иконоборческой ереси, не увлекшись душепагубным общением с нею, но бегством достигнув преблаженного венца гонения, поистине достойного вашей добродетели и явившего прежде совершенные вами аскетические подвиги. Ибо в таких случаях всякий представляет доказательство прежней жизни, хороша она или нет. Украсившись святостью, вы облеклись и в исповедание Христово, сделавшись прекрасными со всех сторон. Ибо исповедание Христа, отцы, — борьба за святую икону Его; и наоборот, отвергающий ее отрицается Христа. Потому что, как говорит Василий Великий, чествование образа восходит к Первообразу, и одно в другом созерцается и почитается поклонением. И при этом Лев, соименный зверю и служитель сатаны, подражая нечестию прежде жившего Константина, неистово бесновался против Христа, Пресвятой Матери Его и всех святых: *память о нем* да погибнет с *шумом* вечного проклятия (Пс. 9, 7–8)!

Вы же да сохранитесь столпами и опорой для Церкви Божией, защитниками и ходатаями пред благом Богом о нас, смиренных, чтобы нам, имея *веру, действующую любовью* (Гал. 5, 6), спастись от лукавого.

Как мы, исполняя дело любви, написали вам письмо, так и от вас желали бы получить написанное слово, чтобы нам лучше узнать и взаимно созерцать друг друга через письменные приветствия во Христе Иисусе Господе нашем, икона Которого есть спасение мира вопреки идольскому заблуждению.

LXXI. К МИХАИЛУ И ФЕОФИЛУ, ИМПЕРАТОРАМ¹

Боголюбивейшим и благочестивейшим императорам, Божию милостью августам и самодержцам, оправдание и объяснение от рассеявшихся в разных местах.

Имеющим разум известно, что Царь всех Бог для того даровал царское право на земле и имя человеческой природе, чтобы и земное, имея мир и спокойствие, по подобию небесного, согласно возносило Ему славословие и поклонение. Получив эти бразды по судьбам Божиим, ваша христоподобная держава справедливо пригласила нас, нижайших, вступить в беседу с нашими противниками в учении веры, чтобы вам из этого уяснить, кто прав, и того признать победителем, чтобы между нами не было разделений, но все *имели один образ мысли* — православный (Флп. 2, 2). Поэтому мы восхвалили ваше желание познать истинную веру и превознесли похвалами миролюбивое намерение, стремящееся таким образом доставить пользу и спасение подданным. Да будет вам воздаяние за это, во свете светлость неизреченная и в царстве царствование бесконечное!

Но, доблестнейшие и боголюбивейшие владыки, это великое и превозделенное дело не может совершиться так просто и легко; ибо при величайших делах являются и величайшие затруднения. Какие же? Во-первых, то, что противники наши в течение долгого времени и на соборных собраниях утвердились в своих мнениях; а нам апостолами и отцами запрещено входить в сношение с людьми, так относящимися к

¹ Писано в 823 году от лица православных пастырей, которых император приглашал к состязанию с иконоборцами.

учению веры. Далее, то, что и суждение об этом учении принадлежит не кому-нибудь иному, а именно тем, кто получил свою власть от Господа через Духа при содействии и подтверждении от вас, преимущественно призванных к этому от Бога.

А каково здоровое и непорочное учение нашей христианской веры, — это нужно изложить.

Мы веруем во единого Бога, в Отце и Сыне и Духе Святом покланяемого и прославляемого, в преславную, вседетельную и начальную Троицу, по преданному нам от Святых трехсот восемнадцати Отцов боговдохновенному Символу, которым ниспровергается всякая ересь и от которого зависит всякий Святой собор, как ветви от корня и ручьи от источника. Отсюда Второй собор прояснил изречение Господа о Духе. Потом Третий провозгласил святую Марию Богородицею, как родившую Самого Единородного Сына Божия. Затем Четвертый изложил догмат, что Господь наш Иисус Христос состоит из двух естеств и в двух естествах — в одном Лице. После того Пятый, подтвердив прежде него бывший собор, предал анафеме Оригена и последователей его проипарктитов¹. Потом Шестой учил, соответственно двум естествам, о двух волях и двух действиях в одном Христе. Наконец, Седьмой, следуя бывшим до него соборам, так как все естественные свойства в одном Христе двойки, провозгласил Его неопикуемым по невидимому естеству и опикуемым по видимому, истина чего основывается на доказательствах четырех родов: на естественном соображении, на отеческих свидетельствах, на соборных определениях и на древнем обычае.

¹ Проипарктиты допускали предсуществование человеческих душ прежде рождения в здешнем видимом мире.

По естественному соображению, например, из слов евангелиста Иоанна, который говорит: *И Слово стало плотию, и обитало с нами* (Ин. 1, 14). Если же Слово стало плотью, то очевидно, что Оно как Слово неопикуемо, а как плоть опикуемо. *Иобитало с нами*; иное — Обитающий, а иное — обиталище, по одному Он может быть опикуем, а по другому — выше описания. Ибо по каким признакам видно будет, что Он стал Человеком, если Он естественно не получил свойства изображаемости, которое есть первое в действительном человеке и по уничтожении которого не будет человека? Но Он есть истинный Человек; следовательно, как человек Он опикуем, оставаясь неопикуемым как Бог. Таким же образом Он стал Посредником между Богом и людьми, как соединяющий в Себе обе крайности, как являющийся и тем, и другим и имеющий свойства обоих естеств, из которых состоит, в одном Лице без недостатка, получив от Отца вместе со всем и неопикуемость, как Он Сам сказал: *И все Мое Твое, и Твое Мое* (Ин. 17, 10), а от Матери вместе со всем и опикуемость, как написано: *Ибо не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово* (Евр. 2, 16). Поэтому Ему надлежало во всем уподобиться братьям. Если уничтожить одно свойство в каком-либо естестве, то вместе по необходимости уничтожаются и все однородные свойства; а по уничтожении свойств, очевидно, уничтожаются и самые естества, которым они принадлежат.

Об этом свидетельствует мученик Иустин, который в одном месте говорит: «Ничто из существующего не останется тем, что оно есть, если не достанет одного и только одного из существенных свойств его». И, следовательно, по этому новому предположению было бы тщетно учение нашей веры.

Согласно с евангелистом и апостол говорит следующее: *Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба* (Флп. 2, 6—7). Если же Он, будучи образом Божиим, принял образ раба, то, без сомнения, как *будучи образом Божиим*, Он не изображается, — потому что Божество непостижимо; а как принявший образ раба, Он изображается, потому что образ раба подлежит постижению, ибо его можно осязать и видеть. Как же веровать, что Он стал в подобии человека, если Он не может изображаться подобно людям? Как сказать, что Он по виду стал как человек, если Он не будет усматриваться написанным в образе человеческом? Видите, светлейшие, как Тот, Которому надлежало *во всем уподобиться братьям* (Евр. 2, 17), и Который подобно им принял плоть и кровь, должен подобно им и иметь Свое изображение. А если же нет, то Он не уподобился им, и лжет сказавший это, и естество Его неодинаково. Между тем, Сам Бог и Слово говорит: *За что ищете убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога* (Ин. 7, 19; 8, 40)? Неизображаемый никогда не назвал бы себя Человеком; и тот, кто может быть убитым, не может быть неизображаемым, ибо одно следует из другого и подтверждается другим. Он был *умерщвлен по плоти, но ожив духом*, как сказал блаженный Петр (1 Пет. 3, 18). Не означает ли это, что изображается по плоти изображенный Духом? Он сказал: *И ядущий Меня жить будет Мною* (Ин. 6, 57). А неопиcуемый не мог бы сказать, что Он вкушается, если только Он не есть призрак. Если же это мы допустим, то впадем в заблуждение манихеев, отвергнув великую благочестия тайну (1 Тим. 3, 16).

Ибо Манес¹ говорил, что Сын на горе в видимом и невидимом явил Свою сущность, имеющую не два естества, но одно. Так и утверждающие, будто Христос неопиcуем, как признающие в Нем одно естество, оказываются последователями приведенного мнения. Ибо что неопиcуемо, то и бестелесно. С другой стороны, при опиcуемости одно Лицо Христа не разделяется на два лица, как кажется некоторым. Ибо содержание образа и Первообраза по личности не разделяется, но по сущности они различны. Премудрый Дионисий говорит: «одно в другом, кроме различия по сущности»². Так и относительно Животворящего Креста никто не скажет, что крестовидный образ есть нечто отличное от его первообраза, кроме различия по существу: пример близкий, и истина беспрекословная. Это первое из упомянутых доказательств.

Второе. Если бы мы захотели изложить здесь все изречения святых, которые без всякого мудрования прямо утверждают, что Господь наш Иисус Христос изображается, но то наши рассуждения вышли бы за пределы приветствия. Избрав из многих таких изречений два или три, наиболее подходящих к делу, мы с их помощью покажем достоверность прочих, так что и здесь исполнится написанное: *при словах двух или трех свидетелей состоит всякое дело* (Втор. 19, 15).

Вот изречение верховного апостола Петра, упоминаемое в истории о священномученике Панкратии: «Вынеси икону Господа нашего Иисуса Христа и поставь ее на башне, чтобы народы видели, какой образ

¹ Манес — персидский маг, проповедовавший учение манихеев; жил в III в.

² О церковной иерархии. Гл. 4.

принял Сын Божий, и чтобы, увидев, еще более уверовали; чтобы, взирая на вид образа, вспоминали о том, что нами проповедано им»¹. Как разительны эти слова! Вот о чем он взывал: «Вынеси икону, силою своею затмевающую небеса, и поставь на высоте в явное свидетельство, чтобы народы видели, какой образ принял Сын Божий — не Ангела или Архангела, или какой-либо другой силы, а рабский образ, подобный нашему, — чтобы, увидев, еще более уверовали, так как повествование словом недостаточно, но нужно показать народам зримо, для большей достоверности, что Сын Божий стал Сыном Человеческим, и чтобы они памятовали о том, что нами проповедано им». Другими словами: «Это вам памятник в роды родов».

Предание гласит, что и прочие апостолы делали то же в городах и селениях, изображая все события воплощения Господа нашего Иисуса Христа от начала, когда Ангел сказал Деве: «Радуйся», до того времени, когда Он вознесся. «Эти изображения, — повествует предание, — они внушали и почитать со страхом». Видите ли, человеколюбивейшие, что апостолами от начала предано — вместе с поставлением священных икон и поклоняться им со страхом? Ибо почитать, несомненно, значит то же, что и поклоняться.

Вот слова много подвизавшегося Афанасия из речи его в Вирите²: «Обратите очи ума вашего и посмотрите на это новое зрелище». И далее: «Тогда иудеи, вынеся икону Господа нашего Иисуса Христа, сказали: как отцы наши надругались над Ним некогда, так и мы надругаемся над Ним. Тогда они начали плевать в лицо иконы Господней и били ее по лицу с той и

¹ Четии-Минеи от 9 июля.

² Ныне Бейрут.

другой стороны, то есть икону Господню, говоря: что сделали с Ним отцы наши, все то сделаем мы с иконою Его. И говорят: те насмеялись над Ним, и мы сделаем то же. И нанесли они множество оскорблений иконе Господней, о которых и говорить мы не дерзаем. Потом говорят: мы слышали, что те пригвоздили Его руки и ноги; это и мы сделаем Ему. Тогда пронзили они гвоздями руки и ноги иконе Господней. Еще говорят беснующиеся: мы слышали, что те напоили Его уксусом и желчью с губки, — это сделаем Ему и мы; и сделали, приложив к устам иконы Господней губку, напоенную уксусом. Опять говорят: мы узнали, что отцы наши били Его тростью по голове; то же и мы сделаем; и взяв трость, ударяли по голове Владыки. Наконец говорят: мы точно знаем, что те копьем пронзили бок Его; ничего не опустим, но прибавим и это. И, приказав принести копье, заставили одного из них взять копье и пронзить бок на иконе Господней; и когда это было сделано, тотчас истекло из нее множество крови и воды». Верно это слово, мудрейшие, с одной стороны потому, что знамения бывают для неверных, но не для верующих, а с другой, чтобы и мы знали, что оскорблением иконы оскорбляется Первообраз ее и, напротив, почитанием иконы он почитается.

Вот изречение Великого Василия в похвальном слове мученику Варлааму: «Да будет изображен на картине и Подвигположник во бранях, Христос». И здесь, светлейшие, точное повеление о поставлении иконы. Ибо богоносный муж говорит не о том, чтобы воображать или представлять в душе написанного Христа, как пустословят некоторые, но иметь в сердцах верою, как взывает апостол (Еф. 3, 17), живущего в нас Христа. Притом, прибавлением союза «и» он

указывает на предыдущие слова, которые суть следующие: «Восстаньте теперь предо мною вы, славные живописатели подвижнических заслуг. Восполните вашим искусством изображение военачальника. Цветами вашей мудрости осветите неясно представленного мною венценосца! Пусть буду побежден вашим живописанием доблестных дел мученика; рад буду признать над собою и ныне подобную победу вашей крепости; посмотрю на эту, точнее изображенную вами, борьбу руки с огнем. Посмотрю на этого борца, живее изображенного на вашей картине. Да плачут демоны, и ныне поражаемые у вас доблестями мученика! Опять да будет показана им палимая и побеждающая рука»¹.

Это изобразить он внушал, конечно, не внутри нас; иначе, если допустить это, он не предлагал бы изобразить наперед раба, а потом Владыку. Сказанные в самом начале слова: «Восстаньте ныне предо мною вы, славные живописатели подвижнических заслуг», — указывают, преимущественно, на иконописцев, а не на повествователей; как и в похвальном слове сорока мученикам он же говорит следующее: «Потому что и доблести, оказанные в бранях, нередко изображали историки и живописцы, одни украшая их словом, а другие, начертывая на картинах»². Окончено и второе доказательство.

Какое третье? Определение Отцов, собиравшихся в Константинополе после Шестого собора: «На некоторых священных иконах изображается агнец, указуемый перстом Предтечи, принятый в образ благо-

дати и прообразовавший нам в законе истинного Агнца, Христа Бога нашего. Почитая древние образы и сени, преданные Церкви, как знамения и предначертания истины, мы предпочитаем благодать и истину, приемля оную, как исполнение закона. Сего ради, дабы и искусством живописания очам всех представляемо было совершенное, повелеваем отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представлять по человеческому естеству, вместо ветхого агнца, да чрез то, созерцая смирение Бога Слова, приводимся к воспоминанию жития Его во плоти, Его страдания и спасительной смерти, и сим образом совершившегося искупления мира»¹.

Здесь речь идет не только об иконе Христа, но и об иконах всех святых. Во-первых, заповедуется изображать Его не в виде древнего агнца, как изображали прежде, а затем перестали. Далее изъясняется, что икона Его не только достопочитаема (подобно тому, как называются достопочитаемыми бывшие в Законе знамения и предначертания), но и достопоклоняема, — как Его икона, так и всякого святого; ибо несомненно, что достопочитаемое каждый назовет и достопоклоняемым. Кроме того, из слов: «изображается агнец, указуемый перстом Предтечи», видно, что всякая икона называется одним именем со своим первообразом. Так и божественный Григорий Нисский в одном месте говорит: «Предлежит Исаак пред отцем, у самого жертвенника».

Вот слова Отцов, собиравшихся в Антиохии: «Не как иного по виду почитаем на иконе, но как Одного и Того же Господа в одном виде; ибо Он, естественный образ Ипостаси Отца, и прежде воплощения был

¹ Творения Василия Великого в русском переводе. Т. IV. С. 258. М. 1892.

² Там же. С. 274.

¹ Трулльского собора правила 82.

один бестелесный, и во плоти Один и Тот же, не разделяемый на два образа и не расторгаемый на две славы, но почитаемый одною». И чуть далее: «Но как Он есть один из двух противоположных естеств и составляет одно Лицо, так и икона Его есть одна и Одного и Того же Христа. И мы не говорим, что иной образ явился нам во плоти, а иной образ находится на иконе по подобию вида Его, но Один и Тот же: ибо и образом называется Он не как тело, но как бестелесный. Это яснее выражается божественным Златоустом, который называет Его небесным образом, — и с неба Он не как тело, но как бестелесный, Единородный Бог, пришедший с небес, воплотился и явился облечшимся в наше тело». И несколько ниже: «Посему, так как икона относительно представляет самый образ Его, то мы поклоняемся Самому Христу, а не веществу, искусственно начертанному на иконе»¹.

Здесь обстоятельное догматическое объяснение того, что, во-первых, один вид у обоих, Христа и иконы Его. Во-вторых, что один и тот же образ Ипостаси Отчей, на иконе по подобию вида Его, является и почитается поклонением с нераздельною славою.

Остается четвертое доказательство — древний обычай. Оглянись вокруг, человеколюбивейший, и посмотри на вселенную, как она от самой апостольской проповеди, везде на земле и на море, в священных храмах, на божественных сосудах и досточтимых приношениях представляет изображенного Христа и самыми делами взывает, что Христос воцарился над землею, как поет Давид: *проси у Меня и дам Тебе народы в наследие Твое и концы земли во владение Твое* (Пс. 2, 8); и *идол в мире ничто*, по изречению апос-

тола (1 Кор. 8, 4), и что все исполнилось блаженного света, по пришествии Того, Который сказал: *Я свет пришел в мир* (Ин. 12, 46)? Что же представляется?

Здесь Он представляется рождающимся в пещере и прославляемым Ангелами, там несомым на руках Матерью и принимающим поклонение от волхвов; потом отроком, когда Он сидел среди учителей; затем крещаемым от Предтечи; потом совершающим чудеса с апостолами, восходящим на Крест, умирающим, погребаемым, воскресающим, возносящимся на небеса. Созерцая все это на иконе (как когда-то апостолы), и мы справедливо можем сказать: *и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца* (Ин. 1, 14).

Такова от века проповедуемая вера; ее приняли Святые соборы и с нею повсюду согласны все местные Церкви, *от востока и запада, и севера, и моря* (Пс. 106, 3); и мы, нижайшие, принимая ее, молимся и достолично умоляем Бога о вашей боголюбивой державе.

ЛХХII. К ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ НИКЕЙСКОМУ

Священный слух твой, конечно, слышал о случившемся с блаженным и общим отцом нашим, митрополитом Синадским, и оплакала его святая душа твоя по справедливости; и доселе еще она не перестала плакать, и не прекратилась скорбь, как бы от происшедшего рассечения членов. Но теперь и от нас, возлюбленный, узнай более точно, чтобы и нам исполнить надлежащий долг, и тебе, обстоятельно узнав о случившемся с ним, получить от этого рассказа некоторое утешение.

¹ См. выше письмо 66.

О, как можем мы перенести без слез плачевное известие? Отец был здоров и совершал обычные дела своей нелицемерной любви и гостеприимной приветливости к братьям и отцам. Ибо кто больше него любил гостеприимство и услуживал тем, кого принимал? Его не утомляло непрестанное присутствие и долгое пребывание посетителей, а, напротив, более огорчала немногочисленность их и скорое удаление. Нужно ли тебе, хорошо знающему это, приводить примеры сказанного? Итак, он был занят этим, как сказано.

Во время же праздничного дня второй недели по Пятидесятнице, встав из-за трапезы, он был охвачен страданиями от боли в голове, которая распространилась до позвоночника и отдавалась в затылке. Встретившись этим, мы, смиренные, хотя и возвратились домой, но на следующий день опять прибыли и нашли его в еще более сильных страданиях и жестокой горячке. Он уже едва мог тихо говорить и слабыми жестами давал понять, что его жизнь во плоти безнадёжна. На третий день совершенно отнялся язык; немного спустя наступила горькая смерть.

Горькою она должна назваться для нас, лишившихся святого мужа, а для него она весьма сладостна, как послужившая к тому, чтобы *разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23), — а может ли быть что-нибудь блаженнее этого?

Итак, лежал этот блаженный муж, — ибо хорошо описать и это, как некоторое дивное зрелище, — почтенный лицом, ангелоподобный видом, как будто душа, отошедшая к Господу, оставила некоторые лучезарные черты на священном теле, с которым и в котором она служила Святой Троице.

Тотчас собралось множество как отшельников, так и общежительных монахов, великое множество

людей стеклось, взирая на него, как на священное сокровище, или точнее сказать, как на одушевленного и могущего говорить. Проливались слезы людьми почтенными без шума, а служителями с воплями. Таким образом, с надлежащими псалмопениями и молитвами иерархов предан он погребению в том месте, где блаженный привык служить Господу; и приложился отец к отцам, исповедник к исповедникам, учитель к учителям, наставник к наставникам. Прибавим и следующее: воздержный к воздержным, чистый к любителям чистоты, гостеприимный к гостеприимным, смиренный к смирennemудрым, бывший *для всех всем*, сколько возможно, *да всех*, или *по крайней мере некоторых приобретет*, подражая доблестям апостольским (1 Кор. 9, 19, 22).

Теперь мы, смиренные, сиротски оплакиваем его, как истинного любителя отцов и братий. Церковь его, как малое стадо, недоумевает и ожидает пастыря и отца. Она, подобно птенцам, которые, лишившись родителей, беспрестанно кричат. Они оставлены и никто не доставляет им пищи — ни духовной, ни телесной. О них должны позаботиться друзья почившего, насколько это возможно.

Ты же что? Привязан к телу или считаешь более необходимым уйти отсюда? Мы и раньше знали, что ты уже сильно утомлен. Но не лучше ли было, чтобы мы, удрученные старостью, совершенно бесполезные в жизни, только грехи на грехи нагромождающие, оставили эту несчастную плотскую темницу? Он же и другие подобные ему до последнего были среди людей, так как они знамениты и жизнью, и верным учением.

Ты нам на это ответь, возлюбленный, и пусть услышат, наконец, глас твоего утешения духовные сыновья твоего брата, и соратники, и единомышленники.

Ибо таким образом мы оба легче можем доставить друг другу действие благодати и молитвы — как в радости, так и в печали.

LXXIII. К ФИЛОФЕЮ КТИТОРУ

Хотя нам, сердечным друзьям, невозможно разговаривать друг с другом лицом к лицу, однако мы имеем немалое утешение, переговариваясь посредством писем.

Делая это, твоя любящая Бога (как это и имя твое показывает) душа пробуждает наше воображение: оно как бы видит тебя, как бы созерцает тебя. Мы, стремясь ответить на твое доброжелательство, не перестаем писать и духовно присутствуем с тобой, радуясь, что нас поддерживает друг, о котором знает вся Македония. Монахи и благочестивые миряне носят на устах красоту и добродетель твоего благочестия. Да подаст тебе Господь еще более сил делать добро, богатеть добрыми делами, быть благоснисходительным и общежительным, приобретая себе доброе основание в будущем, чтобы получить жизнь вечную. О, доблестнейший Филофей, тщательно соблюдай залог веры, постоянно украшаясь богоугодными делами.

Впрочем, об этом довольно. Ты, почтенный, опять говоришь о пресвитере, испрашивая ему разрешение на священнослужение. Если бы испрашиваемое было делом человеческим, то это было бы хорошо. Мы стараемся во всем удовлетворять тебя, желая сделать угодное тебе, много благодетельствующему нам. Но так как этот предмет касается Бога и относится к преступлению определения Божественных правил, то прости, любезнейший друг, мы не можем произнести суд вопреки Богу и священным правилам;

тем более что в прежние времена, именно из-за подобного предмета мы жертвовали всею жизнью своею, решались скорее идти на опасности, в ссылку и на смерть, нежели согласиться на нечестие и нарушение Евангелия Христова.

Ни сочетававший прелюбодеев, ни сочетававший второбрачных не был разрешаем нами к священнослужению. Ибо если священное правило не позволяет пресвитеру пиршествовать на браке второбрачного, то тем более запрещает венчать такого. Если же иные думают иначе, то пусть видят, что делают. *Мы же*, — говорит апостол, — *не имеем такого обычая, ни церкви Божии* (1 Кор. 11, 16). Итак, зная об ожидающем всех нас грозном Суде, не принуждай нашего смирения. Ибо если мы каждый день подвергаемся опасностям за слово истины, то как решимся поступать вопреки истине?

Не следует, господин, делать или говорить чего-либо вопреки определенному Божественными правилами. Надеемся, что и сам ты, ища одной воли Божией и спасения своей души, согласишься с нами в сказанном и будешь молиться, чтобы мы еще более утвердились в Божественном законе и не решались ни в чем преступать Божии заповеди и правила.

LXXIV. К МАРИИ СПАФАРИИ

Ты, почтенная, объясняешь, что Церковь есть спасительное прибежище, и кто прибегает к ней, побуждаемый необходимыми обстоятельствами, тот прибегает как бы в руки Божии. Так и в Ветхом Завете не позволялось исторгать никого из спасшихся в городе убежища; тем более в Новом не позволительно отторгать от Церкви прибегающих к ней. Ибо это —

оскорбление Божественных законов и Божественного жертвенника. Поэтому пусть вникнет твое благочестие, какой это дерзновенный поступок. Какое же врачевство?

Во-первых, нужно самой себе положить за правило: впредь не дерзать на такое дело, хотя бы все было ниспровергнуто. Затем в течение целой Четыредесятницы не приступать к Святым Тайнам. Каждый день десять раз преклоняй колена и пятьдесят раз взывай: Господи, прости мне согрешение; Господи, будь милостив ко мне, грешнице; и еще: Господи, помилуй меня туне. Нужно читать три псалма, особенно шестой, тридцать седьмой и пятидесятый. И таким образом, госпожа, да простит тебе Бог согрешение! Если же есть возможность, то следует раздать бедным сорок сребреников.

LXXV. К ИРИНЕ ИГУМЕНИИ

Далеки от похвал твоих, почтеннейшая из жен, нравы и слова жизни моей. Но душа верная и ищущая Господа обыкновенно воздаст похвалы не заслужившим, чтобы чрез это приобрести себе славу смиренномудрия. Такою показала себя нам ты, сестра в Господе. Мы же, зная самих себя, не можем равнять себя даже с последними из нынешних, не то что возноситься на такую высоту, как ты написала. Впрочем, об этом довольно.

Надобно обратить речь к делу о пресвитере. Мы отнюдь не говорим сегодня одно, а завтра другое, но речь наша постоянна. Какая же? Пресвитеру, обличенному в общении с еретиками, особенно, если он подписался, непозволительно священнодействовать до времени православного Собора, на котором подобные

дела будут рассмотрены и обсуждены, а разве только в случае нужды крестить, выносить мертвого, преподавать одеяние монаху, освящать богоявленную воду, читать Евангелие на утрени и преподавать Святые Тайны, уже совершенные невинным пресвитером, — и это, как я сказал, в случае нужды; ибо ему непозволительно делать и вышесказанного, если найдется священник, не имевший общения с еретиками.

Таково наше мнение. Если же иные думают или судят иначе, равные или высшие, — ибо от архиерея не издан закон, с которым необходимо было бы сообразоваться всем, — то они властны делать угодное им, а мы будем молчать. Но увещеваем тебя, почтенная, как в добрых житейских делах, так и в исповедании православия быть неуклонною, внимая апостолу, который говорит: *очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием* (2 Кор. 7, 1).

Ты знаешь, что воздвигнуто немалое гонение при свирепствующей до настоящего времени ереси: и кровь проливалась, и тела терзались, и мученики совершались. А какие страдания были в темницах и заключениях, — нужно ли и говорить об этом? Ссылки, изгнания, ограбления, железные оковы, изнурение голодом, удаление в пустыню и все прочее, о чем долго было бы повествовать.

Если же это так, то неужели этому пресвитеру можно выходить спокойно, получая неувядаемый венец славы? Напротив, так как он обличен в общении и подписи против Христа, Матери Его и всех святых, — ибо чрез иконы их это относится к первообразам, — то как он не считает за великую для себя милость то, что еще живет и что ему еще прощается беззаконие, как не избегает касаться и вышесказанного,

позволяемого по человеколюбию, и как еще помышляет о получении совершенного разрешения на священнослужение? Если дозволить такое, — тщетны мученичества, напрасны ратоборные подвиги. Но да не будет!

Мученик в этом исповедании есть мученик, и отпавший при этом отречении есть отступник, и всякому падшему нужно плакать до смерти, если послушается меня, доброго советника.

LXXVI. К ФЕОДОСИИ АВГУСТЕ И ВАСИЛИЮ, СЫНУ ЕЕ¹

Узнав от разных достоверных лиц и прежде других от боголюбезнейшего епископа Исаии и почтеннейшего игумена Мидикийского, преподобных отцов наших, что по благоволению преблагого Бога нашего вы обратились к образу мыслей и учению благочестия и Православия, оставив прежнее заблуждение, как происшедшее не от Бога, но от противной стороны, — так как и по отцу твое благочестие произошло от благочестивого корня (ибо известно, что он был муж, угодный Богу и отличавшийся всякими добродетелями), — мы возблагодарили Господа, Который не попустил вам оставаться во мраке ереси. Но исполнил души ваши блаженного света к познанию того, что Иисус Христос, Сын Божий, приняв наш образ по щедротам милосердия Своего, чтобы спасти Свое со-

¹ Писано в 823 году. Феодосия или Феодора, супруга императора Льва Армянина, с сыном Василием, за преданность Православию была сослана императором Михаилом Бальбою в монастырь на остров Халки в Пропонтиде или Мраморном море.

здание, подвергшееся тлению, изображается подобно нам, чтобы у Него не было недостатка ни в одном из свойств человеческих, оставаясь неопишуемым как Бог, заключающий в одном Лице и все отческие свойства. Поэтому Он и стал Посредником между Богом и людьми, соединив в Себе эти крайности и чрез Себя сделав нас причастниками Божественного естества.

Он, будучи Богом и равным Отцу, не может не быть неопишуемым, ибо Божество беспредельно, неограниченно и непостижимо. Так точно невозможно, чтобы Он, будучи истинным Человеком и сделавшись подобным нам во всем, не был опишуемым, ибо тело Его опишуемо, его можно осязать и видеть.

Не исповедуя этого, иконоборцы явно сделали отступниками от Христа, представляя Воплотившегося бестелесным и поставляя вне нашего естества Сделавшегося подобным нам. От этого поколебался мир: отвергнут Христос посредством досточтимой иконы Его, отвергнуты Богородица и все святые. Ибо чрез принятие иконы принимается изображенный на ней, а чрез отвержение ее он отвергается. Поэтому воздвигнуто гонение. Достопочтенный Патриарх отправлен в ссылку. Священники и иерархи, монахи и благочестивейшие миряне, — одни сосланы и заключены в темницу, другие подвергнуты бичеванию и изнурены голодом, а иные и убиты. Многие, предпочитающие Бога всему здешнему, скитаются в горах, пещерах и пропастях земных. Разрушены храмы, осквернены святыни, преданы сожжению Божественные приношения, и все исполнилось вопля и расхищения.

Таковы дела нечестия, чтобы дерево позналось по плоду. А так как вас, как сказано, Божественная благодать объяла добрым исповеданием, которое вы исповедали пред отцами и за которое вы готовы подвизать-

ся до крови, то и мы, смиренные, основываясь на этом исповедании, тебя, госпожу и владычицу, а также и господина и владыку, с прочими знатными лицами, принимаем и сопричисляем к стороне православной, то есть к Церкви Божией. Вам, приходящим к нашему смирению, поклоняемся и вступаем в общение с вами, воссылая благодарение благу Богу, *Который творит дела великие и неисследимые, чудные без числа* (Иов. 5, 9), изводящему из тьмы в свет и обращающему с пути заблуждения на стезю благочестия всякого, кто от искреннего сердца желает спастись. Вот что мы хотели сказать.

А то, что вам назначен великим императором для жительства остров Халки, весьма опечалило не только нас, но и многих из отцов, потому что целое братство вместе с игуменом изгнано из своей древней обители и теперь скитается по разным местам, а также потому, что мы оказались подающими повод языкам к прежнему злословию. Впрочем, когда вы через духовного сына нашего Климента, благоговейнейшего игумена, отвечали, что таким образом было решено дело царскою властью, то мы оставили скорбь. Но просим о том, чтобы вы, насколько это возможно, постарались облегчить бедствия удаляющихся, ибо написано: *Не злословь раба, чтобы он не проклял тебя* (Прит. 30, 10); и еще: *для чего,— говорит апостол,— моей свободе быть судимой чужою совестью* (1 Кор. 10, 29)?

LXXVII. К КАССИИ КАНДИДАТКЕ

Длинно письмо достоинства твоего и притом исполнено укоризн,— то смиряющееся, то восстающее против нашего ничтожества, будто мы без разбора и

исследования принимаем клеветы на тебя, а также безрассудно произносим суждения, притом, относительно предметов весьма важных. Мы же, привыкшие устраняться от таковых, объявляем, что мы выслушиваем их болтовню, как детские шутки, и говорим так, чтобы угодить не людям, но Богу, испытующему сердца наши, хотя мы и грешны в других отношениях. Ибо, если прорицатель Валаам не мог против воли Божией отвечать Валаку, царю иноплеменников, то как мы, носящие степень священства и долженствующие дать отчет в день Суда за ответы на предлагаемые нам вопросы, можем говорить вопреки положенному?

Так мы отвечали вопрошавшим, не сами от себя заповедуя быть тому или другому, как ты не усомнилась сказать. Чего же ты хочешь? Того ли, чтобы мы, подобно торгующим, отвечали каждому в угоду ему? Или того, чтобы мы право правили слово истины? Итак, не гневайся же на нас, смиренных. Неуместно ни тебе самой, ни госпоже сестре, ни кому-либо другому решаться осмеивать и порицать нас.

Знай, что и к приснопамятному военачальнику мы расположены не враждебно, а весьма благосклонно, равно как и к супруге его¹. Но мы скорбим и справедливо жалуемся, что вы, отличающиеся знанием и преданные благочестию, при конце не были водимы истинной любовью к нему. Ибо прежде всего и выше всего надлежало позаботиться о спасительном для души его, о том, чтобы он причастился Святых Таин, считая все прочее уметом, чтобы он был в общении с православными; ибо написано: где застигну тебя, там и буду судить тебя. Так мы думаем и говорим. Если же иные говорят иное, то они властны в словах своих,

¹ См. выше письмо VII.

а мы будем молчать. *Познал Господь Своих, и да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа, как написано (2 Тим. 2, 19).*

LXXVIII. К ИПАКОЕ МОНАХИНЕ

Избравшим монашескую жизнь и таким образом распявшимся для мира, ставшим уже выше плотских расположений и обстоятельств, несвойственно сокрушаться по причине перемен, случающихся с родственниками, и скорбеть о кончине их. Но так как мы находим, что и самые святые трогались страданиями единокровных и проливали горячие слезы при кончине их, то не считаем странным, что и мы испытываем то же, особенно по брате, и брате, отличавшемся благоразумием и знатностью и как бы заменявшем отца в попечении о вас.

Поистине тяжела эта скорбь, сестра в Господе, и вашего сердца коснулся удар как бы меча рассекающего. Скончался господин брат ваш. Не стало мужа доброго, закрылся глаз рода, отлетела ваша утеха; осиротели дети, которых он родил; осиротела и ты вместе с сестрами, уже не имея, на кого опереться нетвердой рукою, куда обратить взоры в затруднительных обстоятельствах.

Впрочем, для чего столь долго изображать бедствие? Ведь наша речь — к жене боголюбивой, благоразумной, мудрой, многоопытной, исполненной божественного ведения, могущей вразумлять и других своим примером. Извлеки из благой сокровищницы сердца своего духовное богатство, врачевства утешения, помогая и себе, и сестрам.

Мы знаем, что скорбь равно коснулась и их, также и госпожи игумении, и всего рода, и даже, прибав-

лю, самого сената. Кто не вздохнет о нем? Кто не прольет слезы? Скорбь о нем не прошла и мимо нас, смиренных, рассуждающих таким образом. Но, обратив внимание на то, что никто из родившихся не может не отойти отсюда (и так продолжается со времени праотца нашего Адама доселе), мы нисколько не считаем странным случившееся. И все же дивно было бы, если бы богомудрое сердце твое переносило это с благодарностью, являя собою вместе с госпожою игуменьей образец для сестер и всех родственников.

Принимай же по обычаю своему благодушно все, с твердою волею, по возможности ободряя и дом брата, чтобы он, оставаясь без помощи, не впал в руки строящих козни при человеческих несчастьях. Позаботься, насколько это возможно, и о почтенной душе доброго мужа; ибо отшедшие и после смерти получают помощь от живых. Впрочем, мы убеждены, что ты все и везде устроишь хорошо, и скорее ум твой будет управлять, нежели впадать в зависимость, чтобы им управляли скорбь и уныние. Для этого мы и послали брата Афанасия, чтобы выразить наше уважение к почившему мужу и сострадание к вам, почтенным. Желаем, чтобы он скорее возвратился к нам благим вестником вашего благодарного терпения.

LXXIX. К ОЛВИАНУ ПАТРИЦИЮ

Георгий, боголюбивый муж и знаменитый нотариус, передавший нам приветствие от вашего преславного и знатного превосходительства, требовал, чтобы и мы взаимно послали письменное приветствие, которого желает и ваше блаженство. Повинуясь к исполнению дружеских обязанностей, мы и пишем настоящее письмо.

Приветствуем вас, как подобает нам, уничиженным, с удовольствием (и чрезвычайным удовольствием), понимая, что вы желаете слышать голос от нас, жалких и грешных; ибо это немалое доказательство благочестия, когда высокий по достоинству склоняется к голосу смиренных, особенно в настоящее время, когда многие отвергаются и от близких друзей, а не то что от людей неизвестных. Далее же напоминаем, что начальствовать следует с кротостью, а управлять подвластными — так, чтобы это было угодно Богу.

Ибо, если всякое начальство и власть поставлены от Бога, по словам апостола (Кол. 1, 16), то очевидно, что начальствующий и имеющий власть должен управлять подвластным народом по воле Божией, — и совершая неподкупный суд в делах сомнительных, и с благосклонным и мирным лицом принимая приходящих, придавая им таким приемом смелость объяснять их нужды. Ибо бедный, как говорят, не переносит угроз. Еще же нужно склоняться на сторону бедного и смиренного; наказывать, когда требует нужда, — но наказывать не с гневом, а спокойно, с целью исправления, и немногими ударами (ибо жестокость негодна Богу), но рассудительно и столько, сколько нужно, чтобы укротить необузданного и произвести исправление, как поступает отец с сыном и врач с больным. Блажен тот, кто так управляет народом и начальствует над войском. Ибо и Моисей, служитель Божий, начальствовавший над народом, и Иисус Навин, военачальник, и многие другие — не только среди царей, но и среди судей и начальников, начальствовавшие и первенствовавшие и прежде закона, и под законом, и уже во время благодати угодили Господу, управляя с благочестием. Просим и умоляем управлять именно так и тебя, преславного и возлюбленного

нашего господина, чтобы тебе быть в числе этих спасенных и достойных почитания мужей. Прими наше напоминание не как дерзость, но как выражение любви; ибо мы любим тебя, любящего Бога; а друга отличает именно то, что он говорит полезное любимому; что и показало уничиженное письмо наше.

Да сподобит нас благий Бог наш сойтись когда-нибудь и для личного собеседования, чтобы насладиться присущими тебе благами, чтобы то, чего не представляют молва и слух, открыла бы личная беседа и сделала нас более деятельными в дружеском общении.

Ибо мы узнали от доброго письмоносца, что немалыми доблестями отличается ваше благочестие, которое да сохранит Господь, как зеницу ока, от всякого пагубного навета, и да спасет в своем небесном царстве!

LXXX. К АНТОНИЮ ЕПИСКОПУ

Приличное обращение сделала ныне отеческая святость твоя, — не к нам, смиренным, — нет, мы знаем, каковы мы, отставшие даже от стоящих на последней степени добродетели, — но ко всем божественным отцам и исповедникам, приветствуя, как добрый Ангел, и соединяя всех нас союзом любви. Праведное и достойное это дело — рассеянным в разных местах за слово Божие и свидетельство Единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, беседовать друг с другом посредством писем и иметь духовное общение путем напоминаний, и не казаться от безгласности как бы умершими. Ибо мы знаем, что и божественный апостол Павел с подобными богоизбранными мужами издалека зывали друг к другу и сносились взаимною беседою, возвещая Евангелие

царства Божия всему миру. На это и нас поставив (хотя и дерзновенно говорить об этом), Дух Святой увещевает: *благовести* и не умолчи; ибо народа моего здесь *великое собрание* (Пс. 39, 11–12); и в другом месте: *если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя* (Евр. 10, 38).

Итак, за молчание — Страшный Суд, особенно при теперешней злонамеренной глухоте еретиков. Совершая богоприлично это благовестие, и твоя святость, как написал ты, подвергалась многим искушениям от не желающих слушать святое слово и отвергающих богописанную икону Христа, Богородицы и всех святых Его. Пребывай же, возлюбленный, *на подсвечнике* слова, по заповеди евангельской, *и свети всем в доме* (Мф. 5, 15), чтобы простые взором принимали свет, а бесчувственные пожали плоды своего невнимания. Молись, чтобы и мы также поступали и неукоризненно получили воздаяние за предстояние. Уведомляем тебя, что один из истинных светильников уже отлетел ко Господу, — это святейший митрополит Синадский; а еще прежде него — знаменитые братия и отцы: Афанасий, игумен Павлопетрийский и Иоанн, настоятель Халкитский.

Еретики думают, что исповедническое общество Христово убывает, но они не знают, что оно еще более умножается, воодушевляясь ревностью прежних подвижников и становясь окрыленным воинством. Христос же еще спит (См. Мф. 8, 24), одним отвергая дверь покаяния по неизреченной благодати, испытывая любовь других, чтобы увенчать их венцом терпения, а иных, как очищенное золото, непрестанно облакая прекрасною диадемой славы Своей.

Это тебе от нас, блаженный. Ты же продолжай умолять Бога, чтобы Он водворил мир в Церкви

Своей, истребив всякое зло, а нас, оставшихся, сподобил сойтись для личной беседы, как и ты изъявил на то свое желание.

LXXXI. К ДИОНИСИЮ МОНАХУ

Врачуемые сведущими врачами не имеют нужды в попечении худших, разве только по любви допуская к себе близких. Так и ты, почтенный брат, делаешь нечто излишнее, не успокоившись, получив исцеление от боголюбезнейшего отца нашего, архиепископа Диррахийского, но требуя еще врачевания и от нас, худших. Впрочем, как любовь побудила вас писать ныне письмо, так она же побудила и нас, ничтожных, отвечать вам и соединиться между собой любовным расположением. Ибо даже без всякой необходимости надлежит взявшим на себя один и тот же обет и любящим один и тот же образ мыслей с любовью сноситься между собою. Воистину, *по причине умножения беззакония* иссякла *во многих любовь*, как сказал Господь (Мф. 24, 12).

Итак, средство врачевания вашего, предписанное святейшим архиепископом, пусть соблюдается в точности. Мы же увещеваем и напоминаем: не обращаться опять назад и не увлекаться в пагубную подозрительность теми или другими признаками. Ибо довольно и прежнего, после которого мы должны постоянно сокрушаться и скорбеть, плакать и рыдать. В то время, когда подобные нам братия, как орлы, возносятся на высоту исповедания, мы удерживаемся в сетях ереси. Когда они терпят гонение, — мы остаемся дома. Когда они мученически подвижаются, — мы делаемся отступниками, если не сердцем, то рукою и устами. Когда другие за-

ключены в темницы и мучатся голодом, — мы живем в спокойствии.

Как же не трогаться этим и не плакать об этом? «Как смогу я находиться, — говорит Великий Василий, — вместе с Иовом, не приняв какой-либо скорби с благодарностью? Как смогу я оказаться с кем-либо из святых, не следуя в своей жизни по его путям?» Смотрите, братия, какой ужас, какое расстояние. *Какая, — говорит Господь, — польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит* (Мф. 16, 26)?

Будем же слушать Господень голос. Будем же бояться и трепетать. О прежнем будем просить прощения, а в будущем станем ходить прямо, не преклоняясь и не хромая на оба колена, по Писанию (Евр. 12, 13), но шествуя праведно по заповедям Божиим, соблюдая веру чистою, жизнь безукоризненною, чтобы нам наследовать не поля и виноградники, и смоковницы, и прочее, относящееся к временной и тленной жизни, но обетованные блага, жизнь вечную, царство небесное. Никто пусть не думает и не говорит, будто для противоположных дел бывает несогласное с ними воздаяние.

Мир вам, братия в Господе; имейте мир между собою; молитесь о нас, братиях; утешайтесь.

LXXXII. К ИОСИФУ, ИГУМЕНУ КЕРАМЕЙСКОМУ

Еще прежде прибытия доброго Сергия мы слышали о вашей печали по блаженном митрополите, почтеннейшие братия; и, прибавлю, сколько мы сетовали и плакали, знает только Ведущий тайное. Ибо это был отец ваш и наш и верный друг, какого

ищут все, но находят редко. О, как пал непоколебимый столп Церкви! Как погас свет находящихся во тьме и ваш ближайший светильник! Умолк сладкоречивый язык, отлетел благоразумнейший ум, не стало опоры веры, защитника церквей, медоточивого слова, убедительного голоса и всего того прекрасного, что только воспевается и что известно об этом муже.

Мы стали (говорю не о вас только, но и о целом обществе православных) сиротами от последовавших друг за другом утрат. Прежде отошел этот блаженный отец; за ним последовал другой; затем почил еще третий; почти все светила верных закатились, и остались весьма немногие. Сетует небо, покрываясь облаками, сетует еще более Церковь ныне, лишившись звезд своих. Впрочем, Солнце правды приняло этих отцов, блаженно кончивших жизнь; а Само Оно обещало быть с нами *до скончания века* (Мф. 28, 20). Итак, хотя настоящее печально, но, с другой стороны, оно и радостно по надежде, что мы имеем в отцах наших защитников пред Богом, свыше взирающих на нас милостиво и преклоняющих на милость к нам Его благость.

Наконец, надобно обратить речь к вам. Вы, братия, не являетесь оставленным без призрения стадом. Добрый архипастырь ваш, соименный блаженному апостолу Петру, уже вразумил и научил вас, еще при жизни своей поставил игумена над вами, устроил все нужное и, целый год преподавая назидательные беседы (как бы отходя ежедневно), усовершил каждого из вас. Желательно, чтобы дела не пошли иначе, по трудности времени, но чтобы как он устроил, так и оставались и вы, и они; и даже если обстоятельства будут против вас, вы бы не изменяли истине, но, как

и он заповедал письменно, вменяли все в уметы ради Христа и не предавали веры и истины.

Это надобно сказать всем вам, а особенно тебе, господину игумену, ибо каков начальствующий, таковы обыкновенно бывают и подчиненные. Мы уже однажды были увлечены в общение с еретиками, по привязанности к вещам видимым; не будем же, умоляем и напоминаем, опять ради монастырских владений, виноградников, маслин и смоковниц, которые и мы, подобно отцам нашим, скоро оставим на веки, изменять обету и осквернять себя общением с иноверными, взирая на окружающие дурные примеры. Не это предстанет нам в помощь во время смерти, в час суда, но чистая совесть и неукоризненная жизнь. К этому мы увещеваем вас, не желая, чтобы вы терпели бедствия, но как братья братьям стараясь оказать помощь по повелению заповеди.

Мы сочувствуем и сострадаем господину Григорию, духовному нашему брату, находящемуся уже в маститой старости, и такому мужу, каким вы знаете его, и в отношении к плотским обязанностям, и по духовным доблестям, что он с хриstopодобным смирением решился лучше претерпеть все, нежели сделать что-нибудь вопреки отеческим постановлениям.

Да будет дарован вам мир Божий, о котором Он возвестил святым Своим апостолам, возносясь на небеса, равно как и взаимная любовь. *По тому*, — говорит Он, — *узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). Будьте милосердны, господин игумен и господин Григорий, и за ними все остальные, ободряясь от печали и проходя как бы новый путь, ваш духовный подвиг, молясь и о нас, смиренных, будучи в *лучшем состоянии и держась спасения* (Евр. 6, 9).

ЛXXXIII. К ЕВФИМИЮ, ЕПИСКОПУ САРДИЙСКОМУ

Ты, блаженный, по обычному смиренномудрию своему не перестаешь восхвалять нас, недостойных; а мы знаем, что ты поистине и опора учения, и столп Церкви. Особенно теперь, когда оставили нас оба знаменитые отца, слава православных, и ты один остаешься, как светильник, сияющий для угнетенных в городе, просвещая многих слепотствующих от недостатка света и еще больших приводя к Богу источающимся, подобно некоторому потоку, медоточивым учением своим. Да сохранишься ты еще для нас, и не для нас только, но и для всей Церкви, в утверждение и божественное веселие!

О пресвитере же, о котором ты повелел объяснить, в каком он состоянии и как освобожден из варварского плена, мы знаем все это от него самого. Но этот муж не хочет и не считает нужным подвергнуться правилам по-нашему. Ты знаешь, богопочтенный, что общим голосом еще находящихся на земле и недавно отшедших к Господу исповедников определено, чтобы священные лица, однажды обличенные в общении с еретиками, были отлучаемы от священнослужения, именно до времени усмотрения вышнего Промысла. Как же мы можем нарушить это правило и через принятие одного распространить закон на всех, прежде отлученных? Поступив так, мы воспротивимся нашему божественному и первоверховному настоятелю, — а он не позволяет таким даже просто благословлять общую трапезу, не только совершать какое-нибудь важнейшее из священнодействий. Это бы означало ввести в соблазн других исповедников и произвести разногласие в людях, строго соблюдающих правила.

Может быть, некоторые поспешили своим судом, по стеснительным обстоятельствам времени и по принуждению требующих, разрешить некоторых из пресвитеров после епитимии. Но нам никак нельзя сделать этого без предстоятеля, так как надобно думать, что причина отлучения была основательная. Ибо иначе как обнаружится различие между изменившими истине и не изменившими, между мужественно подвизавшимися и не хотевшими несколько пострадать за благо? Где Христос и Велиар, свет и тьма, если все будет смешано, если будет суд прежде суда соборного и мир прежде мира? Должно избегать этого, превосходнейший из отцов, как нам кажется, об этом свидетельствует сама истина. *Для такого довольно сего наказания от многих*, — как говорит апостол, — *дабы он не был поглощен чрезмерною печалью* (2 Кор. 2, 6—7). Но возводить его на ту степень, с которой он низведен за преступление, не следует до надлежащего времени, чтобы и этот род преступления был строже наказываем и предварительно сделалось известным, какой способ врачевания удовлетворителен.

Хотя отлученному таким образом и было позволяемо совершать нечто важное за неимением кого-либо другого невиновного, о чем знает и твое совершенство, но так как этот пресвитер, сознающий сделанное им у варваров (он там многих крестил) и утверждающий, будто по всему этому следует ему быть разрешенным, не согласился подвергнуться тому, чему подвергаются здешние отлученные, то мы предоставили ему делать угодное, как сам рассудит, не разрешая и не запрещая.

Будь здоров в Господе, прехвальный; мы и находящиеся с нами братья усерднейше приветствуем тебя.

LXXXIV. К ИОАННУ ГРАММАТИКУ

Исповедую благодарность Всесвятому Богу, что я, хотя и поздно, услышал твой любезный голос; но не могу сказать, что я благодарен тому, кто прежде враждебно пресек его. Так как ты, почтенный, когда была устранена печаль, упомянул и о досточтимой иконе Христовой, то я могу сказать, возлюбленный, что недавно присланное твое письмо я нашел вполне соответствующим и несколько не противоречащим прежним моим письмам.

Согласно твоим выводам, нет сомнения в том, что всякая икона есть отображение чего-то иного, — то есть первообраза. Если же нужно выразиться логически непротиворечиво, икона есть некое отношение; и в этом смысле она и уподобительна, и выразительна, и соответствует первообразу.

При этом иконе Христовой надобно воздавать поклонение не как веществу, но как Самому Христу, ибо чествование образа восходит к Первообразу, и действием ума вещество не смешивается с начертанным образом. И богопочитательное, как говоришь ты, поклонение надобно приносить Спасителю Христу как прежде воплощения, так и после воплощения; как без иконы, так и чрез нее. Этому правому учению никто из здравомыслящих, я думаю, не станет противоречить.

Сообразно этому уместно будет использовать и примеры солнца в отношении к его отображению в воде и идеального (математического) треугольника в отношении к вещественному. Ибо, если предположить, что солнце или изображение треугольника достойны почитания еще прежде того, как первое отразилось в воде, а второе предстало нашему взору в веществе,

то очевидно, что и после проявления или слияния с веществом, то и другое достойны почитания.

Таким образом, ты основательно показал, что Господь наш Иисус Христос достоин Богопочитания и поклонения — и прежде воплощения, и после воплощения. Так, почтеннейший, Христу несомненно подобает воздавать Богопочитание, но досточтимую икону Его мы не почитаем как отдельное божество (подобно тому, как, по предположению, не почиталось бы солнце, уже отразившееся в воде, в отличие от самого солнца; равно как и не почитался бы треугольник вещественный, в отличие от треугольника идеального).

Заметь, что у нас, христиан, одно Богопочитание только одной Святой и Единосущной Троице воздается всею тварью видимою и невидимою. Поэтому и нельзя сказать, что досточтимой иконе Христовой воздается богопочитание. Одно из двух: или почитание иконы включается в Троическое богопочитание, что невозможно, так как нельзя делать какого-либо прибавления к Троице (иначе Она окажется четверицею); или, если ее почитание не включается туда, но сама по себе икона богопочитается, то мы допускаем два богопочитания. В таком случае — что иное могут думать о нас язычествующие иконоборцы, как не заключить отсюда, что мы, наряду с Творцом, еще и оказываем сугубое богопочитание твари, и, таким образом, нисколько не уступаем арианам в нечестии?

Итак, должно поклоняться иконе Христовой, но Богопочитание воздавать не ей, а изображенному на ней Христу, как следует из вышесказанного, ибо образ и Первообраз — два предмета, и различие между ними — не по лицу, а по сущности.

LXXXV. К МИХАИЛУ, СИНКЕЛЛУ СВЯТОГРАДСКОМУ¹

Пишу к тебе, почтенный, теперь, когда мне, по воле Божией, случилось найти письмоносца; и из самого заключения нашего я намеревался сделать это, и не однажды, а дважды, или может быть, несколько раз; ибо, хотя вы из другой страны, но по образу мы едины. Так как мы рождены одною Матерью усыновления и приняли один образ истинной веры, являемся братьями и согражданами, имеющими главою Христа, Которого мы тело и *порознь* — *члены* (1 Кор. 12, 27), то мы обязаны и сорадоваться друг другу в благоприятных обстоятельствах, и сострадать в горестных.

Но каким образом вас, отправившихся в другое место, поток времени заставил попасть в сети здешних властителей? Что сказать на это? Или что говорит Священное Писание? И множество народа повело Ииуя (4 Цар. 9, 13); но там — на царствование над Израилем, а здесь — на свидетельство об истине, чтобы и ныне исполнилось сказанное: *От Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима* (Ис. 2, 3).

Обрати сюда ум свой, преблаженный. Стой мужественно, напоминаем: *Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших* (1 Кор. 6, 20). Скажи и ты с божественным Павлом: *Ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и действием Духа Иисуса Христа, при уверенности и*

¹ Синкелл — живущий вместе с Патриархом или приближенное к Патриарху лицо. Святоградский — т. е. Иерусалимский.

надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение (Флп. 1, 19–21).

Вот сладостный подвиг, вот блаженное приобретение — чрез кратковременные скорби и стеснения, или бичевания и капли крови сделаться богом и достигнуть Бога, истинно Сущего. Ты остался один, как мы слышали, отделившись помыслами от возлюбивших нынешний век, но ты соединился со всеми, держащимися слова истины. Поэтому тебя желает принять весь сонм мучеников; поэтому к тебе простирает руку воинство исповедников, чтобы взять тебя в одно жилище с собою.

Не отстанем же, почтеннейший, от этого прекрасного сонма и не постыдим, возлюбленный, надежды всех. Ты перенес столько трудов, что имя твое сделалось известным по добродетели и здешним, и тамошним! Теперь же, исповеданием как бы поднявшись на гору добродетелей, ты стал явным для мира и сияешь светлее солнца и словом, и жизнью, во славу *Отца нашего, Сущего на небесах* (Мф. 6, 9). Будучи поставлен на столь высоком месте, ты подвергаешься нападениям богохульного языка, который как только ни клеветал и ни лгал, стараясь отклонить тебя от высокого и божественного образа мыслей!

Но мы знаем, слышали, каков ты, и по благодати Христовой, владея словом жизни, источаешь из уст поток мудрости и противопоставляешь должное тщетным наветам. Мы же, смиренные, говорим и свидетельствуем, что на этом иерархическом престоле и прежде, и ныне предстоятельствовали мужи избранные, знающие догматы, определившие и пере-

давшие мнение и учение о священных иконах. И, говоря словами апостола, где умножился грех, стала преизобиловать благодать (Рим. 5, 20). Ибо отсюда происшедшая, как бы из врат адовых, иконоборческая ересь здесь и подавлена, и еще более будет подавлена дыханием Святого Духа, когда Христос запретит этому поистине злomu морю, в котором бывает много крушений в вере — не столько по развращению ума, сколько по страху пред властителями.

Впрочем, многие избавились от бури, управляясь кормилом Святого Духа. Много есть свидетельств и благочестивых писаний, изобличающих все заблуждение и представляющих красоту истины всем верным умам. С ними да сохранится и твое блаженство, подвигом добрым подвизаясь, течение совершая, веру соблюдая, чтобы получить *венец правды* (2 Тим. 4, 7–8). Да будет!

LXXXVI. К ИПАКОЕ МОНАХИНЕ

Хотя и с боязнью приступаем к письму, но находим необходимым открыть уста для выражения благодарности и хвалы тебе, почтенная. Доколе не перестанешь ты, прекрасная мать, истощать себя для нас? Доколе дары твои не перестанут посылаться повсюду? Особенно теперь, когда тебя саму постигло много скорбей, которые более и побудили нас писать письмом, после того, как мы узнали, как ты поступила с останками блаженного брата своего. Говорят, что ты открыла гробницу, привезенную из чужой страны, потом припала к останкам и приняла их в объятия, одевши их в другие, новые пелены, как бы самого покойного. Кто не изумлялся любви твоей к брату? Кто, присутствуя тогда, не проливал слез? Кто не скорбел

пламенно? Даже нас, находящихся далеко, по одному только известию тронуло это горе и ввергло в печаль наше сердце. О, горькая весть! О, горестная встреча! Чем мы были и чем стали? Внезапно осиротели, лишились брата. Может быть, застонало и солнце, увидев происшедшее; заплакала и луна о случившемся; опечалились и звезды при виде такого горя, и прочие стихии испытали нечто подобное.

Что же? Останемся ли мы при этой скорби? Омрачимся ли облаком печали? Будем ли как бы погибшими?

Нет, сестра в Господе. Не без Промысла наши дела, не без надежды, подобно как у непросвещенных язычников, но в руках Бога, все содержащего, от Которого приняли бытие и мы, и родившие нас, от Которого получили мы дыхание и жизнь, и то, что ты возведена в величайшее из достоинств, по обету девства. Итак, довольны мы плакали о брате. Теперь время утешения, теперь день благодарения. Отложим же скорбный вид и облечемся в оружие великодушия. Мы предпослали брата, прекрасного и по виду, и по образу мыслей, и по вере, равно как прежде единокровных и родителей; спустя немного последует за ними и мы. Никто не может жить и не умереть; никто, родившись, не останется непогребенным. Будем же и мы приготовляться к исходу; будем готовить нужное в пути переселения; будем назидать сестер собственным поведением и сетуя благовременно, и воссылая благодарность в соответствующий момент. Покажем видящим, что Бог в нас прославляется и находит благодарность за исполнение того, что Он повелевает. *Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось* (Иов. 1, 21).

Так увещаю тебя, почтенная, как мать и родительницу, или сестру мою любезнейшую: вознесем глас хвалы, покажем лицо светлое, научим делами, что мы носим крест на раменах своих, и умерли волею, и во всем повинемся Божественным повелениям. Если ты будешь поступать таким прекрасным образом, то доставишь радость Христу, бессмертному Жениху своему; а если будешь скорбеть, то, конечно, опечалишь Его, как любящая другого больше Его.

Видишь ли, к чему привела тебя речь? К тому, что ты не сирота, не остаешься без призрения, без покровительства. *Если Бог за нас, кто против нас* (Рим. 8, 31)? Если Он защищает, то кто в силах воспротивиться? Так и ныне, сестра, я решился увещать тебя. Ты же хорошо сделаешь, есливеришь немудрому старцу, дающему хороший совет и поистине принимающему твои обстоятельства за свои собственные, как и подобает.

LXXXVII. К МЕФОДИЮ МОНАХУ

Сколько твое достоинство желает видеть наше смирение, столько же, будь уверен, и мы желаем личного собеседования. Но так как написано: *не от желającego и не от подвизающегося, но от Бога милующего* (Рим. 9, 16), то надобно Ему предоставить это желание и на Него возложить попечение; и Он исполнит, когда будет Ему угодно, *желание боящихся Его* (Пс. 144, 19). А теперь нужно отвечать надлежащим образом на вопросы, предложенные духовными братьями нашими, Иларионом и Евстратием, при посредстве твоего благочестия. Но чтобы имеющее быть сказанным было удобопонятнее, пусть наряду с каждым из предложенных вопросов помещается и ответ.

Вопрос 1. О пресвитерах, рукоположенных в Риме, Неаполе и Лонгобардии без извещения и отпущенных: следует ли принимать таких и иметь общение с ними, вместе вкушать пищу и вместе молиться?

Ответ. Во время ереси, по необходимости, не все бывает непременно по правилам, установленным во время мира. Так, мы видим, поступали и блаженный Афанасий, и святейший Евсевий, которые оба совершали рукоположение над лицами не своей области. И теперь, видим, совершается то же самое при настоящей ереси. Итак, если упомянутые явно не осуждены, отнюдь не должны быть отвергаемы за то, что рукоположены таким образом, а должны быть принимаемы с соблюдением четырех предложений.

Вопрос 2. О пресвитерах, рукоположенных в чужой области, в Сицилии: следует ли принимать таких?

Ответ. Этот вопрос подобен предыдущему и отличается от него тем, что речь идет о другом месте. Очевидно, что и ответ он будет иметь подобный.

Вопрос 3. О церквах, оскверненных священниками, вступившими в общение с ересью, и занимаемых ими: можно ли входить в них для молитвы и псалмопения?

Ответ. Отнюдь не должно входить в такие церкви для указанных целей; ибо написано: *се, оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23, 38). Подлинно, как скоро введена ересь, то отлетел Ангел, хранитель тех мест, по словам Великого Василия¹; и такой храм стал обыкновенным домом. И *не войду*, — говорит псалмопевец, — *в собрание лукавых* (Пс. 25, 5). И апостол говорит: *какая совместность храма Божия с идолами* (2 Кор. 6, 16)?

¹ Письмо ССХХХ (Творения в русском переводе. Т. VII. С. 168. М. 1892).

Вопрос 4. О церквах, оскверненных теми же священниками, но не занимаемых ими: можно ли петь и молиться в них?

Ответ. Можно входить в такие церкви для пения и молитвы, если только они не будут более оскверняться еретиками, но будут занимаемы православными навсегда. Впрочем, на этот случай постановлено, чтобы совершалось открытие церкви несовратившимся епископом или священником, с произнесением молитвы. Если это будет сделано, то и совершать Литургию там не запрещается. Примером служит святой Афанасий: когда император Констанций просил его об одной милости — предоставить арианам один храм в Александрии для собраний, тот соглашался на это, если и он получит такую же милость, чтобы в Константинополе православные могли собираться в одном храме, занимаемом арианами.

Вопрос 5. О мощах святых: можно ли входить в их усыпальницы, и молиться, и поклоняться им, если они заняты нечистыми священниками?

Ответ. Правило не позволяет, по вышеизложенным причинам, входить в такие усыпальницы; ибо написано: *для чего моей свободе быть судимой чужою совестью* (1 Кор. 10, 29)? — разве по необходимости, только для поклонения останкам святого, — можно войти.

Вопрос 6. О принявших монашеский образ от нечистых священников: как нужно принимать таких?

Ответ. Нужно принимать их, когда исповедуют, что они согрешили, и будут под епитимией некоторое время, и затем таким образом будут разрешены несовратившимся священником.

Вопрос 7. О подписавшихся и имевших общение с тою же ересью монахах и клириках: как нужно

принимать таких, без епитимии или с епитимией? Если они обещаются больше не священнодействовать, то можно ли нам налагать епитимии на них?

Ответ. Очевидно, что с надлежащими епитимиями; ибо как могут быть достойны присоединения к православному телу не принесшие плодов покаяния? Назначать же таким епитимии и нам не предосудительно, ибо написано: *носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6, 2).

Вопрос 8. О монахах, которые безразлично общаются со всеми встречающимися, молятся и вкушают пищу вместе с ними: можно ли допускать таких к общей трапезе и псалмопению?

Ответ. Если апостол заповедует *удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Фес. 3, 6), то как вы сами по себе не благорассудили? Итак, если они будут воздерживаться от греховной привычки, подвергшись и надлежащей епитимии, то могут быть принимаемы. Впрочем, надобно наблюдать, кто те, которых вы называете *встречающимися*, — еретики ли они, или явно предосудительные по жизни? О таких говорит апостол: *называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, и пр., с таким даже и не есть вместе* (1 Кор. 5, 11).

Вопрос 9. О пресвитерах, вкушавших пищу вместе с еретиками однажды или дважды, но не вступавших в общение с ними, или не подписавшихся, или не служивших вместе с ними: можно ли допускать таких к общей трапезе и псалмопению, с печатью благословения, или без печати?

Ответ. Относительно таких надобно наблюдать: священники, вкушавшие пищу, со священниками ли еретиками, или с таковыми мирянами вкушали пищу,

и с известными ли или православно мыслящими, но имеющими общение с еретиками? В случае священных лиц суд строже. Но тех и других, по надлежащем раскаянии, можно допускать к общению и в соли, и в молитвах, и в печати.

Вопрос 10. О мирянах, подписавшихся под ересью и имеющих общение с нею: можно ли с такими мирянами православным мирянам вместе вкушать пищу?

Ответ. Безразличие — причина зол. *Не указывают различия между чистым и нечистым*, — говорится в Писании (Иез. 22, 26). Поэтому, если православные имеют ревность, то им не следует допускать таких до вкушения пищи вместе, пока они наперед не подвергнутся епитимии за нечестивую подпись и не откажутся от общения с еретиками. Но так как некоторые оскверняются общением с еретиками по стеснительным обстоятельствам, избегая опасностей, то можно допускать их до вкушения пищи вместе, если они исповедуют, что делали это случайно, и раскаяваются. Впрочем, и тогда не безразлично со всеми, а с некоторыми соответствующими условиями, принося и тем, и другим пользу, а не вред душевный.

Вопрос 11. О желающих креститься, когда не находится священника православного или безукоризненного: можно ли им креститься от священников, имеющих общение с еретиками, или таких, о которых не было извещения, особенно когда угрожает смерть?

Ответ. Здесь изречено исповедниками, иерархами и игуменами такое правило: пресвитерам, устроенным от священнослужения за общение с еретиками, когда не находится несовратившегося священника, дозволяется и крестить, и преподавать Святые Тайны, прежде освященные невиновным священником, также преподавать монашеский образ, совершать

молитвословие при погребении, читать Евангелие на утрени и благословлять богоявленную воду, по причине стеснительных обстоятельств. Так сказано, чтобы народ не оставался совершенно без слушания Евангелия и непросвещенным. Если вам нравится, то пусть соблюдается это правило и в тамошних местах.

Вопрос 12. Относительно отделившихся и прибегающих с раскаянием: позволительно ли нам налагать на таких епитимии, или принимать их?

Ответ. В вышеизложенном уже объяснено, что можно налагать: напрасно дважды повторять одно и то же.

Вопрос 13. Если епископ, впадший в преступление, будет низложен собором, а потом, после низложения, рукоположит пресвитера, и этот пресвитер, прибыв в монастырь, примет от своего игумена епитимию на время и после того станет священнодействовать: то желаем знать, можно ли принимать такого священника, если он не виновен?

Ответ. Так как здесь явная нелепость, то вам не следовало бы и спрашивать о таком преступлении. Ибо Христос сказал: *Не может дерево худое принести плоды добрые* (Мф. 7, 18). Поэтому, хотя бы такой от какого-либо святого, а не то что от своего игумена, принял епитимию, он не разрешается к священнослужению. Он — не священник, и разрешивший его — не святой. Иначе таким образом ниспровергнутся и исчезнут все канонические постановления.

Вопрос 14. О пресвитерах, рукоположенных православными, не подписавшихся и не имевших общения, но только вкушавших пищу вместе с митрополитом Григорием.

Ответ. В вышесказанном предложено суждение об этом. Итак, с Григорием ли, или с кем-либо дру-

гим из иноверных, было это вкушение пищи, — вкушавший ее, по надлежащем раскаянии, разрешается от вины не только ко вкушению пищи вместе с несовершившимися, но и к священнодействию, которого он удостоен. Меры же епитимии определенно назначить невозможно, по свойству лица и нрава: достаточно нести ему епитимию в продолжение двух или трех Четырехдесятниц.

Вопрос 15. О пресвитерах, также рукоположенных православными и по неведению вкушавших пищу вместе с пресвитерами, вкушавшими ее вместе с тем же митрополитом.

Ответ. Написано: всякий грех, совершенный по неведению, очистится (Лев. 4). Таким образом, они не подлежат никакой епитимии.

Вопрос 16. О пресвитерах православных, именно Иларионе и Евстратии монахе; имеют ли они власть назначать епитимии?

Ответ. Выше сказано, что им можно назначать ее. Но так как вопрос выражает, должно ли и не имеющему священства назначать ее за неимением пресвитеров и по вере приступающего, то скажу, что не противно правилам и простому монаху назначать епитимии.

Вопрос 17. О монахе, принявшем священный образ по неведению от пресвитера, рукоположенного низложенным епископом.

Ответ. Выше сказано, что всякий грех, совершенный по неведению, очистится. Поэтому не следует отвращаться от вкушения пищи вместе с таким и ни от чего другого подобного, способствующего согласию и дружбе. Это мы по возможности разъяснили тебе, как единомудушному и сподвижнику нашему. А ты осторожно передай спрашивавшим братьям. Ибо

не во всех вера (2 Фес. 3, 2), и не для многих изложено это, не только по неразумию беззаконных, но и по причине искушений от властителей. За посылки же многие и прекрасные, которые прислали благочестивейшие люди, да получают они воздаяние от Бога, и эти две корзиночки посылаются на память о дружбе. Будьте здоровы в Господе, почтеннейшие, молясь и для нас, грешных, *о лучшем состоянии и держащихся спасения* (Евр. 6, 9).

LXXXVIII. К ИОАННУ КЛИРИКУ

Дар любви твоей, искреннейший друг, мы получили. По поводу же просьбы, с которою ты обратился, чтобы знать епитимию, если случится тебе вкушать пищу вместе с еретиками, мы говорим, что надлежащее раскаяние во всяком грехе получает прощение; но не следует назначать епитимию прежде греха и таким образом отверзать дверь греху. Так, если бы ты спросил: когда мне случится совершить блудодеяние, чего я не желаю, какая будет епитимья? — то мне не следует отвечать тебе на это; потому что было бы поощрение ко греху; а надобно отвечать так: не делай греха и не претыкайся ногою о камень, — ни умственно, ни чувственно. Если все же преткнешься, тогда врач доставит целительное врачевство тебе, просящему и кающемуся. Это написал я тебе с великим вниманием, молясь, чтобы ты, возлюбленный, избавился от всякого зла.

LXXXIX. К ФОМАИДЕ ДЕВСТВЕННОЙ

С удовольствием получил я предложение твое, почтенная, высказанное живым голосом высокопо-

чтенного господина главного врача, как родственного и боголюбивого. Я не отказываюсь иногда поучиться и от женщины тому, что неизвестно мне. Но не думаю, чтобы я не знал поклонения досточтимым иконам, как ему следует быть. Итак, мы, почтеннейшая, — не стану в настоящее время говорить о другом, — поклоняемся иконе Господа нашего Иисуса Христа так, как самому Господу нашему Иисусу Христу. Но слово как есть выражение подобия, а не точного тождества; ибо иначе она была бы не иконою Христовою, а Самим Христом. Впрочем, она есть икона Христа, и Он почитается поклонением в иконе Своей; и выражается как бы одно в другом. Ибо свт. Златоуст говорит: «Я видел Ангела на иконе»¹; также и Григорий Богослов: «На этой картине был начертан Полемон».

Итак, и Христос на иконе Своей усматривается и почитается поклонением, но уподобительно; и потому, что Он почитается поклонением и богочтитается, еще не следует богочтить икону Его; иначе не было бы никакого различия между иконою и Первообразом ее. Итак, это два предмета, по различию их сущности, а не по сходным лицам. Притом, если одной Троице подобает богочтитание, то как может быть богочтимая икона? Тогда Троица окажется четверицею, получив прибавление, что нечестиво. А если бы икона Христова в собственном смысле удостоивалась богочтитания, то допущенные два богочтитания привели бы нас к богочтитанию твари, подобно арианской ереси. Но прочь, нечестивое суждение!

¹ Творения свт. Иоанна Златоуста в русском переводе. Т. VI. Кн. 2. С. 711. Спб., 1906.

Тебя же да сохранит благий Бог непоколебимою и невреждимою в православной вере и в благочестивой жизни, которую ты избрала по обету девства, для благоугождения Господу!

ХС. К ДИМИТРИЮ КОНСУЛУ

И прежде недавно в письме изъяснили мы, как велики и превыше нашего достоинства доверие твое, к нам, господин, уважение и любовь. А мы не таковы, как Вы полагаете, но грешники, не приносящие никакой пользы ни вам, ни другим. Да будет же вам по доверию Вашему награда и милость от Господа, вместе с госпожою консульшей и благородными отраслями Вашими, от которых получив и приношения, мы вознесли благодарение Господу!

Впрочем, обратим речь к нужному. Некоторые опечалились, говоришь ты, по поводу второго Ирода, потому что он был православным, и его поминает Церковь. Но, во-первых, обычное дело — называть властителей Иродами: так, Григорий Богослов говорит: «Если предстанешь Ироду, то молчи». Затем пусть осуждающие обратят внимание, не справедливо ли это сравнение. Первый Ирод, имев женою своею дочь царя Ареты и отвергнув ее, взял себе жену брата своего Филиппа для второго сожителства; а так как это было противозаконно, то он обличается Предтечею и, не перенося обличения, умерщвляет пророка. Потом, спустя немного, будучи изгнан собственным народом, он гибнет, по судьбам правосудного Бога, воздавшему убийце достойное наказание — жалкую смерть за смерть праведника.

Обратимся же к тому, о котором идет речь. И он, имев женою Марию, законно сочетавшуюся с ним от

юности, и отвергнув ее, прелюбодейным образом, как говорит Господь, взял себе в жену служившую при дворе его Феодотию для второго сожителства; а так как это вопреки Евангелию, то он лично обличается игуменом Платоном и, не перенося обличения, заключает преподобного как бы в могилу. Потом, спустя немного, будучи изгнан подданным, ослепляется, по судьбам праведного Бога, воздавшему виновнику заключения подобающее наказание — лишение зрения за заключение преподобного.

Пусть же всякий здравомыслящий вникнет, не справедливо ли император Константин, хотя бы он не сделал ничего другого с тогдашнего времени доселе, назван вторым Иродом, сам доставив себе своими делами это название. Относительно этого пусть они и не возражают нам. Христос-истина не может лгать: прелюбодей и даже враг Божий тот, кто не противится им. И не перестанут говорить об этом деле прелюбодея до скончания века. Но так как опечалившиеся способствовали прелюбодеянию, то они и негодуют при напоминании о нем, между тем как им следовало бы признать истину, повергаться и плакать пред Богом о гонении, за которое дадут отчет в день Суда, если не расскаются. А они еще прилагают грехи ко греху, прогневая Бога; неужели они забыли, какое гонение тогда было воздвигнуто повсюду, и сколь многие стали прелюбодействовать по примеру императора? Не стану говорить о прочем, из уважения к некоторым лицам. Пусть же перестанут печалиться печалью, неугодною Богу, кто бы они ни были. Ибо Бог не взирает на лицо человека (Гал. 2, 6). И если кто станет проповедовать что-нибудь другое вопреки тому, что мы слышали из Евангелия, хотя бы даже Ангел, он подлежит анафеме, как взывает блаженный

апостол (Гал. 1, 8). Зная это, и благоговейнейший игумен пусть не жалуется, что святой Феофан осужден по этому делу; ибо нет ничего более ценного, чем истина; и он не отказывается слышать об этом, как и великий апостол Петр о своем отречении, и святой Давид о своем прелюбодеянии, и священномученик Киприан — о своем волхвовании.

Что же касается до того, что упомянутый император поминается в Церкви, как православный, это несколько не противно Евангелию; ибо поминается и Валентиниан, но не за то, что он незаконно имел в одно время двух жен, а за правую веру; и Иовиан, — но не за то, что он, как повествуют, был мужеложником; и Никифор, — но не за то, что он был корыстолюбцем. И много можно сказать о других, которые, хотя были осуждаемы за иные грехи, но только за православие удостоились церковного поминовения. Сам ты, господин, тщательно береги это письмо и не выдавай его: ибо это опасно, как возвещает письменосец. Господь со духом вашим. Аминь.

ХСІ. РАЗРЕШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВОПРОСОВ

Вопрос 1. О пресвитере, диаконе и чтеце, держащихся православного образа мыслей, но имевших общение с еретиками по страху человеческому; можно ли совершать о них приношение, или всенощную, или молитву?

Ответ. Если они до смерти оставались в общении с еретиками, то нет; а если при исходе раскаялись и исповедали, что они были побуждаемы страхом, и наконец, если приобщились православных Святых Таин, то позволительно совершать о них вышесказанное.

Вопрос 2. О монахах и монахинях, подобным образом скончавшихся в общении с еретиками.

Ответ. Вышесказанный ответ пусть соблюдается и относительно таких, равно как и относительно мирян: мужчин, женщин и детей. Это сказано об умерших. Если же кто из всех упомянутых еще жив и раскаивается, отбрасывая страх с этого времени и решаясь злострадать за благо, то, если он пресвитер или диакон, должен быть отлучен от священнослужения до времени православного Собора, и после надлежащей епитимии пусть причащается православных Святых Таин. А сущность епитимии состоит в непричащении Святых Таин в продолжение такого времени или таких времен, как назначит налагающий епитимию; ибо невозможно сказать об этом определенно, потому что один от другого отличается и личностью, и познаниями, и занятиями, и возрастом. Если же то будет монах, или чтец, или монахиня, то по выполнении епитимии пусть тотчас будет даваемо Божественное Причастие; тоже и относительно мирян, — мужчин, и женщин, и детей. Очевидно, что и в отношении к ним нужно делать различие, смотря по личности, по достоинству и по возрасту, так что и в продолжение одной Четыредесятницы епитимия достаточна для принимающего ее. Ясно, что епитимия непричащения Святых Таин сопровождается и молитвами, и коленопреклонениями, и воздержанием от яств, по силам подвергающегося епитимии.

Вопрос 3. О приношении даров в монастырях мужских и женских.

Ответ. Нужно приносить, если они чужды общения с еретиками.

Вопрос 4. О причащении Святых Таин монахами или монахинями самим от себя.

Ответ. Не имеющим священства непозволительно даже и касаться Божественных Приношений; разве только по совершенной необходимости, когда не находится пресвитера или диакона, можно самим причащаться Даров. Каким же образом? Положив священную книгу и разостлав чистое полотно, или священный покров, и со страхом сложив туда из руки Дары, после песнопения нужно принимать их устами; потом принявшему таким образом должно омыть уста вином.

Вопрос 5. О мирянах — мужчинах и женщинах православных, которые причащаются от православного, но во всем прочем по страху человеческому смешиваются с еретиками; как надобно вести себя в отношении к ним людям, строго соблюдающим правила?

Ответ. Священному лицу, именно, пресвитеру и диакону, монаху и монахине, надобно воздерживаться от вкушения пищи вместе с такими, строго держась правил; разве иногда, не знаю, по какому-либо приспособлению к обстоятельствам дозволять это, и притом весьма редко. Мирянину же вкушать пищу вместе с такими — безразличное дело, хотя бы случилось, что иной из них имел общение с ересью по страху, но между тем держится православного образа мыслей. Впрочем, чтобы грех не оставался ненаказанным, нужно назначать малую епитимию безразлично общающемуся с еретиками по страху. Эта епитимия — коленопреклонений пятнадцать, также молитвы: «Господи, прости мне согрешение»; «Господи, будь милостив ко мне, грешному»; «Господи, помилуй меня» — от пятидесяти до ста.

Вопрос 6. Должно ли православному священнику преподавать Святые Тайны тем, которые молятся вместе с еретиками, но воздерживаются от общения с

ними, — пресвитеру ли, или диакону, или мирянину, или женщине?

Ответ. Что касается до преподавания, то пусть преподает лицам священным с епитимией, по снисхождению к тому, что они во всем другом уклоняются от еретиков, а мирянам без епитимии. Что же касается чтеца, который в продолжение двух лет воздерживался от общения с еретиками, то ему справедливо можно причащаться Святых Таин, хотя бы в других отношениях он и увлекался. Впрочем, это сказано по снисхождению к слабости людей, чтобы нам, желая сделать их совершенно чистыми, незаметным образом не подвергнуть их смертной опасности.

Вопрос 7. Следует ли молиться вместе с теми, которые не имеют общения с еретиками, но в других отношениях безразлично поступают, или принимать от них приношения, или восковые свечи, или елей?

Ответ. Если эти лица священны и приносят не к иноверным, то следует принимать приносимое ими, с некоторою епитимией, а если миряне, то можно принимать без епитимии; ибо должно быть различие между теми и другими по достоинству священства.

Вопрос 8. Можно ли совершать молитву для просящих у нас, или благословлять елей, или возжигать свечи, или давать пить святую воду?

Ответ. Если это иноверные, то нет, хотя бы они приступали с верою. Ибо что общего у света с тьмою (2 Кор. 6, 14)?

Вопрос 9. Если монах или монахиня придет к нам для Божественного Причащения, то какое исповедание нужно требовать от них, когда неизвестно их состояние?

Ответ. Всякого приходящего можно допускать к общению. Если неизвестно его состояние, то нужно

спрашивать, поклоняется ли он досточтимой иконе Христа и святых, удаляется ли от общения с еретиками и не держится ли какого-либо другого мнения иноверных? И когда он все исповедует и исповедание свое будет соблюдать с отвращением от всякой ереси, тогда должно преподавать ему и иметь общение с ним в Святых Тайнах.

Вопрос 10. Позволительно ли монахине самой пить святую воду?

Ответ. По совершенному неимению священника или монаха может пить, по крайней необходимости.

Вопрос 11. Можно ли на пути входить в церковь, занимаемую еретиком?

Ответ. Если церковь занимается еретиком, то отнюдь не должно входить туда для молитвы, а разве по поводу какого-либо другого обстоятельства.

Вопрос 12. Следует ли приходящего к нам неизвестного авву, прежде дознания, называть святым отцом и испрашивать от него молитвы?

Ответ. Так как теперь время ереси, то без дознания не должно ни говорить: «Благословите, святые», — ни испрашивать от него молитвы. Но общее приветствие не запрещается, по правилам святого Василия.

Вопрос 13. Следует ли православному священнику совершать молитву над колодцем, если он будет осквернен?

Ответ. Следует совершать молитву там, где есть общение с православными. Но к имеющим общение с еретиками не должно ходить; ибо, оскверняясь по душе хлебом своим, они оскверняются и по телу.

Вопрос 14. Относительно крещения, когда нет церкви, занимаемой православным, и когда нас просят; где следует запечатлевать, оглашать и крестить, и какие должны быть родители и восприемники?

Ответ. Не должно входить, как выше сказано, в церковь, занимаемую еретиком; не тем ли более — совершать сказанное? Но за неимением церкви нужно войти в чистейшее место дома, и там, на освященном жертвеннике или столе, желающий совершить священнодействие пусть совершает святое Крещение. Восприемниками же надобно принимать таких, которые не имеют общения с еретиками, также и родители должны быть непричастны к ним.

Вопрос 15. Есть церкви, имеющие два или три придела, и один из них никем не занят; можно ли там совершать Литургию, или нет?

Ответ. Если такая церковь занята известным еретиком, то, хотя бы в одном приделе он не священнодействовал, не следует там совершать Литургию; если же она занята православным, то пусть совершается Литургия в приделе, в котором он не священнодействует.

Вопрос 16. Может ли кто-нибудь охранять свою церковь, чтобы в ней не священнодействовал еретик: на сколько времени она может быть заперта, и что должно соблюдать относительно нее?

Ответ. Разрешать этот вопрос — не наше дело; он относится к епископу, который дает разрешения относительно церквей.

Вопрос 17. Если встретятся миряне, мужчины или женщины, еретичествующие по невежеству, или по рождению принадлежащие к ереси, то можно ли вкушать пищу вместе с ними или что-нибудь принимать от них?

Ответ. Хотя бы по злонамеренности, хотя бы по невежеству они были еретиками, непозволительно вкушать пищу вместе с ними или принимать принесенное ими; если только невежды, исправившись, не дадут обещания быть православными.

Вопрос 18. Об отце моем; следует ли поминать его на Литургии?

Ответ. Хотя бы то был отец, хотя бы мать, хотя бы брат, хотя бы кто-нибудь другой, обличенный в общении с ересью вплоть до смерти, он, как сказано в предыдущей главе, не должен быть поминаем на Литургии; а разве только каждый в душе своей может молиться за таких и творить за них милостыни. Ибо как может тот, кто при жизни имел общение с еретиками и погребен в таком состоянии, быть внесен в помянники при священнодействии православных? Никак нет.

Это я высказал не законодательно; ибо это — дело епископов; но в виде совета из любви, ибо нет ничего необходимее любви. Если же твое благочестие найдет, что хорошо устроить что-нибудь иначе, то мы не можем на это ничего сказать, только попросить святых ваших молитв, так как мы — люди грешные.

ХСII. К БРАТУ И АРХИЕПИСКОПУ ИОСИФУ

Я получил письмо твоей святыни. Узнав из него о твоей беседе с императором и в конце концов о твоём благословенном изгнании, восстенал я, смиренный (как же иначе?), однако прославил Бога, прославившего тебя этим. И вот, возлюбленный брат, я радуюсь и сорадуюсь твоей удаче, радуюсь твоему торжеству, то есть изгнанию, как царствующие радуются своему венцу.

Кто дал бы мне возможность видеть твое желанное лицо! Я жадно бы обнимал тебя, вот уже в третий раз подвергаемого изгнанию и заключению за правду Божию. В самом деле, твоя добродетель терпела

ущерб, пока ты жил в монастыре, и была как бы под спудом. Теперь она возносится на подсвечник и светит всей Церкви. Так желание скрыть твою добродетель содействовало ее торжеству. Прекрасно изгнание и других святейших епископов и вполне заслуживает похвалы, но не может быть поставлено рядом с твоим. Почему? Потому что оно однократно и не развивается *от силы в силу* (Пс. 83, 8) подобно твоему, троекратному и трехчастному.

Поэтому хвально имя твое, славен подвиг твой, вечно веселие твое. Мы разлучены друг с другом и расселены, но милостив Бог соединить нас и поселить вместе навеки. Может быть, Ему благоугодно будет и здесь дать нам возможность опять лицезреть друг друга.

Мы отправили святых отцов и братий, в том числе и доброго Калогира, спасение которого в руках твоих, — того, который, как бы по повелению Бога, а не тленного царя, покинул Фессалонику и направился в Саккудион. Двоим из них мы сообщили речь, не знаю — какую для людей, но для благочестивых — добрую, хотя я по грехам и лишен награды.

А ты, блаженнейший, успевай в добре, всегда молясь о моем спасении, так как и я поминаю тебя. Ведь о чем после Бога я думаю, как не о твоём покое? Отторгли от тебя твоего брата Афанасия: это умножение болезни, но и награды. Почти также и Нектария. Впрочем, если это против его воли, — не так жаль. Если же с его согласия, — горе мне, несчастному. Однако время покажет, как он взят. Ты остался почти одинок, лишь с добрым моим Анфом и Епифанием. Да даст Господь им сил для служения твоему преподобию. Очень их прошу и молю явиться спутниками, верными тебе до смерти.

Что сказать о прочем? Да призрит Бог на Свое достояние и водворит мир в Своей Церкви. Приветствуют тебя раболепно братья, состоящие при мне.

ХСІІІ. ЕМУ ЖЕ

Вот уже второе письмо посылаю тебе после отъезда твоей святыни из Византии. Я желал бы делать это ежедневно, если бы было возможно. Однако должно воздать славу Богу и за то, что Он, Благий, дал нам, возлюбленный, возможность посредством писем беседовать друг с другом на таком большом расстоянии и в столь короткий срок. Ведь теперь нам не приходится думать о переезде через море. Мы надеемся на Бога, что ты в безопасности достиг места, куда сослан за правду, — ты, столп Православия и утверждение Церкви.

Каково это место, каков дом, в котором ты поселился, каковы его владетели, — все это, очерченное в различных красках, представляется нашему внутреннему взору, может быть, не вполне подходящим. Однако, каково бы все это ни было, я уверен, что твое боголюбие, уже привычное, готово подвергнуться бедствиям в мученичестве за Христа.

О нас, грешных, нечего сообщить нового сверх того, что ты уже знаешь, исключая распространившийся слух, будто нам предстоит переселение в другое место. Но куда бы нас ни забросили, всюду, разумеется, *Господня земля* (Пс. 23, 1). Не преставай молиться о том, чтобы мы разумом, сердцем и душою обитали в добре; открыто признаем, что мы преданы тысячам греховных наклонностей.

Что касается ереси, то она разрастается с каждым днем, по мере наших грехов, и как бы клокочет пламе-

нем мучений и изгнаний, встречая сопротивление по милости Христовой от очень многих, прежде всего — игуменов, не говорю уже о простых монахах. И в числе их даже некогда гонитель Христов, теперь за Него страждущий, благоговейнейший игумен Иосиф.

Видишь, брат, Божие человеколюбие, — как Он хочет спасти всех. Но, с другой стороны, взгляни на коварного врага: он увлек Нектария, бывшего некогда с нами, а теперь приставшего к нечестивым, который никогда не был верным, но очень часто предателем. И что тягостнее всего, он — один из собирающих подписки в нечестии у настоятелей дальних областей. Так не удивляйся, человек Божий, и не очень огорчайся, — хотя, конечно, печально, что из наших недр вышел беззаконник, — но ведь и Иуда был из числа апостолов. Да обретут милость соумерщвляемые с тобою верные братья наши, которых я усиленно приветствую, особенно моего доброго Анфа, если он с тобою, и моего Афанасия — бессмертного по имени. Мои братья с почтением целуют твои ноги.

ХСІV. К ЕВФИМИЮ, ЕПИСКОПУ САРДИЙСКОМУ

Ради Владыки всех твое преподобие удалено властью от нас, грешных, но удалено не духом, объединяться в котором особенно богоугодно, тогда как многие, соединенные телесно, но не соединенные духовно, лишены действительной взаимной связи. Поэтому если бы император из упорства разослал нас на самые границы вселенной, он не разлучил бы нас, особенно если Бог благоизволил нам письмами видаться и беседовать друг с другом. Это я хочу сказать во-первых.

Затем, близость варварской страны к окраине, куда ты сослан, возбуждает опасение за твою безопасность. Впрочем, все, что касается тебя, в руке Бога, Который, сопутствуя тебе, да оградит тебя от всякого зла. Может быть, Бог, желая, чтобы Его избранники, сверкая подобно звездам, прорезывали твердь веры, разослал добродетельных, как ты, мужей в разные стороны, так чтобы светило Православия обтекало не одно лишь место, а просвещало еще многих непосвященных.

Итак, распространи лучи своего блестящего учительства, как светлая заря, устрой день спасения подвизающимся в ночи и укрепи страждущих от недостатка света. Будь союзником Павла или даже сподвижником Афанасия, ибо с запада исходит его великая слава.

Так мы из сильной любви к доброму отцу сыновне беседуем, стараясь воспламенить таящиеся в твоём боголюбии священные искры, дабы еще ярче засияло пламя твоего учительства, ибо, как ты знаешь, теперь глубокая ночь и непроницаемая тьма, губительнее девятой египетской казни; тьма, которая приводит людей в столкновение и беспорядок и потемняет не только тела, но, что еще горестнее, души. Гневается державный, — угрозы, заключения, язвы, озлобления, испытания, следствия, наказания, ссылки, всякого рода устрашения и коварство. Но продолжает ли блистать, держится ли кто другой, кроме наших назореев (монахов), этих церковных скреп, начатков преподобия, которых *мир недостойн* (Евр. 11, 38)? Вместе со многими сюда причисляется и благоговейнейший Керамейский игумен. Так зовут того, который, потерпев поражение, снова вступил в битву. И благословен Господь, имею-

щий много мучеников в это гонение во утверждение Своей непорочной веры. Да не премолчит твоя святая душа в молитве, чтобы по Божественному Промыслению зло прекратилось. Молись также и обо мне, смиренном, чтобы я шествовал по вашим, святых отцов, следам.

ХСV. К ИГНАТИЮ, ЕПИСКОПУ МИЛЕТСКОМУ

Я улучил хорошую добычу, найдя письмоносца, через которого посылаю твоей святине настоящее мое письмо, вообще не имеющее никакого значения, но в сильной степени выражающее мою большую любовь и расположение к тебе. Мы любим тебя, наилучший из отцов, особенною любовью, не только как пастыря богоблаженного, — поскольку, подвергшись в числе первых опасности, ты принял за веру злострадание, изгнание и лишение всего, — но и потому, что ты принадлежишь к одному с нами лику и к нашим изначальным знакомым и друзьям. Я прибавил бы, — и ради благоговения, которое ты старался выработать в себе путем воздержания. Мы рады, что имеем такого и столь великого отца; особенно же тому, что Церковь Божия имеет столп и утверждение в это тяжелое землетрясение от нечестия, — действительно, землетрясение, во время которого нечестивые падают, не имея опоры, а из благочестивых — одни колеблются, а иные ничего подобного и не испытывают, обладая великой душевной твердостью. Поэтому, чем больше столпов и духовных утверждений, тем более укрепляемся и мы, смиреннейшие.

Благословен Бог, явивший твою добродетель еще более ярко в настоящее время. Ибо этот опыт

есть искушение, или точнее сказать, очищение, дабы обнаружили избранные, а прочие были обличены. Конечно, ты, богочестивый, хорошо наслышан о том, кто и в каком числе принадлежит одной и другой стороне. Поэтому мы с горестью стенаем по отсеченным членам: как это честные и равноценные золоту превратились в глиняные сосуды! Так относительно их. А тебя, дорогого нам отца, великая рука Божия да сохраним здоровым, сияющим в учении, прославляемым за дерзновение, молящимся как о Церкви Христовой, так и о нас, недостойных, чтобы мне, спасаясь от зла, шествовать по вашим стопам.

ХСVI. К ИГУМЕНУ ИОАННУ

Я хотел было воспользоваться, как подателем этой моей записки, Силуаном, нашим духовным чадом, чрез которого получил увещание, присланное мне твоей святыней, когда ты отправлялся в ссылку ради Господа. Но так как в тот раз это оказалось невозможным, я счел нужным чрез найденных теперь апокрисиариев* приветствовать твою честность. Радуйся, благий брат, из всех отцов наиболее мне любезный. Ты изгнан со Христом, состраждаешь Страдавшему за тебя. Благо тебе, что подъял духовное состязание, благо тебе, что ради Христа ты все вменил в *тщету* (Флп. 3, 8). Прекрасен монастырь, который ты построил, не пожалев своего труда и пота, и который превосходит окрестные острова своим местоположением и многими другими свойствами. Прими во внимание и то, что он приготовил тебе место вечной жизни в раю. Но, может быть, Богу будет угодно возвратить тебе и монастырь. Ты ярче солнца воссиял среди братьев по чину монахов. Ты на деле

осуществил монашество, ради истины оторванный ото всех: и от духовных чад, и родственников, и друзей, и отечества, и всего прочего. Прибавлю нечто и более смелое (ибо ты позволяешь мне дерзновение): ты выполнил свои обещания.

Я потерпел хорошее поражение и, побежденный, даже радуюсь, усвояя себе твой победный венец. Такова любовь по Богу. Ты знаешь, о чем я говорю, — о том, когда я порицал тогдашнее падение, хотя его и не считали таковым. Твое благоговение стало стремиться к большему совершенству. Я в твоей власти, друг. Но как я здесь выражаю благодарность, так и тебя там прошу согласиться. В чем же именно? В том, что и тогда к темнице присуждали за истину. Это я говорю не относительно себя (да не будет), но для того, чтобы Бог чрез признание этого укрепил тебя в настоящей темнице, дабы ты *подвизался законно* (2 Тим. 2, 5). Это я сказал от чрезмерной любви, ибо другому я не осмелился бы сказать это, хотя сильно желаю, чтобы все усвоили эту мысль целиком. Теперь наши дела уже вне подозрений и лукавства, хотя вообще мы живем во грехах. Сообщи нам, отец, и о своих обстоятельствах, как ты живешь в темнице, не унывай и не отчаивайся в милости Божией, ибо если бы Он изрек: *замолчи, перестань* (Мк. 4, 39), то прекратилась бы борьба. При этом прошу тебя, молись обо мне непрестанно, чтобы избавиться мне от лукавого.

ХСVII. К ПАТРИЦИИ ИРИНЕ

Тебе поистине *приличествует песнь* (Пс. 64, 2), не только от меня, грешника, но почти и от всей Церкви Божией. За что? — За то, что в это потрясе-

ние от нечестия, когда иереи падают, архиереи погибают, монахи сокрушаются, князья ниспровергаются, подчиненные разгоняются, мужи обессилевают, жены трепещут, — ты одна из всех женщин явилась непреодолимой, твердой, непоколебимой, бесстрашной, неподкупной, несокрушимой. Чем же это объясняется? Тем, что ты основала на духовном камне свой душевный дом, связанный и украшенный многими и разнообразными прежними твоими благодеяниями, как бы духовными камнями, на которых, с помощью Божией, обнаружились тщета и бессилие демонских ветров и грозowych туч. Благословенна ты в женах; блаженна ты среди властительниц, славна ты среди супругов. Ты поистине воздвигла рог спасения для Церкви Божией, обрадовала Ангелов, посрамила демонов, победила нечестивых, поразила обманщиков народа, утвердила колеблющихся, уязвила отрекшихся от монашества, обожгла плотоугодников, исповедала Христа чрез Его святую икону, сопричислена к Его исповедникам.

Радуйся, мужественная душа; радуйся, готовое к мученичеству сердце, радуйся, почтенная моя мать! Если ты творила и творишь волю Христа, — я совсем не хочу сказать — волю меня, недостойного, — то и Бог также прославил и возвысил тебя, и, может быть, еще возвысит, если только мы будем верны до конца своему лучшему исповеданию. Польза же от него — небесное царство, в котором ты со всеми святыми просияешь, как солнце. Твоей сподвижнице и поистине отпрыску шлю соответствующие приветствия.

ХСVIII. К ИПАТУ (КОНСУЛУ) ЗАХАРИИ

Приветствую тебя, человек Божий, наилучший из друзей, делатель Христов. За какое доброе дело воз-

даешь ты милостями нам, грешникам? И милостями, которые не плоть увеселяют, имеют не временное значение, а поистине относятся к душе и не истощаются в век. Ты знаешь, о чем я говорю, — о милостях, оказанных и боголюбивейшему архиепископу, и брату нашему, протопресвитеру, и нам, грешным, и многим другим нашим чадам, и вообще тем, от кого ты никогда ничего хорошего не видел.

Почему же ты сделал это и когда? От доброго своего сердца и из боголюбивого расположения, по которому ты и раньше благодетельствовал нам, — и тогда именно, когда царь по-иродовски неистовствовал против нас. Так скромнее будет сказать. Тот, Кто по человеколюбию принял на Себя милости, какие ты сотворил на нас, смиренных, да воздаст тебе *благодарить на благодать* (Ин. 1, 16) и избавит тебя со всем домом от всякого зла, а прежде всего — от безумствующей на Христа ереси.

ХСIX. К АФАНАСИЮ СЫНУ

Познал Господь Своих, как писано (2 Тим. 2, 19). Поэтому, чадо мое любезное, Он не восхотел, чтобы ты в настоящие дни прошел незаметно, но чтобы явился открыто, как некий жемчуг благочестия, дабы Ему как можно более прославиться в твердости твоего сердца, как и в некоторых из прежних твоих братий. Впрочем, разве не печально, что ты разлучен с боголюбивейшим архиепископом, лишенным утешения и совета твоей стойкой добродетели? Однако силен Бог промыслить о полезном, дабы обнаружилась испытанность добродетели обоих. Я радуюсь о тебе, чадо мое, и горжусь. Тебя зовут Афанасием, — будь им и на словах, и на деле, по милости укрепляющего все Бога.

Перенеси, чадо мое, заключение за Христа и со Христом и, если Он судит тебе и еще что-либо, прими с радостью. Ведь для рассудительных самое невыносимое и вредное — это не страдать, а не вынести страданий за Христа. Господь со духом твоим. Да осенит тебя благословение блаженного отца нашего и преподобных братьев, а прежде всего предстательство Пресвятой Богородицы со всеми святыми. Поминай меня, своего грешного отца.

С. К ТИМОФЕЮ СЫНУ

О, добрый Тимофей, я знал тебя всегда боголюбивым, отцелюбивым, благожелательным, душевным, бесхитростным, верным, сострадательным к блаженному отцу нашему, ко мне, грешному, и к боголюбивейшему архиепископу. Яви же теперь дела своей силы, дружбы, верности, богочестия, божественной ревности. Это значит, чтобы ты не давал сна очам своим (Пс. 131, 4) и решительно не успокаивался, пока не найдешь боголюбивейшего архиепископа. Соболезнуй ему, чадо мое любезное, подвизайся с ним, запечатлей прошлое уже наступившим. Таким образом ты благоугодишь Господу и уврачуешь меня, грешного. Только поезжай надлежащим путем и осмотрительно, найди его и вручи ему мое письмо. Всегда молись обо мне, чадо желанное.

СИ. К АНАТОЛИЮ И САВВАТИЮ, СЫНАМ

Вот уж третье письмо я получил от вас, мои милые и любезнейшие чада. Из него я узнал ваше доброе расположение по Бозе и отношение ко мне, грешнику.

То обстоятельство, что вы сравнительно часто пишете и сообщаете о своих делах и даже о делах братьев, в окрестности рассеянных, — где и как они проживают, о чем и говорило предыдущее письмо, — служит доказательством вашей теплой любви к отцу и пылкой ревности о Боге. Да пребудете в этих чувствах, добрые дети, заимствуя теплоту от моей теплой любви и воспламеняемые Духом на всякое благое дело. Теперь время терпения, братья, время злострадания, воины Христовы. Перенесите бедствия. Этих страданий нельзя и сравнивать с будущей славой, ради которой много потрудившиеся отцы наши удостоились венцов. Вы знаете, что Нектарий, по природе предатель, отступил, совершив дело, худшее Иудина. Тот, став отступником и предав Господа славы, от раскаяния удавился; а этот изменнически отложился от Христа, отрекшись от святой Его иконы, и нераскаянно вместе со своей душой погубил души многих других, собирая нечестивые подписи. Также и Орест, ради гнусной страсти отпав от семи, впал в бездну нечестия.

Поэтому, чада мои, будем остерегаться. Как говорится, — когда нечестивые падают, праведные становятся осторожнее. Будьте внимательны к себе, прошу вас, и не давайте места диаволу, но пусть страх Божий ограждает нас во всех случаях. Я очень хочу, чтобы вы были образованы, но вы видите, что знание надмевает неосторожных, а надмение прорывается наружу. Итак, да приложится вам знание и усилится в вас смирение.

Из Метопы меня ссылают в Вонит, крепость в Феме Анатоликон, и я рад, что меняю место ради Господа моего и Бога. Прошу вас, чада мои, молитесь о моем спасении. Братьям своим, особенно «десяти», прострите руку помощи словом и делом по мере

возможности, чтобы заменить меня в мое отсутствие. Братья ваши, Ипатий и Николай, тепло приветствуют вас. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим. Аминь.

СII. К ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ НИКЕЙСКОМУ

Готовый написать твоей отеческой и любезной мне святыне, я очень часто встречал препятствие в своих грехах. Ни на какую другую причину я до сего времени сослаться не могу. Теперь же, найдя удобный случай и письмоносеца, уже с радостью обращаюсь и приветствую почтенную для меня и священную главу. Если вообще всякий, подвижающийся ради благочестия, заслуживает сильной любви со стороны моей гнусности, то твоему отечеству подобает от меня исключительное почитание. Так как я не по заслугам удостоен от тебя любви, то понятно, что и люблю тебя значительно сильнее, чем многих других. А что на меня обращена любовь, это в сильнейшей степени доказывается тем, что во время испытания дел, то есть гонения, ты меня превозносил и восхвалял, как будто я полезен для общего блага; и это делалось не каким-либо частным образом и незаметно, а доводилось даже до сведения Патриарха.

Это — знак твоей любви и попечения о других, а также уродливости моего недостойнства, поныне подавленного похвалой твоего богомудрия. Вот сколько я могу сказать как бы в свою защиту по данному вопросу.

А что бы могло быть дальше? Ты взят, отец, и переведен, заключен и сослан. Слух, распространяясь от одного к другому, оглушил, поразил нас, чад твоих, не знающих способа, как помочь тебе, не осведом-

ленных об обстоятельствах дела. Ведь мы, смиренные, в нынешнюю шумную и бурную ересь, как на якорь, полагаемся на твое величие, управляющее и направляющее нас своей божественной твердостью в безопасное плавание.

Итак, сообщи нам, блаженный, о себе хоть как-то поверхностно, дабы своею поддержкою препоясать нас силой, а кроме того — молитвами укрепить, увещаниями возбудить нас, уверить, что не до конца Господь попустит жезлу грешников поражать Его Церковь, и что потому мы должны твердо выносить медленность, которую по неисследимым судьбам Своей Премудрости Бог положил полезным применить к нам, смиренным во всех отношениях.

СIII. К ИГУМЕНУ ИОСИФУ

Пришло время, когда я могу обратиться к твоей святыне с дружеским письмом. А ведь раньше, когда по моим грехам державными были возбуждены в Церкви Божией к ее вреду печальные вопросы, мы так разошлись друг с другом, что этот горестный раздор стал известен и Востоку, и Западу. Горе тем дням! Горе тому печальному событию! Это было нарушением Евангелия Божия, нарушением, от которого застонали концы земли и восстало небо. Но теперь, когда прежние замешательства по мановению Промысла устранены, возгорелось, по Его попущению, нечто, может быть, даже и худшее, будучи, понятное дело, последствием предыдущего. Горе, конечно, и нынешним дням, которые следует считать не за что иное, как за подготовку к пришествию антихриста. Но так как твоя святыня, по благодати всеблагого Бога, оказалась во всем согласною с нами,

правильнее сказать — с истиною, избрав вместе со всеми православными один и тот же путь благочестия с горячей ревностью, несмотря на старость, что достойно и удивления, и похвалы, то я, смиренный, опять обращаюсь к прежней любви и близости.

По словам Божественного Златоуста, ничто не содействует единомыслию так сильно, как согласное учение о Боге, ни разномыслию в такой степени, как разногласие в учении о Нем. Поэтому, сбросив прошедшее, как некое тяжелое бремя, с великою радостью являю тебе в настоящее время небесный свет единомыслия и обращаюсь к тебе, как к возлюбленному моему отцу, приступаю, как к изгнанному и заключенному за правду, венчая тебя одобрениями и похвалами возвеличивая почтенную седину и долговременные подвиги.

О, великое дарование Божие, не попустившее твоим блестящим подвигам быть сокрытыми под прежним темным сосудом! Ныне тебя почитаю, как исповедника Христова, восхваляю, как стража православия, радуясь с тобою и торжествуя по поводу твоих подвигов в добре. Хотя, по апостолу, страдание за Христа есть самое большее из дарований, однако я жалею твою честную старость, считая страдания не легким делом. Впрочем, я убежден, что ты все превозмог бы о *укрепляющем тебя Христе* (Флп. 4, 13) для торжества Православия, для превозношения меня, грешника, и, подобно мне, любящих тебя, а прежде всего — для превозношения всей Церкви Божией, для получения нетленного венца правды.

Если ответить на письмо для тебя невозможно, то даруй мне самое лучшее из того, что имеешь, — святые твои молитвы, ибо я исполнен грехов и жалок более всех людей.

СIV. К МИРЯНИНУ ГРИГОРЕ

Великое и теплое твое служение и неотступное пребывание при заключенных в темницу братьях сделали тебя, человек Божий, бездомным, беглецом, скитальцем. Но дерзай: *под кровом Бога Небесного* водворишься (Пс. 90, 1), небесный Иерусалим будет тебе обиталищем. Ты действительно подвизался, бедствовал, брал на себя расходы, часто подвергался побоям и даже был задержан, хотя и не окончательно, — был выпущен. Велика твоя награда: наравне с заключенными, если даже не больше. Ты нам единый брат, общник в благах, какие только у нас есть, равным образом и во временных. Бог да спасет тебя. Молись о нас и отныне впредь по мере сил помогай заключенным Бога ради, мужчины ли это или женщины, — ибо все мы во Христе братья.

СV. К ИГУМЕНИИ АННЕ

Услышав о твоей честности, я с особенной радостью принял известие о твоем нынешнем заключении ради Господа и Бога нашего. О, мудрая из женщин! О, истинный телесный и духовный потомок блаженной Феоктисты! Это для тебя — увенчание совершенных аскетических подвигов. Это — цвет твоей испытанной покорности.

Как велика твоя слава! Как блестящ твой успех, из благородных самая благородная — и по плоти, и по духу! Какое слово может тебя восхвалить должным образом? Какой язык, прославляя тебя, не останется пред тобою в долгу? Но что же требуется для этого? — Чтобы ты довела свой подвиг до конца.

Хотя ты и терпишь одиночное заключение, но его разделяют с тобою Христос и Ангелы. Хотя это с телесной точки зрения и может печалить, но с духовной должно веселить, если ты взираешь не на видимое тленное, а на невидимое небесное. Если доведешь свое дело до конца, ты можешь быть причислена к лику исповедников Христовых.

Прошу, госпожа, будь стойка, укрепляйся свыше. Не бойся царя, если тебе предстоит явиться пред его лицом, как не побоялись мученицы ни обнажения тела, ни ран, если даже и это случится. Ведь Христос — твое ограждение и помощь, дабы ты победила все так же, как Феврония и ее сподвижницы. Это я должен тебе сказать вследствие великой заботы о тебе и любви о Господе, чтобы ты не сделалась отступницей от Христа.

СVI. К ПАТРИЦИЮ ЛЬВУ

Если ты из снисходительного человеколюбия не тяготишься оказывать милость моему смирению, то разве я позволю себе отказаться от оправдания хотя бы словом пред твоей доброй душой?

О, сострадательное твое расположение! О, сердце милостивое; о, душа снисходительная! Для меня ты, господин, подобен вечно текущему источнику, угашающему мою жажду чувственную и умную, или скорее — саду, полному различных прекрасных плодов, которыми я могу наслаждаться по выбору.

И в самом деле, ничто из существующего не может заменить верного друга. А я осмеливаюсь называть тебя отцом, ибо ты с давних пор и поныне являешь мне признаки чадолюбия. Следует только удивляться тому, что ни время, ни степень печали, ни искушающие события, ни отнятие имущества по злобе,

ни что другое, — ни великое, ни малое — не ослабило полноты твоей доброты. И родители, как мы видим, не всегда сохраняют естественное чувство любви, иногда оно у них ослабевает или по какой-либо случайности даже уступает место ненависти, — в твоём же благородстве ничего подобного нет. Ты всегда один и тот же, и не изменяешься, ибо усвоил себе любовь к Богу неизменяемому и всегда равному Себе. Такая тебе подобает слава, человек Божий.

Но я боюсь, как бы богатство твоей благодати не обратилось мне в осуждение. Что могу я, нищий, воздать за нее, кроме своей отвергнутой молитвы? Итак, молю благого моего Бога сотворить тебе посещение, вместо моего смирения, к совершенному спасению, особенно от безумствующей христорборной ереси.

СVII. К ПАТРИЦИИ ИРИНЕ

Хотя я и не получаю писем от твоей честности, госпожа, однако, как только окажется верный письмоносец, не премину писать тебе, как моей духовной матери. И как мне не называть так тебя, страдающую за Христа, оторванную от главы, изгнанную из дома, из города, отлученную от родственников, друзей, сосланную в какие-то дальние места?! Я уже не говорю о славных, совершенных в давнее время, прочих твоих благодеяниях, оказанных мне, грешнику, наконец, и до сих пор еще оказываемых. Это свойственно женщине благороднейшей по духу; свойственно душе, мученически настроенной; сердцу, всею силою ищущему Бога.

Да услышат кроткие и возвеселятся (Пс. 33, 3), что женщина из сенаторского сословия приняла венец за исповедание Христа. Пусть слышит Восток и Запад, что опять появился золотой род блаженных жен, к которым принадлежат Фекла и Феврония.

Что же? Хотя ты и не заклана, однако перенесла страдание с таким же расположением и в такой же обстановке, как и они. Блаженна ты среди женщин! Треблаженна среди матерей! Куда прочим матерям до тебя, куда принадлежащим к высшим достоинствам! Ты — единственная из всех и торжествуешь над всеми. Ты нанесла диаволу смертельную рану. Но так как достоин убожения не тот, кто только взялся за доброе дело, а кто хорошо начатое довел до конца, — молю тебя, владычица моя почтенная, укрепи свой дух к концу подвигов, чтобы своею жизнью оставить последующим поколениям образец славного жития. Прошу и напоминаю тебе о том, чтобы ты дорожила своим телесным здоровьем. Ведь я знаю твою безудержную ревность. Пользуйся укрепляющими средствами, утешай себя. Подвиг отречения от всех уже не мал. Это вкратце я сказал тебе, как матери.

А что нам сказать госпоже твоей дочери, сопутствующей тебе в добродетели? От доброго корня произрос добрый плод. Не печалься, что разлучена с супругом, ибо если бы он был здесь, ты не была бы в нынешнем состоянии. Зато ты с матерью, и даже мученицей; с Отцом, но вышним и бессмертным, — притом, не так, как бы в плоти, а как бы выше плоти. Прошу, поддерживай родившую тебя мученицу. Раздели с ней подвиг изгнания, как ты и делаешь. Служи исповеднице Христовой. Для доброй славы и спасения достаточно тебе чистой совести и участия в чужих подвигах. Это я говорю из духовной любви, из угнетающей меня заботы, ибо, как уже сказано, мы знаем, что ты по своей мудрости делаешь все, что требуется разумом. И я теперь подвергся твоей участи и пока доныне нахожусь в изгнании. Впрочем, ревность всякому легко доступна. Пусть все это будет принято в воню благоухания Христу. Молитесь и вы обо мне, грешном.

CVIII. К МИРЯНИНУ МОСХУ

Много у тебя благодеяний, боголюбивейший господин, которые ты нам, смиренным, не только оказал прежде, но и еще оказываешь. Чем ты не утешал, чего не рассылал? И в числе твоих посылок последние многочисленны и очень приятны. Кто воздаст тебе за это, как не благий Бог? Своими делами ты доказал свою неизменную любовь, ярко обнаружил свою быстроту, как молния, готовность.

Отделенный таким пространством, я все-таки наслаждаюсь твоими милостями, хотя пришедшие братья доставили тебе труд: я слышал, что некоторые из них даже и лечились в твоём благословенном, гостеприимном, подобном авраамову, жилище, так как оно служит убежищем для многих монахов и местом воспитания для сирот. Отец сирых, Бог да препитает тебя во веки. Авраам да согреет тебя, как своего подражателя, на лоне своем вместе с госпожами твоими сестрами, с которыми ты служишь Христу. Вот и на нас исполнилось изречение: *как хорошо и как приятно жить братьям вместе* (Пс. 132, 1). Я наслаждался твоих благ, отправляясь в ссылку чрез благословенное твое загородное имение близ Прусы. И ты, даже будучи далеко, приветствуешь нас. Да умножатся у тебя духовные и вещественные блага. Да будешь сохранен для меня невредимым — и в телесном здравии, и в душевном, чрез строгое удаление от христорборных еретиков.

СIX. К ЕВСХИМОНУ, ЕПИСКОПУ ЛАМПАКИЙСКОМУ

Я узнал, что твое преподобие схвачено гонителями. Это дело Промысла, чтобы твоим исповеданием

поддержать и укрепить Церковь Божию, когда ее постигло потрясение от нечестия.

Какие падения ты видишь, друг! Как немного уцелевших на всех ступенях! Все низвергнута. О, какая ярость возгорелась! О, возвращение к прежнему состоянию! Мы вернулись к тому положению, в каком были раньше, когда Церковь была лишена украшений и закон Божий отменен. Ныне все находится в жалком, печальном состоянии: жертвенники опозорены поруганием икон, храмы осквернены нечестивыми священниками. Зачем распространяться?

Христос поругаем и гоним в силу отвержения Его священного изображения. И если так поступают с изображением Христа, то что нужно сказать об иконе Богородицы или кого-либо иного из слуг Божиих? Это достойно плача и рыданий. Об этом мы слышали от своих отцов, на опыте поведавших тогдашние события; теперь это в еще более печальном виде совершилось с нами, смиренными.

Но воздвигни, отче, к небу свои длани, умоли Бога, протяни свою десницу, руку ходатая, и мне, ленивому и грешному, дабы мы с радостью перенесли все, сколько Христос дарует пострадать за Него, по Божественной заповеди (Мф. 10, 28): *не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне.*

СХ. К АРХИМАНДРИТУ ИЛАРИОНУ

Поздно я нашел возможность письменно приветствовать моего святого отца. Как известно твоей честности, по причине безумий распространившейся ереси и моей далекой ссылки, мне очень редко удастся найти письмоносца, и тем более надежного. Сильно же-

лаю узнать о тебе, отче, где ты теперь находишься и как был сослан нечестивыми. Во всяком случае, и именно потому, что своими добродетелями ты превосходишь очень многих, я предполагаю, что ты перенес очень много огорчений и притеснений. Ибо, где обильны божественные дарования, туда обрушиваются и ожесточенные нападения противников. Однако, отче, и ты можешь сказать: *Все могу в укрепляющем меня Христе* (Флп. 4, 13).

Тебе известно, как очень многие из братий, имена которых я охотно умолчу, покинули нас, возлюбив нынешний век. Увы, какое несчастье, какое поражение! *Если свет,—* говорит Господь,— *который в тебе, тьма, то какова же тьма* (Мф. 6, 23), и: *Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою* (Мф. 5, 13)? — повторяю в сокрушении и волнении. Этому нет нужды учить тебя, отец. *Раздуваемый мех обгорел от огня,—* говорит пророк,— *кузнец напрасно плавил серебро* (Иер. 6, 29). Сколько ни наставляет наш иерарх и истинный пастырь, сколько ни убеждают братья друг друга,— все бесполезно: достаточно слабого порыва противного ветра,— и корабль души целиком погружается в бездну нечестия. Молюсь, чтобы такие потом все же каким-то образом поднялись на поверхность и снова начали борьбу. А тебя благий Бог да соблюдет в подвигах и трудах к великой пользе Церкви Его, к славе Византии и славе монахов. Молись обо мне, грешном чаде твоём, чтобы мне пребыть здоровым, следуя вам, моим святым отцам.

СХІ. ДВУМ БРАТИЯМ-ГРАММАТИКАМ

Мое письмо, почтенные отцы мои, совершенно бессильно утешить ваши души, ставшие столь горе-

стными от искушений и темничных тягот, которым вы подвергаетесь со стороны притеснителей. Но так как взаимное объяснение приносит облегчение, то я счел полезным теперь написать, чтобы вы знали, что внутренне я глубоко проникнут любовью к вашей честности, в немалой степени озабочен вашей безопасностью и задумываюсь над тем, почему из всех прочих только вы оказались там в руках нечестивца, подвергающего таким ужасам преподобных Господних.

О, Божие долготерпение, не отклоняющее вообще всех тяжких событий без исключения, но попускающее зло с тем, чтобы доказательство веры в Него тех, кто страждет, явилось ярче золота, а стремительность тех, кто действует, направилась бы по пути покаяния, то есть совершилось бы осуждение грехов. Я знаю, отцы мои, вы терпите горькие и невыносимые страдания. Разве не так? Вас угнетает страшный человек, и настолько страшный, насколько он превосходит всех своим нечестьем. У вас нет, как у большинства подвижников, соотечественников и знакомых, что обыкновенно в большой степени утешает в бедствиях. Поэтому нам только остается повторить то, что вам громко возвещают апостольския уста: *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

Поэтому, почтенные, уделите нам, неустойчивым, долю вашей мужественной стойкости; укрепите наши колеблющиеся души святыми своими молитвами; умолите Бога поспешить с прощением к тем, кто утратил терпение и заботится о временном, а не о душе. И да услышит вас Господь и сотворит скорое и немедленное посещение.

СХІІ. ПЛЕМЯННИКУ СТЕФАНУ

Я узнал, что и ты, родной мой и честнейший, схвачен бесчестными еретиками, и был бы опечален, если бы это произошло по какой-либо другой причине. Но так как ты заключен за Христа, то я очень обрадовался. Нынешние нечестивцы все прощают, лишь бы достигнуть желаемого. Но благодарение Христу, укрепившему тебя презреть все за одно единственное — за то, чтобы не впасть в нечестье; это обратится для тебя в благородство души, славу человеческую, торжество добродетели, во всякого рода благо.

Так будем терпеть, брат, заключение за Господа, огорчение, притеснение, в награду за которые тебе воссияет вечная радость в бесконечной жизни. И теперь уже Ангел всюду сопровождает тебя, став твоим сожителем, одобряют тебя знакомые, восхваляют все православные. Все тебе содействует во благо и будет содействовать, если ты будешь стремиться пройти силою Христовой свой путь до конца. Сообщи мне о себе письменно и ты, брат, если сможешь, не забывая молиться за меня, ибо я более всякого другого грешен.

СХІІІ. ТОРГОВЦУ ВОСКОМ

В эти дни приветствие или простое обращение к изгнанным за Христа служит сильным доказательством дружбы и благочестия. А посылки с дарами — это признак величайшей преданности и ревности по Богу. Таков мой возлюбленный господин в отношении к моему смирению. Твои посылки — для меня приятные источники света, они — знаки твоей душевной чистоты и светлого, православного образа мыслей. Ведь те-

перь, как видишь, церковный корабль охвачен тьмой и бурей, которая поглощает не тела, — что было бы еще не так страшно, — а потерпевшие крушение бессмертные души. О, ужасное бедствие! Не видно близости ни маяка, ни пристани.

Поэтому направляя ладью своей жизни по-православному, остерегайся, возлюбленный, чтобы тебя не объяла еретическая буря, — возводи взоры к небу, откуда и ожидаем Спасителя Господа Славы, Которого иудействующие осмеливаются бесчестить чрез поругание Его иконы.

Таково в ответ на твою любовь наше малое приветствие к твоей любезной честности, с нашей грешной молитвой, кроме которой у нас нечем воздать вам.

СХІV. ЛВУ, ТОРГОВЦУ АРОМАТАМИ

Пишу тебе и как человеку Божию, и как искреннему другу и благочестивому мужу, и горячему ревнителю Православия. Ты видишь, друг, каково настоящее положение вещей, какой сильный огонь охватил Церковь Божию, — конечно, разгоревшись от прежней подтопки. Нас изъело пламя прелюбодеяния¹, поразила нас стрела прелюбодейной связи, — я разумею совершившиеся из-за них преследования и заключения, наказания, изгнания и бедствия; не без основания я прибавил бы и бывшее до этого дело симониан и по поводу симониан. Ведь Церкви Божией не свойственно мстить за себя бичеваниями, изгнаниями и темницею. Кроме того, я хочу сказать о де-

¹ Святой Отец говорит о прелюбодейном браке императора Константина VI.

ле павликиан¹ и их преследованиям: ведь церковный закон никому не угрожает ни ножом, ни мечом, ни бичом. Ибо, — говорит Писание, — *все, взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26, 52). Но поскольку все эти средства были применены, как будто из недр ада вспыхнул столп зла, — эта христорборная ересь, губящая всех. О, ужас! И теперь можно нам сказать: *нет у нас в настоящее время ни жертвы, ни приношения, ни фимиама, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою* (Дан. 3, 38).

Поэтому умоляю твое боголюбие беречь себя от общения с безбожными еретиками и по мере возможности простирать руку помощи погибающим; и не только им, но и всем благочестивым, что ты всегда и привык исполнять и делом, и словом. Имей в виду, что опасности подвергается бессмертная душа. Я убежден, что Бог будет тебе защитником и оградит тебя от опасности, если ты будешь так поступать, принося за меня свою молитву, в которой я, как грешник, нуждаюсь. Если твои сестры могут сохранить тайну, приветствуй их от нас.

СХV. ДОМЕСТИКУ ПОЛИТИАНУ

Из того, что ты сделал, господин мой, по отношению к нашим братьям, видно, что ты в действительности — и словом, и делом — искренний друг нашего смирения. Чего только ты не сделал и до какой толь-

¹ Павликиане — еретики Греческой империи, отрасль Духоборцев, отвергали церковь, иерархию, таинства, призвание святых, иконы и мощи и думали, что Дух Святой сообщается каждому человеку по мере его духовного развития.

ко степени ты не отдавал всего себя, сострадая им, сожалея, укрывая, ободряя, вдыхая в них ревность, сообщая им о каждом событии, собирая всех под своим кровом и давая им возможность видеться друг с другом, на себя ответственность и уже почти наверняка подвергая себя опасности! Но, может быть, это же делает кто-либо из прочих соседей? Совсем нет: они — друзья трапез, а не друзья Христовы, ибо они или сами впали в ереси, или входят в дружеское общение с еретиками. А ты, человеке Божий, являешься даже другом гонимых за Христа. Поэтому, как слышно, ты бережешь себя от общения с беззаконниками. Да хранит тебя Господь и далее вместе с твоей превосходной супругой и благороднейшими детьми, ибо ты принадлежишь к числу благородных, любишь Христа и находишься под руководством Христа. Многим я тебе обязан, но при тебе Господь, Который вместо меня воздаст тебе *благодать на благодать* (Ин. 1, 16). Да будешь спасен вместе со всем своим домом, человек Божий и прекрасный друг.

СХVI. МОНАХИНЕ АННЕ

Даже не получая ответов, имею сильное желание писать госпоже моей. Более, чем всякий другой, я обязан принести тебе благодарность за все те великие и многие твои милости, которыми я пользовался и еще продолжаю пользоваться. О, если бы я мог не только на словах, но и самым делом отблагодарить тебя! Но ты знаешь, что я без средств, и притом грешен. Несоостоятельный в обоих отношениях, каким образом я мог бы заплатить тебе свой долг? Никаким, если только не с помощью Бога, принимающего на Себя благодетельства, оказанные ближним. Это я говорю от-

носительно многих твоих прошлых благодеяний. Что же теперь сказать о том, что и после огорчения, полученного от провинившихся пред тобою по неразумию, ты не перестала благодетельствовать братиям? Пришли к тебе братия аввы Ипатия, — и ты предупредительно оказала им милость. Вне города, в одном из загородных твоих имений содержится братия аввы Феоктиста. Не буду уже говорить о себе самом, или о брате Силуане, или еще о ком-то другом, удостоившемся твоей поддержки. Да будет тебе участие со святыми. А если ты не избегаешь общения с нами, да будет тебе и это, ибо если ты *служишь* нам *в телесном*, то следует тебе принимать участие и в духовном, по апостольской заповеди (Рим. 15, 27). Поэтому, и особенно по причине ереси, я забочусь и о твоей душевной цельности. Но Сам Бог под сильной Своей рукой да сохранит тебя неврежденной и безупречной.

СХVII. ИПАТУ* (КОНСУЛУ) ЗАХАРИИ

Твоей боголюбезной знатности, господин мой, снова должен писать я, смиренный. Почему? Потому что ты всегда оказываешься нашим благодетелем, могущественным и верным другом. Свойство же верного друга — душу свою из любви полагать за любимого. Посмотри на самого себя и реши, не до такой ли степени ты дошел в отношении к нашему смирению, в оказании помощи боголюбивейшему архиепископу и останавливающимся у тебя нашим братьям. Помним о каждом из оказанных тобою благодеяний, любим и благословляем тебя, молимся, чтобы Христос, обещавший мзду и за чашу студеной воды (Мф. 10, 42), вознаградил тебя за все доброе, не говоря уже о таких

великих заслугах. Да будешь ты для нас сохранен на многие годы в здравии, изобилии, благодушии и, уж конечно, в правомыслии о непорочной вере.

СХVIII. К ЛЬВУ ДРУГУ

Не могу я, смиренный, забыть о твоей любви, добрый друг, ибо ты во всякое время являл нам знаки любви, не смутившись даже в час нашего искушения. Ведь я знаю, знаю, что в то время, как все наши ближние отступили, один ты из страха Божия и любви к Богу непрестанно являлся по ночам с дарами, с указаниями, с мольбою, сожалением, с вопросами о способе соблюсти честную свою душу, с готовностью на все.

Поэтому пишу тебе эту краткую записку с глубокою благодарностью за гостеприимство, оказываемое тобою братьям, приходящим туда по делам послушания, — теперь, когда со всех сторон угрожает опасность. Но Бог вознаградит тебя Своими милостями, избавит тебя от гнусного общения с иконоборцами и спасет в царстве Своем небесном.

СХIX. ИПАТУ

Я получил, брат, твою записку, и так как ты принудил мое смирение, то по милосердию Бога, прощающего всякий грех, да отпустится тебе епитимия. С этого времени вкушай от всего освященного, остерегаясь на будущее время впасть в те же преступления, дабы Суд не оказался к нам на веки немилостивым, если мы не образумимся после врачевства и скорого прощения. Бог да простит тебе, брат, согрешения. Молись за нас, грешных.

СХХ. НЕ НАДПИСАННОЕ

Не следовало бы выставять напоказ сокровище благочестия, ибо оно и против своей воли могло бы быть осквернено беззаконными грабителями. Поэтому вполне справедливо оно предоставлено Богом исключительно Церкви Божией для благосостояния Православия. Такая тебе приличествует слава, наилучший мой из отцов и твердейший, и желаннейший из правомыслящих! Как ни печально все то, что ты навлек на себя, — отнятие дома, лишение друзей, разлучение с детьми и многое другое, причиняющее тем сильнейшую скорбь, чем большими личными преимуществами ты выделялся, — все же не падай духом, разумнейший. Ибо ты оказался защитником благочестия, великим в земном достоинстве, еще более великим в небесном; знаменитым в своем мирском значении, еще более знаменитым в монашеском образе мыслей. Ты всегда пред моим умственным взором; я в сердце обнимаю и целую тебя, молюсь, грешник, сколько могу, чтобы ты был здоров телом, чтобы всегда над тобою была рука Божия. Это же, господин мой, постарайся сделать и относительно чада твоего, увещевая по мере возможности Калогира и господина моего, Божия человека, — я говорю о спафарии.

СХХI. КОНСТАНТИНОПОЛЬЦУ ИСИДОРУ

Ты всегда, добрый друг, вспоминаешь обо мне, и тебя да помянет Бог мой. Не считаю чем-то большим получение от людей, важных своим влиянием, толстого кошелька, но радуюсь тому, что послала мне твоя боголюбивая честность (пусть даже и одному оволу).

Впрочем, даже эта посылка велика и превышает мои заслуги. За это да даст тебе Господь всякое житейское довольство, сохраняя тебя непричастным к христовой ереси. Будь здоров о Господе, во всем мною уважаемый.

СХХII. СТРАННОПРИИМЦУ ГЕОРГИЮ

Слышу, что твое благословенное жилище стало прибежищем наших братьев. Это всегда является великой милостью, но особенно теперь, когда двери почти во все дружественные дома закрыты для нас из человеческого страха. Но страх Божий внушает тебе держать открытою для нас свою дверь, входя в которую, мы, насколько грешникам возможно, возвещаем тебе мир от Господа, благословляя и прославляя тебя за то, что ты стал домом Божиим. Да будет тебе часть с Авраамом, принявшим Ангелов. Да умножится у тебя всякое благо, духовное и видимое. Да будет тебе радость и в сем веке, и в будущем. Но вместе с этой добродетелью пусть охраняет тебя удаление от общения с теми, кто еретически мыслит о Христе, Богоматери и всех вообще святых.

СХХIII. НАВКРАТИЮ СЫНУ

Так как благий Бог соизволил нам видеть брата Адриана, то мы и сочли благовременным, чадо мое возлюбленное, приветствовать тебя, а чрез тебя и прочих твоих братьев, а наших чад. Что касается нас, то мы вашими молитвами устроились: и помещение у нас хорошее, и приятностей достаточно, и Бог близок. Но близок и враг наш диавол, который сопровождает каждого для искушения. Молю тебя, не переставай в

молитвах своих поминать меня, чтобы мне спастись с братьями, которые также приветствуют тебя. Кроме того, прошу вас пребыть в вере и надежде и не приходить в озлобление от теперешних скорбей. *Близок Господь ко всем ожидающим Его* (Пс. 144, 18).

А ты, чадо мое, как моя душа и сила, отдай себя в распоряжение рассеянным нашим братьям, насколько можешь и сколько будет требовать того нужда. Для этого-то, во всяком случае, Богом и устроено так, что ты остался на свободе. Имей в виду, что вам можно посылать кого-нибудь сюда, а по временам даже и тебе самому приходить, но только осторожно, чтобы это не было разглашено какими-либо простодушными братьями. Адриан знает, когда он проник и как. Ни в чем, кроме книг, мы не имеем нужды и, если найдется толкование на Евангелие от Иоанна, принадлежащее моему отцу по плоти, то пришли его мне вместе с другими книгами, о которых я сказал. Бог да сохранит тебя, чадо мое, как зеницу ока.

СХХIV. ЕМУ ЖЕ

Увидев брата Протерия, я, смиренный, возблагодарил Господа, потому что беспокоился о его безопасности. Верую, что его спасение, не взирая на мои грехи, зависит, к пользе братьев, от Господа, сопутствующего ему при входах и выходах его и помогающего ему пройти невредимо, как бы сквозь огонь.

Что же касается теперь сообщенных мне новостей, как хороших, так и худых, то за первые следует радоваться и благодарить Бога, — особенно за то, что и женщины мужаются против диавола; по поводу же вторых — печаль и стенание. Да и как нам не

испытывать удрученности от падения братьев, усиливающейся по мере того, как успевает распространяться коварная ересь! Но нам необходимо это перенести, оставаясь неуклонно верными в любви Христовой. И если даже, — что вполне вероятно, — положение православных будет становиться все более и более трудным, мы должны остерегаться как равнодушия, так и уныния. Но я не знаю, как ты достиг безопасности со стороны своей супруги.

Разрешите теперь, брат, говорить с тобою и сам не оставайся безмолвным. Относительно людей, чуждых по вере, придержишься одного — осторожности, относительно же единомысленных — не забывай общительности.

А я, несчастный, проникаюсь страхом пред Божиим судом и прихожу в беспокойство, когда не посылаю или не получаю писем. Ведь это — дело божественной любви, а молчать и таить про себя свои намерения — небезопасно, ибо это не только не свидетельствует о любви к ближнему, но и угнетает душу поступающего таким образом. Впрочем, я иду как бы средним путем, и притом — по желанию и с одобрения моих спутников — я исполнитель лишь настолько, чтобы не прогневать Бога и не отпасть от истины еще до нападения врагов Божиих; имею также в виду и то, что мне должно быть настойчивым по отношению к другим. Таким образом, я нахожусь пред тройным обязательством, но, может быть, ни одного и не выполняю так, как написано: *кому дано много, с того больше взыщут* (Лк. 12, 48).

Все-таки, чадо мое, пиши и принимай предосторожности. Это меня не отяготит, а с другой стороны, может быть, я скажу тебе, что нужно. Бог же отца моего да призрит на все, что мы делаем и можем со-

вершить в благоугождение Ему. Будь здоров и спасайся, чадо многожеланное.

СХХV. ЕМУ ЖЕ

В письмах к брату архиепископу я достаточно сильно выразил то, как я оплакал смерть покойного моего Калогера, и теперь не могу, чадо возлюбленное, сказать ничего, кроме того, что Бог отнял у нас избранный сосуд. Описание его добродетели — для меня дело только желательное, но не исполнимое в настоящее время, кроме прочего, потому, что и писемосея спешит, и сам я изнурен болезнью. Я хочу сказать тебе, чадо, что печаль сильно поразила мое сердце и я пролил горькие слезы, хотя и не присутствовал при кончине Калогера. Но вскоре я опять пришел в благодушное настроение, глубоко возблагодарив благого моего Бога, ибо ради Него я был разлучен и с блаженно усопшим, и с вами. Как известно всем, подвижавшийся добрым подвигом и закончивший подвигом гонения за Христа достиг блаженства, как богосплетенного венца, не говоря уже о многом другом, и преселился, соединившись с нашим блаженным отцом Платоном и приснопамятными братьями, удостоившись, скажу с дерзновением, ангельского состояния и упокоения.

А нам, чадо, теперь предстоит бороться, не отставая от добрых отцов; поэтому будем стоять твердо, управляемые их молитвами, и благий Бог приведет нас к их пристанищу. Я видел доброго Гаиана и успокоился, расспросив и выслушав от него, о чем хотел узнать. Я опечалился, узнав, что ты от огорчения по поводу смерти Калогера опять тосковал. Будь очень внимателен в уходе за собою. О прочем ты дал хорошие сведения.

СХХVI. ЕМУ ЖЕ

С Божиею, конечно, помощью ты, чадо мое, обо всем предупреждаешь. Одновременно с твоей запиской явился царский чиновник, сообщив мне, о чем был спрошен, и не только об этом, но и о том, какие приказания получил от царя. Они состоят в следующем: «Если окажется, что он¹ кого-либо учил или заявляет о своем намерении учить, — подвергни его ста ударам бичом из жил». Человек сказал мне об этом со стыдом, даже прося прощения за одно лишь упоминание. Я же отвечал ему, что здесь, на месте ссылки, мне, кроме птиц, разговаривать не с кем, и вообще повторил все то же, что уже раньше заявил чрез сопровождавшего меня в изгнание и чрез господина Льва. Тот отказался передать эти слова, а я ему ответил, что остаюсь при своем заявлении и готов лечь под удары. Он сказал: «Как знаешь». С этим я его и отпустил.

Я очень обрадовался тому, что архиепископ и братья выпущены на свободу. Хотел было ему написать, но по искушению отказался от этой мысли. Объясни это ему и скажи, что его действительно ограничили здесь как будто по искушению. Правда, я знаю, что он опечален, как сообщил мне и чиновник, но да будет, как устроил Господь. Приветствуй его по-родственному и упроси его молиться о моем смирении; так же обратись и к окружающим его братьям моим и чадам, особенно к протопресвитеру и авве Тимофею.

И ты сам, и братья аввы Тифоия потрудитесь по возможности успокоить его так, как если бы это был я.

¹ Разумеется св. Феодор Студит.

Прими к сведению, что господину Исакию я не писал ничего, кроме пожелания: «Да воздаст тебе Бог за посещение; за то, что ты один написал мне; и молись о том, чтобы я хотя бы когда-нибудь благоугодил Богу».

Должен сказать, что я готов к бичеванию ради Христа, в чем бы ни понадобилось проявить Ему верность; хотя и всяческим образом избегаю искушения, снисходя к своей слабости, а вы — деятельны. Так и ты поэтому пребудь в служении в особенности мне, отправляя ко мне письма и послов, сколько на то, по твоему мнению, будет воля Божия. При этом условии я все вынесу, хотя бы царь грозил огнем, или мечем, или зверьми, или чем угодно. Это не потому, чтобы я был силен, — на самом деле я слабее паутины, — а потому, что каждый христианин должен располагать себя по воле Божией. К тому же и дело исчерпано благополучно, ибо стражи — и здешний старец, и монах — успокоились. С нами Бог и ваши молитвы. При удобном случае сообщи мне, куда разошлись братья, получили ли десять и семь мои письма, и, если возможно, пошли к десяти братьям, как мы условились. Состоящие при мне братья тебя целуют.

СХХVII. ЕМУ ЖЕ

Действительно, чадо, я досадовал на промедление, но, понимая, что это из-за зимнего времени, не негодовал. А теперь, одновременно и получив письмо, и увидев брата, и с обеих сторон узнав, о чем спрашивал ранее, я возблагодарил Господа, изволившего нашему доброму брату и отцу (я разумею архиепископа) с прочими братьями и отцами подвергнуться изгнанию за истину. Вы малодушно унываете по причине ожидаемого передвижения, но ничто не останется

без возмездия. Будьте ради Господа готовы на все, что Он повелит.

Хорошо было бы в ясную погоду отправиться морем в Константинополь одному брату Протерию для того, чтобы письма были получены по крайней мере теми, к кому я недавно писал (даже если не получат другие). Если даже он и не прибудет сюда, на нем пребывает мое смиренное благословение. Я дал ему распоряжение обо всем. Пусть он осмотрительно войдет в ворота и вручит письма; пусть не ходит беспечно и везде проявляет осторожность. Да будет Господь над ним покровом по молитве отца нашего. Если придет помощник эконома, напомни о нем, чадо, чтобы нам обсудить положение и, со своей стороны, сделать, что следует. Если что-нибудь опять узнаешь об отцах, при удобном случае напиши мне. А пока продолжается зима, не трудись посылать нам что-нибудь не первой необходимости. Я только желал бы узнать, когда соберется брат Тимофей, чтобы дать ему письма. Бог да будет тебе, чадо, покровом во всем. Из наших приветствуют тебя братья δ и λ ¹.

СХХVIII. ЕМУ ЖЕ

Ты, чадо мое богожеланное, хорошо поступил, послав брата с доброю вестью. Возрадовавшись при виде его, а также услышав его сообщения, мы возблагодарили Господа. Ты решил, что после изустной речи для нас не было нужды в письменном обращении. Но это не так, тем более, что и устно ты не ответил нам на наши вопросы, а именно о том, можно ли написать сосланным епископам и хорошо ли написать

¹ См. I том, письмо XLI.

яmbами стихотворение на иконоборцев — не столько для пользы других, сколько для своей собственной, чтобы, дав работу уму, отвлечь его от нелепостей. Поэтому каждый раз пиши, посылая с кем придется, — хотя бы о том, что ты здоров и что братья живы. Твое короткое приветствие для меня дороже, чем длинные речи других. Ведь я дышу только тобою, мое сердце.

Необходимо опять послать моего Протерия к тем, кто в городе, проведать наших братьев. Полагаю, что хорошо было бы тебе вручить ему и письмо к братии аввы Григория, чтобы укрепить их в твердости. Нужно и другим сделать то же, а не только нам, — в последнее время я стал воздерживаться от этого из опасения, чтобы это не сделалось известным. К живущим же в Студийском монастыре обратиться непосредственно с утешительной речью, сообщив, что я за них молюсь и волнуюсь. Не бойся, чадо, Христос с нами, *если и пойдем среди сени смертной* (Пс. 22, 4). Зачем ты сообщаешь, что сюда отправляются такие-то? Я вижу, кого ты посылаешь. Кто это именно, — о том не спрашиваю, ибо ты в этом деле достаточно предусмотрителен. Следи с помощью братьев Адриана и Хеландия, кого и когда ты можешь послать, а именно — кого нужно и когда нужно. Относительно же себя, примиришь со своей судьбой, — а далее, как Господь устроит. Читай, занимайся делом, горячо молись — и Господь спасет тебя. Приветствую моего Каллиста. Приветствует тебя мое братство.

СХХIX. ЕМУ ЖЕ

Получив первое и второе твое письмо, я обрадовался, чадо мое, и обрадовался безмерно — и стойкости

твоей души, и твердости твоей веры, и твоей настойчивости, и ревности во всем прочем. Благодарение Господу, укрепляющему и утверждающему тебя в страхе Своем! Господь премудро сохранил тебя доселе в безопасности для исполнения необходимых послушаний. Я также видел и доброго Гаиана и укрепился душой, получив известия относительно десяти. Одно лишь огорчило меня, — а именно, что с двумя братьями, пришедшими некогда из Пелекитского монастыря, обошлись не как с нашими членами и братьями. Пусть отныне обходятся с ними именно так, как нужно, как этого требует любовь Божия.

Я получил все, что ты прислал и в этот раз; обрадовался книгам, да и всему прочему. Господь за это да упокоит тебя, чадо мое, в царствии Своем.

Вас тяготят встречи с еретиками, но и это испытание полезно для вас. Поддерживай брата Тифоия, смягчись, так как написано: *В нуждах святых принимайте участие* (Рим. 12, 13). Приветствуй его и от моего имени. Прошу также и его, подобно тому, как вы трудитесь для всех, явите соответствующее расположение и к брату нашему авве Петру и, по возможности, снабдите его всем необходимым. Он мне сообщил, что вы оставили его на произвол судьбы. Соболаговоли приветствовать от нашего имени прежде всего брата Дометиана и помощника эконома; скажи последнему, что я получил его письма. Бог да простит тебе все. Христос со всеми вами.

СXXX. ЕМУ ЖЕ

По милости Божией я, чадо мое возлюбленное, видел брата Силуана с Дорофеем. Я сказал: «по милости», потому что они пришли не с дурною целью и

не несвоевременно, явившись именно в такое время к своему отцу, хотя я и не достоин. Я видел, с какими предосторожностями они пришли, чтобы встретиться со мною незаметно для других. Я им советовал нигде, даже случайно, не упоминать о свидании. Так я отпустил их с миром, найдя Силуана в хорошем состоянии. Прими по-братски его и ты, когда он придет к тебе с добрым Дорофеем, из личного побуждения и расположения к тебе, из сильной любви и уважения. Ведь он не притворялся (как об этом сообщили тебе), когда в первый раз хотел к тебе прийти. Впрочем, он устно объяснится. Я понял его внутреннее состояние по манере сидеть и теперь совершенно спокоен, убедившись в его полном смирении.

Я почувствовал облегчение, узнав от него о том, как архиепископ отправился в путь, а также о заключенных братьях наших. Теперь я желал бы узнать то же и о брате Протерии: скрылся ли и он, испугавшись зимы? Поэтому, когда кто-нибудь, согласно нашему условию, придет сюда, сообщи мне обо всем. Господь да будет со духом твоим.

СXXXI. К БРАТУ, АРХИЕПИСКОПУ ИОСИФУ

Благодарю Бога моего, что ты пребываешь в здравии; об этом я узнал из честного твоего письма. Далее, как могу я, несчастный, выслушивать от твоего боголюбивого преподобия такие слова, которые скорее я должен воздавать твоей дивной добродетели, ибо ты, как немногие из епископов, прославил Господа. И не только теперь, когда и некоторые из наших братьев вместе с тобою обратились к высшей истине, но и в прошлом, можно сказать, с самого начала

своего епископства, когда многие пастыри (хотя это выражение и резко), обезумев, перестали искать Господа, — ты прославил Его в темницах, уединении, нуждах, тесноте, болезнях, слезах, угнетениях и во всякого рода притеснениях. Твоя слава апостольская, твои победы равны отеческим! Хотя и я терплю нечто подобное, но незначительность моей степени и сила моих грехов покрывает все это и не дает обнаружиться.

Впрочем, твои доблести — пример для меня, многожеланный брат, превзошедший других; поэтому, прекратив похвалу, я лучше попрошу молиться обо мне, чтобы моя смиренная душа укрепилась в страхе Божиим против видимых и невидимых врагов с помощью твоей молитвы и блаженного отца нашего. Я очень боюсь за себя, брат, доколе пребываю в этом теле, и если на что-нибудь держую, то лишь в надежде на Бога, просвещающего отчаявшихся по Своей великой милости.

Я очень рад, что добрый Афанасий разделяет с тобою утешительное уединение в изгнании. О том же, каковы обстоятельства здесь, сообщит обязательный Силуан, знающий это по опыту; и не только об этом, но и обо всем, что я не мог сообщить в письме. Уготовал ли Господь нам еще во плоти увидеться друг с другом — на все Его воля. Так или иначе, но ты, отец, молись о том, чтобы мы с отцом, вернее, с отцами и братьями — все вместе увиделись в блаженной жизни, и чтобы благосклонно воззрел на нас Бог, ради Которого терпим нынешнее разлучение и войну. Кланяется тебе раболепно брат Николай, который один оставлен при мне. Благоволи приветствовать окружающую тебя братию, особенно доброго Афанасия.

СХХХII. К ЕВФИМИЮ, ЕПИСКОПУ САРДСКОМУ

Вот уж второй раз пишу письмо твоему блаженству, но горе мне, грешному (говорю это со слезами), — так как двое прежних письмоносцев по дороге к месту твоего изгнания потерпели крушение и этим немало огорчили смиренную мою душу. Но так как мы сыновья послушания и предназначены к такому служению и, наконец, поскольку лишь один вид смерти достоин слез, — смерть от грехов (хотя бы и на постели), — то, отложив печаль, я с благодарностью это перенес.

Итак, и в первом письме я принес подобающее твоему боголюбию прославление; ты достоин быть назван блаженным, подвизавшись и обнаружив дерзновение превыше всех иерархов; и это в то время, когда в виду вдовства кафедры дерзновение было бы неуместным. Но, занимая престол в царстве истины, ты победил почти всех подчиненных тебе епископов, получив венец исповедничества. Это же я и теперь повторяю твоей священной главе, возлагая на нее не золотом украшенный венец, ибо и победа не по плоти, а венчая божественно сплетенным словом, ибо торжество — небесное. Потому, радуйся, дивный, и веселись, еще совершая и проходя поприще изгнания, чтобы изо рва ссылки тебе увенчанным взойти на небеса. О, если бы до этого я имел возможность увидеть тебя в мирное время сияющим на престоле!

О том, как ныне взволнована и охвачена пламенем наша Церковь, рассказывать долго: нечестие столь многообразно, что Божественные алтари уничтожаются; священные храмы, лишенные честных икон, теряют свое благолепие; почти каждая душа этому покорилась, дав подписку нечестивым. Лишь

немногие борются, и они в муках, как испытываемые огнем. Из епископов поскользнулись Смирнский и Херсонесский; из игуменов — Хрисопольский, монастыря Диева, Хоры и почти все столичные; держатся, по милости Христовой, Вифинские. Молись, отец, о том, чтобы они с нами, смиренными, держались до конца.

Из мирского чина никто не устоял, кроме Пиксинита, который по бичевании сослан; из клириков — дивный Григорий, по прозвищу Кентрокукур; а из игумений — около шести, которые и заключены по монастырям.

В отношении того, что ты, отец, заповедал мне, нужно ли понимать это безусловно? Как это соотносить с моим теперешним положением и крайней стесненностью? Я могу обращаться тайно и то лишь к близким друзьям. Всем страшно, а особенно мне, грешному, как бы все не стало известно императору. Хотя я и сослан в Анатоликон, император, будучи особенно раздражен доносами, сильно гневается на меня, робкого. Он повелевает мне молчать и запрещает учить, а я без стеснений отвергаю это и резко возражаю. Вот за это мне присуждено бичевание, хотя я и избег его, благодаря скромности и благочестию палача; мои служители ограблены вплоть до имевшихся у них книжек. Я недоумеваю, как при таких обстоятельствах мне было бы возможно исполнить что-либо из твоих приказаний. Прости моему смирению, ведь это дело блаженное. Не буду прибавлять, что бедствие голода здесь таково же, как и там. Впрочем, положившись на одно лицо, я послал письмо: если что-нибудь случится с письмом, сообщит посланный. Итак, молись о чаде своем, чтобы оно шествовало по стопам твоей святости.

СХХХІІІ. ПАТРИЦИЮ

Считая себя обязанным твоему преславному благородию, я решил теперь обратиться к тебе, желанному, не только с устным, но и с письменным приветствием. Хотя обстоятельства и не позволяют выдавать чужим тайну, но не мешает сообщить это вам, моим родным, ибо вы — мои господа и близкие по крови. Отсюда и наша дружба, и не столько в силу родства, сколько в силу добродетельного твоего духа. Ведь у меня есть и другие родственники, но они не так мне любезны, чтобы обмениваться с ними письмами. Хотя я и грешен, однако сильно желаю вам спасения и здоровья телесного и душевного. Говорю об этом особо по причине распространившейся ныне ереси и душевного заблуждения, — чтобы даже без пастыря ты соблюл себя, богобоязненный мой господин, со всем своим домом.

Гнев Господень начался с оскорбительницы — Византии, так как она уже издревле привыкла отвергать все, что о Господе. А затем огонь уже охватил все. Блажен разумевающий и не задетый пламенем! Ведь если Христос стал ради нас нищ и беден, то как же могут быть не приложимы к Нему признаки бедности, а именно: тело и возможность его видеть, осязать — все то, в чем и заключается описуемость.

Итак, человеке Божий, не исповедующие описуемости разрушают спасительное Таинство Слова и настоящие события оказываются приготовлением к пришествию антихриста. Горе же тебе, Византия, ибо как с тебя начался грех, так в тебе и окончится зло, когда исполнятся твои прегрешения! Это из чувства любви и страдания я сказал тебе, многодаровитому, хотя ты знаешь и больше.

СXXXIV. К АФАНАСИЮ СЫНУ

На этот раз, чадо мое, я пишу тебе против воли, и причина тебе известна. Горе мне, несчастному! Увы мне, бедному! Что случилось с двумя нашими братьями? Хотя они и оба мне дороги, как истинные чада, однако наш любезен более. Почему же? Потому что он человек Божий, исполненный веры и истины, сын послушания, чадо света, муж желаний, неложный послушник, укротитель страстей, ревнитель, готовый шествовать по пути заповедей, сильно любящий своего духовного отца и в равной мере им любимый, отрехшийся от плоти и прилепившийся Богу, для всех творящий полезное и желательное.

Как ты думаешь, пожалел я этого человека? Гораздо более того: скорбь по нему сильно поразила меня, потрясла мой ум, сокрушила мое сердце; я горько заплакал, зарыдал, как никогда, не потому, что они скончались, а потому, что скончались в таком месте. Не мое ли приказание было тому причиной — вот чего я боюсь. Хотя он с радостью повиновался, готовый даже броситься в огонь, уверенный в благополучном исходе, однако я не решался отпустить их в зимнюю пору и согласился только тогда, когда эконоом все приготовил к их отъезду. Таковы обстоятельства.

Однако, чадо мое, я не остался в скорби: овладев своим рассудком и подумав о том, что только один вид смерти гибелен — а именно, смерть греховная; и что важно не место смерти, а образ смерти, — я возблагодарил Господа за происшедшее, все предоставив неисповедимым судьбам Его Промышления. Еще до сложения мира Он определил каждому свое время и место кончины. Поэтому благодумствуй и ты, вечно любезный, брат мой, руководя вместе с Зосимой и

дивным Гаианом такими же братьями — духовно и телесно.

О, если бы я, недостойный, разделил их участь! Всегда молись о моем спасении, чадо мое возлюбленное.

СXXXV. К НАВКРАТИУ СЫНУ

Я хочу с тобою говорить, даже когда не представляется случая отправить письмо, и тем более, когда такой случай представляется. С радостью я узнал о хорошем из твоих писем, чадо, ибо для меня радостна весть, что мой истинный брат и архиепископ и прочие отцы мои и братья изгнаны ради Христа. Кто бы дал мне силу обратиться к ним с победным возгласом? Впрочем, я верю, что когда-нибудь такой случай представится. Ибо если бы царь захотел вовсе пресечь мой голос, все же я найду выход и, окрыляемый духом, исполню это.

А ты, чадо мое возлюбленное, укрепляйся о Господе и нисколько не падай духом пред ссылкой. Твердо стой. Если спросят, принеси свое доброе исповедание. Если нужно будет подвергнуться заушению, заушайся вместе со Христом, подвергнись заключению, испей желчь горестных обстоятельств, взойди на крест произволением, — ибо каждому, пожелавшему нести страдания, это зачтется за действительное страдание. Разве не довольно с тебя стать сыном Божиим? Разве мало тебе сделаться сонаследником Христа? Кому же превозноситься, кому радоваться, веселиться и благодумствовать, как не тем, кто заключен и страдает за Христа?

О, если бы подвергнуться и другим страданиям, подобно Владыке! И кто достоин этого? Но в равной степени подается и благодать претерпевшим их. Я,

несчастный, никогда так не радовался и не был благодушен, даже и в прежние свои изгнания, хотя и не забываю милостей Господних ко мне. Но и теперь, проводив блаженного отца моего со святым моим Калогиром, я царствую, владычествую, радуюсь и ликую. Так я встречаю, как наслаждения, озлобления со стороны мира; бесстрашный, непреклонный, я дерзаю сказать со святым Давидом: *Если выстроится против меня полк, не убоится сердце мое* (Пс. 26, 3). Мне приятна смерть ради вечной жизни. Но таким образом и так высоко настроенный, я исповедую себя мерзостью для всех людей и отверженным от Бога за бесчисленные свои прегрешения. Об этом я скажу так и, может быть, в последний раз.

В случае изгнания по Божью повелению, непременно возьми — или тотчас, или впоследствии — Каллиста и еще, кого хочешь из братий; а мне дай Протерия, чтобы он здесь где-нибудь скрывался и прислуживал мне, если поможет Бог. Христос со духом твоим.

СXXXVI. ЕМУ ЖЕ

Узнав, что только Хеландарский игумен явился, при чтении письма трепещу и негодую: что это все значит, чему я теперь подвергаюсь? Итак, я прочел письмо. Как не стенать от содержащихся в нем известий, особенно о том, что и Нектарий, предатель по природе, принадлежит к числу собирающих нечестивую подписку? Царь сделал его своим послом не столько по недостатку в людях, сколько потому, что тот принадлежал к кругу наших братий. Это действительно печально, но с другой стороны, полно радости то, что отцы наши из любви к Богу остаются невредимыми от покушений врагов.

А в чем же состоит грустное дело Никейского епископа? Во всяком случае, разужнай и сообщи также и об окрестных игуменах. Почему ты опечалился о нас? Это совершенные пустяки: они братья и часто обращаются друг с другом по-братски. Итак, чадо мое, молись, чтобы десница Божия осенила обоих, а это оказалось бы пустым.

Я получил записку от брата Клитония и успокоился; при удобном случае отвечу. Так как он меня просил, то и я прошу тебя содержать его и заботиться о нем; покажи ему, что я просил тебя об этом. Утешь его, как и Тифоия, которому я в другой раз напишу. Братья приветствуют тебя.

СXXXVII. ЕМУ ЖЕ

Ты поспешил, чадо мое, дать мне малое успокоение. За это Бог отца моего да помилует и успокоит тебя. Узнав о сообщенном, я возблагодарил Господа; ведь все это радостные вести: изгнания ради Христа святейших епископов, сопротивление добрых наших братий. Размышление по этому поводу, — к каким для них последствиям это приведет, — внушает мне сильную заботу и малодушие; ведь они несут самый трудный подвиг. Но Христос защитит и их, как и игуменов, особенно провинциальных.

А ты, чадо, как вспомоществуемый и покровительствуемый Богом, не ленись писать письма, посещать, утверждать, вразумлять, утешать, пробуждать, наставлять, ободрять живущих в монастыре, притесняемых, шествующих добрым путем. И этим не ограничивайся; простирай свои действия и на состоящих под нашим руководством. Ведь тебе должно шествовать вперед ради Христа, пользуясь удобным и под-

ходящим случаем. Пора уже теперь и ученикам стать учителями.

Всем сосланным отцам я, непотребный, очень хочу написать, если найду удобный случай и верного письмоносца, со стороны или своего. Это очень полезно и для пишущего, и для читающего, и для самой Церкви, ибо так делают святые. Кроме того, я, пес и паразит, готовлюсь воскликнуть до самых пределов вселенной. Кто же мне поможет в этом, кроме тебя, — пламеннее всех братьев любящего и Христа, и меня, несчастного? Как я сообщал раньше чрез Адриана, мы живем здесь, по милости Христовой и вашим молитвам, не нуждаясь ни в чем, кроме книг; будет и это, когда соизволит Господь. Горячо молись, чадо, о моем спасении.

СXXXVIII. ЕМУ ЖЕ

Как прекрасно твое письмо, чадо возлюбленное! Оно содержит все приятные для нас вести: во-первых, о великом дне Госпожи Богородицы; во-вторых, о твоём стремлении к лучшему; далее, о здравии братии, в том числе и семерых; наконец, о чуде от честной иконы Христовой.

Хотя и прискорбна смерть дерзкого, — может ли быть иначе? — славен Господь Бог наш и в чудотворной Своей иконе. Правда, нечестивцы не образумились, иначе объясняя эту смерть, как и иудеи — истинное Христово Воскресение. А для нас достоверно и то, и другое.

Да сотворит Бог благо доброму Гаиану: он пришел сюда с добрыми вестями, пусть и возвратится отсюда, как ты сказал, с такими же вестями. Да будет благословен вместе с пославшими его и Нил, если по-

сетил семерых. И брат Игнатий пришел в добром образе мыслей. Пусть едет Протерий. Но для чего же я утруждаю вас частыми посещениями? Впрочем, так как теперь праздник, то да воздаст вам Господь награду за это. Приветствуй от нашего имени α и β *

СXXXIX. ЕМУ ЖЕ

Возлюбленное чадо, ты подробно оповестил нас о том, что произошло, а кроме того, еще и X. известил нас об этом устно. Но что бы ни случилось, мы должны благодарить Господа и, по возможности, оказывать материальную помощь братьям нашим. Поэтому все золото, какое X. собрал путем милостыни и какое было здесь у меня, я отослал тебе, оставив немного на свои нужды. Окажи помощь нуждающимся в ней, в соответствии с данными мною X. распоряжениями; ведь для этого благий Бог наш и сохранил тебя на свободе.

Найди верного брата и пошли с ним письмо десяти братьям, а если не сможешь, пошли хоть милостыню. Я, в свою очередь, уже послал им письмо, с которым отправил δ ¹. Кроме того, когда сочтешь полезным, сообщи о себе и через другое лицо, из наших ли или из чужих; и я, если сочту благовременным, напишу.

Ведь не следует из страха перед царями молчать, когда должно говорить. *Если кто поколеблется*, — говорит Писание, — *не благоволит к тому душа Моя* (Евр. 10, 38). Отвергая это, царь запрещает учить и даже вообще разговаривать. Но мы не можем молчать о том, что слышали и знаем, ибо хотя мы и

¹ См. I том, письмо XLI.

грешны, однако признаем себя учениками тех, кто сказал: *Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога* (Деян. 4, 19).

Мы стараемся обезопасить себя от возможных слухов. Впрочем, если в этом нет необходимости, мы не станем соблюдать осторожность, принимая посылаемое тобой. Посылай же опять, когда следует, ибо если ты не присылаешь писем более двух недель, у нас возникают сомнения; а в противном случае — мы спокойны. Да будет Христос со духом твоим, чадо. Молись обо мне так же горячо, как и я о тебе.

СXL. ЕМУ ЖЕ

Чадо, твое известие поразило меня. Я могу только сказать, что так отважно выступить против нечестивого Антония наши благородные братья дерзнули по Божию побуждению. Итак, они достигли славы мучеников, подвергшихся священному ввержению в ров. И кроме них никто не возражает Антонию! Благословен же Бог наш, давший им мужество, укрепивший и сподобивший их принять на себя Его раны. Пусть братья молятся обо мне, смиренном, дабы мне шествовать по их стопам. Хвалю И. и Ф., ибо по необходимости, а лучше сказать, по-мученически они предали себя на заключение, чтобы оказать помощь братьям, терпящим страдания в монастыре.

Да благословит Господь и доброго моего Протерия «во входах его и выходах». Пошли его опять ко мне, хотя он и опрометчив; да поможет ему Господь в путях его, ведь о нем у нас речь, и в нем дело. Трудящийся, как говорится, отдохнет. Ведь тем и прославляется Бог, что подает облегчение в затруднительных обстоятельствах.

Теперь время узнать братолюбцев и отличить чадолюбцев. И я, несчастный, стремлюсь к сей добродетели, ибо обязан писать, просить, утверждать своих чад, позабыв, насколько возможно, о своих человеческих слабостях. Примером для меня, недостойного, служат действия святого Киприана. Григорий Богослов говорит, что даже из изгнания он не переставал укреплять и поддерживать письмами своих пасомых, многих из которых сделал мучениками.

Так вот, чадо мое, опять отправь Х. с письмами, руководи им сам при помощи своей дальновидности. Да призрит Господь на благое дело и сделает путь его ровным. Вера творит великие дела, вера избавляет и от смерти; мы, недостойные, опираясь на нее, делаем все, что можем. После возвращения Евфалия пришли ко мне М., если Бог даст. Когда я писал тебе, был в смятении, теперь же, по молитвам твоим, успокоился, однако М. мне необходим.

Все прочее сделай, как Бог тебе поможет. Напиши также И. и Ф. Господь да спасет тебя, чадо. Приветствуй братьев. Мое братство целует тебя.

СXLI. ЕМУ ЖЕ

Чадо мое, знаю, что в такую зиму трудно ездить сюда, особенно потому, что нужно переправляться через занятую варварами реку. Однако мы почувствовали сильное облегчение, когда увидели брата и получили от тебя письма. Лишь одно вызвало у нас грусть — это падение жалкого Нектария. Впрочем, настоящее происшествие есть следствие всей его жизни. Он стремится только к одному — к удовлетворению своих плотских страстей, а дело веры предоставил ветрам. Поэтому он и преткнулся.

А тебя и всех братьев наших, заключенных в темницу и свободных, Бог отца моего да утвердит, да укрепит, чтобы из дня в день переносить мученичество исповедания. Ведь, вообще, достойно похвалы не начало доброго дела, а доведение его до конца. Будь прилежен в чтении, по мере возможности занимайся грамматикой. Обезопась свое жилище от внезапного нападения еретиков. Бойся Бога, Который очищает человека и сохраняет его в чистоте.

О помощнике эконома сообщит тебе брат. Кто пойдет к архиепископу, чтобы мне опять передать с ним письма? Вместе с братьями мы приветствуем тебя и очень желаем видеть. Приветствуй δ, λ и φ¹. Христос да будет нам помощником.

СХLII. К ГРИГОРИЮ СЫНУ

Возлюбленный сын и единокровный брат, настало время писать тебе отдельно, так как за имя Христово ты заключен в одиночную тюрьму. Что может быть лучше, блаженнее страдания за Христа, за святую Его икону, за Богородицу, за каждого из святых, образы которых неотделимы от первообразов? Брат мой, ты поистине удостоился великих дарований. Епископы пали, игумены поскользнулись, а ты, будучи еще послушником, присужден к заключению за истину наравне с избранными иерархами и учителями! Радуйся, ибо никто из простых монахов не прославился в такой степени, кроме твоих братьев по общежитию. Новым исповеданием прославь Бога, призвавшего тебя к общению в страданиях Его.

¹ См. I том, письмо XLi.

От нас отпали жалкие Орест и Афрат. Да они и не принадлежали к нашим, в противном случае, остались бы с нами. Не поверхностна ли вера во Христа того, чья прежняя жизнь не внушала надежд на послушание? Я даже удивляюсь тому, что они оказали хотя малое сопротивление.

А ты, чадо мое, укрепляйся в силе твоей веры, мужественно перенося настоящее бедствие, из дня в день ожидая Бога, *спасающего тебя от малодушия и от бури* (Пс. 59, 9), ибо *близок Господь ко всем призывающим Его* (Пс. 144, 18). Из любви к Богу будь готов и к дальнейшим испытаниям.

Молись обо мне, грешном, чтобы мне спастись о Господе. Приветствует тебя брат Николай. Благодать Господа да будет с тобою, увенчанный брат.

СХLIII. К ФЕОКТИСТУ СЫНУ

Чадо мое Феоктист, я разлучен с тобою телом, но не духом, так как умом всегда вижу тебя, имея большое попечение о твоём устроении, как душевном, так и телесном. Доказательством моих непрестанных забот о тебе служит то, что в своей грешной молитве я семь раз в день поименно поминаю тебя и твоих спутников.

Мне известно, что ты терпишь лишения, притеснения и огорчения, но знай, что тебе за гонение уготовано от Христа блаженство. Поэтому утешайся в печали надеждой на вечные блага и радуйся. Ведь, по прекращении искушений, настанет для тебя великая радость, а в будущем веке — торжество. Трижды подвергнувшись гонению за Господа, ты получишь тройной венец.

Умоляю тебя, чадо мое возлюбленное, не впадай в уныние, а стой еще мужественнее. Если даже придется

умереть, умрем со Христом, чтобы жить с Ним во веки. Ведь когда-нибудь мы все равно умрем, как бы этого ни избегали.

Я рад, что мой добрый Мефодий с тобою. Да будет посреди вас Христос, покрывая, укрепляя вас и заботясь обо всем. Молись и ты обо мне, смиренном, чтобы мне спастись с вами. Брат Николай приветствует вас.

СXLIV. К ДОРОФЕЮ СЫНУ

Чадо возлюбленное, настало время писать тебе отдельно, так как ты, подвергшись гонениям за Бога, отлучен от своих братьев. О, доброе твоё исповедание! О, заключение твоё — за Господа! Ты достиг того, к чему давно стремился из любви ко Христу, веселись теперь и наслаждайся. Ибо что может быть сладостнее сострадания Христу? Ты воссиял среди братьев твоих, подвизаешься наравне с истинными епископами и игуменами. Ты достиг славы, которой никто из послушников не достаивался, за исключением твоих братьев по общежитию.

От нас отпали жалкие Орест и Афрат. И нечего этому удивляться, так как они оба искони были неверными, а второй, кроме того, и отступник. А ты, чадо мое, укрепляйся о Господе. Ты начал по призванию Божию, также и соверши свой путь. Благодушно переноси трудности заключения, изо дня в день ожидая спасения от Бога. О, добрый Дорофей, стой мужественно, как Божий дар!¹ Если даже придется умереть за Христа, умрем, чтобы жить вечно. Молись, чтобы и я, смиренный, спасся о Господе. Приветствует тебя

¹ Дорофей — дар Божий (греч.)

брат Николай. Благодать Господа да будет со духом твоим.

СXLV. ЧАДУ ВАССИАНУ

Возлюбленное мое чадо, настало время писать тебе особо, так как ты отлучен от своих братьев. Я возблагодарил и благодарю Бога моего за тебя, так как нашел тебя теперь более верным о Господе, чем я надеялся, мужественным человеком, стражем неподдельного послушания, агнцем Христовым, за Него приносящим себя на смерть. Уже после первых твоих писем я похвалил тебя и был доволен тем, что ты общил мне — причем, с таким благодушием — о ваших обстоятельствах. Благо тебе, мое доброе чадо Вассиан!

Вероятно, было особое промышление Божие в том, что я не взял тебя с собою в изгнание, дабы таким образом явилось доказательство твоей добродетели. Ты принес исповедание, заключен в темницу, как золото расплавлен в печали и болезни. Будь же, чадо мое, еще настойчивее и терпеливее, чтобы просиять, как солнце.

Смотри: Орест и Афрат не хотели несколько терпеть печали и потому сделались сынами тьмы. А ты, как воин Христов, пострадай еще немного, обращая свой взор на небесное и устремляясь к будущему; ведь настоящее пролетит, как сновидение. Как ты будешь торжествовать немного позже, не только в будущем веке, но и здесь, на земле!

Поэтому прошу, будь благодушен, терпи час за часом, следя за внутренними врагами, чтобы мы были со всех сторон свободны. Если даже и оступимся немного, поскорее встанем. Будем молиться, плакать,

обратимся сердцем к Богу,— и тотчас явится помощь. Чадо мое, умоляю твою любовь: соверши свой подвиг, молясь и о спасении меня, грешного. Брат Николай приветствует тебя.

СXLVI. ЧАДУ ФАДДЕЮ-ИСПОВЕДНИКУ

О Фаддей, воин Христов, чадо мое желанное, муж твердый духом, целую тебя письмом, как бы устами, обнимаю тебя объятиями сердца моего. Я возрадовался — и радость моя велика — твоему дерзновению, о благороднейший во всей вселенной от востока солнца, красноречивейший и мудрейший среди всех блестящих риториков. В то время, как одни обезумели, став ниже скотов и сделавшись отступниками от Христа,— речь об Оресте и Афрате, сынах тьмы,— ты пребываешь за Него в темнице и страдании и переносишь это с дерзновением и горячей ревностью. О, доброе твое послушание, приведшее тебя на такую высоту.

Пострадай еще, чадо мое, подвизайся, терпи, чтобы получить венец: отвечай разумно, ходи в смирении, пребывай в надежде, будь готов ради Бога и кровь источить, на что, как я хорошо знаю, ты и решился. Молись и обо мне, грешном, чтобы мне спастись. Брат Николай приветствует тебя.

СXLVII. ЧАДУ ЛИТОИЮ

Я обращаюсь к тебе вновь, через короткий промежуток времени, ибо радость моя очень сильна и не позволяет мне больше откладывать свою беседу. Так как ты покался в грехе, то Господь, медлительный на гнев и быстрый на помилование, простил его.

Что же я воздам Господу моему за то, что не до конца презрел меня, смиренного, и не дал мне утратить овцу, которую я приобрел с большим трудом и болезнями, которая принадлежала к числу избранных в моем стаде, чей голос очень приятно разносился во все стороны, чье поведение было очень благоприлично? Но зачем многословить? Я нашел, что потерял, удержал отнятое.

Поздравляют меня наши покровители — Ангелы, сорадуются единоверные, веселятся богомудрые, один велиар, душетленный волк, печалится. Пусть у тебя и много ран от его укусов, но есть лекарства, полезные для людей и целебные. Так не ленись же, чадо, с тобою я, смиренный; я отдам свою голову за твою душу, только будь благодушен, только стой с этого времени в заповедях Бога нашего.

Это значит, что ты всегда должен быть с братом, с которым ты теперь решил жить, быть внимательным в исполнении заповедей, избегать душевредных мест и смертельного утеса ереси, пожиная все доброе и полезное, с терпением перенося печаль и настоящую нужду, постигающие нас вследствие частых передвижений с места на место, молясь и обо мне, грешном. Спасайся, чадо мое любезное, отныне и до века.

СXLVIII. ЧАДУ ВИССАРИОНУ

Я рад за тебя, любезное мое чадо Виссарион, так как ты стал достоянием Божиим среди братьев твоих. Ты всегда стремился к прекрасному и дерзновенно стоял за истину, и теперь, войдя в темницу, как золото в печи, ты явился образцом подвижничества, принес исповедание. А что же сверх этого совершили мученики? Разумеется, они претерпели смерть за Христа. Но

и ты сделал то же произволением, так как заключенный в темнице всегда подвергается опасности быть убитым. Слава Прославившему тебя до такой степени! Благодарение Призвавшему тебя в такую славу!

Горе отрекшимся от Господа, несчастным Оресту и Афрату. Они отпали от Христа ради малого удовольствия, лишились и ныне монашеского образа, и в будущем веке будут отвергнуты Христом, от Которого отреклись. Так поступили они, ибо были плевелами по природе.

А ты, чадо мое, совершай свой путь, претерпевая печаль, будь готов умереть кровавой смертью, чтобы и мне, грешному, как твоему отцу, получить добрую славу. Чадо мое, мужайся, стой до конца, как и начал, молясь и обо мне, грешном. Приветствует тебя брат Николай.

СХLIX. ЧАДАМ ТИТУ И ФИЛОНУ

Чада мои любезные, я опять навещаю вас письмом, желая узнать, как вы себя чувствуете, как переносите заключение за Господа. Благодарение Богу за то, что вы явились исповедниками Христа, столпами и утверждением Церкви; ибо хотя вы малы среди братьев ваших и не вменяетесь ни во что у благочестивых, но у Бога вы велики и причислены ко святым. Братия, обратите внимание на ваше призвание: какова высота, сколь велико дарование! С твердым терпением положитесь на Господа, изо дня в день ожидая Его милости; по-братски относитесь друг к другу.

Братия мои и чада, Тит и Филон, смотрите — вы терпите заключение за Бога и с Богом. Зная, что с вами Христос, не падайте духом. Когда Он изволит, вы выйдете из темницы, как золото из плавильни, совер-

шенно чистые, удостоившиеся почтения, славы и нетленных венцов. Памятуя о такой награде, будьте довольны, терпеливы, радостны, *ибо близок Господь ожидающим Его* (Пс. 144, 18). Молитесь обо мне, смиренном отце вашем, чтобы и мне спастись. Брат Николай приветствует вас.

СЛ. ЧАДУ ИГНАТИЮ

Чадо мое возлюбленное, раньше я не мог написать тебе особо, но теперь, получив твое письмо, охотно отвечаю. Будь здоров душою и телом, трудись ради царства небесного, ради которого ныне многие подвергаются гонениям от врагов истины. Хорошо, что ты пришел туда, когда там были архиепископ, эконо и прочие братия, и царские посланники. В дальнейшем пребывай в Воскитии или у святого Георгия, как я приказал брату Тифою.

Ты — человек Божий, твоя монашеская жизнь развивалась под руководством моего смирения; благодаря преуспеванию в добродетели ты был возведен в священный сан, на степень епистимонарха, не говоря уже о степени первого каллиграфа и казначея.

Все это — для твоей славы и для моей похвалы. Так будь же с этих пор, чадо мое, подобен Игнатию Богоносцу, имя которого ты и носишь: распространяя благодать своим словом среди своих братьев, как старших, так равных и подчиненных, разливая мир своих добрых дел, чтобы твое благоухание достигло всего твоего братства, чтобы ты впоследствии воссиял, как солнце, в царстве небесном.

Смерть беспрерывно делает свое дело, как это мы видим на примере нашего братства. Блажен, кто очистит себя перед исходом, — он оставляет еще живущим

преподобное имя. Да подаст Бог и тебе, чадо мое, такую кончину. Братья горячо целуют тебя.

СЛІ. ЕМУ ЖЕ

О, добрый мой Игнатий, хочу сообщить тебе, что меня пересылают туда, где Господь мой уготовал мне место упокоения. Прошу, не печалься, а радуйся, что я, грешный, удостоился подвергнуться за Христа ссылке и заключению. Ибо что на земле приятнее и блаженнее страданий ради Бога?! *Если Меня гнали*, — говорит Христос, — *будут гнать и вас* (Ин. 15, 20). Так что же удивительного, что мы подвергаемся гонению за Него? Самая смерть за Него желанна! Это да послужит тебе как бы заветом от меня, смиренного.

Я знаю, — ты тверд духом и верен Господу; сохрани себя неприкосновенным от христорборной ереси. Ибо горе тем, кто отрекся от Господа. Горе предателю Нектарию, — он повторил древнее падение. Горе несчастному Оресту, который ради страсти отрекся от страдавшего за него Христа, дав подписку против Его иконы.

А ты, доброе мое чадо, будь непоколебим в вере и старателен во всяком добром деле, сохраняй тесную дружбу со всеми братьями, а особенно с экономом, так как при единомыслии старших и подчиненные дружны. Продолжай читать, вникай в смысл Божественных Писаний. Молись обо мне, грешном, чтобы мне спастись. Да будет Христос Бог наш тебе защитой во всем. Аминь.

СЛІІ. НАВКРАТИЮ СЫНУ

Чадо мое желанное, я с трепетом ожидал твоего письма, желая узнать не только о том, чем закончи-

лись упомянутые тобою раньше события, но и о землетрясении, которое стало здесь поводом для пустословия. Прочитав твое письмо, я был сильно поражен, восстал о происшедшем и пожалел о погибших. Удивительно, что, несмотря на все происходящие бедствия, сердце нечестивых остается непреклонным и еще более ожесточается во зле. Однажды *уловленные* диаволом *в свою волю* (2 Тим. 2, 26), они не хотят пробудиться, да и не могут, если бы пожелали.

Кто же прекратит бурю, кто исцелит рану нашей Церкви? Кто силен это сделать, кроме Того, Кто сказал морю — *замолчи* (Мк. 4, 39)? Но для этого нужно, чтобы хотя бы некоторые остались верными Христовой истине, тогда гласу моления их внял бы милосердный Господь. Чадо мое, сохрани верность Христу в чистоте сердца своего и моли Бога, чтобы еще раз прогневавшись, Он не погубил праведного с нечестивым, по Писанию (Быт. 18, 23). Поддерживай письмами семерых наших братьев, а когда возможно — передавай посылки через послов. Бог воздаст тебе добром за то, что ты оказал помощь клирику Стефану; если можешь, помогай и в дальнейшем ему. Прочти послание митрополита и дай мне ответ на вопрос. Спроси также, что думает по этому поводу архиепископ, сообщив ему в качестве моего мнения свое, но не открывая, конечно, что я писал митрополиту.

Знаю, что трудно, чадо, содержать нас — шестерых человек. У меня уже окончилась работа по переписке, служившая мне большим утешением и душевной помощью. Поэтому позаботься прислать мне на будущее какую-нибудь работу по миниатюрам, только чтобы цены не были мне в убыток. Я брату кратко сказал, что мне нужно прислать.

Приветствуй моих братьев, окружающих тебя. Пребывающие со мной братия горячо целуют тебя. Мне сообщили, что некоторые умерли, среди них и митрополит. Да упокоится дух его со святыми.

CLIII. ЕМУ ЖЕ

Обстоятельства укрепляют душевные силы; поэтому, чадо, нужно мужественно противостоять окружающим искушениям, попускаемым от Бога для испытания нашей веры. Ибо написано: *Кого любит Господь, того наказывает* (Прит. 3, 12). Да и откуда же можно узнать о силе нечестия, если не из воздвигнутых им преследований и мучений? Так же и о твердости православия мы можем узнать из подражания современников прежде почившим Отцам. Перечисли искушения, — и ты найдешь, что им соответствует столько же венцов. Блаженны принявшие смерть за Господа, ибо за одно мгновение они приобрели целые века.

Брат Евпрепиан подвергся бичеванию. Но в этом нельзя не видеть благодать Божию, ибо Господь так изволил, чтобы ему претерпеть страдание за Православие. Молитесь и о нем; вместе с ним оберегайте своими молитвами и семерых наших братьев. Пошли что-нибудь человеку Божию, да будет это на пользу и тебе, и ему.

Как я и предвидел, архиепископ схвачен. Да будет с ним Христос. Усиленно молитесь о нем. Я думаю, что теперь вы уже не сможете удерживать за собою монастырь, а архиепископ — выйти. Благодарение Богу и за то, что вы на свободе. У нас остался один истинный монастырь — горный Иерусалим.

Радуйтесь, братья, радуйтесь, ибо и Христос радуется гонениям нашим за Него, Ангелы торжествуют,

святые благословляют, демоны с иконоборцами, беснуясь, падают. Пока вы остаетесь на прежних местах, сообщайте нам об этом, а также и о том, каково состояние заключенных братьев. А когда и к вам проникнут еретики, и вы переселитесь, то если будет возможно, сообщите нам, чадо, где тебе даст Господь преклонить главу; но и в противном случае я знаю, где ты, — во Христе и со Христом. О, если бы и ты то же знал о нас!

Не останавливайся нигде без предосторожности, чтобы преждевременно не подвергнуться задержанию или гонению. Приветствуй всех моих братьев, особенно Петра, Тифоия, Игнатия, Тимофея и прочих. Да будет Христос со духом твоим по молитвам отца моего. Сам я не ожидаю передвижения, если только для бичевания или ссылки в другое место. Молитесь о моем смирении, чтобы Христос туне стал силою для меня, поистине изверга. Братья искренно приветствуют вас.

CLIV. ЕМУ ЖЕ

Как слух о твоей болезни опечалил нас, чадо возлюбленное, так обрадовало нас известие о твоём выздоровлении. Если болезнь и останется у тебя, то, надеюсь, все же не в прежней форме, так как теперь заботы о братьях тебя уже не отягощают. Я думаю, что причиной твоей болезни было именно это, а также употребление воды в большом количестве и перемена места. Хорошо, что тебе пустили кровь. От болезни внутренностей ты не мог вылечиться иначе, как кровопусканием и постоянным употреблением мази, хотя после этого ты будешь долгое время чувствовать слабость. Поэтому будь всегда осторожен, чтобы иметь возможность работать Богу и служить мне, грешному.

А я чувствую все большее и большее облегчение от болезни телесной. О, если бы так же — и от душевной! Ведь о душе должен всецело заботиться каждый, тогда как тело есть ничто, по слову Господа (Ин. 6, 63).

Часто пишу тебе о том, что я, несчастный, нахожусь между двух страстей, как двух враждебных сил — естественного страха и заповеданного бесстрашия (Мф. 10, 28). Заключение не является для меня оправданием, так как я могу говорить. Ведь если враги Господни, опираясь на помощь кесаря, так дерзки в своем нечестии, что, увлекая народ Божий, распространили пламя по всей Церкви, то чего же бояться нам, имеющим на своей стороне Царя всех? А мы даже и тайно не беседуем со своими единомышленниками. По этому поводу Григорий Богослов с сильным укором говорит: «Молчат уста благочестивых».

С другой стороны, мы получили заповедь избегать искушений. Чтобы исполнить ее, нужно идти средним путем и, если, несмотря на это, придется подвергнуться гонению, то это — дело блаженное. Из тех, кому я пишу, пусть никто не сомневается и поступает так, даже и архиепископ, а там уж — как Господь даст.

Хотя А. и В. избегают митрополита, но ты, чадо, осторожно примири их с ним, сообщив им о моем к нему расположении, ибо по сравнению с другими епископами он усердно подвизался за Бога.

Снабди Х. всем необходимым и отправь по делам в столицу, внушив ему мудро и разумно исполнить поручение. У нас есть почти все необходимое; не тревожься. Да спасет тебя Бог. Братья крепко целуют тебя, а ты целуй от нас Каллиста.

CLV. ЕМУ ЖЕ

Когда я услышал о происшедшем, то удивился не столько отступнику Нектарию, сколько нечестивому эконому, которого Господь сделал предметом удивления, если только этот слух справедлив в нынешние лукавые дни. У меня возникло внутреннее опасение за семерых братьев, — как сложатся обстоятельства, что станет с ними, а также и со всеми возлюбившими Его облик, отчетливо видимый и поклоняемый в Его иконе.

Что касается другого, то ты хорошо сделал, что сообщил нам об этом. Ведь она нам мать духовная, хотя и каждый, подвергающийся тем же страданиям, есть для нас и отец, и мать, и брат. В качестве благословения передай ей корзинку, а содержимое оставь себе. У нас только это и было под руками.

Теперь мы заботимся о Х., да сохранит его Господь здоровым и благодушным. Мы получили твои посылки. Наши братия приветствуют тебя. Приветствуй от нас твоих.

CLVI. ЕМУ ЖЕ

Сколь многое может случиться в одно мгновение: схвачен брат Евпрепиан, о чем я очень жалею, — имею в виду последствия; еще раньше схвачен епископ Милетский, — и о нем я беспокоюсь; очень угнетает меня мысль, где и как пребывали и пребывают семеро наших братьев. Скорблю я и об агринетах¹. Но Бог милостив и силен обратить затруднения в удобство! Чего только не сделал лукавый! Но Господь обыкновенно и самые причины зла обращает в благодетельные силы.

¹ Монахи монастыря Великого Поля.

Жаль их, но нужно радоваться за исповедников, если действительно те, о которых ты сообщил, таковы. Да поможет им Господь. Благо и мидийскому игумену, хорошо отвечавшему на допросе! Целуй его от меня.

Ты писал о совете. Много советов может дать ближний, однако для каждого не может быть ничего лучше того, что советует его собственная совесть. Этого мы и будем придерживаться, ничего не принимая от давших подписку, если даже они что-нибудь и пришлют. Если ты не знал об их поступке, это извинительно, но мы недавно узнали, что они дали подписки.

Изгони же, чадо, всякие страхи и стремись только к богоугодному, ибо тот, кто этого не ищет, не будет иметь даже и земного благополучия. Целуй братьев. Наши приветствуют тебя.

CLVII. ЕМУ ЖЕ

Первую часть твоего письма, чадо, я прочел с улыбкой, а перейдя к дальнейшему, смутился, узнав о размерах бедствия. Но благословен Бог, обо всем промышляющий и все обращающий во благо. Приготовимся, как Христовы воины, хотя и грешные. Вожделенны язвы Владыки, хотя и очень болезненны. Ведь нам неизбежно придется умереть общею смертью; так умрем добровольной смертью за Христа, чтобы, избегая временных человеческих страданий, нам не подвергнуться вечному наказанию за гробом.

Заметь, заведующий Лупадиевой странноприимницей уже давно предсказал это, как я устно и сообщил тебе. Итак, слышанное тобою справедли-

во. Постарайся, чадо мое, утвердить себя и братьев. Да сохранит тебя Господь. Молись обо мне, немощном.

CLVIII. К ВОСТОЧНОМУ МОНАХУ ИОАННУ

Любезнейший сын и брат, так как ты опять обратился ко мне с письмом, то и я также пишу тебе для увещания. Вместе с тем напоминаю, что всегда хорошо и богоугодно по каждому поводу винить самого себя, а не ближнего. При этом условие происшедшее обыкновенно представляется в меньших размерах, а еще не происшедшее — и не возникает. Но достаточно об этом, ибо, как говорит Писание, *дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее* (Прит. 9, 9), а разумный и с немногих семян соберет большой урожай духовного хлеба.

Я, грешный, должен принести благодарение и хвалу, что схвачен мой любезный сын Мелетий. Я не только внимаю твоей просьбе, но и приношу тебе, желанный, величайшую благодарность за участие в деле. Ибо благодаря твоему внимательному и честному отношению удалось избежать неразумной ревности и достичь пристани благочиния и истины.

О, промышление, не попускающее совершенно заблудиться тем, кто со смирением ищет своего спасения! По твоему слову я принял его и причислил к собственным членам и радуюсь о нем более, чем о тех, с кем был давно связан. И если он мне будет писать, как и должно быть, то, конечно, получит ответ. Прошу тебя, передай ему приветствие с просьбой неопустительно молиться о моем спасении.

CLIX. К НИКИТЕ МАНДАТОРУ

Возлюбленный мой господин, узнав, что ты с братьями благополучно добрался до Константинополя, представился царю и увидел его, и что все по милости Божией совершилось без опасности, я прославил моего Бога, хранившего тебя от козней и искушений каиафовых, благодаря посредничеству доброго человека, начальника путей сообщения.

Знай, господин, что ты заложил в нашу смиренную душу сильное чувство любви. Со многими царскими вельможами я встречался по различным поводам, но ни к кому так не привязался и никого не любил так, как тебя. Причина — в твоей рассудительности, обдуманности и мягкости, прямолинейности и талантливости и, вообще, в других твоих способностях, ведущих к добродетели. На какую высоту мне поставить твоё благочестие, любовь к рассуждениям и наукам, твою внимательность и благосклонность? А твоё божественное смирение и снисходительность? Наше слово бессильно описать присущие тебе благородные свойства и добродетели, да и письмо не вместило бы их все, если бы мы стали перечислять их.

А со своей стороны, я мог бы сказать, что истина пострадает, если ты не получишь в сенате первого места или, по крайней мере, второй степени. Впрочем, добродетель, если и не возвышается кем-либо извне, по природе и сама по себе имеет царское достоинство и высшее свойство. Так я думаю о твоём благородии и, как самого себя, убеждаю тебя в этом из любви, без задней мысли.

Итак, держись своей добродетели и не завидуй никому из царских временщиков. Также просим тебя, не переставай поминать и нас, грешных, и покрови-

тельствовать, насколько возможно, братии аввы Ипатия. Приветствуй своих близких, через тебя оказавших мне благодеяние.

CLX. СУПРУГЕ ЛОГОФЕТА

Трудно теперь передать в ваши места письмо от меня, смиренного, но любовь по Богу к тебе, госпожа, убедила нас написать тебе. Ибо мы не можем забыть о твоём богочестии и твердой уверенности в нас, недостойных, совершенно неспособных привлечь кого-либо к вере. Впрочем, несмотря на нашу неспособность, ты не утратила своей награды, так как Бог ценит и принимает дело твоего убеждения. Поэтому мы молимся о том, чтобы ты была здорова и наслаждалась в душе невозмутимым миром Господним.

Но, с другой стороны, человеку невозможно прожить без скорбей, которые попускаются Богом для нашего воспитания, чтобы через них обнаружилась твердость нашей любви и веры в Него. Поэтому в терпении переноси все происходящее и радуйся, так как это дает тебе надежду на спасение. Ведь я знаю твою прямоту во всех делах.

Умоляю тебя, сохраняй своё православие в неприкосновенности от противящихся истине оскорбителей святой иконы Христа, Богородицы и всех святых. Бог да соблюдает тебя всегда, госпожа моя, как своё святое сокровище.

CLXI. К ИНОКИНЯМ

Думаю, что вам известно то, что я не забываю о вашей ко мне любви по Богу. Ведь не может быть, чтобы мое имя не упоминалось в ваших молитвах, не

потому, чтобы во мне, грешном, было что-либо хорошее, а ради любви о Господе, нашего знакомства, а также и общего монашеского состояния.

У меня же есть много оснований помянуть вас, так как вы и благочестивы, и благоговейны и, кроме того, сострадаете нам, смиренным. Ведь я не могу забыть о ваших благодеяниях и милостях, о вашей печали и слезах по поводу нашего расставания во время изгнания и вследствие изгнания. Поэтому мы и поминаем, и почитаем, и относимся к тебе, как к духовной матери; и не только к тебе, но и к стоящей при тебе на втором месте. Желаем вам здоровья, благословения от Бога и совершения добрых дел в вашем подвижничестве.

Мы знаем, что вы боитесь Бога и любите возлюбленного и возлюбившего вас Христа. Поэтому, в виду наступивших стеснений от христорборной ереси, мы и беспокоимся о вас. Этой ереси следует избегать всяческим образом, так как общение с ней разлучает нас со Христом. В вас я уверен и радуюсь, что вы — Христовы служительницы и рабы. Прошу вас, еще сильнее молитесь за меня, смиренного, ко Господу, чтобы мне совершенно спастись от сетей вражиих.

CLXII. К ИГУМЕНИИ

Мы непосредственно не знакомы с тобою, почтенная мать, а знаем о тебе из рассказов нашего духовного сына Ипатия. Теперь же твое благочестие стало еще более известно нам своей верностью Богу, ибо ты согласилась скорее лишиться монастыря, оставить покровительство сестер и даже подвергнуться заключению, к которому ты присуждена, чем отпасть от веры во Христа. Ведь отречение от Его святой иконы является поистине отпадением от Христа, а имен-

но этого требуют новые иудеи, заключая непокорных в темницы, бичуя, удушая, угнетая, искушая, ссылая, заковывая, измышляя все для их злострадания.

Поэтому, благая мать, услышав о столь добром твоём исповедании, мы сочли справедливым посетить тебя своим письмом, возвещая тебе мир. С тобою Христос, Которого ты возлюбила и ради Которого страдаешь. Благодушествуй, мужайся, черпай силу в укрепляющем тебя Христе, и не только в настоящем, переживаемом тобою случае, но и во всех будущих, каким Он попустит произойти, для испытания нелицемерной твоей веры.

Не говори: «Сбились с пути иерархи, священники, игумены; что же могу сделать я, женщина, к тому же болезненная от природы? Как я вынесу это?» Ни в каком случае не говори этого, мать! Каждый из нас, будь то мужчина или женщина, юноша или старец, — получил от Бога силу ценою жизни защищать Божий закон и нашу православную веру, и падение ближнего не может нам служить оправданием. Сколько мужчин и женщин еще раньше было привлечено свидетельствовать за Христа? И только очень немногие из них, если не называть их поименно, получили победный венец. И ты, подобно им, стой мужественно, прошу тебя; *от имени Христова просим*, — говорит Писание, — *как бы Сам Бог увещевает через нас* (2 Кор. 5, 20).

Вместо письма, ответь нам, своими святыми молитвами, чтобы и мы, смиренные, наконец, удостоились подвизаться вслед за нашими святыми отцами.

CLXIII. К ВДОВЕ КОНСУЛА

Я отправил это свое письмо, чтобы исполнить свой долг перед тобою, госпожа моя. Ибо получив от

твоего благочестия дары, я считаю себя должником твоей по Богу честности. Какие же это дары? Это, во-первых, широкое гостеприимство, которое твоя добрая душа подвиглась оказать брату Протерию, открыв двери своего богохранимого дома, притом в такое время, когда нередко друзья и даже родные из человеческого страха затворяют свои двери перед гонимыми за Христа. Кроме того, ты посылаешь и нам, смиренным, необходимое для успокоения и утешения. Эта помощь неизвестному человеку, к тому же грешному, — дело твоего великого умиления и доброты, признак великого благочестия и любви к заповедям. И это совершается не в сиротских размерах и, как нам сообщает письмомонец, проистекает из благого сокровища многих других твоих благодеяний и православной веры.

Итак, мы славим Бога за тебя, ибо твоя добродетельная вдовья жизнь направлена к славе Божией. Вместе с тем мы молимся, чтобы твои блага сохранились неотъемлемыми и чтобы ты, проводя всю жизнь еще более славно, достигла степени совершенства и удостоилась царства небесного, дела которого да удастся тебе совершить.

CLXIV. КОНСУЛУ СЕРГИЮ, ДВОЮРОДНОМУ БРАТУ

Родной мой и желанный, я прочел твое письмо и одобрил твое доброе настроение, так как ты по причине сильного соболезнования и милости к нам, смиренным, осмеливаешься в эти дни писать нам и утешать словами. Оставив в стороне свои собственные дела, — так как они по милости Христа и вследствие внушаемой ими надежды не печальны, хотя и кажутся такими, — я, грешный, обращаюсь к твоим делам.

Как это с тобою непрерывно происходят несчастья и дома, и за пределами его, и даже от твоих же собственных детей, от которых, наоборот, следовало бы ожидать и обогащения дома, и руководства, и поддержки, и всего, что приятно отцам? Горе мне, несчастному: в какой обстановке проходит твоя жизнь! Верь мне, добрый брат, что моя душа так же скорбит за тебя, как скорбел бы наш покойный отец: он более чем кто-либо другой сожалел о твоих неудачах.

Не падай духом; наоборот, с благодарностью и готовностью переноси все это, ибо благий Бог неудачи и печали обыкновенно приводит к нашей пользе. Кроме того, тебе следует избегать общения с христорборной ересью, участие в которой очерняет и губит душу. Итак, по мере сил блюди себя; если же ты сохранишь чистоту веры, а лишишься всего иного, то это не существенно: ведь все мы и против своей воли покинем все и нагими, как и родились, предстанем перед Судией. Ущерб в вере — это единственная и величайшая опасность, так как с верой мы выйдем в вечный путь, и лишь она будет при нас с делами нашими в день окончательного Суда.

Блаженна игуменья, если совершит свой путь до конца. Еще раз приветствуй наших, которым я, хотя и грешный, всегда желаю спасения.

CLXV. К НАВКРАТИЮ СЫНУ

Ты, чадо, не перестаешь являть свою ревность в любви к Богу и в уходе за мною, смиренным; так и в этот раз ты послал брата Каллиста в город, чтобы снабдить нас необходимым и нужным. Приняв его и прочитав принесенные им письма от тебя и других братьев, мы получили и печальные, и радостные

вести. Печально, что несчастный Орест отпал от нас и, не понеся даже мимолетной скорби за имя Божие, перебежал к противникам, став предметом злорадства и для демонов, и для нечестивцев. Радостно, что братья наши спасаются и выносят злострадания за Бога; радостны также известия и о наших общих отцах.

Если поскользнулся тот или другой брат, не удивляйся этому, если же кто спасется вполне, о том воздай славу Богу. Ибо нужно долго трудиться для того, чтобы приобрести бессмертие. Поэтому дерзай сам и не считай за труд побуждать к этому других, насколько это тебе доступно.

Знаю, чадо, что тебя и твоих братьев повергает в печаль известие о нашей ссылке; но, благодарение Господу, я, хотя и грешен, ни на что не жалуюсь ради славы Христа, за Которого смиренная Греция приведена в сильное волнение. И зачем? Чтобы избранники были обнаружены тем, что их дело при испытании не сгорит (1 Кор. 3, 12—13). В тюрьмах отцов бьют и морят голодом; стоит ли огорчаться, если нас, негодных, сошлют в другое место? Господня земля всюду, куда бы я, — один ли или с другими, — ни был заброшен.

Я не знаю, кого из братьев взять мне в спутники в ссылку, так как ни на ком из них не может остановиться мое смиренное сердце. Окончательное решение сообщит тебе брат. Если Господь поможет нам увидеться до моей ссылки, то я дам более определенное указание по этому и по другим вопросам; если же нет, — да будет Христос со духом твоим. Молись обо мне, смиренном.

CLXVI. ЕМУ ЖЕ

Любезное чадо, мы уже добрались до того места, куда по воле благого Бога мы сосланы за Его святое

имя. Весь путь мы совершили за пятнадцать дней, без особенных трудностей, благодаря бездождию и сухой дороге. К тому же наш конвойный относился к нашему смирению очень милостиво, с сочувствием и оказывал нам уважение.

Мы поселились в Воните, в доме жены патриция Тирка, и весьма любезно приняты как ею, так и соседними архонтами¹. Вода в тамошнем озере — соленая, и рыбы нет. Впрочем, ради Христа мне и соленое — сладко, и безрыбное — обильно рыбой. Вознеси к Богу молитвы о нас, чтобы мы пожили здесь под покровом державной руки Божией, благоугождая Ему, и во всяком нашем деле и слове сообразовались с Его волей.

Братья с Архипом остались на пути; не знаю, успеют ли они добраться, а писать через них мы боимся. Путь далек, и мы не знаем, можешь ли ты без затруднений опять прислать других братьев, и согласен ли кто-нибудь на это. Однако, если такие окажутся, им будет трудно нести с собою вещи. Пусть возьмут только, может быть, книги или другое, крайне необходимое, чего здесь нельзя найти, — да и то в небольшом количестве. К нам можно проехать и морским путем: от приморской Ликии до наших мест около ста миль. Кроме прочего, я имею нужду также и в письменной работе.

Заранее выражаю согласие на все, что вам под силу; так что, если я не получу вашего ответа или вследствие заключения в тюрьму, или по причине какого-либо другого затруднения, я это перенесу с благодарностью к Господу. Ведь я знаю о вашем настро-

¹ Архонт — по-гречески знатный и богатый человек, господин.

ении, возлюбленные мои дети, и о том, что, если бы того требовала нужда, вы, вырвав собственные свои глаза, отдали бы их мне.

Сын мой, пока можешь, непрестанно заботься о своих братьях, утверждая, вразумляя и воодушевляя их; нам нужно бодрствовать над их душами, так как мы дадим за них ответ Господу. Особенно предоставь себя в распоряжение заключенным братьям.

С нами Христос, победивший мир и нам обещающий победу. Поэтому ни в коем случае не будем падать духом, если даже мир нас разлучает телесно, если нас ссылают в пустынные, ненаселенные места, если огорчают, причиняют лишения, подвергают заключениям, — чем многочисленнее страдания, тем богаче венцы. Кто достоин подвергнуться четвертованию ради Бога и умереть? Таковой еще более уподобится Христу. Знай об этом, заботься о своем спасении, здесь источник благодушия и радости, здесь твой венец.

Письма, вложенные в твое письмо, раздай по принадлежности. Целуй δ и λ^1 , Игнатия, любезных мне твоих спутников, всех, кто может сохранить тайну. Трое братьев, сопровождающие меня, горячо приветствуют тебя и твоих спутников. Да будет Господь со духом твоим, чадо мое прелюбезное.

CLXVII. К ИГУМЕНИИ

Увидев, какова и сколь велика выразительность твоих честных писем к моему смирению, происходящая от твоего крайнего смиренномудрия и умиления, я решаюсь, — хотя это и дерзновенно, — сказать то же,

¹ См. I том, письмо XLI.

что сказал Христос: *О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15, 28). Ведь Бог испытывает именно веру просящего и сообразно ей дает просимое, хотя бы тот и не был достоин. Точно также с полной справедливостью можно похвалить и оправдать и это твое смиренное обращение и прошение, ибо Писание говорит, что хотя праведник сам себя спешит обвинить, но в тяжбе своей он прав (Прит. 18, 17); также и Христос говорит: *Кто унижает себя, тот возвысится* (Мф. 23, 12).

Ты избрала монашескую жизнь и переменила тленное на вечное, — радуйся этому доброму твоему решению, вечно стремясь и шествуя по путям, ведущим в царство небесное, через усвоение богоуподобляющих добродетелей, благодаря которым и Святые Отцы вззошли к Богу. Ведь мы можем с каждым днем совершенствоваться и изменяться к лучшему. Это первое, о чем я хотел сказать.

Чем же равноценным мы воздадим тебе за все то, что ты из убеждения с настойчивостью изъясляешь по отношению к нашей убогости, так что даже оказывающих нам гостеприимство называешь блаженными, а себя считаешь несчастною? Заслуги моих соседей далеко не так велики, как твои: они содержат нас, поскольку находятся рядом, и тем, что имеют под руками.

А ты, несмотря на очень далекое расстояние, являешься сюда на крыльях сострадания, питая, насыщая нас, ухаживая за нами. В Лаодикии, по твоему распоряжению, я получил одну посылку, в Вифинии — другую. Всем этим ты привела нас в величайшее изумление. Своим милосердием ты, можно сказать, превзошла сонмитянку, хотя та оказала гостеприимство пророку, а ты — грешнику. Но нужно усилить это

сравнение обещанием¹: во чреве мысли ты будешь иметь страх Божий, поболит небесной любовью и родишь дух совершенного своего спасения.

Не имея ничего, чем можно было бы отблагодарить тебя за дары, я обращаюсь к тебе с такими словами. Но, может быть, ты удивишься нашему слову? Или оно кажется тебе диким? Ведь от тех, с кем ты нас сравниваешь, мы и словом, и делом так же далеки, как земля от неба. А если наши жалкие слова, проникнутые любовью, тебе приятны, то руководись ими и не обращай к высшим. Ты справедливо хвалишь господина моего спафария, — он прекрасный человек. Низко кланяюсь ему, а также и его отрядам, прозябшим от доброго корня. Бог мира да будет с тобою.

CLXVIII. К СПАФАРИЮ ФЕОДОРУ

Лишь только я взялся за письмо к твоему благочестию, как был отвлечен посетившим меня царским чиновником, который сообщил нам определение о переселении, т. е. о ссылке нас, смиренных. Получив такое известие, я стал тяготиться продолжением письма, но сильное желание, продолжавшее двигать моим пером превзошло обстоятельства. Итак, в руки твоему величию направляется письмо с дружеским приветствием, с объяснением и благодарностью за дары, которые я получил от боголюбезной вашей руки.

При этом, я имею в виду и честную госпожу твою тещу, о добром расположении которой ко мне, грешному, я давно знаю. Благодарю вас за то, что вы дали

¹ В соответствие обетованию пророка Елисея сонамитянке о рождении ею сына (см. 4 Цар. 4, 16).

все необходимое для нашего житейского обихода. Да сохранит Господь вас обоих неприкосновенными и прямо шествующими по путям Господним.

Господин, я с радостью узнал о твоей благочестивой ревности, о твоём стремлении к познанию истины и о твоём гостеприимстве монахам. Если плоды дерева красивы на вид, то причина этого заключается в корне; кто бы мог быть им в данном случае, как не святейший митрополит, наш духовный отец? Его молитвами да спасемся мы оба со всеми своими близкими. Будь здоров о Господе, во всех отношениях желанный и славный мой.

CLXIX. К НАВКРАТИЮ СЫНУ

Чадо мое, знай, что добрый человек, сопровождавший меня в ссылку, опять был послан ко мне царем с угрозой подвергнуть меня ста ударам за сделанные нами заявления, — хотя чиновник передал ему далеко не все, — а также, чтобы отнять у меня двух братьев — Лукиана и Ипатия, все книги, вплоть до Тропология, и не только это, но, если найдут, икону до энколпия и, наконец, деньги, оставив мне только десять золотых. За все это я возблагодарил благого моего Бога, знающего, что нам полезно, и, конечно, сообразно этому определяющего все о нас.

Чиновнику я ответил, что за имя Божие готов не только подвергнуться бичеванию, но даже принять смерть. В этом случае он поступил по своему желанию. Я изъявил свое согласие на то, чтобы вместе с братьями был взят и Николай, но тот не принял это предложение. Из книг он отнял Лествицу и Тропологию. А относительно денег я ему сказал, что, если бы я на них надеялся, то зачем стал бы терпеть все это?

Разлучившись с двумя братьями, я остался с Николаем и с постоянно находящимся при нас стражем. Молись усердно о том, чтобы мы проводили свою жизнь в терпении и благодарении и были вполне готовы ко всему печальному, даже смерти; наконец, и о том, чтобы мы не причиняли вреда друг другу, имея Бога среди нас, ибо где Он, там все переносится легко.

Мужайся и ты, ибо, конечно, и до вас дойдет искушение, из-за которого я, кажется, и отсюда буду переведен. Да будет тебе помощником Господь, за Которого и терпим страдания. Не бойтесь, чада мои, обычных угроз, не бойтесь даже ран, взирая на Христа, Который ради нас *изъязвлен был* (Ис. 53, 5), не бойтесь, наконец, самой смерти, ибо она — условие вечной жизни. Хотя я страдаю от болезни и объят страстями, но поддерживаемый как вашими молитвами, так молитвами нашего блаженного отца и всех братьев, с радостью подвергнусь чему угодно. Только прошу вас, бодрствуйте в молитве, укрепляясь духом, чтобы по воле Божией быть готовыми на все.

С приветствием передай это тайно δ и λ^1 , Игнатию или какому-либо другому верному. Бог по молитвам отца моего да будет тебе защитником и хранителем во всем.

CLXX. ЕМУ ЖЕ

Все, что ты, чадо мое любезное, прислал мне, я принял с радостью: приятное и неприятное, радостное и печальное, подающее и отнимающее надежду, известное и неизвестное. Не стану говорить о твоих похвалах мне, жалкому, не делающему и, конечно, не

¹ См. I том, письмо XLI.

сделавшему ничего хорошего на земле, хотя ты и привык преувеличивать мои достоинства из любви и веры. Видя, что твоя душа украшена этими качествами, я прославляю моего Бога, утверждающего тебя в верности страху Его.

Во всем мы смиренны и жалки. Ибо что мы перенесли? — Совсем не то, что наши отцы и братья; мы намного отстали, ибо далеки от их достоинств и добродетелей. Во всяком случае, по милости Божией и по молитвам отца и братьев, изгнание и уединение оказались для нас полезными, так как благодать Божия иначе настроила расположение моего смирения. И мне бы не удалось ее постичь, не подвергнувшись всем этим испытаниям, но теперь я нахожу, что она слаще меда. О, человеколюбие Бога, ради пользы на время огорчающего, а затем уже являющего благотворные последствия от печали и сладость от горечи.

Теперь, куда бы ни повел меня Христос, всеобщая Радость, я, несчастный, уже не буду чувствовать затруднений. Я постоянно восклицаю: *был для Тебя подобен скоту, но я всегда с Тобою* (Пс. 72, 22—23). Поэтому я не стану беспокоиться ни о чем, включая коварство царя, если бы даже он постлал мне под ноги сеть из веревок и поставил мне претыкания на пути, ибо написано: *на аспиде и василиска наступишь и попираешь будешь льва и змея* (Пс. 90, 13). О, если бы, доброе чадо, по вашим молитвам и по крайнему милосердию Божью, покрывающему бездну моих грехов, это обетование было действительно в течение всей моей жизни и в отношении всех видимых и невидимых врагов!

Узнай о том, как я здесь живу, от письмоносца и сообщи другим. Также он обстоятельно расскажет, кто мне всяческим образом покровительствует здесь,

на чужбине, и кого прошу вас поминать в своих молитвах. Зачем ты, отцелюбивый, так трудился, посылая нам обильные и многообразные дары? Да воздаст тебе Бог мой здесь духовными дарами, а там — вечными. Я знаю, что ты находишься в затруднительном положении: тебя тянут то в одну, то в другую сторону, стесняют, требуют твоего внимания и присутствующие, и отсутствующие, как старшие, так и подчиненные, то в виде слова, то в виде дела, наставления и примирения, при всех представляющихся и совершающихся случаях, и все это при непрерывно ожидаемом взятии или какой-нибудь опасности. Но дерзай, велика твоя награда, тебе предстоит венец мученичества. О, провидение, обратившее коварство державного в спасение для многих! Впрочем, будь очень внимателен с остальными, ибо не на глазах у птиц расставляются сети (Прит. 1, 17), но да поможет нам Господь до конца жизни высоко перелетать через них.

Поистине поразило мою бедную душу падение Хрисопольского епископа. Но Господь да поможет грамматикам, господину Иосифу и всякому другому¹, кого искушает новый Ианний². Всем им я послал письма, если только окажется возможным вручить их; но ты сам предварительно прочти их. О Господе и ради Господа по возможности предоставь себя в распоряжение настоятельницы монастыря святого Фоки, а затем и других заключенных, ибо они — Божии служительницы, так как несут подвиг исповедничества. Благодать Господня да будет тебе, возлюбленный, хранением во всех случаях. Приветствует тебя господин Иоанн с братом Николаем.

¹ Имеется в виду Иоанн Грамматик.

² Ианний — один из кудесников Фараона во время Моисея.

CLXXI. ЕМУ ЖЕ

С тех пор, как мы разлучились с тобой, возлюбленное чадо, я пишу уже четвертый раз, сообщая о том, что у нас происходит, а также о том, что братья взяты и я остался один с братом Николаем. Поэтому мне нет нужды распространяться, к тому же и писемосея оказался братом и вполне заслуживающим доверия. Достаточно только заметить, что мы здравствуем телом, со дня на день ожидая спасения Божия.

Ведь куда нам обращаться, на кого взирать, к кому вздыхать в ожидании скорой помощи и утешения в горе? Поэтому нам совсем нетрудным показалось разлучение с братьями, наоборот, против всякого ожидания — успокоительным, так как мы тесно припали только к Богу, подобно тому, как преломленная труба гонит воду вверх. Поэтому мы готовы разлучиться и с братом Николаем, однако довольствуемся уже свершившимся. Мы ищем уже не своей воли, но Божия устроения, ибо Он, конечно, с наибольшей пользой устроил наше жилище.

Теперь при мне неотлучно часовой, сменяющийся каждую неделю, и один из привратников; при нем мы едим, поем, спим. Так мы проводим дни, как определил называющий Бог: в работе, чтении, отдыхе, по временам в случайных беседах, как друг с другом, так и с посещающими нас добрыми людьми, в том числе, конечно, и с монахами. Бог возбудил людей не только из этой местности, но и из сопредельной и более отдаленной, которые и утешают нас достаточно, телесно и духовно. Некоторые из них стали так единокорными с нами, что выразили готовность даже до смерти подвизаться за благочестие. Хотя мы недостойны и дышать, но благий Бог к сосланным ради

Него всегда внимателен, оберегает, промышляет, заботится в большей мере, чем можно было надеяться.

Так, через посредство ворона Он напичкал голодного Илию, равно и Даниила, перенес Аввакума по воздуху, также точно он оберегает и всякого другого из своих слуг. Вот поэтому, чадо, не скорбите о нас, смиренных, как будто мы покинуты. Ведь, когда я буду гонителями Христовыми разлучен с этим негодным телом, — при всем недостоинстве я готовлюсь и этому подвергнуться, — тогда я буду спасен, тогда буду принят в жизнь, тогда уже навеки я одержу победу над внутренним и внешним моим гонителем.

Поэтому, чадо мое, вместе со своими братьями горячо молись обо мне, чтобы я все всегда мыслил, говорил и делал как в присутствии Божиим; а я, со своей стороны, днем и ночью непрестанно со слезами молю Его о том же и для тебя, моего брата, любезного и единокровного более, чем прочие твои братья, — о том, чтобы мы все совершили и этот добрый подвиг благоугодно Господу, мужественно и мученически, так, чтобы наше настоящее не оказалось ниже прошлого. С этой целью потрудись и ты для братьев вместо меня, одних устно привлекая и утверждая, к другим обращаясь через посредство писем, и вообще отдай себя всецело на все, чего потребует нужда.

О необходимом для нашего тела не скорби; по Божию промышлению у нас в этом полное изобилие. Даже и книг не посылай, разве только, может быть, словарь и тетрадку со сделанными мною набросками проповеди, которую Ипатий отдал Каллисту для переписки. Как устроит Господь далее, опять сообщим. Через друзей мы и здесь достали несколько книг для чтения. Да воздаст тебе Бог благом за то, что ты послал брата к О. Но я опять написал ему, и если слу-

чится какая-нибудь оказия, перешли ему это письмо. Я очень беспокоюсь о двух братьях, что с ними; поэтому сообщи мне, где они находятся. Точно также и относительно девяти и десяти. Бог да покроет тебя, чадо, своей могучей рукой. Приветствуй соблюдающих в словах осторожность, особенно δ , λ и ι ¹.

CLXXII. ЕМУ ЖЕ

Ты, чадо, поспешил посетить наше смирение, но страсть нетерпелива: дни считает часами и годы временами. Итак, благодарю Бога моего за то, что, не взирая на мое недостоинство, вы так любите меня и заботитесь. Ты прислал доброго Адриана, чтобы вдохнуть в меня мужество и утешить, а это ведь не обошлось без труда, вследствие общения и разлучения его со спутниками. Благодарю вас и за это; я его удержал, и он живет здесь поблизости. Спутников брата Силуана я отпустил обратно, вследствие просьбы о них. *Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое* (Рим. 10, 15). Таковы эти люди, если кратко представить их свойства. А мы, смиренные, пользуемся по вашим молитвам телесным здоровьем, — о, если бы и душевным!

Все, что ты письменно сообщил и устно передал, я знал. Хотя я и грешник, но молюсь о том, чтобы еще более утвердился в непреклонной вере в истину всеотцы наши и братья, как монахи, так и все чада Церкви. Блажен, кто переносит много страданий за Христа и доводит свой подвиг до конца. Вот теперь время мученичества, побеждающему обещан от Бога венец. Радуйся же и подвизайся, добрый Навкратий, ибо са-

¹ См. I том, письмо XLI.

мое имя твое обозначает силу ума, будь всегда трезвенным, все совершая по воле Божией, *никому ни в чем не полагая преткновения, да будет служение твое беспорочным, но во всем являй себя, как слуга Божий* (2 Кор. 6, 3—4).

Как я оплакал слабость двух братьев, это показывает мое письмо к авве Афанасию с выражением благодарности. Пусть расторопный Силуан отправляется в путь, Господом хранимый, с письмами и от вас. Присланное мною слово пусть перепишут, чтобы оно хранилось и у других. Составить его я дерзнул из сильной ревности, если только оно не очень противно для читателей и не оскорбительно для Матери Господа; но упростите Ее смиростивиться надо мной. Целуй δ и ϕ^1 , целуй сожителей по келии, целуй тех, кто соблюдает тайну. Целуют тебя и мои все. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом твоим. Аминь.

CLXXIII. К ЛИТОИЮ СЫНУ

Из двух твоих писем, возлюбленное чадо, я узнал и на этот раз о твоём полном раскаянии и обращении, особенно о том, что ты отказался от общения со столичными и примкнул к эконому. Это внушило мне полную любовь к тебе, а особенно к Богу, ради Которого я люблю и любим, в Котором я и породил тебя, возлюбленный мой сын Литой. Так не впадай опять в прежнее, куда ты поскользнулся случайно, по моим грехам, *или бальзама нет в Галааде* (Иер. 8, 22)? Или отвращающийся не обратится? *Обратитесь ко Мне*, — зовет Бог. Победенный

¹ См. I том, письмо XLI.

воин, если возобновит битву, есть опять воин, точно также и кормчий. Ведь и впавши в смертный грех, мы умираем не тотчас, а продолжаем жить для покаяния, ибо неложен Сказавший: *живу Я, говорит Господь Бог, не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был* (Иез. 33, 11). Таким образом, после греховной смерти еще остается жизнь, но нет ее после отшествия отсюда, ибо как *овец, заключат их (неправедных) в преисподнюю*, — говорит об этом Писание (Пс. 48, 15). Поэтому, брат, *поклонимся и припадем, преклоним колени пред лицом Господа, Творца нашего* (Пс. 94, 6). *Близок Господь ко всем призывающим Его* (Пс. 144, 18).

Будь, чадо, в согласии с экономом, если слушаешься меня, ибо те, кто некогда удерживали тебя от ухода, не друзья, а враги и твои, и Божии. Прошу тебя, потрудись немного; положи начало привычке заботиться о спасении, ибо Господь придет в час, когда мы не ожидаем. Вспомни, чадо, как ты отрекся от земного, принял послушание, отвергся своей воли, вспомни о прочих твоих трудах и подвигах. Я, грешный, ручаюсь за твое спасение. Я породил тебя, я и исцелю, только ты стой, только сбрось с себя тяжесть малодушия, только будь внимателен к себе и не оставайся более один, если даже случится эконому не работать и не быть около тебя. Достаточно на этот раз; а затем, когда будет письмоносец, я непременно отвечу на твои письма. Сам Господь нашего спасения, исцеливший твое сердце, да возожжет в душе твоей свет, утешение, бодрость, трудолюбие, насколько возможно, и да спасет тебя в царстве Своем небесном. Молись обо мне, чадо мое, дабы и мне спастись. Братья твои приветствуют тебя.

CLXXIV. ЕМУ ЖЕ

Как рад я, смиренный, выслушав тебя, чадо, и опять приняв в сердце того, которого утратил было! Но благодарение Богу, соединившему нас! О, если бы я видел и твое лицо! Желал бы услышать живой твой голос. Так я люблю тебя и так рад твоему обращению. Поэтому не малодушествуй более, сын мой, а в благодушии шествуй о Господе душеспасительным путем, далеко отстраняя трудности и препятствия, нагроможденные на твоём пути противником спасения, и пролагая себе вход к Богу. Ведь он уже открыт, раз пали запоры греха. Укрепи свои духовные ноги, и я уверен, что, даже медленно двигаясь, ты будешь быстро шествовать и успеешь войти, куда стремишься. Вот уже предстоит и подвиг. Что же странного, если ты окажешься в числе мучеников? Да, чадо, Литойй, стой, спасайся, приобрети добрую славу. Очень хорошо, что препятствие, мешавшее тебе быть вместе с экономом, устранено. Что ты заключил союз с Протерием, — это признак смирения; а смирение есть противоядие для противоположного. Мир тебе и сила от Бога. Молись обо мне. Мои все целуют тебя.

CLXXV. К ПАТРИЦИИ ИРИНЕ

Мы должны непрестанно вспоминать тебя, честнейшую, независимо от того, пишем или нет, в виду не только твоих благодеяний, которые ты издавна оказывала нашему смирению, но и образа исповедничества за Христа. Мы причисляем тебя к тем, которые повсюду за Христа заключены и подвизаются. Разве и ты не подвергаешься гонению, разве не разлучена с

домом, родным городом, разве не заключена в тюрьму, разве не ожидаешь ежеминутно опасности? — Конечно, да, — и поэтому ты блаженна, ибо тебя ожидает царство небесное. Кто из исповедников не знает, что и ты вместе с ними исповедала свою веру? Куда не достигал слух, что в числе мучеников находится и женщина сенаторского сословия? Тебе удивились ряды монахов, восхвалили тебя собрания мирян. Мало того, даже чины Ангелов и святых возвеселились о тебе. Не подумай, что это я говорю для лести.

Смотри же, мученица Христова, как ты почтена, как возвышена. Возьми для примера грязь и золото. В такой же мере и даже еще большей, выше земного достоинства стоит ныне дарованное тебе Богом небесное достоинство — звание мученицы Христовой и исповедницы за истину. Поэтому тебе, утвержденной на недвижимом камне Православия, напоминаю ничуть не ослабевать в настойчивости, а тем более не склоняться к падению, смущаясь падением некоторых, монахов ли, или считающих себя за нечто, или вообще кого бы то ни было; ведь это — лжебратия, лжеапостолы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся (2 Тим. 3, 5). И раньше были увлечены очень многие, выдававшие себя за мудрых, казавшиеся архиереями и почитаемые, как святые. А воссияли в мире, как светила, лишь немногие, истинные мудрецы, проводившие жизнь в страхе Божию, — так как *начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10), — и не считавшие себя людьми высокого достоинства. Ведь люди смотрят на лицо, а Бог на сердце.

Еще прошу, закали себя углем божественной любви, чтобы пресечь всякое страстное влечение, ибо таким образом ты отразишь будущее нападение. И, ко-

нечно, уже не думай, что ты останешься вне искушения в слове и деле, ибо ненавидит тебя дьявол, смертельно пораженный тобой. «Вот и женщина сопротивляется мне,— говорит он,— и, вдобавок, замужня, да еще из знатных!» Вот как приблизительно он говорит: «Не потерплю, употреблю против нее еще много усилий, мужа, детей, все родство, прочих жен сенаторов, знакомых женщин, рабов и рабынь, состояние, кроме того, умиленные слезы, мольбы, обещания. Если здесь меня постигнет неудача, обращусь к другим средствам, прибегну к царским угрозам, к зависти однословных, которые скажут: “Вот еще, эта одна станет выше всех?!” Кто она и какая?» Они прибавят к этому порицания, издевательства, поругания, насмешки, иногда и оплевания, может быть, и заушения, да же раны, даже, наконец, смерть».

Смотри, сестра о Господе, не поддавайся. Это — язвы Христовы, это венцы небесные, делающие тебя достойной подражательницей мучениц Христовых. Разве и они не были подобны тебе по плоти, также благородны, также обеспечены? Разве и они не были духовным мечом отсечены от мужей? Так самое положение заставляет тебя, сестра и мать, быть готовой ко всему. Да не отравит тебя искуситель-дьявол чем-нибудь! Утверди и спаси многих собственным примером, чтобы ликовать тебе в небесном царстве Божи-ем. Молись обо мне. Целую о Господе твою отрасль и сподвижницу.

CLXXVI. К ИОАННУ, ЕПИСКОПУ САРДСКОМУ

Я до сих пор все никак не мог узнать, где бы могла быть заключена твоя святыня, отец. Поэтому я

терпеливо удерживал руку, к тому же не находя средств исполнить свое желание. А теперь, окрыленный надеждой достигнуть желаемого, я отправил это письмо и уверен, что не обманусь в своей надежде на Господа. Прошу, великий отец, Расскажи же, как ты сослан и куда, какая страна тебя приняла, кто живет в ней и кто поблизости; принадлежат ли и те, и другие к части избранных, или и те, и другие враждебны и сбились с пути?

Впрочем, ради Христа и трудное кажется легким, и печальное — радостным. Блажен ты, за истину изгнанный из родной церкви и сосланный далеко от родины! Блажен ты, ибо ради Христа подвергся издевательствам и побоям от нечестивых перед Каиафиным собором! Как и твои сподвижники, ты стал предметом позора вместе со Христом, силой Христа ты и оправдан. Если ты и не взошел на крест, ибо это было несвоевременно, то вышел с крестом на плечах, поруганный и осмеянный нечестивцами. За это и предстоит тебе на небе венец правды, сплетенный Ангелами. Продолжай же, вершина отцов, свои подвиги. Привлеки к ним и последующих; ведь все еще продолжается время мученичества для украшения Церкви Христовой. Со смущением решаюсь напомнить, так как издавна я получил от твоего крайнего смирения позволение говорить свободно, будь непреклонным в добром исповедании, за которое ты, как награду, получил почетные бесчестия и которое ты принес перед Богом и людьми. Подвизайся еще пострадать ради Христа за святую Его икону, ибо, как говорит Великий Василий, «ни держава между обоими не рассекается, ни слава не разделяется».

А христоропцы не только разделяют, но даже, бесчестно поступая, ради Одного отрекаются от дру-

гой, косвенно возвращаясь к иудейству и разрушая таинство домостроительства. Ведь если Христос не изображается подобно нам, то Он неопишем как бестелесный, тогда как все воплощенное описуемо. Как они оставили без внимания, что *Слово стало плотью* (Ин. 1, 14)? Или в чем можно видеть смысл воплощения, если бы Христос, как был до воплощения, так остался и по воплощении неопишем, т.е. неизобразим красками, подобно нам? Ведь должна же быть разница между двумя инородными предметами, как водой и огнем, материей и духом, сложностью и простотой и всем, что стоит в противоположных отношениях друг к другу. Такая же разница должна быть, конечно, между бесплотностью и плотностью, состоящая в том, что одно описуемо, а другое нет, поскольку Христос, Ходатай Бога и человеков, в единой Ипостаси сохраняет совершенными свойства обеих природ. Невещественный облекся в вещество; Простой стал сложным, Бесплотный воплотился, Необъемлемый и Неизобразимый стал во всем подобен нам. Но если Он не изображается, то никакой разницы не произошло, совсем не совершалось соединение противоположных природ, по Божьему благоволению и силе; а следовательно, не было и воплощения.

Итак, неправду утверждает говорящий: *Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16), и что, подобно нам, *Христос приобщился плоти и крови* (Евр. 2, 14). Так оказывается, что иконоборцы в своих верованиях впадают в иудейство и являются предтечами антихриста. Будем, отец, избегать их нечестия, как иудейства, не смущаясь ни перед страданиями, ни перед продолжительностью ереси, подражая святым, которые терпеливо и путем многих страданий унас-

ледовали Божественное обетование. Прости мне совершенно, священная глава, за то, что я сказал тебе, хотя ты и без того исполняешь свой долг, а вместе с этим прошу тебя, усиленно молись о том, чтобы мне пройти эту жизнь, ни словом, ни делом не впадая в грех, и чтобы смерть была для меня во отпущение грехов.

CLXXVII. К ПЕТРУ, ЕПИСКОПУ НИКЕЙСКОМУ

Твоя святыня повелевает мне писать тебе и делать это прилежно. Зачем это, спрашиваю тебя, преподобнейший, и ради какой причины? — Конечно, из желания завязать дружбу и привлечь к любви, ибо этот дар Бог тебе отпустил в наибольшей мере. Как нижайший сын, подчиняюсь отеческому приказанию. Но что могу сказать я, ничтожный, в пользу тому, кто оказывает помощь многим и кто ныне на самом деле страдает за истину, как за самое высшее благо? Ты, как солнце, воссиял в ночной еретической борьбе, ты воздвигнут, как столп в церкви, поддерживающий колеблющихся. Прошу тебя, Петр, соименный с великим Петром, в это потрясение от нечестия будь неподвижным камнем, чтобы и мы, открытые для нападений, могли на тебя опереться. Совершай путь своего исповедания; конечно, это не без труда, но ведь за то же и обещаются венцы. Если здесь на земле возницы венчаются, обойдя ристалище семь раз, что же удивительного, если истинный Подвигоположник Христос для текущих небесным путем удлинит время, как это обыкновенно и делается? Мне, неразумному, кажется, это будет с той целью, чтобы испытать и усилить готовность текущих, а также нака-

зять безумие преследующих. Это тебе, блаженный, от меня в ответ на убеждения, а с меня было бы достаточно святых твоих молитв, хотя я и не получаю от тебя писем.

CLXXVIII. К ИГУМЕНУ МАКАРИЮ

Я рад письменно беседовать со всяким благочестивым, тем более с таким и столь великим отцом, уделяющим мне так много любви, молитва которого для меня так же желанна, как дождь для поля. Действительно, преподобнейший мой, я всегда в виду своей неустроенности и подверженности нападениям имею нужду в твоих молитвах, чтобы пережить и невидимое гонение, и видимое. Признаки его ты видишь: волнения, казни, которые, если и не сопровождаются чувственным кровопролитием, то из зависти, чтобы страдальцы не оказались мучениками, хотя Бог судит о делах не по мнению мучителей, а по голосу правды. Ведь последовательные притеснения и гонения и в самом деле приводят к пролитию крови. Когда, по Писанию, терпят голод, жажду, изгнания и заключения, закованы по ногам и рассажены по одному, подвергаются лишению имущества и преследованиям, живут в ненаселенных местностях, горах и вертепах (Евр. 11, 38), не говоря уже о пролитии крови при бичеваниях, разве это не мученические подвиги? Сколь многие сподобились венцов! Очами ума оглянись вокруг себя, блаженнейший, и посмотри на все и на отдаленнейшее, и из собственного подвига удостоверись в истинности моих слов. Но постоянно побеждай, трелюбезный, каковы бы ни были наступающие и будущие события, чтобы ты стал главой монашеского чина и вся Христова Церковь признала в

тебе венценосца за исповедничество, а мы, нижайшие, получили почетное украшение.

CLXXIX. ДРУГУ ОТ ДРУГА

Вполне своевременно написать тебе и вспомнить о твоей прекрасной любви, и это не как дар, а по долгу, не только за снисходительность, с которой ты относишься к нам (услышав о ней, кто не подивится исполнению известной заповеди — ты готов *душу свою положить за друзей своих* (Ин. 15, 13)), но и за доброе твое обращение. Как миру свойственно благоухание, так и твоей честности — милость и любезность, и это не пустое слово. Кто, увидев тебя, не испытывал удовольствия? Кто, прикоснувшись к тебе, не был поражен дружбой? Я узнал, что ты одним лишь слухом привлек некоего к себе так, что он желает породниться с тобой. Еще более удивительно, что, как говорят, он выбрал тебя в зятя себе, так как, будучи сам богат, совершенно не требовал этого от тебя. И справедливо. Ведь облеченный в добродетель богаче всех, как, по рассказам, сказал это и Одиссей, спасшись нагим от кораблекрушения.

Как видишь, я не ошибаюсь в суждении о прошлом. Узнав, что тебя возводят на должность комита, я не сильно обрадовался, ибо для твоего благочестия и разносторонности заведование турмой — небольшая честь. А тому, что ты уезжаешь далеко, я опечалился. Впрочем, на крыльях письма можно перелетать и входить во взаимное общение. Так сохрани же, добрый сын, если только тебе не тягостно слушать, сокровище православной веры и общения. Поминай меня так же непрестанно, как и я — тебя, и всегда спасайся о Господе.

CLXXX. СЕСТРАМ ИРИНЕ И КАЛЕ

Благодарение Утешителю Богу за то, что ваша честная двоица утешилась от братской скорби. Об этом сообщил нам письмоносец, доставивший нам ваши посылки. Когда мы их увидели, нам казалось, что мы видим и беседуем с самим покойным. Теперь они служат для нас постоянным напоминанием о нем. Да упокоит Бог и его со святыми, часть которых он избрал себе еще при жизни. Да наградит Он и вас за труды и благотворения в память брата в подлинном смысле, — за то, что вы посылаете ему его долю и по смерти, хотя он еще при жизни приготовил себе неприкосновенное наследие. Но зачем и говорить об этом, если и вы избрали ту же девственную жизнь, ничего не уступаете миру, а все складываете в сокровище у Бога, ибо остаетесь верны и православию. Да будет благословенна ваша троица. Благословенна и чета, произведшая вас на свет. Прекрасно ваше настроение, блаженно действие. Молитесь обо мне, святые женщины.

CLXXXI. К ИПАТУ СЕРГИЮ, ДВОЮРОДНОМУ БРАТУ

Я вспоминаю о твоей любви, ближний мой родственник, не только тогда, когда пишу, а всегда, поминая твое имя в своей грешной молитве, — не лгу. Ведь я люблю тебя, не только как родственника, но и как единомышленника, более всякого другого родственника близкого моему смирению, а также и за то, что ты любишь со мной беседовать, как и сам можешь догадываться, ибо каждый имеет в себе зеркало, где отражается любовь его к ближнему.

Как тебе известно, нас разлучили нынешние обстоятельства, но как я молюсь о том, чтобы ты остался неприкосновенным и чуждым христорборной ереси, так и ты, любезнейший, молись, чтобы и я, грешный, остался неповрежденным во всех отношениях. Как тебе представляются дела в Византии? Осталось ли там православное семя, или же *все уклонились* (Пс. 13, 3)? Плакивает ли кто-либо падение, или и теперь царит бесчувственное равнодушие так же, как у современников Ноевых, которых потопил дождь небесный? Также падшие, хоть из числа назореев, оплакивают ли свое падение, или же, как ни в чем не бывало, купаются в волнах ереси? Наконец, как поживает наш Максиминит?¹ Сообщи мне об этом, сохраняя неприкосновенным сокровище веры, дабы нам хотя бы только это представить Богу в чистоте.

CLXXXII. К КЛИРИКУ ГРИГОРИЮ

Радуйся, воин Христа, ты подвергся изгнанию за Него! После того, как, подобно золоту, ты был расплавлен и очищен бичеванием, темницей, мучением, заплевыванием, что следовало одно за другим и чего подробно перечислить и невозможно, ты, как венца, удостоился славы изгнанничества. Для острова ты — дар Православия; родина гордится силой твоего мужества. О, чудо, из всего столичного клира ты один — жертва Богу! Где пресвитерство, где подчиненные ступени? О, погибель, все повинуются течению времени, этому миру, все — дети плоти, дети страха, — все, кроме священного Григория, священника Христова. Я

¹ Монах Максимин, виновный в общении с иконоборцами. См I том, письмо CLIV.

называю твое имя, и оно как будто напоминает мне какое-то божественное слово. Ты принадлежишь к числу великих Григориев за то, что по смыслу своего имени бодрствуешь над божественным и ради Бога перенес труды и изнеможение, я прибавил бы, и изливание крови. Радуйтесь, апостолы Господни, радуйся, божественный и прекрасный храм!¹ От вас вышел глашатай истины; вы породили мужественного человека, своего священника. Радуйтесь, мученики Христовы, в честь которых красноречивый язык очень часто пел всенощную. Добродетель его общеизвестна, знания удивительны, а сладкогласие привлекательно. Ты же, таинник мой, и здесь поведай то, чему следует учить, наставь невежд, просвети темных, ради которых Бог определил тебе изгнание. Есть ли кому поддерживать тебя в телесных нуждах, или ради Христа ты лишен всего? Впрочем, Христос для тебя дом, Помощник и Увенчатель. О, не переставай молиться о том, чтобы и я был сохранен целым и невредимым от вечно рыкающего льва.

CLXXXIII. К АНАТОЛИЮ ЧАДУ

Всякий раз, когда я получаю от вас письма, я радуюсь, чада любезные и желанные; слышу ваш голос — и наслаждаюсь, умственно созерцаю ваше лицо — и веселюсь. Могу ли когда-нибудь забыть вас, мою душу, мои члены? Еще более радуюсь, когда слышу и узнаю, что вы пребываете вместе неразлучными так же, как еще при мне соединились о Господе. Это есть следствие прежде всего твоей обходительности, лю-

¹ Вероятно, св. отец говорит о константинопольском храме св. Апостолов, к клиру которого принадлежал Григорий.

безное мое чадо Анатолий, свет умных очей моих, а затем и того, что ты, доброе чадо мое Савватий, охотно ради Господа подчиняешься своему брату по апостольской заповеди. Ведь Господь, посылая по двое своих учеников на проповедь, из двух одного подчинил другому. С другой стороны, *и духи пророческие послушны пророкам* (1 Кор. 14, 32). Это наилучший закон, совершеннейшая жизнь. Посему будьте верны этому, любезные, проводя день за днем с настойчивостью и терпением. Ведь, благодаря им, святые получили обетования, ибо Писание говорит: *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22).

Наблюдайте, чтобы не произошло ничего противного заповеди, ничего губительного не было совершено по дерзости, ничего — по душевному равнодушию. Ведь вы знаете, братья мои, что против нас идет беспощадная война со стороны врага, всегда желающего каким бы то ни было образом нас свергнуть, погубить, проглотить. Но да не даст ему Господь власти над нами, если только мы бодрствуем, внимательны к себе, если только Его святой страх пригвождает плоть нашу и подавляет по временам ее волнение и возбуждение. Все это признаки войны, *ибо плоть желает противного духу*, как говорит апостол (Гал. 5, 17), *а дух — противного плоти*. Поэтому мы должны творить угодное не нам, а Духу. Христос да поможет нам в том, чем мы по заповеди должны победить сатану, как в отношении деятельности, так и веры, борьба за которую достигла теперь высшего напряжения. Смотрите, чада, *не бойтесь убивающих тело* (Мф. 10, 28). Теперь время мученичества, прошу вас, будем сносить все ради Христа, чтобы получить венцы. Молитесь обо мне, грешном, чтобы мне вполне спастись. Приветствуйте ваших сожителей,

особенно брата Симона, если он с вами. Мое братство весьма много вас приветствует. Господь да будет с вами.

CLXXXIV. К СИМЕОНУ ЧАДУ

Я не тогда лишь вспоминаю о тебе, любезное чадо, когда пишу, ибо в этом не было бы ничего особенного, но добрую память всегда творю о тебе и о живущем с тобой сыне моем, авве Антонии, молясь, чтобы оба вы, как две незасоренные зеницы ока, были сохранены в вере и любви к Иисусу Христу, Господу нашему. В еще большей мере я хвалю твою рассудительность, чадо мое, за то, что ты бегством удалился со своей родины и стал пресельником на чужбине. Разве пребывание на месте в чем-нибудь помогло живущему на покое Даниилу? И поэтому я опечален, что действительно незаконно и на соблазн другим старший брат со своими спутниками остается на месте. А ты, настроенный божественно, хорошо по сей день странствовал и продолжаешь. И Господь *да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его* (Евр. 13, 21).

Окажите по мере сил, письмом ли, или лично, помощь братьям вашим, нехорошо живущим, как упомянутому, так и всем тамошним. Я говорю это, имея в виду Феону и плотника Феофила, ибо узнал, что один совершенно ослабел, а другой остается с сестрой. Последнему я уже писал, и теперь ради любви Божией потрудитесь сходить к нему, вручить и прочесть ему письмо, которое и вложено в это ваше письмо. И, может быть, Бог, видя ваш труд, благоустроит их жизнь. А к Феоне я пока не писал, опасаясь предательства с его стороны. Но прошу тебя, узнай и

относительно него, о степени его твердости, или лично, или через письмо, прибавив: «Наш отец сильно печалится, слыша о тебе недобрые вести, напиши, а я бы мог переслать твое письмо к нему, и он ответит тебе». Может быть, таким образом обратится и напишет, или, по крайней мере, мы будем определенно знать о его отступлении. Да, чада мои, прошу, потрудитесь в этом деле. А Бог отца моего да прославит вас, как столпы и утверждения Своей Церкви, чтобы вы претерпели не только печаль изгнания, но и подвиги ради Него даже до крови. Молитесь о нашем смирении, чтобы нам получить совершенное спасение. Живущие со мной ваши братья с любовью вас целуют. Благодать да будет с вами. Аминь.

CLXXXV. К ФЕОФИЛУ СЫНУ

Брат Феофил, будь здоров. Что я слышал о тебе, любезный мой сын? Ты был верным моим чадом, благочестивее многих своих братьев, с самого начала был добрым примером для всех плотников, более, чем другие, горячим защитником благочестия и пламенным ревнителем Бога. Да и зачем распространяться? Ты должен был и по имени быть светом для живущих и солью для утративших силу! А ты предпочел жить с сестрой-мирянкой! Ты поселился в мирской деревне, шествуешь на позор евангельскому образу, нарушаешь божественные законы, ты пятнаешь похвальное наше братство! Тогда как многие из твоих братьев заключены по одному, другие биты и сосланы, иные ютятся, где придется, — в пустынях, на горах, в тайных местах (как благий Бог открыл каждому дверь спасения), ты один живешь вопреки воле Бога, призвавшего и спасшего тебя!

О, ужас для смиренной моей души! Какое презрение к суду Божию! Я не могу вынести, Господи мой, Господи, я не стерплю внутренней боли! Я говорю, сердце мое объято пламенем! Мой сын вместо света стал тьмой, вместо славы бесчестьем, вместо похвалы порицанием, вместо пользы соблазном. Слушай, брат, что сказал Господь о тебе: *лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской*, чем соблазнить одного из братьев своих (Мф. 18, 6). А ты, вводя всех в соблазн, торжествуешь! Горе мне, несчастному, как ты, брат, этого не чувствуешь? Когда получишь это письмо от своих братьев, сжался надо мной, чадо мое, решительно удались, отойди от проклятия Господня, от вечного горя; соединишься с братом своим, чтобы с тобой примирился Христос, чтобы прекратить скорбь мою, чтобы разрушить соблазн от сатаны, с которым ты сдружился. Не оказывай непослушания Богу, ибо Бог наш есть *огнь поядающий* (Втор. 4, 24). Вот что сказал Василий Великий некоему, подобно тебе жившему с женщиной: «Будь анафема во всяком народе, а принимающие тебя да будут отлучены». Ни словесно, ни мысленно это да не будет приложимо к тебе, чадо мое Феофил.

CLXXXVI. ЧАДУ ВИССАРИОНУ

Узнав, что с места, где был раньше, ты перешел сюда и примкнул к эконому, ища доброго строя жизни, я прославил, чадо, благого моего Бога и забыл печаль. Раньше я немало жалел, что ты оставался там, вопреки заповеди, не присоединившись ни к кому во время гонения и наших бедствий за истинное испове-

дание, хотя ты принадлежишь к числу видных и мог бы оказывать помощь словом и делом. Однако, это случилось, и Бог да простит тебе. Но теперь, чадо любезное, веди себя благопристойно, чтобы свою лесть загладить оказанием помощи своим братьям и другим, будучи твердым до смерти и не предавая Христа. Не оставайся один, но будь с кем-нибудь или даже со многими, но во всяком случае с избранным, кто бы он ни был. Определенно я не могу указать тебе лица. Непрестанно поминай меня. Братья твои приветствуют тебя.

CLXXXVII. ЧАДУ ЛАВРЕНТИУ

Как велика должна быть оказанная тобой любезность, чадо, если эконом просит меня вместо него выразить тебе благодарность?! И, конечно, не за него только, но и от самого себя я пишу, хвалю и прошу тебя, ибо ты поистине верный сын, отцелюбивый и братолюбивый, доказывающий это самими делами. Ведь раньше тебя кто посетил здесь меня, грешного? Кто смотрел за экономом и явил деятельное расположение любви? А ведь он — первый в братии, и оказывающий ему что-нибудь оказывает это мне. Это не значит, что вы все не дети мои, — нет, но что он наиболее заслуживает почета, по праву представляя лицо моего смирения. Благословен ты, сын мой желанный, и благословенны твоя покорность и послушание. Молись о совершенном спасении моем. Приветствуй от меня брата моего и любезного сына Дионисия и, если кто может соблюсти тайну моих чад, приветствуй и его. Прошу тебя, если Аркадий пребывает не с вами, от моего лица возьми его и спаси. За это ты получишь награду.

CLXXXVIII. К ИГУМЕНУ АФАНАСИЮ

И это твое письмо божественно: оно обрадовало нас, смиренных, известием о твоем здравии и мужестве, но опечалило нас похвалами и прославлениями, которыми ты почтил нас, тогда как мы порочны и бесчестны и не сделали за всю свою жизнь ничего хорошего. Святые говорят это из скромности, а я, грешный, из чувства правды. Но дружелюбие твоей отеческой святости приписывает нам небывалые достоинства, конечно, для того, чтобы сделать нас лучшими, ибо часто и похвала приносит пользу.

Итак, слава благому Богу, что ты благодушно переносишь свои узы и темницу, благородный воин Христов. Своими честными словами ты далеко распространяешь, как будто стрелами разбрасываешь, свою божественную готовность и любовь. А что самое лучшее, делаешь это с полным знанием и возвышенным взглядом, который ты усвоил благодаря своей ссылке отсюда и восхождению на высоту Христова исповедничества. В ней да будешь соблюден в целостности, издали, как утренняя звезда, сияя для борющихся в еретической ночи, или даже как столп и утверждение истины, утверждая слабых и падающих и, наконец, как высокая мышца, протягивая руку помощи к павшим и поскользнувшимся. Это нам открыло письмо к фотинудскому игумену. Ты хорошо поступил. О, если бы что-нибудь из этого вышло! Но, во всяком случае, ты исполнил свой долг. При этом нужно иметь в виду, что эта попытка может оказаться и совершенно бесполезной, и даже вредной, если получивший письмо станет говорить о нем. А если возникнут отсюда волнения, то они коснутся и всех исповедников Христовых. *Все испытывайте,* — говорит

апостол, — *хорошего держитесь* (1 Фес. 5, 21). В заключение не забывай, любезный мой и тезоименный многовенчанному¹, беспрестанно молиться о моем смирении, чтобы и по внутреннему, и по внешнему человеку я был спасен от сетей дьявола.

CLXXXIX. ИГУМЕНУ ПАНАГРСКОМУ

Любовь истинная требовательна, так как и местом не ограничивается, и во время испытания не угасает, в противоположность любящим поверхностно и по плоти, которые в затруднительных случаях удаляются от любимых лиц и даже становятся их врагами. Не таковы мы, смиренные, хотя во всем прочем по грехам достойны сожаления. Наоборот, мы привыкли, особенно во время гонения, напрягать силу любви. Поэтому мы, хотя и разделены большим расстоянием и к тому же заключены в тюрьму, не могли не исполнить долга любви и письмами не посетить преподобия вашего, честнейшие отцы.

Мы узнали, что вы оставили монастырь и скрываетесь в горах, во исполнение заповеди, повелевающей это из-за христорборных гонителей. И блаженны вы, все оставившие ради Христа и, по апостольскому выражению, *в горах скитающиеся и в вертепах и в пропастях земных* (Евр. 11, 38). Правда такая жизнь трудна для плоти, но, братия, она дает вечную жизнь, она подобна житию святых. Ибо кто от века оказался благоугодившим Богу, не подвергшись искушению? И апостол это свидетельствует, говоря: *Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут*

¹ Свт. Афанасию Александрийскому

преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь (2 Тим. 3, 12–13).

Таковы теперешние еретики, преследующие, всякими мерами во всех городах и странах уничтожающие Христа в Его святой иконе со святой Его Матерью и всеми святыми. «Сущность образа состоит в том, что он есть подражание первообразу, образом которого называется», — говорит Григорий Богослов. А Василий Великий говорит так: «Честь образа восходит к первообразу». Теперь не время говорить пространно, ибо и вы тщательно осведомлены в истине и, с другой стороны, вопрос выходит за пределы письма. Так, прошу вас, святые отцы, сохраняйте исповедание веры до конца неизменным и не ослабевайте в виду поползновения лжебратий, впавших в безумное заблуждение, ведь они коварно были вовлечены в общение против Христа, но молитесь о том, чтобы и мы, грешные, совершили лежащий нам подвиг во Христе, препоясывающем и слабых силой.

СХС. ЧАДУ ПАРФЕНИЮ

О, добрый Парфений, Божий воин, родное мое чадо! И ты — в числе подвижников за Христа, и ты — защитник Православия, малый возрастом, великий благодушием! Иди сюда, скажи мне, сын мой желанный, как ты решился пострадать за Христа, как, наравне с пожилыми, вынес бичевания ты, юноша Христов, цветок по внешности, агнец разумом. Слава укрепившему тебя Богу! Хвала Христу, избравшему тебя одного из десятичленного твоего братства и явившему тебя звездой благочестия! Как говорят, ты подвизался до моего дела и уже прославляешься как слы-

шавшими, так и не слышавшими. Я подчинил тебя первому, и ты оказался в добродетели из первых первейшим. Радуйся, сын мой, хвали Бога, возвеличившего тебя, и Он возвеличит тебя еще более, если доведешь свой подвиг до конца!

Поэтому прошу и увещаю тебя, стой и укрепляйся в терпении, помня о своих хорошо совершенных подвигах. *Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит* (Евр. 10, 37). Какую радость ты получишь во время разрешения от тела, а может быть и до разлучения? Чадо, будь внимателен к себе, ибо тиран дьявол всегда раздражает внутренние наши страсти. Подвизайся по совести и не спотыкайся о грехе. Бодрствуй непрестанно каждый день и наступивший всегда считай последним днем своей жизни, чтобы таким образом в страхе и трепете благоугодить Богу. Занимай себя то рукоделием, то псалмопением, то молитвой или чем-либо другим для препровождения дня. Да, чадо мое, сделай мою радость полной, чтобы, слыша о тебе, я радовался и величался. Молись обо мне, смиренном отце своем. Целуют тебя братья твои, которые со мною.

СХСІ. ЧАДУ ИГИСИМУ

Не напрасно, чадо Игисим, я считаю тебя исповедником Христовым, ибо ты хорошо вместе со своими братьями введен в подвиг спасения. Ты обнажен со Христом, подвергнут вместе с ним бичеванию, уподобился Ему и наследуешь славу Его. Неужели не радуешься, не веселишься? — Как многочисленны твои братья, и лишь ты с девятью сподобился венца. Как это случилось с тобой, чадо? Прославь, воспой, восхвали туне возвеличившего тебя Господа. Смотри,

не падай назад, ревностно работая Ему в исполнении всякой заповеди. Ведь мученичество продолжается, доколе не придет смерть. Не воздремли душой, работай руками, пой духом, пой и умом, очисти ум свой от волнующих сердце твое лукавых помышлений, радуйся в надежде, будь терпелив в горести, вспоминай об исходе, помни о дне страшного воздаяния, будь готов, если окажется нужным, и опять подвергнуться бичеваниям, и даже принять смерть за Христа, чтобы иметь возможность с радостью говорить: *За Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание* (Пс. 43, 23). Молись и обо мне, грешном, чтобы я достиг полного спасения. Приветствуют тебя братья твои, которые со мною. Благодать с тобою. Аминь.

СХСII. ЧАДУ СТЕФАНУ

Милость тебе, брат Стефан, чадо мое возлюбленное, подвижник Христов! Приветствую тебя от сердца, посещаю тебя через письмо. Прекрасны твой подвиг ради Христа и изгнание. Ты решил подвергнуться ранам, чтобы уподобиться страданиям Христовым, увенчаться, по смыслу своего имени, мученичеством за Христа, *ибо велика твоя награда на небесах* (Мф. 5, 12). Но так как теперь продолжается борьба, то необходимо терпение, чтобы таким образом тебе вполне получить обетование Божие. Будь готов к возможности опять подвергнуться бичеванию и даже принять мученическую смерть. И кто достоин подвергнуться этому? Я знаю твои монастырские труды, подвижнические и близкие к мученическим; знаю готовность и горячность сердца твоего, которыми ты и был подвигнут на поприще мученичества за

Христа. Крепись, мужайся в терпении, чтобы ликовать с исповедниками и мучениками.

О соблюдении души в чистоте излишне и писать тебе, ибо я знаю твою осторожность, решительность, трезвенность и бдительность. Оставайся таким, дабы твое преуспевание прославлялось. Помни о дне смерти и никогда не будь нерадив. Молись и усиленно молись о моем смирении, чтобы я достиг полного спасения. Много целуют тебя братья твои, которые со мною. Благодать с тобою. Аминь.

СХСIII. ЧАДУ ЕФРЕМУ

Радуйся, чадо Ефрем, добрый воин Христов. Как ты поживаешь? Как изгнание твое? Как ты переносишь его? Благодарить ли Бога за то, что сподобился перенести за Его имя все то, чему подвергся? Прославляешь ли Его и восхваляешь ли за то, что для всего братства ты стал одним из десяти, вторым подвергшись бичеванию и первенствуя в монашестве? Воспеваешь ли Его и любишь ли за то, что Он узрел твою кровь, пролитую на земле, и плоть, истерзанную за святую Его икону? Благодарение Господу, брат мой, призвавшему вместе с прочими и тебя к исповеданию Его! Ты воссиял в среде братьев, правильнее, в Церкви Божией. Посмотри же на свое призвание, посмотри на свою славу, как низко ты стоял и до какой степени возвысил тебя Христос. Сопоставь свои силы с тем, что ты получил, и дай славу благому Богу, ибо *поминовение зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего* (Рим. 9, 16).

Стой же еще, чадо мое, вынося борьбу внутренних своих помышлений. Это — великая война и не перестанет до конца жизни. Как ты победил во внешних

делах, приняв раны и заключения, так мужайся и на невидимых своих врагов, злейших, чем телесные тираны, чтобы в награду получить венец. Борьба еще предстоит. Не унывай, сколько Бог ни попустит или ни благоволит воздвигнуть на тебя; пусть никто, даже Ангел, не убедит тебя думать иначе, вопреки полученной от Бога заповеди почитать святые иконы Христа и Всесвятой Богородицы. И да будет наградой твоему сердцу мир от Бога со всяким терпением и утешением. Молись обо мне, смиренном, чтобы мне спастись. Приветствуют тебя братья, которые со мною. Благодать с тобою. Аминь.

СХСІV. ИГУМЕНУ ЕПИФАНИУ

С тех пор, как я узнал, что твоя святыня из одной темницы ради Господа переведена в нынешнюю, я до сего времени не мог написать тебе, хотя имел сильное желание. А когда я определенно узнал, что ты — никеец и по месту жительства, и по образу действий¹, то быстро и ревностно взялся за письмо, которым обнимаю и целую тебя, священную главу, радуясь и поздравляя.

И как не радоваться тому, что делается с нами, ибо за Радость, Которую родила Богородица, каждый из нас или в изгнании, или в темнице?! И я, недостойный, осмеливаюсь причислить себя к исповедникам за Христа, за Которого и ради Которого мы удостоились страданий. Наши обстоятельства, о, муж желаний (Дан. 10, 11), достойны радости, веселья, торжества. Не слышишь ли, что говорит Павел: *ныне радуюсь во страданиях моих за вас, и воспол-*

¹ Т. е. иконопочитатель, сторонник седьмого Вселенского Никейского собора

няю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь (Кол. 1, 24). За нее же и теперь мы терпим страдания, горести, стеснения, преследования, побои и все другое, в знак погибели иудействующих и как плату за спасение тех, кто вместе с нами подвергается Христовым ранам.

Но довольно об этом. Многочисленна ли и какова стража и ее начальник? Может быть, в числе их есть кто-нибудь из благочестивых, хотя бы по-никодимовски, из монахов, ставших воинами и мирянами, или все они уклонились и неключимы? Каковы твои видения, ибо ты, будучи чистым, получаешь от Бога ясные откровения? Склоняется ли Христос на мольбу о наказании еретического волнения? Или еще откладывает наказание для того, чтобы испытать любовь к Нему одних и исчерпать всю злобу других и справедливо ее покарать? Сообщи мне обо всем этом и особенно своими молитвами утверди меня быть непоколебимым перед нападениями как внутренних страстей, так и внешних искушений, — меня, хотя и грешного, но любящего и почитающего тебя.

СХСV. НАВКРАТИЮ ЧАДУ

Кто заранее предвидит, что услышит печальное, не теряется при получении плохих известий. Поэтому, чадо, нас не поразили новости в твоих письмах. Правда, они в высшей степени грустны, — можно ли отрицать это? Ведь все еще разрушаются священные Божии храмы, и еще сильнее неистовствует извне и внутри гонение на благочестивых. Однако, каждой душе предстоит быть испытанной и каждому месту — просеяну, чтобы от соломы отделилось зерно, хотя и в очень небольшом количестве, так как *мало избранных*, — ска-

зал Господь (Мф. 20, 16). Немало нас огорчило падение Димитриадского епископа; впрочем, Писание говорит: *прежде смерти не называй никого блаженным* (Сир. 11, 28). Что мы вынесли? — Ведь мы в борьбе с нечестием еще не противостояли до смерти и, по апостольскому выражению, еще не *получили обетования* (Евр. 11, 33). Я мучаюсь в заботе о захваченных одновременно братьях. Каков будет исход их дела? Впрочем, как кузнецы привыкли к ударам молотом, так и мы привыкли не смущаться от печальных известий о несчастьях. Поэтому, насколько я, грешный, могу, молюсь о том, чтобы они благоугодили Богу. Ведь борьба идет за Христа, и это я не считаю за что-либо малое, как некоторые неразумные — дело о прелюбодеянии¹. Ныне Христа открыто отвергают с Матерью и слугами Его.

О, мужи, о, воины Христовы, стойте твердо. Возьмите крепкое оружие, которым Павел повелел нам вооружиться для разрушения твердынь дьявола (Еф. 6, 11). Вот война, вот победа, ибо Христос — Помощник. Вот неувядающие венцы правды, вот рай, вот царство небесное. Ангелы взирают, принимают участие в нашей борьбе с врагами. Святые сподобствуют, смотря с неба на нашу борьбу. Не станем уклоняться, добрые сподвижники, не станем избегать темницы и злключения, или даже казни. Не посрамям Христа своим поражением, да не будет. Не посрамям Ангелов, наших сподвижников. Не опечалим бывших раньше победителей из нашего братства. Теперь идет борьба первой очереди, награда за которую велика, как вы знаете по земным состязаниям. Но

¹ Императора Константина VI, незаконно женившегося на Феодоте

нам хорошо быть хотя бы и во второй. Если же мы собьемся и с нее, то достаточно бы получить хоть четвертую награду — ветвь, лишь бы не быть посрамленными на Страшном Суде Христовом, уже навсегда лишившись возможности возобновить борьбу. Да, умоляю вас, постараемся победить. Так как нынешнее время и есть время борьбы, то как мне, смиренному, не радоваться, получив опять известие, что почившие братья наши победили, пожив по правде.

Я очень обрадовался по поводу игумена мидийского, что он прекрасно возобновил борьбу, и по поводу изгнания епископа Никейского, молитвами которого да буду и я, непотребный, утвержден. Если к вам внезапно придут иконоборцы, то сами не открывайте им дверей. Если же они по своей привычке делают это разбойнически, то вы невиновны. Не делайте уступок, но будьте тверды до гонения или взятия под стражу. Пагуба на голову им! Не покидайте храма, пения и Литургии. Но если те осквернят его своей нечистотой, то есть литургией, то не знаю...

Бог простит тебя за все, в чем ты просил прощения. Так как у меня нет спутников, то обоих писемосцев я взял к себе совсем, на служение слову истины, которое будет заключаться в том, чтобы разъезжать по всем странам и благовествовать братьям спасение. О, если бы мы нашли и еще мужей силы, которые бы обходили землю и море! Теперь я здесь, а на будущее время не знаю, где и как устроит Господь не только наши дела, но и твои, и архиепископа, и всех вообще подвижающихся братьев. Ввиду того, как ты писал, что кто-то заточен и в Фессалонике, нам следует разослать во все места письма и братьев. Так угодно Христу, таков наш долг заботы. И о, если бы Господь помог нам таким образом открыть двери в

этой земной темнице! Ведь это для Него дело не невозможное. Если кто отправляется с целью помочь находящимся в Фессалонике, то мы готовы совершить угодное Богу, и Он окажет нам помощь. Если даже все мы попадем под стражу, то Он из камней может воздвигнуть служителей. Поэтому не будем падать духом, но веровать.

Я дерзнул составить похвальное слово Иоанну Богослову и несколько глав против иконоборцев¹: первое, как долг, побуждаемый братьями; второе, как мысли, волнующие мой ум. Хорошее в них — по молитвам вашим и пастыря, а гнилое — по моим грехам. Поэтому, переписав, сохраняйте их до времени, когда, может быть, посетят вас посланные от аввы Иоанна. Приветствуют тебя братья. Целую твоих спутников, а именно δ, ω² и тебя, чадо мое желанное Литойй. Благодать со всеми вами.

СХСVІ. ЧАДУ ТИФОИЮ

Небольшое твое послание, чадо, выражает большую скорбь. Признаю, что огорчил тебя, сын мой, но ненамеренно и из чувства сострадания к тебе, чтобы ты знал, что у тебя есть отец, хотя и грешный, но чадолюбивый. Ведь, только из большой любви, какую я питаю к тебе, из желания, чтобы ты приближался к совершенству и не имел никаких недостатков, я и поразил, огорчил, укорил, сильно вознегодовал на тебя, чтобы сделать тебя таким, как это требует православная истина. И по милости Христа я нашел, что ты искусился в горести, как в огне, и стал для меня дороже

¹ Творения св. Феодора Студита. Т. 1. Стр. 222 и д.

² См. I том, письмо XLІ.

золота, ибо оправдался, умилился, стал немногословным. Ведь когда наказываемый немного говорит в свою защиту, то это знак большого смирения и добродетели. Видишь, чадо, как посредством наказания я открыл в тебе сокровище добродетели и открыто показал это твоим братьям, чего они до сих пор и не знали, а теперь совершенно изменили о тебе свое мнение. Таким образом, ты должен принести мне даже благодарность за то, что я возвысил твою славу. Огорчение, которое я причинил тебе против воли, ты превратил в великую для меня радость. Своей горячей дружбой, Бог — свидетель, ты еще сильнее уязвил мое сердце. Поэтому я не раскаиваюсь за свои удары, ибо открыл источник любви. Поэтому не следует пренебрегать апостольским законом: *обличи, умоли, запрети во время и не во время* (2 Тим. 4, 2).

Итак, чадо мое желанное, прошлое мое письмо привело к вполне хорошим последствиям. Я знаю, что ты любишь меня, как и я тебя; знаю, что если бы возможно было, ты и глаза свои, вынув, дал мне, как и я тебе (Гал. 4, 15). Благодарение Богу, так устроившему! Тверже держись, чадо мое желанное, своего послушания. Да простится тебе, равно как и всем, всякое прегрешение. А в знак, хотя и слабый, моей исключительной к тебе любви о Господе, прими похвальное слово в честь владыки нашего Богослова, которое я, недостойный, осмелился составить для тебя и побуждаемый главным образом тобой. Итак, перепиши его начисто. Молитесь о даровании мне отпущения грехов за те ошибки и недочеты, какие я, несчастный, допустил в слове, и за грехи, в какие всегда впадал в течение всей моей жизни.

Особенно прошу вас всегда быть готовыми к предстоящему гонению за Христа, дабы все вы с

Божьей милостью оказались непосрамленными. Заботься, брат, о том, чтобы вы убеждали и напоминали друг другу о подвигах за благочестие. Целуй доброго моего Дометиана; целуй Евпрепиана, единодушно со мной терпящего заключения и бедствия; целуй Феодула, верное мое чадо, целуй Митрофана, желанного моего сына; тайно приветствуй Кассиана и Нила, некогда меня огорчивших, а теперь по принесении оправдания, любезных мне сынов. Христос с вами. Любовь моя о Господе со всеми вами. Аминь.

СХСVII. ЕМУ ЖЕ

Немногое нужно сказать тебе, любезное чадо, в этом письме, потому что в предыдущем я ответил тебе по содержанию последнего твоего письма. Впрочем, и повторение мне очень приятно. Итак, сколько могу, грешный, я желаю тебе достойно пройти подвиг не только всей твоей жизни, но и особенно — сейчас предстоящий тебе подвиг. Ведь посмотри, что стало с твоими братьями: одни, благодаря терпению в горестях, получили венцы, а другие по нерадению посрамлены. Крепись еще, крепись, чадо мое, вместе с подчиненными тебе послушниками. Будьте всегда готовы, прошу вас, подвергнуться все одному и тому же. А если кто из неверия, по моим грехам, уклонится, такой пусть отстранится, чтобы своей погибелью не стать причиной поражения и других. Ведь как было бы полезно братии Лукиана поступать таким образом, а не считать себя выносливыми и не дойти до падения. О, грехи мои! Ведь из-за меня происходит все злое.

Я опять получил вашу милостыню, и очень обильную. Простите, я отягощаю вас, но за это да будете исполнены всякого блага. Приветствую эконома, его

помощника и прочих. Скажи эконому, что я с радостью получил его письма. Приветствуют тебя мои спутники.

СХСVIII. ЧАДУ ДОМЕТИАНУ

Ты привык, чадо мое, в изгнании всегда призывать меня, как ребенок родную мать, хотя питаешься не молоком, а твердой пищей учения Господня. Почему же это? — Причина — в твоей великой любви, которая с трудом выносит разлуку. Но да даст тебе Господь свою любовь и да укрепит тебя на прекрасное совершение уже подлежащего подвига за Него. Ведь я знаю, каков ты: ты горячо стремишься ко Христу. Вот осталось немного времени для достижения Его. Создай в себе мужественное расположение. Чашу, которую испил Господь наш, будем, чадо мое, пить, чтобы с Ним насладиться навеки. Будем сильно пламенеть огнем божественной любви и не станем бояться зимы неверия. Ведь ты знаешь, что стало с умеренными братьями. А мы будем в числе пламенных, которым готовятся венцы наравне с мучениками. Да будет это и с нами!

Я опять получил твои подарки и, в частности, кувшинчик масла. И зачем это ты прислал последнее, что у тебя было? Но да воздаст тебе Бог мой за это вечными благами. Молись обо мне, смиренном, более горячо. Мои братья приветствуют тебя.

СХСIX. ЕВФИМИЮ И ПРОЧИМ БРАТЬЯМ

Что это за слух огласил мое смиренное внимание? Что за весть внезапно поразила мою жалкую душу? —

И Евфимий, мой родной сын, — в числе мучеников, вместе с другими девятью: Ефремом, Афродисием, Амоном, Иперехием, Стефаном, Парфением, Игисмом, Сименоном и Дорофеем! Я почти не верю, почти не могу писать, объятый одновременно слезами и радостью. Слава Тебе, Боже, прославившему вас мученическими подвигами! На честных своих членах и вы, добрые чада, понесли раны Христовы; и вы также подставили свою спину под столько же ударов, сколько принял и Христос. Вашей кровью освятилась земля. Почему и как вы одни из числа всех наследовали такую славу? Велико ваше дерзновение! Ваш ответ христорборцу Антонию¹ победоносен. Благословенны вы у Господа, святой начаток, столп мужества в Христовой Церкви, образец и совершенство монашеского чина! За наказание в течение одного часа дается вечная награда; за кратковременные скорби — бесконечные блага. Шествуйте этим путем и вы, переживающие золотую пору детства, и станьте рядом с равночисленными вам мужественными мучениками. Молитесь о том, чтобы следом за вами пошел, по Божьему благоволению, и я, ваш недостойный отец.

Услышал Сион и возвеселился. Возвеселились дочери Византии. Наконец, восток и запад ублажают ваш боговенчанный подвиг. Это я сказал вам вкратце, тогда как вы достойны великих похвал. Последующее время прославит вашу память в торжество православных и посрамление врага. Но, теперь, внутренне переноса вместе с вами озлобления и скорби, — ибо поражают ранами мои члены, — я прошу и умоляю, целую и обнимаю, протягиваю к вам руки со словами:

¹ Иконоборческому патриарху Константинопольскому (821–834).

стойте, господа мои, стойте! Еще Христос предлагает Свой подвиг; еще хочет умножить вам венцы; кто начал дивно, тот пусть и закончит достойно. Не станем бояться грядущего, — Кто тогда нас укреплял, Тот и теперь с нами и еще охотнее примет и облегчит страдания и возвысит рог ваш. Скажите и вы: *праведник возвеселится о Господе и будет уповать на Него* (Пс. 63, 11). Вы — потомки в огне орошенных и заградивших уста львов (см. Евр. 11, 33). Хорошо начав, орошенные мученической кровью, не будем далее небрежны. Ведь *страшно, о, чадо, впасть в руки Бога живаго* (Евр. 10, 31).

Человеческие скорби подобны укусам комаров. Вот поэтому я верю, что вами и я, несчастный, смогу гордиться, а, может быть, и буду спасен. В заключение скажу: смотрите, насколько вы прославлены по вселенной, настолько же велик и ваш подвиг, да станет вполне совершенным, разумеется — с помощью укрепляющего Бога. Целуйте друг друга лобзанием святым. Мои спутники, уже любя вас, целуют.

СС. ЧАДУ ГЕННАДИЮ

Правда, поздно, но все-таки я получил твое письмо, желанное мое чадо. И это проявление внимания с твоей стороны. Но почему же ты так опоздал? Разве не знаешь, что при разлуке, если нет письменных сношений, блага любви и единомыслия в вере подвергаются опасности? Еще простительно, если бы ты не мог написать по незнанию грамоты; но и в таком случае ты не свободен от упрека, так как мог бы исполнить свой долг через другого. А так как ты силен благодатью Христовой и должен оказывать помощь другим, то твоя медлительность непохвальна. Но да простится

тебе на этот раз. Зачем ты воздаешь мне похвалы, которых я не заслуживаю? Лучше молись, чтобы я правильными во всех отношениях действиями благоугодил Богу. И я со своей стороны желаю тебе того, чтобы ты достиг спасения, не был захвачен ни невидимыми врагами, ни нынешними видимыми и свое сокровище представил бы целым давшему его Богу. Да будет.

ССІ. ЧАДУ И ИСПОВЕДНИКУ ФАДДЕЮ

Как хороши твои письма, чадо мое, возлюбленный Фаддей! Чем же? Тем, что в них — смирение и искренняя вера, и теплая любовь и, что удивительно, безошибочное знание, ибо твой ум, чадо, действительно усвоил истинное учение об иконе Христовой. Держись того, как ты действовал до сих пор и как просветил тебя Христос. Ведь образ Христов, на каком бы материале он ни был запечатлен, неотделим от Самого Христа, так как сохраняется вне материи, в представлении. Поэтому обоим — Христу и Его образу — подобает одна и та же честь и поклонение. Поэтому же, отречься от иконы значит отречься от Христа, как и наоборот: исповедание иконы значит исповедание Христа. И блажен ты, что познал истину, которую Бог скрыл от премудрых века сего или, правильнее сказать, безумцев и открыл ее младенцам, то есть подобно тебе незлобивым.

Таков истинный смысл нашего православного иконопочитания и за него, чада, будем бороться даже до крови, не страшась враждебных сил и не падая перед ними духом. Я радуюсь твоему рвению, что ты, будучи в темнице, с гордостью продолжаешь свое дело. А мы не удостоились подвергнуться чему-нибудь

за Христа. Молись, чадо, чтобы и мне вместе с вами боголепно совершить подлежащий подвиг. Приветствуют тебя твои братья. Господь со духом твоим.

ССІІ. К ИГНАТИЮ ЧАДУ

И в этих твоих письмах я узнал тебя, ты — мое чадо и сердце; но будь осторожен, где бы ты ни был. Правда, не следует порицать твою уступчивость, особенно, если ты не представлен царю в саккудионском монастыре; однако, чадо мое, отбрось страх и уныние от души своей, внимай и верь Сказавшему: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28). Таким образом, где существует страх Божий, там страх человеческий изгнан, ибо оба рядом они не могут существовать, как свет рядом с тьмой. *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть* (Мф. 6, 24).

Что же значат эти слова? То, что имеющий человеческий страх не имеет Божия, если может быть покорен врагом, как и другими страстями, и вообще бывает в таком состоянии. Но да победит Победивший мир. Поэтому следует постараться подготовить средства, которыми можно воспитать в человеке бесстрашие. Эти средства суть: вера, надежда, любовь. *Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает*

(1 Кор. 13, 4—7). В этом да будешь соблюден, равно как и я, и все братья.

ССІІІ. К НОТАРИЮ СЕРГИЮ

Я узнал, что ты, боголюбивый, остерегаешься общения с еретиками, ревнуешь о Господе, оказываешь гостеприимство правомыслящим, мужественно пострадавшим до крови, что сторонись неустойчивых и предателей истины. Радуюсь, смиренный, и благодарю Бога за то, что мой старый и искренний друг стремится следовать тому, что подобает и угодно Богу. Вот видишь, как все больше и больше вздымается гонение, уже давшее и мучеников. В числе их и наш Фаддей, ставший сожителем святых. Знаем, что ты любишь нас, отринутых за грехи. И мы, в свою очередь, любим тебя, ибо невозможно на любовь не отвечать тем же. Однако просим, молитесь о нас, чтобы мы по милости Божией совершили подлежащий подвиг.

ССІV. К ЧАДУ КЛЕДОНИЮ

Ты, чадо, принял участие в подвиге своих братьев, и это не удивительно, ибо и с нами случилось то же. Но не бойся, ибо написано: *Господь мне помощник и не убоюсь, что сотворит мне человек* (Пс. 117, 6). Поэтому нам надо быть смелыми, а никак не бояться. Подвижники остались победителями благодаря этому дерзновению. Источивший свою кровь святой Фаддей преселился ко Господу. Разве это не самый лучший из обменов: за сто или больше ударов, сколько только можно себе представить, или по собственному побуждению, или по научению дья-

вола, старающегося возбудить в нас страх, — получить в замен царство небесное и веселие в бесконечные века?! И не во много ли раз тяжелее — во избежание боли от ударов предать веру и потом и здесь не иметь покоя от стыда падения и от укоров совести, и в том веке терпеть бесконечные муки? Этим, чадо мое любезное, закали свое сердце и, если ты в таком настроении, Христос да будет тебе помощником, как это и есть на самом деле.

Хотя разум и подсказывает, что и по отречении через покаяние можно снова спастись, и это правда, — но кто поручится, что мы во всяком случае получим прощение, а не будем еще ранее восхищены, или что восстание от падения не окажется непреодолимо трудным? Затем, сколько нам надо принести слез и других лекарств покаяния, чтобы умиловить Судью, и все это, с трепетом ожидая смерти, всегда чувствуя позор и не смея поднять глаза! Спроси лиц, близких к жалкому Лукиану и к блаженному Дорофею, каково настроение у тех и у других, и ты узнаешь и услышишь от первых о скорби, тьме и позоре, желании, чтобы раскрылась земля и поглотила их; а от вторых — о радости безмерной, свете, дерзновении, о Самом Христе, о наслаждении, подобного которому они никогда не испытывали. Кто ж бессмыслен, кто так жестокосерд, кто безумен, чтобы не знать, что страдать за Христа хорошо? Бог да усовершит в этом тебя, чадо мое. Молись за меня, чтобы и я поступал о Господе так же, как говорю.

ССV. ЧАДУ ДОРОФЕЮ

Я радуюсь и поздравляю тебя, Дорофей, истинный дар Божий. Твое имя стало предметом, название —

действием. Ты претерпел, сын мой почтенный, побои за Христа. Благо тебе, подвижник, с твердым сердцем и золотой плотью, ты стал драгоценнее сапфира, прекраснее порфира! О, если бы я мог облобызать царапины на твоём теле! Ты сделал свои члены членами Христовыми; твоя кровь смешалась с кровью Христовой. Благо тебе, подражатель Христов, что не усомнился выступить на поприще и настоящую жизнь не предпочел вечной и бессмертной. Ведь расположением ты уже переселился к Господу, Которого уже достиг твой сподвижник, мученик Фаддей. Может быть, ты поэтому и исцелился плотью, чтобы еще более прославить Бога в членах своих.

О, велика радость на небе и на земле, что вы стали мучениками Христовыми! О, как хорошо, что вы явились столпами и утверждениями, очами истины. Вы воссияли ярче солнца, засверкали сильнее жемчуга. О, как велик дар! О, хвала! Восторг превышает мои силы! Мой дух в исступлении. Обнимаю тебя, священное чадо, целую, венчаю, хвалю. Спрашиваю, как ты перенес подвиг, как выдержал страдания? В каком состоянии была твоя честная душа в начале и в продолжении страданий? И мне кажется, будто ты отвечаешь таким образом: «Где Божий страх, там — презрение к смерти, пренебрежение к телу, ибо вера, любовь и надежда на Христа побеждают остроту боли».

Вот как, душа моя, агнец Христов! Но соверши свой подвиг, дальнейшее запечатлевая пройденным. Как железо в огне, ты, брат, изошрен в горниле бичевания. Христос хочет сделать тебя, как избранный сосуд, еще более совершенным. Ликуй с Павлом! Не бойся, благородный мой подвижник! Кто спас и провел тебя через постигшие бедствия, Тот, конечно, уже будет при тебе и спасет тебя от уст льва и чувственного,

и мысленного, венчая тебя с мучениками. Уже известно твое имя. Вот теперь начал сильно возвышать тебя Бог, выше архиереев и иереев, выше столпников и учителей, выше патриархов и постников, конечно, православных. Не падай, столп; не откажись, подвижник, имей сердце горё! Христос — твое дыхание. Сильно смирение, с помощью которого Смиривший Себя до смерти победил князя мира сего! В себе Он дал и нам силу победить его. Как отцелюбца, прошу тебя, молись обо мне, чтобы и я закончил жизнь, следуя вам.

ССVІ. К ЧАДУ ИАКОВУ

Хорошо, Иаков, почтенное мое чадо! Мог ли я надеяться, что в числе исповедников Христовых окажешься и ты, один из последних в братии по занимаемой степени? Еще более удивительно, что из всех сподвижников ты первый выступил на поприще ради Христа. Беззаконный гонитель, считая тебя немощным и ничтожным, думал одержать легкую победу. Но несчастный разбит, напав на мужа, отдавшего свою душу за имя Божье и оказавшегося достаточно крепким для его ударов. О, как мужественна твоя душа, чадо; ты, как алмаз, вынес много сильных ударов по спине, по груди, также и рукам. О, необузданность звероподобных! Как благословенна твоя плоть! Ты со всех сторон изъязвлен; был поднят замятво. Безбожные завернули тебя в рубище. Затем, они стали опять грозить казнью, но это тебя не поразило, и ты приготовился, распорядившись насчет своих похорон.

Слава Богу и хвала! Ты — основание и подкрепление для своих братьев-сподвижников, из которых один уже преселился к Господу, а прочие — на одинаковом с тобой поприще. Как велика твоя награда! Ты

мне не чадо, а отец, Богу угодивший. Но имей в виду, что конец имеет значение и что недостаточно лишь хорошего начала, хотя оно и условие доброго конца. Умри, чадо, за Христа, не губи своего богодарованного и великого подвига. Горе преткнувшимся, ибо они не твоего духа, в противном же случае остались бы в Господе. Они стали предметом злорадства для дьявола, к которому приступили вместо Христа, причинив мне, грешному, скорбь, а всей братии — уныние. Но да даст Господь им покаяние и обращение; а тебе — конец, достойный начала. Молись, чадо, чтобы и я, смиренный, вместе с вами обрел Христа.

ССVII. ЧАДУ ФЕОДУЛУ

Вот куда ты прибыл, чадо мое Феодул, переходя с место на место. Чудесно не странствование, а очень дивно то, что ты одержал победу в Фессалонике, перенесши от нечестивцев двести ударов. Услышав об этом, я прославил Бога и полюбил тебя сильнее, чем свою душу. Но в то же время я почувствовал внутреннюю тревогу, размышляя по каким судьбам Божиим ты там скитаешься. Твое ли безрассудство этому причиной или Божие промысление? Но ты подвергся язвам по милости Бога, ради Которого ты *подставил плечи свои бьющим* (Ис. 50, 6), и оберегаем Им, как сокровище истины. Блажен ты, чадо, не пожалевший и не пощадивший своей плоти, но прославивший Христа в членах своих, получивший венец за исповедание перед Богом и людьми.

Фессалоника связала свое имя с тобой, возложив на тебя, чужого, несмотря на местных жителей, свою победу. Смотри, сердце мое, нам должно терпеть мучения до конца. Не впади в малодушие, не постыдись

исповедать Христа, но *переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа* (2 Тим. 2, 3). Претерпи за Него, — Он с тобой в темнице, с тобой разделит бичевание, если опять случится. Подражай братьям своим, которые также подверглись бичеванию; я разумею Виссариона, Дорофея, Фаддея, на следующий день после этого представившегося Богу, как мученик, затем Иакова, из монастыря святого мученика Христофора, ученика Лукианова. Но прискорбно, что учитель пал, не вынеся ударов, а ученик оказался победителем. Кроме него, по моим грехам, пали и еще четверо из последних, в том числе Тит с Филоном. А Еводий и Епатий ни пали, ни устояли, а стали как бы полумертвецами, падши на словах, но не на деле, ибо избежали еретического общения.

Смотри же, брат, и опять повторяю — не поддавайся. Не погуби своего сокровища, не делайся отщепенцем. Твой подвиг да будет прославлен повсюду. Да возрадуются о тебе Ангелы. Да посрамятся демоны и их служители — иконоборцы. И да прославлюсь через тебя и я, смиренный, вместе с твоим братством. Да будет с тобой благодать, укрепляющая тебя на все, даже до смерти. Окружающие меня приветствуют тебя. Молись обо мне, как и обо всех братьях своих.

ССVIII. К МИРЯНИНУ ГРИГОРЕ

Человек Божий, Господь воздвиг тебя в настоящие дни для спасения многих, особенно нас, смиренных. Я же слышал о твоей заботе о подвижающихся ради Господа, которую ты взял на себя, как бы заповедь от Бога, — и удивляюсь! Но нет ничего удивительного, ибо твое служение — богодарованно; а что оно от Бога — это доказывают сами дела. Ведь если

бы тебя не охраняло Божественное Промышление, как бы ты до сих пор оставался на свободе? Благословен Бог, воздвигший тебя для укрепления подвижащихся за имя Его, сохраняющий тебя под Своей крепкой рукой, дарующий тебе подвижность, ровное настроение, готовность к опасностям.

Твое дело сияет, твое деяние гремит. Да и может ли быть иначе у того, кто принял на себя служение Богу? Ты подвизаешься сам и помогаешь другим подвизаться. И что наиболее удивительно, ты не просто мученик, но мученик многократный, ибо Бог считает тебя мучеником, сподвизающимся каждому из подвижников в отдельности через посещение их, врачевание ран, питание, через убеждение и увещание. Тебе предстоит не один венец, а столько, скольким ты служишь. Ты проводил святого Фаддея. У тебя на попечении три мученика и один заключенный, которого еще не взяли из тюрьмы. Подожди немного, получишь и других.

Но увы моим грехам, увы поражению падших, — я разумею братию Лукиана и полумертвых, ставших если не делом, то словом отщепенцами. Если они с плачем покаются, не отвергай их, человек Божий, хотя они и сделали себя недостойными Бога и святых. Сколько им должно плакать, сколько страдать, чтобы достигнуть спасения! Бог утвердит тебя, адамантовый. Он сам покроет и спасет тебя в царстве Своем. Молись обо мне, смиренном.

ССІХ. ПАТРИЦИИ АННЕ, ВЕДУЩЕЙ МОНАШЕСКУЮ ЖИЗНЬ

Печально письмо твоей святыни и, как иглами, усеяно упреками ко мне, смиренному. Этому не следует удивляться, потому что замечание, вообще, приво-

дит к таким последствиям. Но если твоя честная душа смирится и согласится со сказавшим: *Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего* (Прит. 27, 6), — то она скорее похвалит меня, ибо я не только друг ее о Господе, но и молюсь за нее, и жалею ее, как свою душу.

Итак, да не буду оттолкнут от твоей любви по Бозе, и пусть больше не приходится мне слушать твои сетования. Я не так уж груб, чтобы приближаться, когда оказывают благодеяния, и отходить, если мной недовольны, — это чисто человеческие свойства. Напротив, тогда то именно я и усиливаю свое внимание, когда меня избегают. К тому же, думаю, я и не сказал чего-нибудь оскорбительного, а только сделал замечание, заботясь о твоей славе и имени. Не следует искать таких, которые в лицо благословляют, а за спиной говорят противное. Прошу тебя, госпожа моя, если только позволишь, принимай от меня по временам и более резкое слово. По этому я узнаю, что ты меня считаешь за нечто. Даже и сын матери, муж супруге, друг другу не всегда говорят только одно приятное. Бывает время, когда нужно затронуть, пусть даже и слегка задеть, это именно во время пожара в Церкви. Может быть, ты вскоре услышишь о моем исходе из жизни. Да будет с тобою благодать, благословение и спасение.

ССХ. К ВДОВЕ СПАФАРИЯ

Твой дом — дом благочестия, дом гостеприимства, дом прибежища для избегающих искушений. Поэтому Господь благословил и прославил тебя. По апостольскому выражению, твои добрые дела свидетельствуются — *воспитала детей, принимала странников, умы-*

вала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу (1 Тим. 5, 10),— определяя и указывая на истинную вдовицу. Господь сделал тебя такой госпожой, чтобы ты была известна многим. И далее да охранит и покроет тебя во славу вдовствующей Церкви и здешних чад ее. А в будущем веке да введет тебя со святыми девами в чертог бессмертия.

ССХІ. К ЧАДУ АФАНАСИЮ

На этот раз я с радостью получил твое письмо, чадо мое возлюбленное. А когда прочел его, то еще более обрадовался, удостоверившись, что ты и теперь таков, каким я узнал тебя с самого начала, или, если выразиться дружественнее, каким я породил тебя в Святом Духе. Это именно и удивительно, что любящий, несмотря на долгое отсутствие, не изменяется в стремлении к любимому и что ученик жаждет увидеть лицо учителя и, привязанный так к учителю, хранит неугасимую любовь. Но с другой стороны, такая любовь должна вести к неподдельной готовности, хотя бы без желания и против воли, разлучиться со мной, недостойным, ради высших соображений, подсказанных теперешними и прошедшими обстоятельствами и, во всяком случае, вполне целесообразных.

Благоволи, чадо, трудиться и подвизаться вместе с братом нашим — архиереем. За это тебе подобает великая похвала и награда. Не довольствуясь этим, готовь свои силы к предстоящей борьбе за Христа. Сам видишь, каковы обстоятельства. Теперь время мученичества, как ты это мог заключить на основании слышанного тобой, как вообще о прошедшем, так и о том, что было с твоими братьями. И поэтому, брат

мой любезный и желанный, не будь нерадив, потому что гонители будто бы далеко, но совершай божественное приготовление, говоря: *готово сердце мое, Боже (Пс. 107, 2)*, на все, к чему приведешь меня!

Брат Фаддей, скончавшийся в кровавом подвиге, стал мучеником Христовым. Если кто-нибудь еще из нашего ли братства, или из чужой среды пребывает в подвигах, изгнаниях, темницах, побоях, все же, конечно, он не сравнится в наградах с Фаддеем. Поэтому прославим Бога за то, что мы удостоились из своей среды проводить такого на небеса. О преткнувшихся нужно стенать, а о себе молиться и быть осторожным, дабы, проповедуя другим, как говорит ап. Павел, *самому не остаться недостойным (1 Кор. 9, 27)*. Итак, брат, более горячо твори обо мне молитву, чтобы твердостью души я победил внутренних и внешних врагов. Что же касается тебя, то Господь свидетель, что я семь раз на день поминаю тебя в своей смиренной молитве, чтобы ты достиг спасения и благоугодил Господу. Мир, мудрость и сила да будут с тобою, любезный мой. Мои братья приветствуют тебя.

ССХІІ. К БРАТУ, АРХИЕПИСКОПУ ИОСИФУ

Получение письма от твоей святыни каждый раз служит утешением для моей смиренной души, и особенно теперь, когда я, смиренный, поражен происшедшим в среде братьев. Фаддей бичеванием умерщвлен за Христа и принят в сонм мучеников. Его примеру следует Дорофей с Виссарионом и Иаковым, хотя пока они пребывают во плоти. Победен смиренный Лукиан, сраженный на середине битвы и предавший истину, а за ним и еще четверо, одни после

первых ударов, другие — испугавшись одной лишь угрозы. О, превратность! По поводу первых — радость неизреченная, по поводу вторых — печаль невыносимая!

Что сказать о прочем? Разрушены жертвенники, и разрушаются все священные дома, все общества впали в ересь, везде пожар, затворены все двери Православия¹. Настала глубокая ночь. Бедствия затопляют нас. Вот видишь, брат, до каких дней мы дожили, малым или даже ничем не отличающихся от времен язычества. Все же благодарение благому Богу нашему, избравшему нас в мученики за Свое Евангелие. А мы-то кто, негодные? — (последнее касается меня). Но все же стали мучениками за святую Его икону. Так сподобимся же по молитвам прежде отшедших пройти до конца путь исповедничества.

С радостью узнаю, что ты здоров и телом так же, как и духом. Здоров и я телом. О, если бы и духом! Но по моим давним грехам, как ты знаешь, во мне нет ничего достойного одобрения, хотя ты, как человек добрый, и обращаешься ко мне с выражениями чести. Молюсь, смиренный, о том, чтобы ты до конца сиял среди архиереев Христовых своими яркими добродетелями. Окружающие меня смиренно целуют братьев моих, состоящих под твоей священной рукой. Особенно усиленно приветствую Афанасия, твоего собрата по трудам и сподвижника.

ССХІІІ. ЧАДУ ЕВХАРИСТУ

Чадо любезное, так как ты хотел иметь от меня письмо, то вот твое желание исполняется. Какую же

¹ Т. е. все православные храмы и монастыри запечатаны.

пользу ты можешь извлечь из этого жалкого и ничтожного письма? Впрочем, оно — дело твоей веры и искренней любви, по которым можно узнать истинного послушника и судить о стремлении к лучшему. Итак, всегда развивайся и в том, и в другом отношении и восходи к славе добродетели, как это и подобает поистине приятному и одноименному радости¹. О, если бы я видел тебя причисленным к преподобным и сияющим вместе с праведниками. Молись обо мне, чадо сладчайшее.

ССХІV. К ИГУМЕНУ ИОАННУ

Опять пишу твоей святыне и не премину писать всякий раз, как найду письмоносца. Этим я, во-первых, исполняю долг любви, лежащий на мне по отношению ко многим, неослабевающий от прежних случайностей, но усиливающийся от позднейших подвигов. Во-вторых, ублажаю твое нынешнее мужество, а особенно исповедание Христа, и принимаю с похвалой то, что ты ничего земного не предпочел божественной любви, ради которой в бедствиях изгнания совершаешь свой мученический подвиг. В своем настойчивом стремлении ты не ослабел, несмотря на коварство заблудившихся лжебратьев. Раньше ты был опутан дружественными к ним отношениями; но отрекшись от всех их, как от поленьев, обреченных на мучение в огне, ты отдался только стремлению к высшему. Вот именно поэтому я и ублажаю тебя, отче, и очень люблю, и усиленно прошу молиться обо мне, ничтожном, поминая и меня в числе твоих сердечных друзей, чтобы всячески и всегда я благоугождал

¹ Намек на собственное имя Евхариста.

Господу, ибо пока я не знаю, сделал ли что-либо доброе в очах Его.

А что церковные дела в тяжелом положении, слух об этом, конечно, и до тебя доходит, равно и о том, какие наказания наложены на членов нашего братства, из которых один, как мученик, отошел ко Господу. Имей в виду, что игумены флувутский и мидийский восстали от падения. Первый содержится в заключении, а второй ушел из монастыря, оплакивая свое падение. Да даст Господь то же и прочим! Кроме того, Иосиф получил влияние у императора и по-прежнему стал причиной гонений. Благоволи приветствовать живущих вокруг твоей священной особы. Мое братство много кланяется тебе.

ССХV. ЧАДУ ТИМОФЕЮ

Как прекрасно твое письмо, чадо возлюбленное, оно украшено верой и любовью к нам, смиренным. И я благодарю Господа за то, что твое настроение непреклонно, а также и за твое благочестие и добропорядочность, ибо, и оставшись без боголюбивейшего архиепископа, ты продолжаешь правильно жить со своими братьями, принося себя в жертву во всех их нуждах. К чему же эти похвалы, которыми ты меня осыпаешь? Разве ты не знаешь, что за мной нет ничего хорошего? Конечно, и это — следствие твоего дружеского отношения. Итак, брат, отложив все слова, усиленное молись и особенно теперь, когда огонь нечестия окружает Церковь, когда мученические подвиги умножаются и благочестивых делают подвижниками Христовыми, как, например, святого брата нашего Фаддея, а трусливых делают позором отступ-

ничества, как, например, жалкого брата нашего Лукиана и некоторых ему подобных.

Молю тебя, чадо мое возлюбленное, будь готов и не думай, что ты совершенно недоступен искушениям, как будто от них очень далек. Нападение настигнет нас, когда мы не ждем, ибо Бог, как в огне, испытывает каждого. К тому же и царь гневается прежде всего на нас за все прошлое и за особенную нашу твердость. Чьи послушники, кроме наших, подвизаются теперь? Кто, кроме мученика Фаддея, принял кровавую смерть? Итак, молю тебя, укрепи не только самого себя, но и окружающих тебя братьев и чад моих, дабы мы были мучениками, хотя бы в произволении, если это не случится с нами в действительности. Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь.

ССХVI. ЧАДУ ВАССИАНУ

Я узнал, чадо, о случившемся с братьями и о том, что сам ты остался не привлеченным к ответу, но это произошло не к твоему падению, а по Божественному промыслению. Однако, будь готов, ибо не знаешь, в какой час Господь повелит тебе предстать мучителям. Не бойся подобно тем, кто пал, как Лукиан и другие, оказавшиеся трусливыми. По моим грехам и тот, и другие оказались жалкими, не подготовленными, доступными дьяволу, и жалея плоть, погубили вечное. Да воздвигнет их Христос из мертвых через соответствующее покаяние! Ты же *переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа* (2 Тим. 2, 3) со своими сподвижниками, с которыми ты заключен и к которым ты причислен. С кем же это? — Со святым мучеником Фаддеем, Дорофеем, Виссарионом и Иаковом, — новособранном войском Христовым.

Отпал Иуда, хотя это и горько сказать, но правда; а вместо него вошел Матфей. Так не убойся терзаний от нечестивцев, ибо Бог, вместе с тобой подвергаясь бичеванию, облегчает тебе труд. *Как детские стрелы, были раны, ими наносимые* (Пс. 63, 8), для братьев твоих. Разве у них не та же плоть, что и у тебя, не те же страдания? Но мудрый говорит: «Я не чист, подобно им». Поэтому-то и нужно особенно хорошо помнить, что собственной кровью мы очистимся, как снег, убелимся и станем сообразными Христу. Бог да поможет тебе, доброе мое чадо. В трудах своих поминай меня, смиренного.

ССХVII. ДВУМ СЕСТРАМ ИРИНЕ И КАЛЕ

Мне больно за вас, честнейшие, ибо вы, лишившись брата, теперь одиноко живете. Но благочестиво сохраняете девство и соблюдаете православие и, к тому же, всегда оказываете нам благодеяния. Не будучи в состоянии ничем воздать за это, я обращаюсь к вам со своим словом.

Как велик ваш подвиг: ни богатство, ни юность, ни благородство, ни слава, ни дружба мира, ни родственная кровь, ни человеческое общество, — ничто другое вообще приятное и красивое в поднебесной не в состоянии склонить вас принять участие в мирских делах; вы предпочли жизнь в безбрачии, нестяжании и отречении от всего. К этому ведет ваше желание постричься в монашество. Благословен Бог, уневестивший вас через девство и приготавливающий вам небесный чертог. Будучи еще вне монашеского состояния, вы делаете то, что свойственно истинным монахиням: поете, в определенные часы встаете к утрени, постигаетесь, молитесь, питаете сирот, раздаете милостыню,

бедно одеваетесь и делаете много другого перед Видящим тайное. Все это — дела монашеской жизни. Да даст Господь по сердцу вашему и весь совет ваш исполнит (Пс. 19, 5), отрасли доброго корня, сестры прекрасного брата, невесты небесного чертога. Прошу, молитесь и обо мне.

ССХVIII. ИГУМЕНУ АНТОНИЮ

Опять пишу тебе, благочестивый, воодушевляясь с тобой и поздравляя тебя по поводу трудов и болезней, гонений и изгнаний за Христа. Пришло время одним быть увенчанными, подвизаться, принести исповедание, а другим стать гонителями, христорборцами. Ведь отвергающие икону Христа кто такие, как не гонители истины, восставшие против Христа? Ибо честь или бесчестие, оказанное образу, восходит к Первообразу. Так претерпим же, отец честный, страдания от врагов, наградой за которые будет вечная жизнь и веселие со святыми.

Хвала тебе, человек Божий, что ты почти один из всех игуменов города и близлежащих селений оказался борцом за Православие, став светом для сидящих во тьме и осуждением нечестия монахов. Что пользы на несколько дней удержать за собой монастырь, славу, мирские удовольствия и потом вместе с еретиками подвергнуться вечному позору? И насколько лучше и блаженнее отказаться от всего, принести в жертву даже и тело и за это обрести милость Божью и царство небесное. Это я решился сказать, как нижайший. Прошу тебя, преподобнейший отец, поминай меня, грешного, чтобы мне спастись от страстей бесчестия и быть готовым ко всему, чему Бог повелит подвергнуться за Его имя.

ССХІХ. МОНАХУ АРКАДІЮ

Я услышал, что ты, возлюбленный брат, не дал предавшим истину увлечь тебя в общение с еретиками и тем прославил Бога. Оттолкнув от себя общение, которое отлучает от Бога, хотя еретики были в чине учителей, ты скрылся, живя вместе с работниками в горах и пещерах, предпочитая лучше терпеть страдания и бедствия, чем ради временного удовольствия отказаться от вечной жизни, и теперь имеешь наставником и учителем Христа Бога нашего, за Которого и страдаем.

Итак, благодарение Приведшему тебя в совершенное разумение! Действительно, мир недостойн тебя, как говорит божественный апостол (Евр. 11, 38), ибо ты живешь премирно. Тебе поистине принадлежит Христово ублажение изгнанного правды ради. И именно тому, кто ради любви к Богу оставил высшие земные достоинства, службу при дворе, прибавлю, телесную красоту и доброту, подобает жить не позорно и бесчеловечно, но предпочесть божественное и отправиться в страны пустынные и горные, где можно жить по-ангельски, воздыхать к Богу, взирать на небо, обращаться с Ангелами. Потерпи, брат, за призвавшего тебя Господа, и Он возвысит тебя в великую славу, в пример добродетели для живущих в мире и в наследование ожидаемых благ для любящих Его. Всегда поминай и нас, недостойных и любящих тебя, чтобы мы пережили настоящий подвиг, как благоугодно Христу. Весьма много приветствую твое братство.

ССХХ. К КОМИТУ

Непрестанно слышу, человек Божий, о твоей добродетели и христолюбии, какие ты обнаруживаешь в

отношении к там живущим или даже проходящим нашим братьям. Славлю Бога, что ты, как некий отец или наставник, или даже Ангел, от Бога посланный, относишься к ним: одного увещаешь, другого убеждаешь, третьего кормишь, тому помогаешь выйти в путь, этому, одиноко живущему, находишь купножителя, иного одеваешь, кого-то снабжаешь нужным в дорогу.

И зачем много говорить? Я вижу в тебе себя или одного из своих ближайших помощников. Как случилось, господин всечестнейший, что ты взял на себя эту заботу? Откуда у тебя дружеское чувство, утешение? — Только от Бога, на каждом месте и в каждой стране имеющего своих особенных слуг и делателей. Ты и в прошлом своем изгнании не прекращал этой деятельности, покровительствуя и прислуживая нам. За это мы навсегда обязаны тебе благодарственными молитвами. Более того, тобой прославляется Бог, принимающий на Себя твои благодеяния, оказанные братьям. От Него да будет тебе отпущение грехов и царство небесное.

ССХХІ. К НАВКРАТИЮ СЫНУ

Я сильно трепетал за братьев, что с ними будет. И когда из твоего письма узнал, что они в целости и среди них также и Ипатий, нужно ли говорить, как я просиял, возблагодарил, возликовал? Подобно тому, как блаженная кончина моего святого Фаддея обратилась в победу не только для меня, смиренного, но и для вас, его братьев, и для всей Церкви, такое же значение имеет мужество и твердость подвигающихся, тогда как в противном случае было бы наоборот.

Итак, Бог им помощник и на дальнейшие их прекрасные подвиги, а вместе с ними и для нас. Они уже совершили течение и победили, хотя и не на веки, так

как неизвестно, что принесет будущее, а мы пока еще готовимся, не начав бега. Поэтому напоминаю, прошу, умоляю всех через тебя быть готовыми и предрасположенными к внезапному заключению. Кто стоит на самом месте сражения, тот не нерадив, не спорит, не развлекается, не смеется, не борется с коварными, не расстраивает рядов. А что же? Бодрствует, молится, окапывается, схватывается и до начала битвы отгоняет пожелания, питается в меру, прощается с миром, жизнью, собственным телом, по апостольскому выражению, *все почитая за сор* ради Христа (Флп. 3, 8).

Разве вы не знаете, что случилось с несчастным Лукианом, чтобы не говорить о прочих? Как он пал, как, стыдно сказать, стал слугой царя, правильнее — дьявола. Прошу вас, молитесь обо мне, чтобы меня, блудного, бездеятельного, бесполезного, осенила сила Христова, дарующая победу, ибо Он сказал: *без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). О том же и я ежедневно со слезами молюсь за вас.

Да, прошу вас, готовьтесь, наденьте панцирь, станьте в ряд, имея пред собой предводителем и защитником Господа, Который, конечно, спасает верующего. *Веруете ли, что Я могу это сделать?* — говорит Он. *Они говорят Ему: да, Господи!* А Он: «Идите и по вере вашей да будет вам». И они получили просимое (Мф. 9, 28—29). То же и в отношении нас, смиренных. Покажи, брат, мое письмо выдающимся. А прежде всего будьте более тверды, когда из темницы вас препроводят к царю. И да будет с вами Господь. Аминь.

ССХХII. ЧАДУ ПЕТРУ

Что ты написал мне, — это хорошо, ибо мне всегда приятно, чадо мое возлюбленное, письменно беседо-

вать с тобой. Но что касается посылки, то зачем она? Да еще столь большая и разнообразная. Всеми этими удивительными делами ты поразил меня. Разве не достаточно с тебя заботы о братьях? Прошу тебя, будь сдержанным в расходах. Однако я принял посылку и очень благодарен за то, что, несмотря на мое недостойнство, Бог внушил тебе такое рвение. Чем я воздам, несчастный? Что у меня есть хорошего? Что сам ли ты, или кто другой из твоих товарищей получили от меня? Если вы и получили какую-нибудь пользу, то не от меня; это — Божий дар. За то расположение, с которым ты, доброе чадо, относишься с первого дня и до сих пор к моему смирению, да обретишь милость от Христа, дарующего тебе награду за твое послушание, ибо все, что ты делаешь, делаешь ради Него.

Умоляю вас, бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, укрепляйтесь. Все у вас да совершается в любви. Теперь — время подвигов. Смотрите, как пали те, кто считал себя твердо стоящим, и наоборот. Мы стараемся поревновать подвижающимся, для которых Христос — укрепление. Из сил выбиваюсь, несчастный, стать их общником. К ним и вы сопричислены во Христе Иисусе, издавна прославившем вашу жизнь, именно, осмелюсь сказать, с тех пор, как в нынешнем веке возгорелась ревность. Кому ты советовал написать, я написал. Приветствуй доброе свое содружество. Окружающие меня горячо целуют тебя.

ССХХIII. ПАТРИЦИИ

Мне кажется, что я никогда не виделся с твоим благородством и не писал тебе. Теперь решился на последнее по побуждению духовного моего сына Петра, близкого к тебе. Он отзывается о тебе с боль-

шой похвалой и говорит, что очень многие удостоились от тебя чести и милости. Это свойство доброй души — благодетельствовать всем, а прежде всего родным и близким. Брат говорит также, что ты не прикасаешься гнусной ереси христорцев. И с этой стороны ты достойна великой похвалы за то, что соблюдаешь верность своему владыке Христу, равно как и своему покойному супругу.

Но как мне не вспомнить об этом муже! Ведь, хотя я не знаком с тобой, честнейшая, но с ним, приснопамятным, я был знаком. Я питал к нему горячую любовь за его совершенное благочестие и богобоязненность. Уверен, что и он меня любил. Но что было, то прошло, и Бог да упокоит его. Ведь бедственно не на войне вообще умереть, а во грехе, что может со всяким случиться даже и в постели. Итак, будь, госпожа, благодушна относительно своего главы, которого в скором времени увидишь, надеюсь, в радости, — именно, когда с последней трубой восстанут все, чтобы получить воздаяние за совершенное в жизни. Вот видишь, как я начал и как окончил! Мое письмо оказалось написанным по долгу к моему господину и искреннему другу, твоему супругу. Продолжай благочестивую жизнь и будь милостива ко мне.

ССХХIV. ДРУГОЙ ПАТРИЦИИ

Это письмо к моей госпоже вызвано духовным сыном, аввой Петром, родственником твоего благочестия. Ведь ты непрестанно благодетельствовала и ему, и братии аввы Еводия, и другим, принадлежащим к нашему ничтожному монастырю. Ты заслуживаешь благодарности за это, воздаяния, пожелания тебе обильных благ. *Давущий же семя сеющему и*

хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей (2 Кор. 9, 10), чтобы ты с Божественной помощью изобиловала всем. Это — награда тебе в сей жизни и условие вечной жизни в царстве небесном.

Мы наслаждаемся твоими щедротами во всех видах. Сверх этого, у нас на глазах предлог для памяти — подушка, лежа на ней, мы подолгу молимся о тебе. А еще что? Я узнал, что ты блюдешь веру, как свою главу, обладая мудростью змеи, по Писанию (Мф. 10, 16), и невинностью голубя. О, похвальное твое благочестие! Ты знаешь, что в очах Божьих это выше всего. Ты действительно воспитана на божественном и доподлинно знаешь, что все человеческое — мимолетно. И да сохранит тебя Господь до конца непобедимой, вне общения с еретиками, отлучающего от Бога, во всех отношениях славной и разумнейшей.

ССХХV. К ЧАДУ ИЛАРИОНУ

Радуйся, чадо авва Иларион! Скажи, как ты поживаешь, как проводишь время гонения? Ты теперь на свободе, а раньше был не только в темнице, но подвергся ранам за Христа. Впрочем, ты и теперь в гонении, и за это ожидает тебя скорая награда. И прежде, и теперь я молюсь об одном — о том, чтобы благоугодно в Господе пережить эту нашу жизнь. Твои спутники да будут спутниками Христа, твое общество — обществом апостольским, ибо это делание учеников Христовых. Так прославьте, чада мои, Бога делами вашими, ибо мы на пороге смерти.

Ты ловил рыбу и был уловлен Господом во святой чин монашества. Так и впредь твоя ловля пусть всегда имеет своим последствием уловление тебя Бо-

гом на доброе. Созерцая глубину моря, прославляй Бога, своего Творца. Ловя рыбу, прославляй Питателя своего Господа. Продавая свой улов для удовлетворения своих нужд, делай это как прилично монаху, а не мирянину. Плетя свою сеть, вырабатывай добрые помышления, — можешь выбрать псалом, песнь, сладкопение. Принимая пищу, старайся не причинять соблазна; в питии соблюдай умеренность; во сне — достаточность. Все благообразно и по чину да бывает (см. 1 Кор. 14, 40), чтобы Господа прославляли те, кто смотрит на нас. Остерегайтесь и искушения, чтобы не увлечься им. Поэтому должно жить не в беззаботности и безразличии, но со страхом и бдительностью, ожидая от Бога помощи в перенесении всего за Христа. Да, чадо мое, молю тебя, так шествуй. Укрепляй окружающих тебя, внушай им страх и трепет перед Богом, внушай им не делать ничего дурного, ибо мы всегда перед очами Его, — это истина. Я получил от тебя рыбу, улов благословенных твоих рук. Бог да благословит твою ловитву. Приветствуй брата Феофилакта и других верных. Мое братство искренно приветствует тебя.

ССХХVI. ЧАДУ НИЛУ

Приветствую тебя, Нил, возлюбленное мое чадо. Получил твой подарок — рыбу. Чем отблагодарить тебя за то, что ты опять вспомнил меня от трудов рук своих? Не могу ничем, кроме своей грешной молитвы. Да вложит тебе в сердце Господь Свой страх в большей мере, чтобы и на земле, и на море ты Ему воздыхал, Ему работал. Ведь ты, чадо, знаешь, что мы все смертны, что в скором будущем расстанемся со своим телом, что дадим отчет за всю свою жизнь, даже за

каждое свое слово и косо́й взгляд, до помышления включительно. Что я говорю? Господь обещал, что мы ответим даже за невольные и в неведении совершенные дела. Какими поэтому мы должны быть? Быть в страхе, трепете, готовыми к доброму ответу. Страшно судилище разбирательства! С одной стороны — огонь неугасимый, с другой — царство небесное. Первый предназначен для грешников и отвергнувших заповеди Господа, а второе — для блюстителей закона.

Поэтому умоляю тебя, живи преподобно, чисто, ибо ты — перед Богом. Очищаешь ли сети, закидываешь ли удочку, тащишь ли рыбу, — все это, чадо, да будет во славу Божию. На ловле ли, на рынке не ведите себя, крестоносцы, как миряне, а по примеру апостолов, промыслом которых я и предложил вам заниматься, ведите себя со страхом и трепетом. Горе мне, если я не стану делать вам внушений. Да, сын мой возлюбленный, помни Благодетеля твоего Бога: где и в каком состоянии ты был некогда, и теперь как-ков ты и в какой славе! Прославь Бога в своей жизни, чтобы Бог прославил тебя во веки. Это тебе от меня. А ты уже вместо меня, утверди своих спутников и внуши им это, и мир от Господа да венчает вас в единомыслии. Молись и ты о моем смирении. Приветствуют тебя братья твои.

ССХХVII. НЕ НАДПИСАННОЕ

Я слышал, блаженнейший отец мой, что ты заключен и как бы в печи огненной подвергаешься испытанию со стороны нечестивых. О, если бы я имел возможность прийти в темницу, где ты содержишься, облобызать мою священную и честную главу, воспев тебе слова хваления, ибо ради Христа ты терзаем, ал-

чешь, жаждешь, в притеснениях, в ограничениях и бедствиях. Вероятно, и воздухом ты не можешь свободно дышать. Не стану говорить об унижениях, издевательствах, угрозах, — о всем другом, чем сопровождается темничное заключение и что вошло в привычку угнетателей. По поводу всего этого я, смиренный, огорчаюсь за твою святыню, волнуюсь, трепещу, стенаю, испрашивая тебе молитвенно, насколько могу, грешный, терпения, уменьшения и окончания подвига. И верю, что Тот, Кто начал в лице вас мученичество за исповедание Его, и совершит его в славу Своей державы, в похвалу Своей Церкви, в торжество нас, ничтожных и бездеятельных.

Все наши взирают на вас. Мы все на вас опираемся подобно тому, как готовящиеся к состязанию во вторую очередь одушевляются победой предшественников, или наоборот, сокрушенные их поражением не имеют уже мужественного духа. Молим вас, вдохните в нас мужество. Да, да, умоляем ваши отеческие сердца, дайте нам своим непобедимым бегом знамение победы, а не наоборот, — это да не приходит на мысль. Будьте для нас венцом, радостью, надеждой и свидетельством перед лицом Христа, Который вместе с вами, богодостойными, дарует и нам беспорочно совершить надлежащий нам подвиг исповедания Его.

ССХХVIII. ДВУМ СЕСТРАМ ИРИНЕ И КАЛЕ

О, несчастье! Начинаю письмо стенаниями, огорченный вашим горем и вместе с вами плача, как — хотя это сравнение и очень дерзновенно, — благий Христос плакал вместе с Марфой и ее сестрой по поводу смерти Лазаря. Ведь покойный — друг мне,

друг близкий по крови. Он добрый Божий человек, исполнитель заповедей Господних, он — Мосх¹ и по имени, и по благоуханию своих правых дел.

Тогда также по поводу смерти Лазаря много иудеев пришло в Вифанию вместе с сестрами оплакать добродетельного человека. Ведь друг Христа мог ли не быть любим всеми? Но теперь, о, горе! Смерть совершилась даже не на глазах; а ведь последние слова и прощальный взгляд приносят большое утешение. Умершего целуют, сопровождают стенаниями. Порой окружающим кажется, будто он мигает глазами, двигает рукой, что-то тихо говорит, — а воспоминание об этом и после похорон доставляет горюющим немалое утешение. В данном случае нет ничего подобного. Поэтому я верю, ваше горе — безутешно, тем более что вы остались одни, без защиты и помощи.

Тяжело страдание, глубока рана, безутешно расставание. Ведь, действительно, и его, и ваша жизнь представляла собой что-то необычное: брат с двумя сестрами, неженатый с незамужними, девственник с девственницами! Все признаки благородства были свойственны и вам, — возраст совершенный, наружность благообразная, имущество богатое, доходы изобильные. И все же брака, который необходимо привел бы к разлуке, вы несколько не предпочли взаимной любви. *Как хорошо и как приятно жить братьям вместе* (Пс. 132, 1). Я еще не говорил о завещанной от матери благотворительности, в виде милостыни, молитв, псалмопения, воздержания, скромности, благочестия, гостеприимства, и, наконец, — что самое

¹ В переводе с греческого, мускус — пахучий продукт животного или растительного происхождения, используется в парфюмерии, обладает лечебными свойствами.

главное, — совершение всего этого в православии. А как нам назвать устройство сиротского приюта и все, что там делается, — снабжение сирот всякого возраста имуществом и приданным и все другое? О, чудо! Умирая, покойный оставил вам сорок сирот, — и вы продолжаете его дело. Необычайный слух, дело святых — Эти сироты вместе со многими другими и оплакивают истинного отца сирых.

Богородительная благодетель! Таковы его и ваши дела. Память о нем и по смерти его питает сирот, раздает милостыню, души нищих исполняет благ. Это да ослабит ваше острое горе, превратив его в радость, в надежду на ожидающие его вечные воздаяния. Верю, что и вы наследуете это, хорошо, как и прежде, проводя остающееся нам время жизни, во Христе Иисусе, оберегающем вас, как две зеницы очей благочестия.

ССХХІХ. ЧАДУ ЕВСЕВИЮ

Я получил, чадо, твое письмо и по той любви и покорности, какие ты питаешь к моему смирению, вполне уразумел, что ты боишься Бога. Ведь любовь к игумену и желание его лицезреть есть признак богоцелебного смирения. Итак, благодарение Богу, что искры веры остались в тебе неугашенными, и да останутся они такими навеки! Твой добровольный выезд сюда был бы очень приятен. Все же ты хорошо сделал, воздержавшись, ибо случайный приезд сюда может подать повод к искушению.

Молю тебя, чадо мое, оберегай себя от всего дурного. Место твоего пребывания да будет далеко от соблазнов, ибо мест, чреватых опасностью падения, следует избегать. Будь во всяком случае с одним или

с двумя братьями. Ибо написано: *Горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его* (Еккл. 4, 10); *плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся* (Гал. 5, 17). Дадим преимущественное значение не плоти, которая доведет нас до дна ада, а духу, ибо благодаря ему мы будем жить в вечной радости. Поэтому есть, пить и спать будем мерой и весом. Победителю готовится венец. Не посрамись, чадо мое, но всячески представь себя непорочным, как подобает служителю Божьему. Ревнуя, поревнуй Господу в православии, ибо нынешние гонители отрекаются от Него в лице Его иконы. Избегай всякого общения с ними, как яда змеиного. Христос да будет тебе помощником во всем.

Я получил от тебя теперешние, равно как и прежние подарки; за это да благословит тебя Бог отца моего. Приветствуй брата Елевферия и передай ему, что он очень утешил меня тем, что по приказу эконома сделал сапоги для братии; за это Бог его да упокоит. Все, что я внушил тебе, сообщи и ему. Я рад, если вы неразлучны друг с другом. Молитесь о моем смирении. Благодать Господа да будет с вами.

ССХХХ. ЧАДУ ЕВФИМИЮ

Из писем я узнал о твоей скорби, чадо мое возлюбленное, — о том, что ты скитаешься с места на место, убегая и скрываясь от нечестивых. Как не быть тебе в скорби и стеснении? И несмотря на это, укрепляемый надеждой, радуйся, ибо ты страдаешь за Христа, принявшего за тебя смерть. Ты ступил на стезю святых, которые скитались среди многочисленных горестей, лишений, стеснений, сделавшись нищими,

укрываясь под скалами, блуждая по горам, как беглецы, лишенные города, жилища, среди разнообразных ран и смертельных опасностей, чтобы приобрести Христа. Так и ты, чадо, во всех своих бедствиях туда обращай свои взоры, их примером утешайся, стой благородно, как подвижник Христов.

Теперь время мученичества. Блажен, кто перенесет эти немногие скорбные дни, за которые предстоит венец вечный, слава неизреченная. Горе отрешемуся и предавшему икону Христову, ибо его ожидает участь, подобная Иудиней. А ты, чадо, подвизайся еще добрым подвигом, вынося все бедствия. Смотри, одни из братьев твоих в темницах, а некоторые подверглись бичеванию со Христом. Не страшись и не падай духом перед тем, кто властен над плотью. С тобой Христос, и ты все перенесешь по Его мановению. Молись и о моем смирении, чтобы мне спастись о Господе. Приветствуют тебя братья, живущие при мне. Благодать с тобой.

ССХХХІ. ИГУМЕНУ ФЕОФАНУ

Правда, поздно, но все же я узнал, многожеланный и славнейший отец, что ты схвачен иудействующими и лжехристианами. О, как они не постеснялись наложить руку на человека Божиего, на мужа преподобного, на тело, изможденное долголетними подвигами и сильной изнурительной болезнью! Но те, кто на Самого Христа простерли руку поругания и гонения, на какое только беззаконие не способны?

Благодарение Богу за Его неизреченную милость, что тебя, больного смертельной болезнью, Он сделал более, чем других, крепким духом, так что ты

стал глашатаем истины, мужественно изобличил язык еретический и остался совершенно непоколебимым в исповедании Христа. Это — верх твоих аскетических подвигов. Это высшая точка твоего богомудрого ведения. Ты угодил Богу, любящему тебя; сделал приятное Ангелам, наблюдавшим за твоей похвальной жизнью. Ты увенчал свою голову венцом исповедничества. Вместе с Церковью Христовой ты и для меня, жалкого и ничтожного, стал столпом спасения. Радуйся и веселись надеждами на воздаяние в бесконечные века. Молись, чтобы и мне, нижайшему твоему сыну, шествовать вслед за тобой. Прошу тебя, святейший, приветствуй своего сподвижника, — я разумею отца моего, экзарха.

ССХХХІІ. ЧАДУ КАЛЛИСТУ

Я не забыл тебя, чадо мое возлюбленное Каллист, но помню и имею тебя в сердце своем в любви Христовой. Я очень рад, что ты сблизился с экономом и служишь ему. Говорю правду: мне кажется, что это за мной ты ходишь и служишь. Господь мой да явит тебя полезным во всех случаях. Прежде всего ты хорошо послужил покойному отцу нашему, затем моему приснопамятному Арсению и, наконец, теперь эконому. И в этом, и в другом случае, как уже сказано, ты ходил за мной и послужил мне, смиренному. Это сверх того, что ты послужил по должности келаря.

Я рад, что во всех случаях ты заслуживаешь одобрения, способен, обходителен, верен, любезен, терпелив, отцелюбив, сообразителен, ловок, настойчив, блюдешь закон, не уклоняешься от веры и исповедания Христа. Таким и оставайся, утверждайся и радуйся, ибо велика тебе награда от Бога. Хотелось и мне

иметь тебя теперь при себе, но отныне, благодарение Богу, ты больше покоишь меня издали, покоя экономика — мои очи, мою душу — и не только дома, но и в его путешествиях к братьям. Да будет тебе с избытком благодать от Бога. Молись о моем смирении. Целуют тебя твои братья.

ССХХХІІІ. К КАССИИ, ДОЧЕРИ КАНДИДАТА

Я получил то, что ты прислала мне ради Господа. По какой причине, благоговейная, ты вспомнила обо мне, смиренном? Будучи отпрыском от доброго корня, ты привыкла благотворить. Слышно также, что ты оказываешь благодеяние духовному нашему сыну Дорофею, который недалеко от тебя заключен в темницу за Христа. Ты знаешь, что делаешь, — таким образом ты принимаешь участие в его подвижнической борьбе. Думай, что в лице нашего сына ты питаешь нас, грешных.

Чем мы можем воздать тебе? Молитвой и словом убеждения. Как я узнал, ты еще с детства избрала добрую жизнь ради Бога и стала невестой Христа. Не ищи и не люби больше никого. Кто может быть прекраснее Его? Его красота пусть еще ярче сияет в твоём сердце, дабы ты угасила всякую страсть, изменчивую и тленную. Решительно избегай взглядов мужчин, хотя бы даже и скромных, чтобы не быть как-нибудь поражённой, или не поразить. Ожидает тебя небесный чертог: там ты увидишь Того, к Кому прилепилась, и с Ним будешь вечно радоваться. Мало это слово, но оно достаточно для убеждения твоей честности. Да будешь спасёна, дочь Христова.

ССХХХІV. ЧАДУ МЕЛЕТИЮ

Сначала на основании писем брата Иоанна, а теперь — твоего письма, чадо Мелетий, я прославил благого моего Бога за твоё раскаяние и исповедание. И благодарение Господу, что от начала и до известного времени не напрасным оказалось твоё доброе послушание. Я признаю и свидетельствую перед тобой, что, подобно прочим, ты пострадал от ревности, а не по умыслу. Вследствие этого, положившись на свою собственную праведность и рассудительность, вы отреклись от божественного и спасительного подчинения, увлекшись и нетвердо следуя за несбыточным. Это подтвердили и подтвердят время и действительность. Но покончив с этим, я опять перейду к благодарению.

Я обрадовался, чадо моё возлюбленное, насладившись общением с тобой через письмо. Радуюсь о тебе и о тех, кто не впал в заблуждение. Я твой, хотя и грешный, отец и положу за тебя смиренную мою душу. Тебе всё прощено. Отныне будем стоять. Будем служить Господу в покорности, избегая прихотливого и коварного демона. Так мы можем спастись о Господе. Для меня неважно, чтобы ты был здесь впредь до умирения Церкви Божией, только блюди себя в целостности, всегда молясь о моём смирении.

ССХХХV. ЧАДУ ИПАТИЮ

И это твоё письмо я прочёл, любезное моё чадо. Во всех отношениях согласен с твоим желанием и телесно быть около меня, проистекающим из сердца, пылающего верой. Но твоё намерение, хотя и свидетельствует о твоём убеждении, однако несвоевременно, ибо совершенно бесполезно. И не смей делать

ничего подобного. Нужно согласиться с тем, что определил Господь. Разве ты не знаешь, что вместо нас Бог печется о нашем спасении?

Что ученик единокровен с учителем, это можно узнать не столько по телесной близости, сколько по неразрывному духовному общению в образе мыслей и любви. Что же? Разве мы телесно любим друг друга, и разве плоть служит орудием нашей любви? Если это так, мы — самые жалкие из всех людей. Наша любовь бесстрастна, чтобы этим указывать в нас сынов бесстрастного Бога. Поэтому совершенно нет нужды в телесном общении. Согласись с этим и в смирении стань по мере сил помощником братьев твоих. Молись и обо мне, смиренном. Целуй братьев Лукиана и Еводия. Троица да соблюдет вас троих с тем, кому вы служите¹. Братья низко кланяются тебе. Целуй человека Божия.

ССХХХVI. К БРАТУ, АРХИЕПИСКОПУ ИОСИФУ

Мне всегда приятно писать твоей святине и тем приятнее, чем большее расстояние нас отделяет. Письмо приближает меня к честному твоему лицу, слова обращения доставляют мне облегчение, как и в настоящем случае, когда я грустно настроен вследствие предания некоторыми игуменами истины.

Да знает твое преподобие, что Иосиф, совершитель прелюбодейного брака, игумены фотинудский, ираклийский, мидийский, милыйский, иполихнийский, гулейский, и, горе мне грешному, даже флувутский, по безрассудной простоте впали в обман. По-

¹ Св. отец разумеет брата своего, архиепископа Иосифа.

сле того, как единокровно оказали небольшое сопротивление, они будто по соображениям удобства (экономии) были увлечены привыкшим к этим делам Иосифом во след сатаны, войдя в неоднократное общение с нечестивыми. За это милостиво отпущенные на свободу, они уловляют своим падением нетвердых. По обычаю и Никейский митрополит делается причиной падения для епископов. Они приглашают изгнанных последовать их примеру. И если рука Божия не поспешит нас укрепить, то и мы, остальные, погибнем.

В чем же дело? В том, что и на этот раз, как видно, дело идет о нас, смиренных, вместе с немногими. Восстань же, о, человек Божий, как архиерей Христа, истинного Архипастыря, и именно с такой силой, насколько ты превосходишь всех главизной священства, исключая одного того, что содержится в тайне. Прославь же Бога в теле и душе своей. Конечно, ты не будешь оставлен на острове. Возможно, что тебе предстоит по-прежнему искушаться, чтобы и здесь получить более блестящий венец.

Да, да, брат, до какого времени мы дожили! Все же благодарение Соблюдшему нас. *И сие от Бога* (Флп. 1, 28), — говорит апостол, что нам дано не только веровать во Христа, но и страдать за Него. Господь не презрел нашего смирения в прошлом. И теперь, я уверен, Он не обойдет тебя, честнейший. Но как тогда, так и теперь прославится Господь в теле твоём, творя с избытком Свою милость во славу твоей добродетели. Поэтому, преподобный, простри и мне посредствующую руку, чтобы мне укрепиться и спастись от настоящей горькой зимы. Стой и умоли Бога, чтобы буря превратилась в легкое веяние Святого Духа. Да будет. Низко кланяюсь братьям и прошу их

усиленно молиться о моем смирении. Окружающие меня припадают к твоим ногам.

ССХХХVII. ЧАДУ НАВКРАТИЮ

Что особенного в моей жизни и слове, что вы так хлопчете обо мне, чадо, и скорбите, несмотря на такое расстояние и столь великое искушение, не ставите ни во что ни труд, ни опасности, чтобы посетить мое смирение? И это вы делаете беспрестанно и с такими издержками на подарки. Далекое вы сделали близким, неудобоисполнимое — легким, пустыни — удобными для проезда. Вы поразили взоры, открыли во славу Господа уста всех, кто только постиг дела вашей веры и любви. Кто среди других так преуспел представить своим отцам доказательство искренней любви? Благословен Бог, сделавший вас такими, соответственно вашей добродетели и несмотря на мое убожество. Ведь открыто признаю, что я грешен и ничтожнее всех людей, хотя ты, побуждаемый любовью, большими похвалами пытаешься отклонить меня от подобных высказываний.

Я принимаю, любезный, твои желания, принимаю твое ухаживание за стариком. Ты поддержал меня, как дитя, ходил за мной, как брат, берег, как отец. И если, как собрат по трудам, ты потрудился вместе со мной или, как ученик, восполнил мои недочеты, то да воздаст тебе добром Господь Бог отца моего, пусть приложит тебе духа к духу, силу к силе, разум к разуму до полной меры. Да будет. Итак, молись о моем смирении, чтобы хотя бы на будущее время своей жизни я шествовал, как угодно Господу. Я был бы очень рад, если бы было позволено быть у меня брату Адриану. До сентября по многим причинам воздер-

жись посылать сюда кого-либо, исключая разве случая крайней необходимости. Узнав о делах некоторых игуменов, я, несчастный, восстенал. Да укрепятся прочие отцы, утверждая нас малодушных. Приветствуй братию по обыкновению. Много приветствует тебя и мое братство. Будь здоров о Господе. Позаботься также и о теле, ибо я немало огорчился, узнав о твоей внутренней болезни.

ССХХХVIII. ЧАДУ ИГНАТИЮ

По твоим письмам я наблюдаю твое сердце, добрый мой Игнатий, и радуюсь твоей убежденности и искренней любви. Только жалею, что я недостойн иметь таких сынов о Господе, столь меня любящих и готовых на все ради меня, негодного. *Если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне* (Гал. 4, 15). Кто, подобно мне, славен своими учениками? Кто своими грехами ниже меня? Никто. Но молись, чадо, и настойчивее, чтобы я мог подвигаться в добродетели и служил не упреком, а гордостью.

И я именем Господа нашего Иисуса Христа молю, чтобы вы, главы братства, были теперь твердыми, непреклонными в вере, всегда усердными к делу Господа. От них да прострется прямота и на подчиненных. Станьте для всех примером благотворительности, твердости. Смотрите, как другие впадают в нечестие, будьте боязливыми, а главным образом, осторожными, сердечными, учительными и поддерживайте ближних, чтобы каждый день получать венец.

Ты доставил мне, чадо, удовольствие присылкой тетрадей, но я вернул их, чтобы ты вновь прислал их мне уже заполненными. Целуют тебя живущие при мне твои братья.

ССXXXIX. АВГУСТЕ МАРИИ¹

Теперь нужно славить Бога за каждого человека, твердо выступающего в защиту истины Христовой, ибо ничто на земле, до собственной плоти включительно, не может быть поставлено выше нашей непорочной христианской веры. Но особенно следует славить Его за тебя, потому что ты и из-за царского достоинства, и из-за женской природы, и всего, что в том и в другом состоянии трудного, по-видимому, могла бы и уступить, и отречься от благочестия, но на самом деле, наоборот, благородно воспротивилась, получив венец исповедничества и нисколько не увлекшись привязанностью к земным предметам.

Твое настроение, госпожа моя, действительно царское, душевное достоинство — возвышенное. Ты блаженна, скончав свой подвиг. В сем роде ты воздвигла знамя своей богопочтенной добродетели. Имя твоё стало хвалёно на небе и на земле. Вот теперь по своей добродетели ты царствуешь в мире в большей степени, чем когда была увенчана златоукрашенной диадемой. Благословенна ты в царицах. Теперь ты слава монахинь. Теперь ты свет для мира; правда, ты была им и раньше, но не в такой мере.

Молю тебя, стой ещё, не падай духом, ибо Бог — твой Покровитель и от Его силы падет пред тобой всякий, кто вознамерится повергнуть тебя. Раньше ты подверглась неизгладимому оскорблению от царя и супруга, — и из-за этого как долго и как сильно волновалась Церковь Божия! Не случится ли то же и теперь? — Тогда дьявол мог это сделать, ибо имел

силу над державным. Но теперь не то, ибо от тебя зависит предпочесть лучшее. Бог, на Которого ты уповаешь, верен дать тебе венец за несение подвига. Только прошу тебя ради Христа Иисуса, твоего Владыки и Жениха, ещё немного, ещё несколько перенеси оскорбления и угрозы, которые перед твоей твердостью разлетятся, как морская пена. Из духовной любви прими мое письмо. Воздай мне за него святой твоей молитвой.

ССXLI. ВДОВЕ СПАФАРИЯ

Ещё раньше я от многих слышал о твоей выдающейся богоугодной жизни. А теперь и по опыту, по твоей посылке моему ничтожеству, я узнал, что у тебя в сердце есть семена благочестия, ибо ты помнишь страждущих за Христа. Поэтому же, как слышно, ты избегаешь общения с еретиками. Благодарение Богу за твою скромность.

Ты, госпожа моя, была супругой известного и всем любезного доброго человека. Добродетельный муж твой был давно нам знаком. Вы всегда любили монахов и снабжали нуждающихся. И теперь, как я узнал, под вашей благословенной кровлей нашел гостеприимство наш сын Литой. Имена же прочих, за которыми ты ухаживала, ты сама знаешь. Благ твой труд, благословенно вдовство. Пребывай во всех отношениях угождающей Христу и да получишь, уважаемая госпожа моя, за нас награду в вечной жизни.

ССXLI. ЖЕНЕ ИПАТА

Прочел твое письмо, уважаемая. За твое здоровье я, смиренный, прославил Бога. Говоря о здоровье, я

¹ Первая жена императора Константина VI, после развода с которой, он женился на Феодоте.

имею в виду не столько телесное, — ибо для некоторых оно бесполезно, когда не ведет к исполнению заповедей добродетели, — сколько душевное, ибо его нужно всегда желать. Из чего я об этом знаю? Из того, что хранишь себя целой от общения с богоборной ересью, из страха перед Богом и по вере православной. Поэтому и я рад, что стал советником столь божественно настроенной женщины.

По поводу твоего несчастья, я немало с тобой погоревал, что ты постоянно подвергаешься бедствиям. Как могу, ничтожнейший, молюсь, чтобы по милости Божией рассеялись несчастья, посылавшиеся на тебя, также о милости Божией чадам и слугам твоим. А ты, почтенная женщина, с благодарностью переноси печали, ибо *кого любит Господь, того наказывает* (Прит. 3, 12). Ведь через печали можно достигнуть вечной жизни. Советую тебе относиться к подчиненным с пощадой, *умеряя строгость*, как говорит апостол (Еф. 6, 9), *зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь*. Я знаю, что ты относишься к ним человеколюбиво. Не тяготись моим напоминанием, сделанным по любви. Господь мой да сохраняет тебя всегда беспечальной и прямо шествующей по пути Его заповедей.

ССХLII. ИГУМЕНУ МАКАРИЮ

Еще до чтения, как только я взял в руки святое письмо твоего блаженства, богочестный отец мой, моя смиренная душа почувствовала облегчение. А когда я прочел письмо и узнал причины запоздания его, освободился от всяких подозрений, в тайне огорчавших мое смирение. Удостоверившись, что духовная любовь твоего боголюбия остается по-прежнему искрен-

ней к нам, ничтожным, я прославил благого моего Бога. О, всеобщий примиритель, Боже и Господи, пусть она всегда остается неизменной! Знай, боголюбивейший, что мы искренно любим тебя и сохраняем неразрывный союз любви; например, еще раньше мы были ею побуждены написать тебе, когда ты приступил к подвигам благочестия, но не потому, что наше ничтожное письмо могло принести какую-нибудь пользу или было в силах укрепить. Презренные и в слове, и в жизни, мы далеки от этого, а действуем, как того требуют условия времени и чувство любви. Поэтому же мы были принуждены написать и другим отцам и братьям.

Хорошо и вполне справедливо сказала твоя честность, что нужно пользоваться обстоятельствами, ради гонителей и не по-братски мыслящих. Кто не восстает над их падением? Так оно упорно и опасно для всей Церкви! Или, потеряв рассудок, они думают, что действуют наиболее удобным образом? О, дурное начало и корень! Ты знаешь, отец, о ком я говорю. По его примеру и прочие увлеклись этим безумием. Но можно ли без слез вспомнить о флувутском игумене? Относительно прочих это дело привычное и не так поразительно. Но об этом муже что сказать? Что думать? *Как упал ты с неба, денница* (Ис. 14, 12)? Как повержен столп, восходивший до небес?

Я почти оцепенел, услышав об этом, — так все показалось мне совершенно невероятным. Я давно знал его непосредственно. И когда я ехал сюда в ссылку, увиделся с ним по пути и выслушал свидетельства о готовности к мученичеству; тогда он, по его словам, убедил даже Никейского митрополита не входить в общение с еретиками и пригрозил ему отделиться от него, если это сделает. И вот таковой стал

общником христорборцев. И что заслуживает особенного сожаления, он, как я слышал, совершенно не сокрушается о своем нечестии, не желает обратиться к Богу даже со словом молитвы о прощении за это. Не дивно ли это, человек Божий? Не исполнилось ли слово пророка, что *и пророк и священник осквернились* (Иер. 23, 11). *Кто даст главе моей воду и очам моим источник слез, чтобы плакать о столь великом поражении* (Иер. 9, 1). Честные и почти золотые сосуды превратились в сосуды глиняные (2 Тим. 2, 20).

Но что я плачу о чужих несчастьях? Обращу лучше плач на самого себя. Как мне спастись от лукавого? Сильные поскользнулись, а я, слабый, как выдержу предстоящую борьбу? Поэтому прошу твое преподобие, хоть ты, избранник Божий непреклонный, стой крепко, утвердившись на недвижимой вере Христовой. Укрепляй и утверждай своей стойкостью вместе со многими другими, в ком есть дух жизни, и мою худость, готовую все перенести за Христа и ради Христа, но недостойную по своим неисчислимым грехам. Великая десница Господня да соблюдет тебя, моего отца и владыку, крепким и сильным с помощью Божией против врагов Божиих.

ССХLIII. ИГУМЕНУ АФАНАСИЮ

Я уже давно беспокоился и хотел узнать о твоём преподобии. Нужно ли говорить, какое удовольствие и радость принесло мне твое письмо? Узнав о твоём здоровье, о телесном состоянии и о состоянии честной твоей души, я отложил заботы и прославил благого Бога нашего. Ведь каково твое письмо! Оно полно братской любви, проникнуто божественным мужест-

вом, пышет огненной ревностью, изобилует истинными дарами Духа. И это, несмотря на то, что ты в окопах, сидишь в тюрьме.

О, прекрасное твое исповедание! О, стойкое сердце! Ты претерпел за Христа бичевание не один раз, а дважды. Будучи избит, ты гордился, изгнание ты принял с радостью. Мучения за Бога стали для тебя предметом наслаждений. Поэтому я величаю тебя своим отцом и отцом многих, борцом за благочестие, столпом и утверждением истины и, конечно, исповедником Христовым.

О тебе нельзя сказать, будто ты, пройдя первый круг в беге мученичества, затем ослабел и обратился назад, подобно поскользнувшемуся стороннику Иосифа. К ним вполне применимо такое выражение: *никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62). Велико их нечестие, ещё больше их позор в мире и осуждение на мельничный камень за соблазн (Лк. 17, 2).

Но ты один за другим совершил много прекрасных подвигов, и я уверен, — с помощью Божией ещё совершишь до получения венца за все. Радуйся, сильный Афанасий! Радуйся, носящий великое и почетное для всех имя, оно дано тебе вполне справедливо¹. Радуйся, многоколосное прозябение Господа, Который, видя тебя, утешается. *Как юноше содержать в чистоте путь свой?* — *Хранением себя по слову Твоему* (Пс. 118, 9). Радуйся, дражайший мой сын и отец, сын по силе любви, отец — по достоинству, мой собрат по трудам и сподвижник, если только можно принять в расчет и меня, негодного,

¹ Афанасий — бессмертный (греч.).

ибо я ничего хорошего не сделал и не внес в Церковь Божию. А если что и сделал, то только по Божией милости и с помощью вашего примера и взаимной поддержки, *дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, как написано, многие возблагодарили за нас* (2 Кор. 1, 11).

Таково небольшое приветствие от меня, ничтожного. А ты, священная глава, созидая на добром основании, соверши себя в дом Божий, будь готов до крови пострадать за исповедание Христа. Молитвенно всегда желай и мне того же, чтобы я по своим грехам моим не был отлучен от священной вашей троицы, равным образом и от прочих равночестных вам отцов. Ведь есть еще такие, *чьи колени не преклонялись пред Ваалом* (3 Цар. 19, 18).

ССХLIV. МОНАХУ ФИЛИППУ

Мы рады получать известия о тебе, духовное чадо. По какой же именно причине? Ранее, в присутствии эконома и братии ты перед Богом и избранными Ангелами открыто заявил, что ты — чадо наше, и сопричислил себя к прочим братьям. Теперь же, по усении твоего отца по плоти, ты был избран предстоятелем тамошней братии при посредстве брата и чада нашего Феодула, посланного от эконома и представляющего наше лицо и подчиненных ему братьев, сообща содействовавших твоему избранию. Мы, смиренные, силою Святого Духа утвердили постановление — быть тебе игуменом тамошнего монастыря. Мы приняли это решение, как если бы сами выбрали тебя и поставили во главе той братии, и через тебя взяли всех под свое руководство. Мы радуемся этому и считаем тебя своим последователем и учеником

между тамошними монахами, руководителем других о Господе.

Имей в виду, чадо, что ты должен жить боголепно и по правилам, подражая нашему братству и следуя всем заповедям Божиим. А так как теперь особенно требуется сохранение православия, то блюди себя, чадо, совершенно устранившись от общения с еретиками. Будь готов ко всякой печали и притеснению за Христа, за Которого всюду идет война гонения. Мужественно выдерживай нападения врагов веры, не падай, не предавай истины, чтобы не предать Христа.

Если нужно будет подвергнуться гонению, прими его с радостью, ибо хорошо быть скитальцем вместе со Христом. Если обстоятельства потребуют и дальнейших подвигов, отдай тело свое на бичевание и кровопролитие во свидетельство за Христа. Одновременно побуждай к таким же страданиям и своих подчиненных, уча, вразумляя, умоляя, укрепляя, вооружая, как добрый передовой воин Христов.

Во время своего земного странствия благоугоди Богу, призвавшему тебя Себе на службу; не предавайся пристрастию к земному, ибо все — преходяще и чуждо нам. Ибо все люди — пресельники и скитальцы на земле. Где произведший тебя на свет? Не отошел ли? Не покинул ли он все, взяв с собою лишь ношу своих дел, добрую или худую?

Если ты так управишь свое жительство, то пребудет с тобою дух моего смирения. Я признаю, что ты — мой честный брат, родное чадо, принимающее участие в нашем братстве, точнее сказать, в уделе святых. Ты получил в управление паству Христову, бодрствуй, паси, трудись, как Иаков, и в холод умственной ночи, и в жару дневную, укрепляя ослабевшее,

возвращая заблудшее, перевязывая сокрушенное, молитвами отгоняя духовных хищников, во всех случаях являя собою образец добрых дел, чтобы благоутробным пастырством сделать себя достойным небесного царства.

Молись и о нас, чтобы мы шествовали, исполняя то, чему учим по заповеди Божией. Будь здоров, боголюбивый муж.

ССXLV. КУРАТОРУ КОНСТАНТИНУ

Написать тебе, добродетельный человек, побудило меня доброе известие о тебе, честнейший, дошедшее до моего слуха. Какое же? А то, что, кроме других своих добродетелей, которыми ты обладаешь по милости Божией, ты соблюдаешь незлобивость, сохраняешь православную веру, как сокровище, в тайне честной своей души и удаляешься от общения с еретиками. Я принес Богу великое благодарение по тому поводу, что миряне, наравне с монахами, стараются благоугодить Господу, уклоняясь от бездны ереси. Действительно, брат, это бездна и сеть диавола. Попавшего в эту сеть общение с еретиками отлучает от Христа и отгоняет далеко от стада Господня.

Каково различие света и тьмы, таково же и православного причащения от еретического общения. Первое просвещает, второе — омрачает; одно соединяет со Христом, другое — с диаволом; одно оживляет душу, другое — убивает. Ты хорошо делаешь, что стремишься к источнику жизни, а не черпаешь из смертоносной чаши нечестия, конец которого — вечная гибель.

Считаю тебя вполне блаженным. Но смотри, как ты начал свою жизнь, так и окончи ее силой Христа,

ибо Он ради благого конца примет тебя в Свое царство и в славу. Единоверный брат, молись и о нас грешных.

ССXLVI. ЕПИСКОПУ СИСОЮ

Возлюбленное мое чадо, брат и отец! Получив письмо твоей святости, я прославил благого Бога нашего за то, что у тебя есть и смирение, и крепкая вера, и горячее рвение, и благодушие в терпении, и мудрость в слове, которой не мог противостоять сын погибели и неразумная тварь. Благодарение Богу, давшему тебе открыто говорящие уста и язык, поражающий еретическое суесловие.

Я узнал, что ты осужден на пытку, и тебе, родной мой сын и многожеланный отец, теперь предстоят награды за дальнейшие подвиги. Прошу тебя — стой, молю — мужайся, простираю руки — побеждай, припадаю к ногам твоим — яви дела силы Божией в сей немощной плоти. Пусть палач откажется от следующих за тобой, побежденный твоими подвигами.

Воссияй среди епископов, как свет для меня; отчисись среди монахов, жизнь моя; увенчайся с исповедниками, мое сердце и глава моя. Да восхвалят за тебя Бога небо и земля; да прославят Его иереи и иерархи, также и монахи, каждый находя в тебе сродные черты для украшения своего достоинства.

Пусть мы бедствуем, голодаем, истаиваем от жажды, нищенствуем, прибавлю, терпим бичевания, пусть у нас ноги в колодках, на шее узел, меч, наконечник, впереди костер — что это в сравнении с небесным царством, в сравнении с обещанными благами?! С другой стороны, возможно ли, чтобы страдающий за Христа не получил помощи от Христа, Который не

попускает нам искушиться больше, чем мы можем вынести? Разве не Христос умерщвляет и живет? Не будем, брат, падать духом, ибо говорится: *Уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией* (Рим. 8, 38, 39). Таких надежды я питаю относительно тебя. И ты, отложив похвалы, которые не по достоинству расточаешь мне, молись также обо мне, ибо я — последний среди всех людей.

ССXLVII. ЧАДУ ВИССАРИОНУ

Письмо твое, чадо, я прочел с удовольствием; из него я узнал о твоём здоровье, терпении и утешении. Блажен ты, чадо мое, Виссарион, страдающий за Христа, осужденный нечестивцами на темничное заключение; оно для тебя слава и венец. Что, по твоему мнению, испытывают критяне, узнав, что ты — исповедник Христов? Ты прославил свой род, отечество, меня, недостойного, и, конечно, своих братьев.

Изоощрай свой ум в познании Божественных истин, заграждай уста нападающих на тебя еретиков, ибо Христов образ есть Сам Христос, конечно, не по природе, а по имени, ради которого почитается, и наоборот¹. То же касается образов Богоматери и каждого из святых.

В терпении своем стяжи себе награду. Поминай и меня, грешного, молись, чтобы мне достигнуть совершенного спасения.

¹ Т. е. вследствие общности имени непочтительное отношение к иконе Христа есть оскорбление Самого Христа.

ССXLVIII. ЧАДУ ИПАТИЮ

В письмах твоих, чадо, мне понравилось, что ты стремишься к тому же и любишь именно то, что и я люблю о Господе. Поэтому я принимаю и прежнее твое предложение, и позднейшее смирение. Итак, чадо, благоугождай Богу вместе с братом Лукианом. Неприлично, да и соблазнительно жить вам отдельно не только потому, что вы братья, но еще и ввиду того, что вы далеки от меня. Разве не достаточно одной разлуки, неужели нужна вторая? О, какое зло! Прошу вас обоих, не делайте этого, хотя бы наперекор диаволу, завидующему вашему единодушию и внушающему вражду между вами или сближение с другими братьями, чтобы тем или иным путем добиться вашей разлуки. Но мы, проникая в его замыслы, приневолим свои природные склонности и путем смирения привлечем к себе милость Божию, чтобы нам не разлучаться. Да будет с вами Христос.

Кто выше между апостолами? Иоанн предоставляет Петру говорить к народу. Когда же говорит Павел, Петр умолкает. Ведь целью апостолов было не захватить первому власть, а выполнить нужное, и поэтому у них соблюдался порядок. Поступайте так же и вы, подражая святым.

Я рад, что вопрошающие получают от тебя слово, и не простое, а с советом, но без особенной нужды не попадайте на глаза женщинам, встречи с ними допускайте в крайних случаях, это необходимо, чтобы в то время как мы заботимся об исцелении других, нам самим не оказаться пораженными и не поразить. Имей в виду, что склонность к блужданиям бесполезна и разрушает душу. Сохрани мне себя в целости.

ССХLIX. ЧАДУ ВАССИАНУ

Чадо мое Вассиан, я опять навещаю тебя письмом и приветствую о Господе. Стой, торжествуй, радуйся, что за Христа удостоился быть в темнице, в уединении, в огорчении, в тесноте. Немного позже, к концу подвигов воссияет тебе неизреченная радость. Поэтому смирись, чадо, укрепляйся о Господе, помышляя о вечной награде, ибо будешь вечно торжествовать.

Смотри, как диавол каждому строит козни, ища нашей гибели, стараясь подвести нас к преткновению, омрачить ум. Не уступай ему. Бодрствуй даже в темнице, ибо здесь, когда мы уединены и никто не развлекает нас, он особенно ожесточается. Прибегай к рукоделию, чтению, стихословию, молитве, небесным размышлениям, дабы он не сразил тебя, незанятого, застигнув без дела. Чем чаще он мечет в тебя стрелы, тем больше укрепляйся в страхе Божиим. Не поддадимся ему ни в каком случае. Великое дело — спасение, но для этого нужны и великие подвиги. Да простится тебе прошлое, бывшее до этого времени. Ныне я начал, — скажи и ты: *вот изменение десницы Всевышнего* (Пс. 76, 11).

Поминайте мое смирение. Тебя приветствуют твои братья, окружающие меня. Господь с тобою.

ССL. ЧАДАМ ЕВОДИУ И ИОАННУ

Теперь, когда я получил твоё письмо, чадо мое возлюбленное, я с удовольствием узнал о твоей истинной вере и любви, а равно, о благородной и священной твоей ревности, какую ты питаешь к истине Божией, будучи готов перенести все ради Бога. Благословен Господь, так устроивший и уготовавший.

Это очень обрадовало меня, усилило мою любовь к тебе и, наконец, укрепило меня. Ибо когда вы проливаете свою кровь за Христа, я, смиренный, укрепляюсь. Дух Святый да сохранит вас в этом расположении. Слова: *за Тебя умерщвляют нас всякий день* (Пс. 43, 23) указывают именно на эту готовность и расположенность. Я говорю о многих, потому что слышал, что при тебе живет теперь и брат Иоанн, также возлюбленное мое чадо.

Прошу вас, молитесь и обо мне, смиренном, чтобы мне совершить о Господе предлежащий нам подвиг, не только видимый, но и умственный. Живущие со мною братья ваши целуют вас. Благодать да будет с вами. Аминь.

ССLl. ЧАДУ ДОРОФЕЮ

Опять пишу тебе, любезное мое чадо. Твое письмо, которое я получил, содержало ответ на мои прежние письма.

Итак, спрашиваю, как поживаешь? Как проводишь свои дни? Знаю, что хорошо, разумею, что по правде Божией. Может ли быть что-нибудь приятнее, чем страдания за истину? Но для тела, — ты заключен в темницу, и очень плохую темницу, — это весьма печально. Кроме того, как мне сообщили, хлеб, который тебе подают, несъедобен. Но что это в сравнении с невыносимым твоим надзирателем, военным тюремщиком, а не монахом и тем более не игуменом?

Однако пришло время явиться и людям Божиим, и, наоборот, плевелам, которые на прелюбодейном соборе прикрывались греховными оправданиями. Их нынешние дела подтвердили, что и прежние они совершали в нечестии. Так поступали они. А ты, чадо

мое возлюбленное, по примеру прошлого и теперь страдаешь за Христа, живя в тюрьме за Него, одиноко, но не один, ибо с тобою Христос и страж жизни твоей — Ангел.

Прошу, будем ожидать Господа, уготовляющего нам венцы за терпение. Хотя и мучит нас нетерпение, однако, будем наслаждаться надеждой. Если и терпим стеснение в нуждах, будем одушевляться упованием. Что ж? Разве Бог не в силах невидимо одождать хлеба или вообще что-нибудь иное съедобное? Но Он дает место нашему терпению, чтобы прославить и возвеселить нас во веки. Да, чадо, молю, переноси все с мужеством, проводя день за днем, и продолжительность времени пусть не внушает отчаяния душе твоей. Ибо мир этот, как сновидение. Все пройдет. А творящий волю Божию будет жить вечно и не умрет. Укрепляя постоянно этими мыслями свою душу, радуйся, что награда твоя велика на небесах (Мф. 5, 12).

ССЛII. ЧАДУ ДОРОФЕЮ, ДРУГОМУ

Здравствуй, добрый Дорофей! Да будет тебе благодать и милость от Бога и Господа Иисуса Христа, укрепившего тебя предать себя на бичевания и раны ради Него, на заключение и изгнание. Откуда у тебя это благо? Из неизвестных ты стал известным, из незнатных славным, из последних среди братьев твоих о Господе — великим и почтенным. Видишь, как я смиренно беседую с тобою? Многие постарше тебя сильно желают получить от меня хотя бы одно слово, а тебе я написал хвалебное письмо. Так Бог прославляет прославляющих Его.

Хвали Бога, благодари Его, что сотворил тебе великое и дивное, так что ты теперь называешься Его

исповедником среди христиан. Воссияв в Церкви, ты затмил собою многих епископов, игуменов и подвижников. Имей в виду свое признание, посмотри на свою славу. Не воздремли, не отпади, терпеливо подвизайся до смерти, ибо говорит Писание: *претерпевший до конца спасется* (Мф. 10, 22). Блуди себя со всякой осторожностью, чтобы не впасть тебе в какую-нибудь позорную страсть. Соблюсти свою совесть чистой от греха — это уже великое мученичество. Постоянно очищай себя покаянием, слезами, молитвами, молясь и обо мне, грешном, да избегну всякого злого деяния. Низко кланяются тебе твои братья, окружающие меня. Бог да соблюдет тебя, мое возлюбленное чадо, невредимым во всех отношениях и без ущерба, чтобы тебе исполнить подлежащий тебе подвиг о Господе. Аминь.

ССЛIII. ЧАДАМ ТИТУ И ФИЛОНУ

Добрый Тит и добрый мой Филон, какое дивное зрелище! Среди многих своих братьев именно вы избраны Богом быть Его исповедниками и за это оказаться в темнице! Конечно, это потому, что вы возлюбили много и поистине уверовали. Итак, благодарю Бога моего и Господа, сотворившего вам величие. Смотрите, братия, стойте, как я вам и раньше писал, мужественно, без робости, крепко, ибо вы призваны Богом. Прославьте Его в членах своих, не слушайте еретических наставлений. Не склоняйтесь пред темничными злоключениями, помня слова: *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22).

Поминайте и меня, грешного. Приветствуют вас окружающие меня братья. Господь да будет с вами. Аминь.

ССLIV. К НИКОЛАЮ ПОВАРУ

Как, по твоему мнению, я могу оценить твои посылки и милостыни, возлюбленный муж? Тысяча талантов не доставила бы мне большего удовольствия, ибо это посылки от православного человека, сохраняющего любовь к древнему благочестию и не увлеченного в общение с ересью. Меня сильно удивляет, что среди огня ты остаешься неопаленным. Конечно, по Божью Промыслению ты и впредь останешься таким, чтобы принести Богу великий дар — дар собственного спасения. Я очень утешился и ублажил тебя за то, что моего письмоносца, бывшего на чужбине, ты в праздничный день пригласил к участию в обильной трапезе. За это Господь в день Суда да даст тебе ложе рядом с Авраамом и Исааком (Мф. 8, 11), да увидишь в радость вечную.

ССLV. МИРЯНИНУ ИСИДОРУ

Я опять причинил тебе, человек Божий и искренний мой друг, затруднение своими посылками. За это да возмерит тебе Господь небесной наградой, которую ты просишь от Господа и ради которой ты ведешь девственную и благоговейную жизнь, молясь в церкви, пребывая в трудах благочестия, как почитатель монашества, как искренний человек, живя дома безвыходно, как патриарх Иаков.

Еще прошу, держись благочестия и удаляйся от еретического общения, памятуя об ответе, который мы должны будем дать на Судище Христовом. Помни о нас, уважаемый и любезнейший мой, творя святые молитвы.

ССLVI. К ИГУМЕНИИ

Брат возвестил мне, что видел тебя, уважаемая, здравствующей духом и терпеливо сохраняющей надежду. И я прославил благого нашего Бога, и в слабой природе явившего Свою силу.

Действительно, блаженна ты среди монахинь и даже вообще среди женщин. В эти дни, когда не только женщины твоего образа и постриженницы, но почти все монахи и игумены Византии увлечены, ты с немногими другими предпочла пострадать за Христа, но не вступать с еретиками в общение, отлучающее от Христа. Ибо всякий, вступающий в подобное общение, отделяется от Христа, подобно Иуде, и становится соучастником предавших Христа на распятие. Ведь уничижающие и отвергающие икону Христа и равным образом Богородицы и каждого из святых — такие же гонители и распинатели Христа, как и древние иудеи.

Смотри, раба Христова, не посрами Призвавшего тебя к исповедованию Его. Ты — семя святых, не говорю о плотском твоём происхождении, хотя и оно свято, но разумею первомученицу Феклу, Февронию, Евгению, Матрону и им подобных. Я упомянул о Матроне, ибо в ее времена свирепствовала ересь и, так как многие из монахинь решительно отказывались от еретического общения, как и вы теперь, то проклятые еретики в припадке несдержанного безумия насильно раскрывали им уста и вливали свое причастие. Но то, что делается чужою рукой, не является добровольным. Так и тебе предстоит много соблазнов за Христа. Но мы ни в коем случае не склонимся. Христос — наш Помощник, хотя бы нас искушали даже до крови. Ради Господа, молись о нас, чтобы и мы, грешные, не отпали от Христа.

ССLVII. ИОАННУ, ЕПИСКОПУ ХАЛКИДОНСКОМУ

Я уже давно, подобно обътому страстью, желал войти в письменное общение с твоею отеческой святиней, приветствовать тебя и сообщить тебе, какова и сколь велика моя любовь к тебе. Благодарение Богу, это желание мое, наконец, исполнилось, когда в виду одинаковых наших с тобой страданий за истину моя давняя любовь к тебе особенно усилилась. Ведь там, где единомыслие в вере, там, разумеется, и союз любви. А где союз любви, там главное сокровище — Бог, за Которого и ради Которого страдают.

Но наше страдание и не заслуживает упоминания, ибо с разных точек зрения оно ничтожно. А страдания твоего преподобия и тебе подобных являются для всех деяниями величайшей славы, ибо вы решили подвергнуться опасностям и перенести всякие мучения за Христа. Ведь как горько, что твое богочестие пребывает в заключении далеко от столицы, что ты ежедневно терпишь труды и связанные с изгнанием болезни и заботы о необходимом и для тела, и для духа, и все это, несмотря на телесную болезненность и непривычку, хотя, с другой стороны, ты достаточно укрепил себя в добровольных трудах подвижничества.

Однако, хорошо, что из целого собора епископов Церковь сначала сделала тебя, твердейший из отцов, украшением сонма исповедников, а теперь и стражем своих благочестивых догматов. Может ли быть иначе, коль скоро ты страдаешь за веру и не подчиняешься гонителям Христа, хотя им самим и кажется иначе. Ведь икона Христова есть Христос точно так же, как образ Креста есть Крест. Не говорю уже об иконе Богородицы и кого-либо из святых, ибо ты, божест-

венная и священная глава, сам знаешь это, — можешь и нас, непосвященных и немудрых, посвятить и умудрить в этом.

Как понимать это ужасное нечестие? Это — подготовка к пришествию антихриста, как бы образ его, который и борется с образом Христовым, ничем не отличающимся от Первообраза. Такова природа того, о чем мы говорим. Поэтому, чем больше сила нечестия у христорборцев, тем пышнее у нас торжество исповедников, совершенно не уступающих древним Христовым мученикам. Их венец да получишь и ты, треблаженный.

Молись о мире Церкви и о том, чтобы и мне, ничтожному, по величайшей тяжести грехов, которую ношу, не отстать, следуя по твоим стезям.

ССLVIII. ЧАДУ ЕВФИМИЮ

Будь здоров, любезное мое чадо Евфимий. Не перестаю поминать тебя в своих смиренных молитвах, всегда помня о твоей нелицемерной вере и любви, как ты с первого же дня прекрасно пребывал во смирении и как в самый день разлуки обнаружил свойства своей любви и постоянной готовности к послушанию, как-то раз пришел и принес мне необходимое в дом задержавшего меня архонта, в другой раз совершил морское путешествие и укрепил во мне прекрасные надежды относительно братий, содержащихся под военной стражей в Студийском монастыре.

Также ты хорошо рассудил, что, несмотря на опасность, со всей братией анафематствовал врага Антония, уничтожавшего святые иконы. За это ты подвергся бичеванию с прочими девятью братьями, отличающимися мужеством. Ты совершил, чадо, подвиг мученика, воина Иисуса Христа.

О, возвышенный твой ум! О, твердость твоего сердца! Ты первый был бичуем за Христа и со Христом и после ударов поднялся окровавленный и с растерзанной плотью. Ты не испустил жалобного вопля, не пал на лицо свое, а произнес слова, которые повторяют все: «Не бойтесь, братья, — это ничего не значит». О, святой твой язык! Эти слова пристыдили грозного мучителя, который приказал еще бить тебя за это, и воодушевили твоих братьев подвизаться по твоему примеру и, — что самое главное, — были угодны Богу, уготовляющему тебе венец правды. Только, чадо, будем подвизаться до конца добрым подвигом. Верю, что Бог, открывший для вас этот подвиг, силен и совершить его.

И будучи в изгнании, брат, словом и делом помогай изгнанным вместе с тобою. Молись и обо мне, смиренном, чтобы я мог все перенести ради Христа, ныне гонимого через посредство святой Его иконы. Приветствуют тебя окружающие меня твои братья. Благодать Господа Иисуса Христа да будет со духом твоим. Аминь.

ССLIX. ЧАДУ ИПЕРЕХИЮ

Хорошо, Иперехий, хорошо, дитя мое. Хороший подвиг ты удостоился совершать ради Христа: был бичуем, заключен в темницу, изгнан, сопричислен к исповедникам Христовым. Откуда тебе такая милость, этот дар небесный, — видеть свою кровь пролитую за Христа и тело истерзанным бичеваниями? Смотри, брат мой, не забывай об этом благодеянии, задремав, не отпади от Бога. Прошу, бодрствуй над своим спасением, чтобы претерпеть до конца. Ведь блаженство достигается не одним лишь началом, а и

совершением подвигов. Ты испытал боли от ран, перенеси, чадо мое, и труды подвижнические, отгоняя от своего сердца лукавые помышления, которыми человек побуждается к деланию греха. Страшен Бог. Он — огонь, потребляющий Своих хулителей. Будем избегать дерзости, этой двери греха. Твое жилище пусть будет свободно от соблазнов и преподобно.

В твоём распоряжении псалом, песнь, молитва. Читай, плачь. Всегда помни о смерти, о дне Суда, когда все предстанет обнаженным и неприкрытым. Какой будет страх и трепет для подобного мне грешника и какая радость и веселие для праведника! Да, чадо, будем строго наблюдать за собой, чтобы свое сокровище, то есть душу, представить Богу в целостности и чистоте. Правда, она оскверняется худыми помышлениями, но опять очищается чрез покаяние слезное.

Молись обо мне, грешном, чтобы мне совершенно спастись. Живущие со мною твои братья приветствуют тебя. Благодать с тобою. Аминь.

ССLX. ЧАДУ АФРОДИСИЮ

Радуйся, Афродисий, чадо мое, вернее — чадо Бога, за Которого ныне и идет борьба. Что произошло с тобою, что ты так твердо решился дать свою плоть за Христа и так стойко, подобно адаманту, вынес многочисленные язвы? Радуйся, воин Христов! Смотри, к чему призвала тебя благодать, как ты сразу взошел на высоту добродетели, освободившись от прежних недостатков. Ты прославил Бога, чадо мое, почтил страданиями твоего тела и меня, грешного. Вместе со славной дружиной ты воссиял среди братьев, как утренняя звезда, стал столпом Церкви Христовой. *Блажен ты, и благо тебе* (Пс. 127, 2).

Но имей в виду, что твое дело в настоящую минуту еще не окончено. Нужно быть твердым до конца, чтобы таким образом получить венец. Мужественно переноси бедствия изгнания. Будь готов даже умереть за святую икону Христову. Берегись дерзости. Бдительно следи за невидимыми врагами. Радуйся в надежде. Переноси огорчения. Бодрствуй в молитвах. Молись, чтобы вместе с вами спасся и я, грешный. Приветствуют тебя окружающие меня твои братья. Господь с тобою.

ССLXI. ЧАДУ АММОНУ

Радуйся о Господе, чадо Аммон. Целую тебя устами сердца своего. Венчаю тебя похвалами за то, что ты хорошо подвизался, был бичуем за Христа и легко вынес многочисленные язвы. О, если бы мне удостоиться облобызать твою плоть, растерзанную за Христа, если бы и мне, грешному, приобщиться твоим страстям! А расположение твое я уже разделяю. Я рад, что у меня, грешного, такое чадо, кровь которого вместе с кровью его сподвижников-братьев стала свидетельством за истину Церкви Божией, ссылака которого есть изгнание ереси.

Ты в одно мгновение принял раны, и видишь, какими похвалами тебя воспевают. Что же будет на всеобщем Суде, когда Господом будут приняты в небесное в Его царство благословенные Отца Его? Поэтому будь смел, стой. Не останавливайся, как бы уже закончивший свой путь. Впереди еще подвиг, еще состязание. Если будет нужно, отдадим себя на заключение за святую икону Христову. Да, чадо мое, прошу, не вознерадим о нашем подвиге, об изгнании. Заслуживает похвалы не тот, кто только начинает, а тот, кто доканчивает дело Божие.

Нас ежедневно окружают мысленные враги, стреляющие в нас стрелами помышлений. Не упускай их из виду. Облекись в броню веры, любви, надежды. Я слышал, что ты содержишь себя чистым от дерзости, и рад этому, ибо дерзость — мать всех пороков. Бог да вдохнет в тебя, чадо, мужество, да укрепит и приготовит тебя на всякое дело доброе.

Молись и обо мне, грешном, о моем спасении. Если при тебе живет твой брат по плоти и духу, а мое чадо — приветствую его. Окружающие меня твои братья целуют тебя. Благодать с тобою. Аминь.

ССLXII. ЧАДУ СИМЕОНУ

Радуйся, чадо Симеон, благодатью призванный исповедать Христа. Видишь, Христос не возгнушался тобою за твое прежнее отступление, но благоволил тебе быть бичуемым ради Него, подвергнуться издевательствам, темничному заключению, и, наконец, изгнанию вместе с подобными тебе братьями. Чем ты воздашь Господу за это, что равноценное принесешь? Только тем, что с долготерпением и совершенной верой соблюдешь полученную благодать неотъемлемой.

Поэтому бодрствуй, трезвись, остерегаясь козней диавола, чтобы он как-нибудь не проник, как-нибудь не подкрался. Избегай вида женщин. Живи, не меняя места. Это я говорю потому, что, как слышал, ты оставил келлию с целью врачевания. Теперь, чадо, время не лечения, а мученичества. Если хочешь лечить — врачуй словом болящих душою. А лечить телесно больных позволительно только в том случае, если это удобно делать, живя дома и не переходя с места на место, и то лишь благочестивых мужчин, а не женщин. Это я тебе советую из любви.

Пусть предметом твоего попечения и душевного трепета будет закон Вышнего, занимайся рукоделием, ибо безделье — мать греха. Принимай и далее раны за Христа и даже славную смерть, если Господь удостоит тебя этого. Молись и обо мне, грешном, чтобы мне получить полное спасение. Живущие при мне братья приветствуют тебя. Господь да сохранит тебя невредимым во всех отношениях. Благодать с тобою. Аминь.

ССLXIII. ПРЕСВИТЕРУ ФЕОФИЛАКТУ

Твое письмо, честнейший, открывает твои добродетели: своим надписанием оно обнаруживает твое смирение, своим содержанием — силу. Доказательством величайшего твоего благочестия, священный муж, служит то, что ты соприсутствовал мученикам, разделяя их рвение и подвиги, что ты собственными руками похоронил святого Фаддея.

Мне больно за тебя по поводу нечестивой подписки. Но не горюй. Она уже тает и, по мере твоего раскаяния, испарится. Переноси горе и время возбранения священнодействия, до тех пор пока Христос не возсияет весну Православия, Тогда прославишься за дела, совершаемые теперь тобою ради Христа, разумеется с полным восстановлением и признанием твоей священнической степени.

ССLXIV. ЧАДУ ВИССАРИОНУ

Любезное мое чадо, хотя я и не получил ответа на мои письма, по причине, известной письмоноцу, однако не ленюсь писать, несмотря на то, что вместе с братом Николаем и заключен под строгий присмотр. Итак, радуйся, мученик за истину, радуйся, исповед-

ник Христов; радуйся, гордость моя и Церкви. Слышишь, с какими словами обращаются к тебе! Все это дало тебе прекрасное послушание, правая вера, терпение в заключении, бесстрашная и мужественная твердость, принятие бичевания, растерзание плоти, изливание крови, раны от ударов. До какой высоты они подняли тебя! Как преобразили! Ты и еще возвысишься и возвеличишься, если только, святой сын мой, до конца претерпишь все, что может с тобою случиться. Ибо Господь сказал: *Претерпевший до конца спасется* (Мф. 10, 22). Если тебя вновь подвергнут побоям, Христос будет тебе Помощником. Разве ты не знаешь, что, чем сильнее страдания за Христа, тем выше слава и утешение?

Переноси, сын мой, уединение, темницу, стеснение и малодушие. Воздыхай ко Христу, отсекай вражие наущения. Заботься о переживаемом дне и не думай о завтрашнем. Кто дал тебе терпение на сегодня, даст и на завтра, если доживем.

Это все, что я хотел сказать тебе. Не переставай молитвенно желать того же и нам, грешным. Мир тебе от Христа.

ССLXV. ЧАДУ ИОАННУ

Уяснив смысл твоего письма, чадо мое, я возблагодарил Бога моего за то, что ты остаешься невредимым, спасшись из рук гонителей. Будь осторожен, чтобы тебя опять как-нибудь не схватили. Если же это и случится, чадо мое, с твердой душой переноси все за имя Божие, взирая на пример подвизавшихся и теперь подвигающихся братьев.

Превозмогай все верою во укрепляющего нас Христа, призвавшего тебя воспевать Его в рядах пресвитеров. Живи, как священник, будь благочестив,

очищая себя, дабы в чистоте приближаться к Чистому. Молись и о нас, чтобы дела наши соответствовали нашим словам, ибо я — грешный человек. Господь да пребудет со духом твоим.

ССLXVI. ЧАДУ ЕВОДИУ

Получив твое письменное объяснение, возлюбленное чадо, я отложил печаль смиренной моей души, грустившей по поводу происшедшего. Ведь пасть даже на словах — немалое дело. Что говорит об этом Господь? *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32), и наоборот (33 ст.).

Но раз уж это случилось, милостив Бог простить наши прегрешения. Позволив же себе это, убойся Бога и не иди дальше. Пожалей свою душу и меня, смиренного, взирая на подвизающихся братьев. Падшие жалки и здесь, на земле, и там, на небе, если только они не принесут достойного покаяния. О наших делах ты узнаешь со слов письмоносца. Молись о нашем спасении.

ССLXVII. ИГУМЕНУ НИКИТЕ

Еще до получения твоего письма, преподобный, узнав со слов письмоносца о твоих делах, а теперь и прочитав об этом, я громко воспел хвалу Господу за то, что отец — в сонме отцов и светило — в ряду светил. Ведь следовало этому быть; следовало, чтобы похвально прошедший иску́с послушания и своим законным житием достигший игуменства не оказался в рядах увлекшихся по грехам моим вслед за сынами века сего, а как можно скорее отсек себя от них мечом духовным и обнаружил раскаяние более громкое,

чем поражение, взошел на высоту исповедания Христова и осветил мир лучами истины. Таковы дела твоей отеческой святости, возвеселившие православных и поразившие противников, принявших удар от оружия, которое они считали своим. Ведь не так поражает стоящий, как тот, кто по падении восстает силою Господа.

А наше состояние совсем не таково, как о нем с похвалой отзывается твоя дружба, ибо дружба, как говорят, обыкновенно скрашивает истину. Я, смиренный, далек от чего бы то ни было хорошего. Твоя богومилостивительная молитва да поможет мне стать полезным в каком-нибудь отношении и не лишиться общей с вами части, доли святых, в подвиге, который мы теперь проходим.

Смысл этого подвига, думаю, понятен твоему благочестию и заключается в том, что подвизающиеся за икону Христову подвизаются за Самого Христа. Одно от другого неотделимо и в положительном, и в отрицательном смысле. Нынешние исповедники с большим правом, чем прежние, достойны выслушать от Господа: *блаженны невидевшие и уверовавшие* (Ин. 20, 29).

Мой спутник приветствует твою святость, а я — истинного Арсения, мужа по образу мыслей и пламенной ревности, твоего истинного сына, а моего любезного брата.

ССLXVIII. СИЛЕНЦИАРИЮ АНТИОХУ

Твое письмо достойно твоего благочестия, ибо в то время, когда большинство избегает даже приветствовать нас, ты сам пишешь и просишь писать тебе, высказывая недовольство нашим молчанием. По плоду видно, чья ты отрасль — золотого рода, благочес-

тивного корня. Поэтому я тебя люблю, как и твоего блаженного родителя, горячо привязанный ко мне друг. Удивительно, как в эту зиму неверия не увял цвет твоей добродетели, оставшись чистым от еретического общения, судя по тому, как ты пишешь; молюсь, чтобы он и впредь оставался таким. А ведь избежать этого трудно, особенно человеку чиновному, да еще в такое время, когда почти все, из страха человеческого и по пренебрежению к любви Божией, дали увлечь себя. По Промыслению Божию будь сохранен и спасен и от одного, и от другого, наиболее любезный мне во всех отношениях.

ССLXIX. ГРИГОРИУ

Посылки должны сопровождаться письмами. А ты, наилучший из друзей, — я прибавил бы, и самый крепкий из благочестивых, — утешил меня столь обильными и столь разнообразными подарками, письмо же пожалел послать, хотя мог щедро одарить и им из тайных сокровищ своего сердца. Но чтобы не казаться односторонними, мы к первому приложим и второе, т. е. вместе с ответным подарком пришлем и письмо.

Видишь, как я философствую в это время философии? Ибо философия есть средство избежать гибели от ереси, к которой Бог да соблюдет тебя непричастным. За блага, которыми ты нас, смиренных, напитал, да даст тебе Господь в награду вечные блага.

ССLXX. ЧАДУ ЛУКИАНУ

Адам, где ты (Быт. 3, 9)? Это Божий глас не только к нашему праотцу, но и к каждому из тех, кто

отпал от Божественных заповедей. Так, где же ты, чадо и брат? От какой славы мы уклонились, покрывшись покровом позора? И я, усматривая в твоём поражении собственное падение, стенаю и плачу над тобою! Увы мне! Чему ты подвергся! Что стало с тобою!

Но восстань, ибо Бог — Бог кающихся. Обратись к этому первому и последнему лекарству покаяния, — исповедай перед всеми свое беззаконие, чтобы Господь простил тебе грех общения с нечестием. Достаточно указать на это, ибо думаю, что ты в сокрушении и очень огорчен. *Близ Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет* (Пс. 33, 19).

ССLXXI. МИРОНУ

Я задержался с письмом к твоему богочестию из страха перед искушениями, поскольку не имел достаточных сведений. А когда точнее узнал, кто и каков мой господин, узнал, что он хорош и благочестив, я охотно начертал послание, чтобы отблагодарить — и с полным основанием — за то, что ты вспомнил о моем смирении, даже не имея со мною непосредственного знакомства. Это особенно драгоценно в настоящее время, когда даже близкие и друзья, по-видимому, из человеческого страха оставили меня, совсем не думая о Боге и заповедях. Это произошло потому, что одни перестали приносить плод любви, а другие потерпели жестокое крушение в вере, с головой погрузившись в волны ереси.

Но благо тебе, господин мой, что ты, управляемый и любовью, и верой, спасаешь корабль души своей, подвешиванием Духа направляясь в гавань спасения. Поэтому я прославил благого моего Бога, радуясь тому, что и здесь Он имеет неотпавших, в тайне исповедующих,

что Он по бесконечному милосердию соделался человеком. Ибо те, которые не почитают икону Его телесного образа, открыто отвергают, что Он принял наш образ. Поэтому их следует называть иудействующими, хотя притворно они и признают, что Христос принял наше естество.

Ведь, кто из людей не может быть изображен, разве что какой-нибудь изверг, потерявший человеческое лицо? А тот, кто имеет лицо, разве не изобразим? И если Христос имел лицо, в которое плевали богоубийцы, ясно, что Он описуем, то есть изобразим. Если же Он имел лицо и все же не изобразим, как это кажется нечестивым, тогда получается, что Он — призрачное видение. И таким образом манихействующие иконоборцы впадают в нечестие Валентина. Их заблуждения да избежнешь и ты, и всякий другой, близкий тебе по добродетели и благочестию.

Прими, друг, это малое послание, как большое, за все то, что ты прислал моему смирению, которое не может отплатить тебе ничем лучшим.

ССLXXII. ГЕОРГИЮ МИФАНИНУ

О, как прекрасна природа твоей души, друг добрый и верный, друг искренний и боголюбивый, друг, разделяющий страдания и условия жизни. Справедливо говорит Писание, что обретший себя приобрел сокровище, состоящее не из золота, а накопленное со Святым Духом. Таков ты для нас, смиренных, одного посещая, другого с пути принимая к себе, за иным ухаживая, другого утешая, а за иного, взятого под стражу, давая поручительство. Ты знаешь, о чем я говорю. И чего только ты не делал и не говорил, доброго и полезного, как и подобает боголюбивому му-

жу и милосердному человеку, особенно в эти дни, когда и простое дружеское приветствие для нас очень важно. Вот что мы, грешные, получаем от тебя, честнейший.

А тебя Господь да наградит Своими вечными благами. Поэтому, не тяготись совершить до конца свое божественное дело пред лицом спасающего тебя Бога.

ССLXXIII. ПАРДУ МИФАНИНУ

Пишу твоей честности по чувству долга, ибо ты человек Божий, истинный и верный друг. Такой друг узнается в несчастьях, если он не стыдится своей дружбы, но сохраняет знаки любви к Богу и ближнему. А кто действует иначе, те лукавы и человеконенавистники, ибо изменяют свои отношения, смотря по времени и обстоятельствам.

Ты сам знаешь, какое добро творишь. Об этом свидетельствуют и пользующиеся им наши братья, сильно тебя отягощающие, но и горячо тебе благодарные за то, что ты стал для них прибежищем и питателем, очень обязательным и гостеприимным, не приспособляющимся к обстоятельствам, как другие, но боящимся Единого Страшного Бога, Которому ты и служишь в лице братьев. В день воздаяния да объявит Он, что ты благоугождал Ему, оказывал Ему гостеприимство, питал Его.

С такими надеждами радуйся и веселись, человек Божий, и будь уверен, что этим прекрасным своим делом ты приобретаешь великое богатство, богатство не гибнущее, а пребывающее во веки, служащее к приобретению царства небесного. Будь здоров о Господе.

ССLXXIV. ЧАДУ ГЕННАДИЮ

Я прочел твое письмо, возлюбленное чадо. Ты жалуешься, что во время гонения переходишь с места на место, объятый страхом и заботой. Это само собою разумеется под понятием бегства, а кроме этого еще бывает стеснение в предметах необходимости. Но да возвеселит тебя и облегчит твои страдания Господне обещание блаженства: *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5, 10). Разве это обетование не в силах устранить всякое горе и тесноту? *Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову* (Мф. 8, 20). Видишь, насилие делает тебя подражателем Бога. *Употребляющие усилие восхищают царство небесное* (Мф. 11, 12). Переноси, чадо, ради Христа, как ты и раньше переносил, не только гонение, но и темницу. *Кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1, 18). Ты в юности был победителем. Так неужели, став еще разумнее и войдя в возраст, ты не будешь им в большей степени? Да, чадо, молю: всячески ограждай себя, чтобы спастись, как серна от силков и птица от сетей. Молись обо мне, грешном.

ССLXXV. ЧАДУ КЛИДОНИЮ

Только сейчас я нашел время ответить тебе, чадо возлюбленное. Я рад, что ты здоров. Но мне не нравится, что ты уединился, хотя это и произошло не по твоей воле, а потому, что брат Нил задержан. Пожалуйста, постарайся сблизиться с одним из братьев и, по возможности, с рассудительным. Ты знаешь, что каждому угрожает враг, и поэтому требуется душевная безопасность. Как это тебе пришло в голову от-

правиться к авве Леонтию? Хорошо было бы, если бы ты заранее узнал, что он огражден от ереси. Этому и я был бы рад, как раньше советовал блаженному Феодулу. А так как он примкнул к еретикам, дав подписку и приняв общение, почему и отступил от него тот блаженный, то твое отшествие к нему означало только то, что ты уподобился ему и погубил все: и послушание, и исповедание Христово.

Стой же, чадо мое, в обладании истиной. Не переходи с места на место беспорядочно, без нужды. Конечно, Бог, Сказавший: *не отступлю от тебя и не оставлю тебя* (Нав. 1, 5), — не презрит тебя, если ты будешь ходить в чистоте сердца, будет покрывать тебя, питать и всячески промышлять о тебе.

Однако теперь — время печали, и нужно быть терпеливым. Блаженны изгнанные ради Христа. Пусть это тебя радует и облегчает твои страдания. А брат твой по плоти, будучи сам плотью, желает, чтобы и ты стал плотью. Зачем пишешь мне о таких вещах? Взирай на подвижающихся братьев твоих по духу и стремись подражать им, чтобы стать венценосцем. Бог да сохранит тебя, чадо мое. Молись и обо мне, грешном.

ССLXXVI. ГЛАВНОМУ ВРАЧУ ЕВСТРАТИЮ

И раньше, с тех пор как я удостоился приветствовать тебя, я знал об истинности твоей любви, но не знал еще, какова она и сколь велика. От духовного нашего сына Адриана мы слышали о тебе столько хорошего, и это сообщение внушило нам такую любовь к тебе (особенно еще и потому, что ты стоишь выше ереси, оставаясь, как среди пламени, неопаленным

общением с ересью), что мы горячо возблагодарили благого нашего Бога и намерены предстать твоему честному лицу и обнять тебя от всего сердца. Благодарение Господу, имеющему избранных и в Византии в настоящее трудное время, когда под видом преследования и бесчестия святых икон подвергается гонению Сам Христос с Пречистой Матерью Своею и слугами. Ведь уничтожение образа есть открытое бесчестие Изображаемого, хотя этого не понимают гонители Христа. Разве оскорбляющий изображение животворящего Креста не оскорбляет самого Креста? Оскорбляет. Так же должно думать и относительно образа, то есть иконы Христовой.

Да дастся им обращение и да прекратится нечестие. А тебя вместе с госпожою твоею супругой, — нашей, как говорится, родственницей, — да сохранит Господь и на будущее время целыми и невредимыми во всех отношениях. За благодеяния же и гостеприимство, которые с самого начала и до сих пор ты оказываешь брату письмоносни, сообщающему о тебе очень много хорошего, да воздаст тебе Господь обильными наградами. А за то, что ты лишился своих доходов, отказавшись трапезовать вместе с начальником нечестия, да дастся тебе небесное сокровище духовных дарований.

ССЛХХVII. БРАТУ, АРХИЕПИСКОПУ ИОСИФУ

Ныне я удостоился узнать о твоём здоровье и духовном преуспейании не только из почтенного письма, но и из устного сообщения доброго Дионисия, который укрепил мою смиренную душу, изложив подробно все, что собственными глазами видел

во время своего странствования. Не останавливаясь на этом, буду говорить о том, что более достойно внимания: что ты служишь Богу, ради Которого твое пустынножительство и заключение, удаление от лица, но не от сердца нашего, а также разлучение со всей Богом данной тебе паствой. Печально все это. Разве нет? Ты истинно возлюблен и ею, и нами, и при этом отлучен от нее и от нас, словно мечом. Но, желанный и святейший, ты имеешь великую надежду на Бога. И твоя Церковь, и мы сильно гордимся тобою, ибо ты уже один раз перенес это за истину и теперь еще страдаешь со Христом. В сем да усовершит Божественная благодать твой добрый подвиг для получения венца правды в день праведного Суда Господня.

Ты, отче, боишься внутренних невидимых врагов больше, чем видимых, и не без основания, а как разумный, как опытный и твердый воитель. Пред ними и я, несчастный, уступаю, ибо с каждым вздохом проникает в нас огненная стрела. Она не покидает меня и в сновидениях, не только наяву. Но в этом случае единый защитник — страх Божий. Где он бодрствует, там спят страсти. Итак, прошу твое преподобие, непрестанно защищай меня своими молитвами, чтобы мне спастись от сетей вражиих. Следует ли говорить о том, что мы, недостойные, постоянно обращаемся к воспоминанию о вас? Прежде своего спасения мы с сокрушенным сердцем молим у Господа твоего спасения, благоуспешности и избавления от всех опасностей. Окружающие меня братья скромно приветствуют священную твою главу. Усиленно приветствую братьев, особенно доброго Афанасия, горячо решившегося словом и делом спострадать тебе о Господе.

ССLXXVIII. ЧАДУ АНФУ

Получение твоего малого письма, возлюбленное чадо, стало для меня весьма великим событием, ибо с меня достаточно знать, что ты жив, здоров и служишь святейшему епископу и отцу. И в дальнейшем, дражайшее мое чадо, будь здоров телом и духом, дабы я, смиренный, слыша об этом, радовался. Непрестанно молись о моем спасении, как возлюбленный сын, как цветок добродетели, как от начала возлюбивший непорочность. Спасайся.

ССLXXIX. ИГНАТИЮ, ЕПИСКОПУ МИЛЕТСКОМУ

Так как я до сих пор не знал точно места ссылки твоей отеческой святыни, то и не удостоился написать тебе, хотя и имел к этому желание и трепетал духом. А теперь, когда брат наш Дионисий, возвратившись оттуда, сообщил нам, что видел твое преподобие и принес нашему ничтожеству приветствие от тебя и извещение о том, где находится и какова местность, где ты пребываешь, мы, смиренные, сильно обрадовались и охотно написали письмо. Ведь мы, почтеннейший, издавна объаты любовью к тебе и почитаем тебя не только как знакомого и брата по монашеству, но и как исповедника за Христа, за Которого и ради Которого произошли гонение и ссылка. Но благодарение Господу, явившему тебя в настоящее время столпом и утверждением истины, не поколебавшимся от ударов противных ветров, но в крепости Святого Духа сохраняющим в чистоте таинство благочестия.

Ты, конечно, знаешь, сколько человек и великих, по моим грехам соблазнилось. Кто по ним не возопит

со слезами? В частности, по поводу игумена Мидикийского, ради так называемой экономии увлеченного друзьями Иосифа в нечестие против Христа. Это, богомудрый, совершенно нетерпимо и неприемлемо, ибо кто творит зло под видом добра, тот впадает в сугубый грех. А что он делает дурное и пользуется именем добра как прикрытием, о том свидетельствует божественный Василий. И так они, помимо собственного падения, делают причиной соблазна для многих других. Впрочем, Мидикийский игумен, осознав свое поражение, исповедал свое падение, и как я узнал, сильно раскаялся и удалился в бегство, тем самым оставив для назидания своим ученикам и всем благомыслящим великий пример раскаяния. Стоят же по благодати Христовой при содействии епископов прежде подвизавшиеся о Господе игумены монастырей: Чистых, Пикридийского, Павлопетрийского, Агравского, Далматского и Макарий Пелекитский.

Итак, молись, желаннейший отец, о мире Церкви, а затем и обо мне, грешном и нижайшем, чтобы, удостоившись следовать за вами, и я вместе с вами, святыми отцами, пришел к Богу.

ССLXXX. ИГУМЕНУ ИОАННУ

Это мое письмо — ответ на два послания твоей святыни, так как я не имел в своем распоряжении письмоносца, но правильное было бы сказать, потому, что ты и так духовно постигнул мои мыли, о чем сообщил мне принесший письмо. Благодарение Богу, что пребываешь в здравии, честнейший отец, переноса уничижение за Христа, за Которого и ради Которого — изгнание и злострадание, лишение собственности и удаление от близких. Ты получаешь гру-

стные сведения о беззакониях, творимых в монастыре, и знаю, что эти известия огорчают тебя.

Да и может ли быть иначе? Ведь монастырское достояние отчасти и твоих рук дело, плод трудов, наследство от родителей, сборы и пожертвования от многих других, ибо ты был смотрителем царских имуществ и за это получал немалое жалованье и плату натурой, да и сам ты — знатного происхождения, имеешь много родственников, — и благодаря всему этому богато обставил монастырь. Но с чем только не приходится мириться, раз обстоятельства привели к тому? Дерзай, честнейший, ибо немного спустя получишь и это, когда благий Бог путем достаточного искуса, как огнем, испытает твердость нашей надежды на Него. Да даст тебе Христос несравненно лучшее и вечное сокровище на небесах за то, что ты теперь оставил все ради Него, получив вечную славу и в монашеском чине, и во всей Церкви Божией. Прошу, пусть не огорчается твое сердце воспоминаниями и слухами о печальном, ибо, напоминаю, написано: *Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха* (Евр. 12, 4). Силен Бог вместе с искушением дать и исполнение надежды. Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11, 1). Поэтому, отче, нам необходимо терпение, чтобы получить от Бога обещанное.

Я уже в полной мере убедился в твердости твоего исповедания истины и полного согласия с ней. И скажу, да вменится тебе это в милость и прощение всех совершенных грехов. Это же не постыдился признать пред Богом и некоторыми людьми даже глава иерархии.

Но перейдем к нашим избранным. Где теперь находится кружок аввы Иосифа, под видом экономии впавший ныне в нечестие и отколовшийся не только

от нас, смиренных, но и от главы? Раньше они лицемерно говорили ему хорошее, а оказалось, что они соединены с ним не духовно, а из человеческих соображений. Приняв его и вступив в общение с противником-христорборцем, они вместе со Христом оттолкнули и нашего истинного патриарха.

Да узрит и смилуется Господь — молитвами твоими и всех святых — и посетит вскоре Свою Церковь, оскверненную диким ведем. Не переставай, желанный, поминать меня, грешного, дабы я избавился от всякого дела лукавого, идя вслед за вами, исповедниками Христовыми.

ССLXXXI. ЧАДУ ГРИГОРИЮ

На твое давнее письмо отвечаю только теперь и отвечаю не на то, что ты писал, ибо оно несогласно с долгом послушания, а на то, о чем я узнал по слухам. Мне угрожает пастырское осуждение, и горе мне, несчастному, если я не стану в требуемой мере наставлять! Ибо если бы я знал, что со словом обращаюсь к человеку, не привыкшему к послушанию, то я не решился бы сказать даже слово. Но так как все-таки обращаюсь к привыкшему, то вот и пишу при свидетелях — Боге и Ангелах, с целью и умолить, и наставить, и знаю, что буду говорить с имеющим уши слышать.

Брат Григорий, помяни дни прошлые, вспомни о своей сыновней преданности, вспомни о моей любви, — правда, смиренной, но, как известно всем, искренней. Вспомни, что цари и архиереи оказались бесильными оторвать нас друг от друга, хотя и старались всяческим образом, ибо союз истинной любви не разрывен ни при каких обстоятельствах. Когда же это прекратилось с твоей стороны, то внезапно произошло поражение и разлучение.

Горе мне, несчастному! О, диавольское ухищрение! Как крепок был ты в делах послушания, честен и славен, заслуживал доверия, подавал приходящим много даров! Что случилось, чадо мое? Что отлучило тебя, сердце мое? Не огорчил ли я тебя наказаниями, которые назначал для укрощения твоих желаний? Признаюсь, что сделал это только ради Бога и твоей души. Если же это было как-нибудь несправедливо, прости. Вспомни, что я, так сказать, насильствовал свою природу и нарушал порядок подчинения, имея целью твой покой. С другой стороны, признаю твои достоинства, — я не настолько неблагодарен, сын мой, чтобы не помнить — что ты, последовав Христу через меня, был оскорбляем, заушаем, заключен в темницу, положил свою душу до крови. Ты слышал царские ответы. Ты знаком с придворными темницами, с заключением в монастыре святого Маманта. Помнишь нашу темничную жизнь, нашу тесную взаимную близость, которой дивились и цари, и священники, и все другие.

Что же потом нас разлучило? То, что мы вошли в соглашение с архиереем, когда гонение утихло и соблазн был устранен. О, искушение! И чего ты хотел? Чтобы состоялся собор, кака говорил ты, и была устранена причина. А кто же будет заседать и отлучать? Не видишь ли, что ты говоришь несообразности? Наоборот, архиерей не должен был делать царю уступки, равным образом и его предшественник, при котором Церкви угрожала большая опасность, и из-за экономии которого и происходит очередная опасность¹.

¹ Разумеются патриархи Тарасий и Никифор, которые из экономии принуждены были отчасти уступить царскому желанию (относительно признания второго брака Константина VI законным), чтобы не навлечь на Церковь больших бедствий.

Оставь это, чадо. Что было, то прошло, и Бог им судья. Итак, я верую, что для Бога моего более славно и прилично примирение, чем противодействие по отношению к человеку благомыслящему и знающему меру и достоинства противодействия. Это доказало время, когда первоиерарх со многими другими получил венец исповедничества, и хотя я, смиренный, противодействовал архиерею, однако принял и принимаю общение с ним, после того как он перенес вину на царствующего. И не думай, брат, что я говорю это из любоначала, как будто превозношусь или торжествую над твоим смирением. Ни в коем случае. Я готов, если это может быть благоугодно Богу, не только сказать тебе — я грешен, но и послушаться тебя.

Молю тебя, чадо мое возлюбленное, Сам Бог просит чрез меня — не ожесточайся. Знай, что ты несешь на себе ответственность и за окружающих тебя чад моих. Молю тебя, не дай мне обмануться в надежде на вас обоих, — я разумею также и возлюбленного моего Василия, писать которому особо мне нечего. Если же вы (чего да не будет!) не послушаетесь, — я, смиренный, объявляю себя невинным в вашей крови. А вы сами увидите, как и знаете, какое наказание и связание от Бога следует за непослушание.

ССЛXXXII. ЖЕНЕ ПРОТОСПАФАРИЯ

Жалея и боясь, как бы своим письмом не причинить тебе, госпожа моя, труда, я не писал раньше. А ты, не знаю, каким образом встретив письмоносца, наполнила его руку деньгами, послав их нашему смирению для упокоения. Зачем было причинять убыток твоему благословенному дому? Зачем ты меня уси-

ленно питаешь? Но все Измеряющий мерой и весом да вознаградит тебя и окажет тебе прием в царстве Своем. Да внимает Он твоей вере и возносимой молитве. Да утолит всякое твое горе и трепет и даст тебе мирную и спокойную жизнь. Поминай и нас в своем чистом и православном служении. Я слышу, что ты держишься православия. Держись и впредь.

ССLXXXIII. ВАСИЛИЮ, АРХИМАНДРИТУ РИМСКОМУ

Раньше я не писал по понятной причине. Но теперь пишу моему возлюбленному и святому отцу. Ибо с кем другим из здешних я могу беседовать, как не со старинным своим знакомым, другом, отцом, защитником, единоклубным, единомысленным со-ревнователем и помощником, и советником, и всем, что только можно сказать в отношении близости, заботливости и защиты, — ради Бога и добродетели, которую ты облекся в своей божественной жизни. В первой из Церквей Божиих ты сияешь, как действительно возлюбленный и выдающийся по своим достоинствам. Оттуда ты как бы сияешь лучами до концов земли силой всюду прославленной своей богоименности и своего поистине царского имени. Таков ты и столь велик, человек Божий и достолюбезный отец.

Причина того, почему мы написали и вновь послали верного нашего сына Евфимиана, заключается не в чем ином, как в том же, о чем говорилось и в прежних письмах, которые принесли Дионисий и этот же самый Евфимиан, мои искреннейшие и возлюбленные сыны. Хотя они и не принесли нам письменных ответов, но твоими словами и словами священного Мефодия, и письмом боголюбивейшего епископа

Моновасийского достаточно воодушевили наши смиренные сердца, сообщив доброе и вполне богоугодное, достойное действительно апостольской души, — что было сказано с сочувствием, по подражанию Христу и по внушению Духа и преданию Отцов, и было подтверждено святейшим апостольским отцом — папой. И мы, смиренные, этого именно и желали так сильно, — чтобы чрез посредство первопрестольной и благодарованной власти и по влиянию владыки вашего государства нам была оказана помощь.

До сих пор мы не смели просить об этом высшем благе. Но раз по мановению Божию эта мысль возникла в священном сердце, то к этому ведут и обстоятельства, об исполнении этого молимся и мы, недостойные, а прежде всего, да будет это во славу Божию, которой да послужит величайшая польза Его Церкви. Как един Господь, едина вера, един Бог, так, разумеется, и едина Церковь, хотя она возглавляется у вас. Поэтому, владыки мои, заботясь о нас, вы обеспечиваете себя, ибо говорит Писание: *Страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены* (1 Кор. 12, 25–26). Мы, грешные, напоминаем об этом вам, святым, к вашей славе, но никак не наставляем, и то лишь потому, что это Послание исходит по Божию определению от блаженнейшего апостольского отца. Кроме тебя, прекрасного сподвижника и достойного советника и во всех отношениях верного духу апостольства, кто мог бы присоединиться, содействовать и усиленно желать исполнения божественных нужд? Как и раньше, при прежних обстоятельствах, ты вместе с апостольским главой Христовой Церкви явился богоугодно ревнующим Господу, как защитник и покровитель истины. Молю твою святую душу творить память обо мне, во

всех отношениях грешном, чтобы мне спастись каким-нибудь образом.

XXLXXXIV. ИОАННУ, ЕПИСКОПУ МОНОВАСИЙСКОМУ, И ИГУМЕНУ МЕФОДИЮ

Богочтимым и духовным моим отцам Иоанну, боголюбивейшему епископу Моновасийскому, и Мефодию, благоговейнейшему игумену, — Феодор, грешный монах и игумен Студийский. Доброе решение приняла ваша заботливая святыня, уйдя от этой душегубительной бури и направившись к спокойной пристани Церкви, первостепенной среди всех Церквей, не для того, чтобы обеспечить свои собственные дела, но по Божественному внушению, памятуя об общей пользе, что заслуживает высшей похвалы. Это выяснилось как из вашего священного письма, так и из слов возвратившихся наших возлюбленных сынов.

Благословен Бог, и мысль внушивший, и давший средства, и оказавший помощь вам быть хорошо там принятыми. Вы устремились, один скорее другого, как верные ученики к Богоносному гробу. И оба вы стали вестниками радости, по отношению к которым стража еретиков оказалась бессильной и благодаря которым наша смиренная просьба с буквальной точностью дошла до слуха апостольского отца, и вы оба ясно поняли и запомнили все, что по воле Божией было решено в его сердце.

Как почетно ваше плавание, как славен подвиг, совершенный вами здесь и сделавший вашу добродетель более значимой, как если бы двумя мужами было совершено общее спасение. Не терновый исповеднический, а песенный хвалебный венец из богосплетенных роз приличествует вам, подражателю Предтечи и

истинному Мефодию¹, ибо твое деяние есть как бы полезный для Церкви Христовой путь добродетелей.

А что еще остается впереди, вы сами, мудрые, знаете, хотя бы мы и умолчали. Бог, начавший через вас благое и столь спасительное для Его Церкви дело, да доведет его до конца. Вы же, как мы уверены, конечно, сделаете все, что от вас зависит. Поэтому напоминаем и просим вас, не переставайте обращаться и молить, доколе не будет доведено до конца то, что боголепно внушено святому первопрестольнику. С этой целью мы и послали Евфимиана, возлюбленного нашего сына, чтобы он также был точным вестником всего того, что здесь делается. Благоволите приветствовать всех соревнователей и святых, и особенно почтеннейшего моего архимандрита. Со своей стороны и мы, где будет возможно, постараемся сообщать о вас хорошие вести и приветствовать от вашего имени, кого следует.

ССLXXXV. ЖИВУЩИМ ВО СВЯТОМ ГРАДЕ ИЕРУСАЛИМЕ МОНАХАМ — ИСААКУ И АРСЕНИЮ

Благоуспев послать одного из возлюбленных наших братьев во Святую Землю, мы, смиренные, с любовью приветствуем всякого отца, там живущего, не говоря уже о вас, святейшие отцы, ибо близость ваша за короткое время вселила в наше смиренное сердце такую любовь, что мы постоянно вспоминаем о вас и о ваших высоких качествах, вашем прекрасном обращении и красноречии. Ибо где смиреномудрие, там и всякое благое дело. Эта добродетель вашей святой

¹ Имя Мефодий буквально означает «порядочный (человек)»

двоицы и по сей день освящает нас своим благоуханием. Вы оказались достохвальными в большей мере, чем все другие пришедшие к нам с востока, оставив нам, любящим вас, добрые воспоминания.

Какова цель посольства брата, о том он скажет сам. Я думаю, что она и вам не безызвестна, ибо еще когда вы были в Византии, этот вопрос обсуждался. Именно, державный возжег еретическое пламя против святых икон, которое охватило всю Церковь и погубило почти всех людей, покорившихся нечестию. Но он уподобился Ахаву или Навуходоносору, который, уничтожив все святые изображения, поставил только свое. Не желавший ему кланяться тотчас предавался огню мучений. Говорить о подробностях считаю лишним, ибо они содержатся в письмах к вашему Святейшему Патриарху¹, к тому же и брат может о них сообщить. Я, низжайший ваш брат, прошу о том, чтобы вы ради любви о Господе отверзли письмоносу милостивое сердце, помогли ему пройти к Святейшему Патриарху и поклониться ему, а также прошу вас помогать ему во всех других случаях, которые будут касаться вашего братолюбия, ибо он еще имеет при себе письма к другим лицам, а также и наше невежественное сочинение.

Итак, как братья и общники нашего смирения, а особенно — как служители Божии и защитники общих интересов, благоволите уделить внимание брату, принять его и всячески посодействовать ему; а если Бог даст, он опять будет послан к вам при необходимости. Ваше письмо, отправленное нам, мы получили

¹ Прп. Феодор писал к Иерусалимскому Патриарху Фоме I (умер после 820 г.), уведомляя его подробно о ереси и гонении и прося помощи.

и узнали, по какой причине вы не успели отбыть на запад, выехав из Константинополя.

ССLXXXVI. ИГУМЕНУ НИКИТЕ

Еще раньше узнав о происшедшем с твоей святыней по моим грехам несчастью, я, бедный, немало возстенал, сильно восплакал, пролив слезы любви и грустно причитая. Что может быть нестерпимее, чем несчастье друга? Но, узнав по благоволению Бога, что Он не попустил твоим прежним подвигам остаться тщетными, а воздвиг тебя опять на прекрасную борьбу, я воодушевился, возблагодарил Господа, обращающего печаль в радость для всех благочестивых. Ведь очень печально встретить преткновение в том, от кого, по присущей ему добродетели, ожидал победы. Но хорошо то, благородный, что ты одержал победу более значимую, чем твое поражение. По этой победе Божия Церковь опять признала в тебе своего питомца, зачислив тебя в список своих исповедников. Таково Божие человеколюбие, одаряющее благоуспешных и укрепляющее восставших.

Горе дурному обществу или собранию. Я уверен, что ты, честнейший мой, изъят из него. Я предсказывал это ухищрение, имея в виду предыдущие случаи. Таков тот, кто ныне здесь правит всем. Уже давно считая простой уступкой нарушения Евангелия и действуя с помощью насилия, он и теперь совсем не считает гибельным общение с еретиками, из которого проистекает и отречение от Христа, Богородицы и всех святых чрез отречение от Их икон; так что и бывшие всегда твердыми были уловлены его пагубным примером. И это понятно. Ведь тот, кто после первых своих нечестий не раскаялся, каким образом

мог бы явиться пред Богом твердым и свободным от нечестия? Поэтому прошу и умоляю тебя, отец мой, открыто заявив об отвержении зла, уже совершенно созревшего во многих отношениях, доведи до конца нынешнее божественное исповедание, молясь и обо мне, грешном.

ССLXXXVII. МОНАХУ АНТОНИУ

Получив письмо твоей любви и уразумев его, я сильно восстал о происшедшем бедствии, а особенно о падении тех, кого считали людьми особенными.

От подобного падения спасся и твой отец, а мой единокровный брат. Как прежде его падение огорчало меня, более, чем чье-либо, так теперь меня сильно обрадовало его восстание. Особенно я похвалил, брат, твои заботы о своем наставнике. Ибо сердечные и горячие слова твоего убеждения суть действительно знаки любви истинного ученика и плач искреннего чада. Встреча с христорборной ересью, присоединение к ней, даже однократное общение с ней есть для увлеченного душевная смерть. И это — после мужественного сопротивления, и это — несмотря на священническую и игуменскую степень. Поэтому ты вполне справедливо, разумнейший, заплакал, с полным сознанием ты возрыдал, в несчастии отца усматривая окровавленную одежду, вернее — растерзание умственным зверем, говоря словами Писания приблизительно так: «Хищный зверь съел его (Быт. 37, 33); но не Иосифа Прекрасного, которого некогда оплакивал Иаков и которого братья продали на сторону, с хитростью указав на хитон; а моего отца растерзал человекообразный зверь Иосиф, уже привыкший уловлять сочувствующих его нечестиям, а не уступкам экономии».

Он, брат, и раньше увлек немало людей к нарушению Евангелия. Он, объявив приобщение за уступку, незаконно увлек убежденных им с собою в падение. Таков он. А ты, заплакавший, обеими руками схвативший отца и возвративший его к прежнему исповеданию, ты — блажен. Это в действительности так. Радуйся, что он теперь живет в Господе, хотя раньше был мертв. Ведь говорит же Писание: *Он уязвил — и Он исцелит нас и в третий день возставит* (Ос. 6, 1–2). Кто же? Тот, Кто воздвиг от гроба четверодневного Лазаря и оживотворил твоего, а также и моего отца. Торжествуй, торжествуй и больше не плачь, подобно Марфе, то есть по мере возможности помогай ему и на будущее время. Я и ему написал.

ССLXXXVIII. СЕРГИЮ, НАДЗИРАТЕЛЮ НАД СБОРЩИКАМИ ПОДОХОДНОГО НАЛОГА

Я давно уже написал бы твоему благородию, наученный не забывать о дружеском долге, но перемена обстоятельств сделала мою руку неподвижной и внушила мне опасение, как бы не стать противным даже и близким друзьям, изменившимся в дурную сторону. Особенность этой перемены составляет движение не вперед, а в обратном направлении. Но так как обладающий большими знаниями и от отца унаследовав православие не принадлежит к числу этого рода людей, то я убедил себя приступить к письму. И вот я обращаюсь к тебе, моему владыке, искренне любимому мною, которому особенно любезно удаляться от общества и приближаться к Богу, которому свойственно мало думать о кесаре и об окружающих его.

Каким же образом, друг, — я воспользуюсь более смелым словом, — ты, будучи таковым среди доступных наблюдению, дал себя увлечь? Достаточно ограничиться этими указаниями на предмет, из уважения к облакающему тебя достоинству. Но вот горе, природа человека изменчива! Вот что делает время с теми, кто, приноравливаясь к текущим обстоятельствам, меняет свои убеждения! Но не так бывает со стойкими и всегда одинаково относящимися к одному и тому же. Молюсь, смиренный, о том, чтобы ты, хотя и стоишь в самой середине бурного потока, был как можно меньше обрызган солеными житейскими волнами и сохранил хитон православия незапятнанным и непорочным.

ССLXXXIX. ЧАДУ НАВКРАТИЮ

Небольшим письмом отвечаю тебе, чадо возлюбленное, на твои пространные похвальные речи, которые я выслушал с большим страхом. Ведь я не таков, а подобен брошенному на перепутье по мертвости греховной, ибо ни словом, ни делом никогда не благоугождал Богу. По вашей молитве да будет мне дано с этого времени начать жить благочестиво чрез приобретение нового сердца, ненавидящего и гнушающегося поистине мерзкого греха и любящего единственно привлекательную и любезную добродетель, которая есть Бог.

А ты, доброе дитя, трезвись, совершая по отношению ко всем дело благовестника чрез свое прекрасное служение. Я знаю, что ты трудишься в самых разных направлениях и, как эконом Божий, заботишься о многих. Не бойся, хотя державный и гремит угрозами, ибо Бог даровал нам не дух боязни, а дух

силы и любви и скромности. Если враги не слушаются и знамений, не удивляйся, а долготерпи, ибо иначе ни они не придут к исполнению своих грехов, ни Божии люди — к получению мздовоздаяния. Ведь все святые получили обетования благодаря надежде, вере и терпению. Поэтому не спрашивай о времени и сроке окончания зол, — они тогда улягутся, когда это будет полезно для нас. Посему *с терпением будем проходить подлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса Христа* (Евр. 12, 1–2), Который, умиловляемый совокупными молитвами святых, верую, доведет наш подвиг до конца. Приветствуй всех братьев, особенно δ и λ ¹. Живущие со мною низко тебе кланяются.

ССLXL. ЕМУ ЖЕ

Хотя мы, чадо возлюбленное, и не получили твоего письма через брата Феодула, вышедшего без твоего ведома и как бы иным путем, однако сочли за лучшее написать тебе, сообщая, что по Христовой милости здравствуем телесно. По вашим молитвам и по желанию блаженного моего отца да будет нам, смиренным, даровано и душевное здравие, ибо я ни сам по себе, ни в делах своих не имею силы. А Бог силен ради вас спасти и меня, к которому вы относитесь с любовью, равно как и я к вам. Ибо кто другой для меня — и слава, и радость, и желание, как не вы, и особенно ты, верный и любезный, после Бога все доставляющий мне в этой жизни? Поэтому я радуюсь твоей жизни и успехам. Молю благого моего Бога дать тебе в большей мере разум, совершенную предусмотрительность

¹ См. I том, письмо XLI.

и полнейшее смирение, чтобы ни мне, ни другим не обмануться в своих надеждах и в своей уверенности в тебе, ибо ты в устах очень многих являешься примером добродетели. Смотри, чадо, каково твое дело, знай, что *кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1, 18), и что удостоившийся похвалы, будь он божествен и мудр, с великим трепетом принял огонь ревности. Блуди себя, чтобы и по внутреннему человеку быть необоримым в жестокой и непрерывной борьбе с диаволом, и по внешнему — чрез находчивость и благоразумие во всех случаях.

К нам уже пришел брат Протерий. Чрез него, — конечно, если только Бог даст вам продолжать свое пребывание там, — мы будем получать от тебя письма и отвечать. Как сын мира, чадо мое, по примеру Христа примирай своих братьев. Знай, что мы имеем все нужное в достаточном количестве. Да буду о Господе счастлив в тебе, чадо, упокой мою душу своим телесным здравием. Мои приветствуют тебя. Крепко целую братьев. Благодать с тобою.

ССLXLI. ЕМУ ЖЕ

Когда ты перестанешь, чадо, величать нас словами? До каких пор не прекратишь возвышать нас похвалами? Думаю, что ты делаешь это по двум причинам: во-первых, влекомый любовью, которая обыкновенно, как говорит Иоанн Богослов, во многом скрадывает истину; во-вторых, — что я считаю главным, — с целью своими похвалами укрепить мою бедную расслабленную душу. Итак, да поможет Господь — не по твоим высоким словам, ибо они обильны и чрезмерны, но по святым вашим молитвам — немного мне исправиться и не отпасть совершенно от подражания до-

стойно подвигающимся. Немало меня огорчили твои прежние страдания и особенно твои телесные болезни. Но что говорит апостол? — *Благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немог, тогда силен* (2 Кор. 12, 10). В болезни, — прошу, — пользуйся лекарствами, ибо многие нуждаются в твоём здоровье, а особенно я, смиренный. А относительно тайных болезней души — да укрепит тебя Врач душ и телес, как и укрепляет всегда, когда мы слабеем в этой непрерывной борьбе тела смирения нашего, но все же не падаем духом, стараясь скорее подняться. Возобновление борьбы заслуживает венца, а не укоризны. Всегда да спасает тебя, честнейший брат, благий Бог наш.

ССLXLII. ЕМУ ЖЕ

Наши дела, всегда желанное чадо мое Навкратий, сводятся к тому, что от подвигов мы переходим к подвигам, от огорчений к огорчениям. Но так как это — ради Христа, то, значит, не печально, а очень радостно. И нам дано от Бога страдать за Христа. *Ныне радуюсь в страданиях моих за вас* (Кол. 1, 24), — вот слова апостола, приложимые и к нам, недостойным, ибо все это *написано в наставление нам* (1 Кор. 10, 11), чтобы, когда окажемся в подобных условиях, имели бы спасительные лекарства.

Как я слышал, люди в отищение разграбили монастырь. Но по этому поводу можно привести два соображения: одно, — что Бог премудр и силен, когда захочет, добром объединит то, что насилием разделено; другое, — что ради Христа мы должны быть готовы отказаться и от едемского рая. К тому же и мы, и разграбившие монастырь, и все вообще — странни-

ки и пришельцы на сей земле. Довольно об этом. Порываюсь узнать, какой оборот примут ваши дела. Наши вам уже известны, Господь дает терпение переносить злострадания изо дня в день. А с другой стороны, как же мы пострадали? — *Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18), если только мы будем подвизаться до конца. Поэтому я, бедный, молюсь о том, чтобы вы получили венцы, всегда сподвизаясь Христу. Молись и ты Господу о нас, чтобы нам как-нибудь избавиться от лукавого. Приветствуй своих сподвижников-братьев.

ССLXLIII. ЧАДУ СИЛУАНУ

Ты, чадо желанное, начертал мне письмо, достойное твоего благоговения. И я воспрянул духом и возблагодарил благого моего Бога, что в тебе жива надежда на меня, грешного, пылает любовь, сильна ревность. Также и я о тебе немного горюю и страшусь, сохранишь ли ты все это, ибо Любящий прилежно наказывает. Да будешь сохранен для меня, любезное мое чадо, как сын света в это темное время безумного восстания на Христа. При свидании с Х. ты подробно узнаешь, как, подвергшись бичеванию с братом Николаем, я был заключен в темницу. Мне хотелось бы видиться с тобою, где это нам будет возможно, ибо нужно и устно переговорить.

Что ты, брат, так обособился? Прошу, не делай этого. Ведь вы сходитесь двое в одно место, чтобы приносить пользу друг другу и мне, смиренному. Не ленись постоянно поминать меня в своей молитве, чтобы я благоугодил Господу и избавился от лукавого. Брат Николай приветствует тебя.

ССLXLIV. АННЕ МОНАХИНЕ

Отвращение матерей от детей есть нечто временное, ибо тотчас, влекомые природными склонностями, они опять обращают их к себе, вдвойне усиливая любовь и доставляя им всяческое утешение. Что значит это вступление? — А то, что и ты, почтеннейшая, на короткое время вознегодовав на нас, смиренных, опять не удержалась открыть нам о Господе сердце, полное привычного сострадания. Поэтому, как и свойственно матери, ты одарила нас, объяснилась и оказала милость вдвое большую, чем былое негодование. Итак, благодарение Богу, даровавшему радость и нам, грешным, посредством печали. Ведь не зря говорится: кто радует меня, как не тот, кто огорчается от меня, — хотя мы и недостойны этих слов. Да дарует нам тебя Господь на многая лета, чтобы ты и огорчала, и радовала нас, а также и молилась о моем спасении, как и я — о твоей святине.

ССLXLV. ЧАДУ ИГНАТИЮ

Всякий раз, возлюбленное чадо, как получаю твое письмо и нахожу в нем выражение истинной веры и любви, которую ты питаешь к Богу и моему смирению, я радуюсь и прославляю Господа моего, молясь о том, чтобы ты пребывал в этих чувствах, которыми очищается душа и вырабатывается готовность к подвигам. Видя, как схватывают твоих братьев, вовсе не думай, что ты можешь избежать гонителей. Посему будь готов, не падай духом. С тобою Бог. Это я говорю не для того, чтобы ты вел себя вызывающе, но чтобы старался не быть увлеченным и не оказался неподготовленным. Бог да будет с тобою, как бы Он ни

устроил твою жизнь. Молю тебя, чадо, прославь Бога в теле и в духе своем.

А то, о чем ты напомнил, обстоит совсем не так: я, грешный, нечистый, говорю теперь, не бросаясь в опасности, а с большою сдержанностью и осторожностью, без излишней требовательности, но и без послаблений, хотя подвергшие нас бичеванию теперь накрепко заключили нас с братом Николаем. Молись же, сын мой, чтобы под охраной я был сохранен о Господе и был готов перенести все, к чему бы Он ни призвал. Приветствует тебя брат. Приветствуй разумного брата¹.

ССLXLVI. ИГУМЕНУ И ИСПОВЕДНИКУ ФЕОФАНУ

Любезен сыну отеческий голос, и наоборот. Поэтому опять пишу тебе, ибо я твой сын о Господе, увь, не походящий на своего добродетельного отца. Но твои исповеднические страдания — слава для меня. Человек в старости, в тягчайшей болезни, не поднимающийся с постели, испытывающий сильные страдания, ежеминутно ожидающий смерти — и при этом изгнан из преподобной обители, оторван от священного братства, содержится под стражей, лишен необходимых услуг! И ничто из вышесказанного не ломит его любви ко Христу; на все вопросы он твердо отвечает так, как исповедует.

Ты, блаженный отец, истинный венценосец-мученик. Как велика твоя слава, как богат наградами

¹ Т. е. всякого такого брата, который по своему благоумию может сохранить это в тайне и не разгласить, что Федор из-под стражи продолжает переписываться со своими учениками.

твой подвиг! Твои произвольные, болезненные страдания за исповедание Христа вменяются тебе Богом и благодарными почитателями в произвольные. Ты утвердил православных, посрамил противников, а с ними прибавлю, — и прикрывающих свои грехи или слабости приличными поводами или какими-то другими причинами. Но Начальник исповедания твоего Христос да будет и Совершителем для тебя. Молитвенно пожелай того же и мне, твоему сыну. Если при тебе отец мой экзарх, приветствую его, смиренный.

ССLXLVII. ПАТРИЦИЮ ЛЕОНТИЮ

Я должен святой твоей душе, издавна так преданной моему смирению и отдавшей себя в заложники не только телом, но и духом, — писать не чернилами и не на бумаге, а если бы было возможно, кровью на коже. Не относись с недоверием, господин, к тому, о чем я буду говорить. Ведь правда, что твое благочестие оказало по отношению ко мне в изобилии такие благодеяния и заботы, каких не обнаружили ни иерархи, ни священники, ни монахи, ни семейные и почти никто из близких и друзей. И если бы твое величие могло увидеть мое сердце, оно сильно удивилось бы ему. Но это так и есть, и потому я не перестану писать тебе, и даже по смерти, может быть, буду невидимо писать невидимому.

А теперь я, бедный, молюсь, чтобы ты остался цел и душою, и телом: и избежал, если не дыма, то, по крайней мере, огня еретического. Молись, господин мой, и о моем смирении, дабы Христос довел до конца то, что начал туне в нас, недостойных, избавляя нас от видимых и невидимых врагов.

ССLXLVIII. МИРЯНИНУ ГРИГОРЕ

Я прочел твое письмо, человек Божий. Вот тебе и новые исповедники, — разумею братию эконома. Продолжай свое святое дело, свое приношение Господу. Посвяти себя служению. Хотя это дело и опасно, но Бог — Избавитель, ибо Он поставил тебя служителем Его мучеников, утешителем исповедников, помощником преткнувшихся. Проходи свое божественное служение. Христос идет пред тобою, не падай духом.

Твои сушеные смоквы я получил на словах, а не в действительности, по причине заключения. Я отослал их пресвитеру; благодарение Богу за то, что он, призванный Богом, сослужит тебе. Молись обо мне, брат и участник страданий.

ССLXLIX. ЧАДУ НАВКРАТИЮ

Радостно я возблагодарил благого нашего Бога, узнав из твоих писем, чадо мое и желанный брат, что ты живешь о Господе и пребываешь неизменно в истине веры Божией. И хотя я, грешный, забочусь обо всех, но о тебе, особо любимом и честном, тревожусь не без основания, потому что ты стоишь выше всех в братстве и, что еще важнее, ходишь среди сетей нечестивых. Но где Бог и Божия правда, там бессильно все человеческое. Столь твердого в вере ничто никогда не сможет поколебать, даже если бы *поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей*, как воспевают святой Давид (Пс. 45, 3). Поэтому, отложив всякое колебание, с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса (Евр. 12, 1–2). Он да даст нам силу и крепость перенести за Него страдания до крови, то есть до смерти. И блажен верующий, что сказанное Им исполнится.

Время не позволяет мне сказать еще что-нибудь пространно. Прибавлю только вот что, — как можно чаще обращай к Богу с горячей молитвой о том, чтобы я, недостойный по своим грехам, был отнесен к твоей части и к числу подобных тебе. Живущий со мною брат твой приветствует тебя.

ССС. ЧАДУ ПРОТЕРИЮ

Как печально твое письмо, чадо, сообщающее о таких великих бедствиях, так что, услышав о них, я был поражен и горестно восстал. Однако нужно это вынести и усиленно молить Бога, чтобы Он сжалился из человеколюбия, пощадил святыне церкви и не дал Своего удела в поношение.

Конечно, дым есть предвестник большого пожара. Он сожжет все, если не будет рассеян веянием Святого Духа. *Бодрствуйте*, — говорит апостол, — *стойте в вере, мужайтесь, будьте тверды* (1 Кор. 16, 13). Подули ветры, пошли дожди, и, как говорится в Евангелии, *дом тот упал* (Мф. 7, 27). Блажен основанный на Камне Христе. Он не упадет, но выдержит, со Христом победит и будет вечно ликовать с мучениками. Должно быть соблазнам, чтобы обнаружились верные Христовы.

Это письмо, если возможно, покажи братьям исповедникам, а затем остающимся на свободе. И они, гонимые и выносящие гонения под покровом Божиим, — блаженны. О себе нам нечего сказать. Скажу только, что пришел человек от стратига, сменившего начальника стражи, и пожелал видеть нас. А увидев, даже и не поклонился, хотя мы через окно и оказали ему знаки уважения, и не пожелал нам здоровья, а

лишь посмотрел и ушел. Что будет дальше, покажет время.

И пусть (твой доверенный) возьмет письма, которые принесет письмоносец, и с Господом отправится в свой путь. А ты после того, как царь выступит в поход, приходи и принеси нам известия о происшествиях и о здоровье братьев. Будь и ты, чадо мое возлюбленное, сохранен о Господе в целости от окружающих тебя искушений. Почившие о Господе блаженные братья помолятся о нас.

СССІ. ИГУМЕНУ ИОАННУ

Наше вынужденное молчание происходило от того, что отсюда взят брат наш, боголюбивейший архиепископ. Затем, мы не получали ответа на письма, посланные нами твоей отеческой святыне. Наконец, от того, что мы содержимся под строгим присмотром и не имели времени наслаждаться письменной беседой с тобою. А теперь с помощью Господа мы пишем и искреннейше приветствуем тебя, видя тебя умственным взором, как лицом к лицу, и приобщаясь к твоей духовной и святой ревности. Ибо твое боголюбие не только не чуждо нашей смиренной душе, но очень любимо и любезно и всегда содержится нами в памяти.

Хвалю твою любовь к Богу, славлю твою воздержанность, твою любезность к ближнему, простоту, радостное настроение, приветливость. По благодати Христовой ты обладаешь не только этими качествами, но и большими. А теперь воспеваю и твою стойкость в исповедании Христовом. Было бы несправедливо лишить тебя, благоуспевшего в стольких отношениях, этой похвалы. Но, положив основание, тебе

следует украшаться и прочим. Не станем дивиться, отец, тому, что гонение оказалось продолжительным. Ведь теперешнее не похоже на прошлое. Нам следует и еще подвергнуться искушениям, если только мы стремимся идти по следам наших отцов. Однако верую, что Господь не замедлит посетить нас, если только мы сохраним чувство благодарности Ему и среди горестей. Прошу тебя, пиши и ты нам, чтобы у нас был повод вновь написать тебе. Вместе с этим молись, чтобы и мы, недостойные, были спасены. Низко кланяюсь тем, кто решился служить твоему преподобию.

СССІІ. НИКОЛАЮ, ПОВАРУ

Мое письмо свидетельствует, что я помню о тебе, добрый друг. Да и можно ли забыть о тебе, так прекрасно расположенном к нам, а правильнее сказать — ко Христу? Это видно из того, что посреди еретического огня ты остаешься не опаленным, сохраняя в своем сердце источник Православия, в котором да будешь сохранен до конца. Это первое и самое главное. Во-вторых, из того, что братья наши, приходя туда, находят у тебя спасительную пристань от волнующей всех ереси; отдохнув там, благодаря твоему любезному для всех приему, они опять возвращаются к нам.

Какой радостью нас это наполняет! Какая награда ждет тебя за божественную службу, ибо Господь говорит: *Кто принимает вас, принимает Меня* (Мф. 10, 40). Итак, брат, ты чрез братьев принимаешь Христа, Его покоишь. И Он примет тебя в небесное царство за то, что ты здесь оказываешь гостеприимство Ему чрез братьев. Здравствуй о Господе.

СССІІІ. МИРЯНИНУ КОНСТАНТИНУ

Бог открыл нам многообразные пути спасения во всякое время, а особенно теперь, когда соблазны проникли в Церковь Христову и верные Божии испытываются, как в горниле. Одни подвизаются, заключенные за слово истины в темницах, другие — бичуемые и пытаемые; иные предпочли бегство, став по степени страданий на втором месте; некоторые переходят с места на место, везде оказывая словом помощь; иные тайно служат заключенным; иные принимают странствующих по дорогам ради Господа (Мф. 25, 35). Вот эти пути; их больше, чем я перечислил. И ты, человек Божий и верный служитель, являешься одним из таких, оказывая гостеприимство братьям нашим, странствующим во Христе. *Блажен ты, и благо тебе* (Пс. 127, 2). Ты приносишь дар Богу. Пожалуйста, продолжай дело, за которое взялся, — для того, чтобы, подвизаясь с труждающимися в этом служении, вместе с ними получить и награду от Бога, Который засчитывает все, что делается.

СССІV. ЧАДУ ПРОТЕРИЮ

Твой приезд, возлюбленный, взволновал меня. А прочитав твое письмо, я даже не поверил, что оно было подлинно, — так быстро ты обучился. Слава Господу, я перестал волноваться, возблагодарил Бога, с удовольствием принял ваше доброе решение: одному ехать в столицу, а другому пред Пасхой прибыть сюда, захватив с собою и все нужное к празднику. За то, что ты так заботишься о нашем смирении, да напитает тебя Господь от Своих духовных дарований.

Мы здравствуем телом; если же вы молитесь, то и духом. Поэтому, отложив тревогу о нас, с надеждой

и радостью еще более горячо отдайся молитве. По милости Бога, по молитвам блаженного отца моего, а также и вашим, мы с благодарением, долготерпением и выносливостью проходим предлежащий нам подвиг, — и вот я совершенно неожиданно стал таким, каким никогда и не был с тех пор, как осознал, что есть добро и зло.

Это Божий дар, а не от наших дел; только и впредь не тяготитесь молить Бога за нас, как и мы молимся за вас. Если Святой Отец¹ оставил этот вопрос без ответа, то как мы, неучи, можем разрешить его? Впрочем, настоящая ересь есть во всяком случае отречение от Христа. Это ясно и по другим основаниям, ясно также и из слов, сказанных в Патерике одному брату, обуреваемому блудом: «Лучше тебе не оставить ни одной блудницы, чем отречься от почитания иконы Христовой». Значит, это не простая ересь, а ересь отречения от Христа. Если же кто-нибудь, ссылаясь на недоумение Лествичника, станет выбирать, впасть ли в блуд, или увлечься в ересь, ибо одно предпочтительнее другого, такого пусть устрашит решение, заключающееся в Патерике. И пусть он не предается ни блуду, ни христорборной ереси, ибо и то, и другое есть прелюбодеяние (измена Богу). Хотелось бы сказать еще больше, но письмо не вмещает. Будь здоров. Возвратившись, приветствуй братьев. После того, как с помощью Божией вернешься к братьям, приходи опять.

СССV. ИПАТУ ЗАХАРИИ

Опять пишу и не перестану писать, благодаря твою богоугодную любовь к нашему ничтожеству в

¹ Св. Иоанн Лествичник (XV сл.).

силу твоей ревности по Христе и добродетельного нрава, — любовь, которую издавна и с самого начала ты оказывал нам, туне благодворя, туне оказывая милость, туне уже подвергаясь опасностям, не боясь трудных условий, а являя образец добродетели, не тяготясь многочисленностью нуждающихся в уходе, но окрыляемый надеждой на дары Божии. Все это свойства истинного христианина, боящегося Бога, помышляющего о дне смерти и ответа на Страшном Судилище Христовом. Также добродетельна и сочетавшаяся тебе пред Богом супруга, и даже ваши дети. И понятно, ибо от доброго корня и отрасли могут быть добрыми. Думаю, что и подчиненные тебе таковы же, ибо каково начальство, таковы в большинстве случаев и подчиненные. Что можно прибавить к этому? Разве только выражение божественного Давида: *Так благословится человек, боящийся Господа! Благословит тебя Господь с Сиона, и увидишь благоденствие Иерусалима* (Пс. 127, 4—5) со всем своим домом, вселюбезный мой господин.

СССVI. ЭКОНОМУ

Я слышал, как прекрасно твоя честность подвизалась за Христа. Ты был подвергнут бичеванию и заключен в темницу. И я возблагодарил Владыку Христа, снова призвавшего тебя к Его исповеданию, — возблагодарил не только потому, что ты вообще принадлежишь к святому образу, но и потому, что состоишь в подчинении у меня и принадлежишь к моему монастырю. По примеру того, как блаженный мой отец подчинился священному Феоктисту и, подвизавшись, просиял в добродетели, также и твоя слава и мученичество вменяется мне, смиренному.

Итак, благо, добрый эконо́м, воин Христов, превзошедший и, правильное сказать, пристыдивший многих игуменов. Ты, будучи еще в положении овцы, явился недоступным для еретического уловления, а те, кого считали за пастырей, — похищены умственным волком чрез падение или общение, или еретическую подписку, и теперь являют всем жалкое зрелище, из привязанности к земному или жалости к плоти предав Христа Бога нашего, Единую Истину. Итак, радуйся истинный пастырь по своим делам, радуйся мученик Господень, что стоишь выше. И впредь мужайся. Ты подвергся бичеванию со Христом, взят под стражу, как и Он. Вот, прими и заушения, пригвоздись, прободись копьем, взойди на крестные страдания. К этому призывает нас слово Божие и требует долг. Если умрем, то будем жить со Христом. Если претерпим, то воцаримся вместе с Ним. Таковы обещания Неложного. И еще, добрый брат и желанный отец, не переставай всегда поминать меня, молясь, чтобы и я с тобою достиг призвавшего нас Бога.

СССVII. ЧАДУ ТИМОФЕЮ

Что я слышу? И ты, чадо Тимофей, устремился вместе с мучениками Божиими, ревнуя, поревновал о Господе, отказавшись от бегства, предал себя на мучения! Как блаженно твое решение! Как приятен Богу пыл твоего сердца, благодаря которому ты и раньше был известен многими добродетелями! А теперь ты воссиял еще сильнее, явившись истинным мучеником за Христа, хотя гонителям Христа и кажется иначе. Ты можешь вместе со Христом радостно сказать: *Я предал хребет Мой бичующим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и*

оплевания (Ис. 50, 6). Благословен Бог, укрепивший тебя, так что ты, будучи растерзан ста пятьюдесятью ударами, не пожертвовал спасением, а наоборот, обличил нечестивого палача, удары которого останутся за ним навек (конечно, если он не раскается).

Претерпев горечь истязания в течение какого-то мгновения, какую вечную славу ты получил, добрый брат! Как святой камень, ты положен в созидание исповедания Христова на радость своим братьям и сподвижникам, в торжество мне, грешному, а также боголюбивейшему архиепископу и всем благочестивым. Кто не воспоем, услышав о твоём подвиге? Кто из знакомых не ублажит тебя? Христос увенчал тебя с неба, приветствовал тебя лик святых. Но будем, любезное чадо, стоять, и впредь мужаясь, ибо одно хорошее начало ещё не заслуживает ублажения, а требуется также и довершение подвига, с благородным перенесением темничных трудностей. Христос сопresentsует, не попуская нам искустись более, чем мы можем вынести, но даруя тебе твердость до смерти и к концу подвигов подавая победные венцы. О добрый Тимофей, молись и обо мне, недостойном, чтобы и я вместе с вами, святыми, был спасен о Господе.

СССVIII. ЧАДУ ИГНАТИЮ

Я прочел написанное тобою, любезное чадо, и с радостью внимаю твоему голосу. Мои действия не таковы, как ты думаешь, а пусты и ничтожны. Однако если ты говоришь, что мои слова приносят тебе пользу, пиши — и без всякой задержки получишь ответ. Догадываюсь, что в это гонение ты влачишь стесненное существование, как и другие, укрывающиеся подобно тебе. Да утешит тебя надежда. Будь осторожен

в своих делах вместе с добрым Евсеем, которого также приветствую.

Приобщение из рук еретиков есть яд, а не простой хлеб, не телу только вредит, а чернит и омрачает душу. А о том, чтобы бросать его, хотя бы и тайно, нужно говорить не мне, а лучше применить к действующим из страха следующее выражение: *И из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12, 42—43).

Молитвы за богослужением принадлежат православному. К чему же это поведет, если они читаются у еретиков? Ведь они мыслят не так, как составитель молитвы, и не веруют в самый смысл ее слов. Каждое же тайнодействие учит, что Христос соделался истинным Человеком, а они, хотя на словах и признают, но на деле отрицают это, утверждая, что Он неизобразим. Это подобно тому, как если бы кто говорил: «верую в Отца и Сына и Святого Духа», — а мыслил бы, что Отец и Сын и Святой Дух суть одна ипостась, трояко именуемая. (Что является догматом безумного Савеллия.) Что же? Неужели мы скажем, что такой верует в Троицу? Ни в каком случае, хотя бы он это и утверждал. Точно также и в данном случае: он верует не так, как говорит, хотя тайнодействие и православно.

Но хотя бы и тот исповедал символ веры, и другой молился за богослужением, он скорее оскорбляет Литургию и издевается над ней, ибо и волхвы и обаятели прибегают к божественным песням в отношении к бесноватым. Если нет православного совершителя крещения, для некрещеного лучше креститься от православного монаха, а если нет и монаха, то от православного мирянина — при произнесении слов: «кре-

щается такой-то во имя Отца и Сына и Святого Духа», — чем умереть непросвещенным. И такое крещение действительно, ибо «по необходимости и перемена закона бывает» (см. Евр. 7, 12), как это доказано относительно древности.

СССІХ. АВГУСТЕ МАРИИ

Снова я получил письмо от твоей скромности и подвижнического терпения и возблагодарил Господа за то, что пребываешь в том же расположении, в том же исповедании Христа, что обладаешь и убедительным словом, сознанием и добродетельной жизнью, проникнутой верою. Это тебе, как поистине царствующей над страстями, подобает похвала и одобрение, а не нам, грешным и ничтожным, хотя ты и благоволишь так говорить.

А то, что раньше я написал о брате, — сказал это не как о чем-то дурном, да не будет, — но по причине того, что здоровое для одних делается причиной соблазна для других. Мы же получили от апостола заповедь: *не подавать брату случая к преткновению или соблазну* (Рим. 14, 13). Поэтому я и не настаивал, чтобы брат был выпущен из темницы. А если он освобожден, ему не полезно входить в женские дома. Это не должно огорчать тебя, госпожа моя, ибо ты знаешь, что я забочусь о твоей безукоризненной и доброй славе, как о славе родной матери, что так и есть, ибо Господь сказал: *Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мф. 12, 49). Если бы я относился к тебе иначе, то и раньше не писал бы и не устраивал твоих дел. Зная об этом, оставь печаль и усиленно молись обо мне, смиренном, как и я молюсь о тебе.

СССХ. ЧАДАМ ЕВОДИЮ И ИОАННУ

Ваше обращение обрадовало меня. Соединившись вместе, вы оба уверили меня в вашем здоровом состоянии, сообщили о том, что вы укрываетесь, выразили вашу любовь к нам, грешным, и вашу готовность к исповедничеству, подобно братьям; а вообще послание ваше подтверждает, что вы действительно ученики Христовы. Убеждаясь в этом, могли ли мы не радоваться и не торжествовать? Но Тот, Кто обнимает вас покровом человеколюбивого Своего Промышления, да заботится о вас и на будущее время, питает, руководит вас, как изволит, на свободе ли вы, или схвачены гонителями. Не бойтесь, если произойдет второе, ибо Кто попустит вам заточение, Тот даст вам силу перенести за Него подвиги. А обо мне, смиренном, не переставайте творить молитву спасения. По вашей просьбе я написал вам обоим. Спасайтесь, многовозлюбленные братья.

СССХІ. ЧАДУ АНАТОЛИЮ

Промедление с твоим ответом, чадо священное, навело меня на печальные мысли, так как и твой перевод, и это освобождение, насколько можно понять из обстоятельств того и другого, есть падение. Чем иным это могло бы называться, ведь так неестественно, чтобы кто-нибудь в это гонение вдруг был бы отпущен и мог идти куда угодно? Это немало тревожило меня. Но, узнав истину из твоего письма, я, смиренный, получил облегчение, возликовал и прославил моего Бога. Господь Бог мой Своим Промышлением да сохранит тебя от подобного падения и от еретического общения.

Будь осторожен в выборе места и образа жизни. Следующим письмом сообщи подробнее о способе своего освобождения и спасения честной своей души. Старайся, стремись приблизиться к Богу посредством удаления от страстей. Ведь смерть близка. Вот, чадо, преставился и честной мой восприемник, блаженно скончавшись в исповедании Христовом. Этот человек был изгнан в состоянии тяжелой болезни и не был уловлен нечестивыми. Что же мы скажем? Не будем ли тверды сердцем? Не изоощримся ли страхом и любовью к Богу снести все по примеру наших братьев? Да, умоляю, сын мой возлюбленный, моя слава и гордость, не станем прельщаться видимым, ибо оно преходяще, но будем держаться небесного, ибо это — вечно. Об этом довольно.

А что касается Савватия, то не печально ли, что он так держал себя и после падения ожесточился? О чем же еще сказать? Только о том, чтобы ты переносил все, что он причинил тебе, а мы, смиренные, молились о его обращении.

СССХІІ. ИОАННУ, (ЕПИСКОПУ) ХАЛКИДОНСКОМУ

Ты благоволил написать к нижайшему чаду, как отец, как мудрый, наставил нас, несведущих в божественном, похвалил недостойных, обратился к нам, как разносторонний учитель, побуждаемый любовью. Твое смиреннейшее слово ясно показывает нам, хотя и против твоего желания, высоту твоей добродетели. А что ты ободрил нас, чтобы мы опять тебе писали и не прерывали переписки, это нас очень обрадовало и внушило уверенность, что мы нашли искусного пастыря, о котором говорит Слово.

Кажется, никто еще из твоего чина так не говорил и не привлекал к себе, чтобы, даже не получая писем, благоволил отвечать. Говорят, что им властями запрещено рассылать письма. Прости мне, блаженнейший, что я обратил внимание на эти ухищрения. Ведь, если мы должны соблюдать то, что державный призывает делать против Бога, то почему бы нам и не еретичествовать, или быть лишь наполовину православными? Но не знаю, почему эти епископы так поступают. А ты просветил, утвердил, наставил, сказав все, что подобает говорить истинному иерарху.

О, священная глава, мы совершенно не таковы, как ты нас величаешь. Мы нищие и грешные и лишь молимся о том, чтобы не отпасть совершенно от священного общества твердо стоящих о Господе. А что ты сказал о ереси, это так, ибо она действительно враждует с истиной, пользуясь одним оружием — властью. Если это отнять у нее, то без особенных усилий и она исчезнет, именно тогда, когда будет заглажено беззаконие, за которое послан этот бич.

Огорчает меня, что твоя святыня на своем слабом теле выносит бедствия заключения. Но да дастся тебе сила от Бога, на Которого ты надеешься и ради Которого ты все счел за сор, избрав вначале монашеское совершенство, а теперь — исповедническую стойкость. Не оставляй, святейший мой отец, молитвы обо мне, нижайшем чаде твоём.

СССХІІІ. ИГУМЕНИИ АННЕ

Ты написала мне, — так и следовало. Из твоего письма я точнее узнал о твоём спасении и возблагодарил Бога за то, что ты так и остаешься в своём добром расположении и исповедании Христа и ни во что

не ставишь ни свое одиночество, ни темничное заключение. Не падай духом, ибо Христос, за Которого и ради Которого ты страдаешь, с тобой. Имей в мыслях победы блаженных жен, подвиги, терпение и искушения дев. Обращай взоры на небеса, на упокоение, уготованное святым, на незаходящий свет, на неизреченную радость, на бесконечную жизнь, а затем на противоположное — на наказания грешников, на тьму кромешную, геенский огонь, ядовитого червя, неразрешимые узы, на бездну, на ад.

Воспомявая об этом, облегчай свое малодушие, укрепляйся в терпении, отгоняй страсти, просвещайся душой, готовься к лучшему подвигу, ибо *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). Если в этом ты будешь оставаться твердою, то послужишь Богу, обрадуешь Ангелов, посрамишь демонов, снискав себе величайшую славу и вечное имя в сем веке. Молись о нас, грешных.

СССХІV. ИГУМЕНУ ИОАННУ

Если ты не пишешь, то, я уверен, не по лености, а из-за местных неудобств и отсутствия письменных средств. А если бы я не стал писать твоему преподобию каждый раз, как случается письмоносец, то справедливо заслуживал бы множество упреков от тебя. Но побуждаемый любовью, я готов не чрез такие промежутки, а почти каждый день обращаться к тебе, моему отцу и многопобедному исповеднику Христову.

Итак, блаженный, терпи и дальше побои и побеждай, молясь и обо мне, своем чаде, дабы я шел вслед за тобой. Если при тебе есть еще соисповедни-

ки, целую с тобою и их и прошу их священных молитв в помощь спасения.

СССХV. ИГУМЕНУ НИКИТЕ

Хочу получить от тебя ответ на посылаемые письма и не умолкну, пока не получу. Потому и теперь обращаюсь к твоему преподобию, исполняя долг любви и сообщая о себе, несчастном, что я жив по твоим святым молитвам, ежеминутно сильно грешу пред Богом и страстно желаю вместе с вами, святыми, послужить Христу в вере, *действующей любовью* (Гал. 5, 6).

Ты, конечно, узнал, что общий отец многих и мой священный восприемник, истинный Феофан, отошел ко Господу. Блажен он, достойно подвизавшись в монашестве и к концу жития соделав прекрасное заключение — исповедание Христа, — несмотря на эту невыносимую болезнь, и упадок сил, и телесную старость. Однако он торжествовал, как юный телом, чтобы сделаться утверждением и опорой для твердо стоящих и обличением для *уклоняющихся к лукавству для извинения грехов* (Пс. 140, 4). Его молитвами, а также и вашими, отцы мои, да спасусь и я, грешный. Много приветствую моего почтенного брата Арсения.

СССХVІ. ИГУМЕНУ ИОАННУ

С радостью получил твое святое письмо, еще с большей радостью прочел его, ибо оно прислано моим отцом и в то же время исповедником. Благодать, милость и мир тебе от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Что только ты ни превозмог, человек Божий, мужественный помышлением, твердый и стойкий сердцем? Во-первых, — темницу, отделившись, как сын света, от обманутого брата. Затем — задержание и опять заключение. И где? Там, откуда надеялся освободиться. Но случилось иное. Бог соделал тебя обличением предшественника и следовавших за тобой. Так что прошу тебя, отец мой, ни с кем из них не входи в общение. Но как поистине непорочный исповедник Христов соблюди себя неприкосновенным, дабы, будучи и именуемый светилом мира, еще сильнее сиять в добродетели. В молитвах твоих поминай и меня, во всех отношениях негодного и не имеющего ничего достойного одобрения, хотя ты из любви и прилагаешь к нам различные похвалы.

СССХVII. ИГУМЕНУ АФАНАСИЮ

Много причин, почему я опоздал с письмом твоей святыне. Во-первых, строгий тюремный надзор, как сообщит письмоносец. Затем, задержание эконома. Прочие причины трудно изложить. Благодарю Бога моего, что удостоился теперь подать голос. Мне всегда приятно говорить с тобой и слушать твой голос, ибо ты человек добрый, подвижник Христов, единоклубный, единомысленный, питающий ко мне особенную, отличную от других, любовь о Господе. Но теперь, отец, станем оплакивать настоящие события.

Ты видишь, что мы возвратились к прежнему состоянию, когда не имели во главе Господа. *Все уклонились, сделались равно бесполезными* (Пс. 13, 3). Все храмы запущены, святилища осквернены, все соборования богохульствуют, а Христос почивает. И никто не достоин возбудить Его молитвой, чтобы Он запре-

тил ветрам и этой злой буре ереси. Если кто и достоин, то все же это еще несвоевременно, ибо Он Сам знает, когда полезно врачевать и когда отсекасть. Поэтому должно ожидать с большим терпением наилучшего и Всеведущего Врача, Который не попустит, чтобы Его Церковь была побеждена.

А ты скажи нам, какова твоя темница и как ты живешь в ней, есть ли вблизи остаток истинного богочитания, или тобою возобновленный или сам по себе сохранившийся в православии; есть ли у тебя на руках книги, питает ли тебя благодарный ученик, как Илию; последовал ли он, как Петр и Иоанн, за тобой взятым, хотя не к Анне и Каиафе, но к, подобно им, иудействующим. Сообщи об этом. А затем, молись, чтобы Христос явился и умиротворил Церковь и спас меня, несчастнейшего, но очень любящего тебя.

СССХVIII. МОНАХУ ВАСИЛИЮ

Узнав, что и ты схвачен нечестивцами, священный Василий и отпрыск Великого Василия, и пострадал за Христа, я обрадовался, прославил, восхвалил, возблагодарил Господа, ибо Он призвал тебя приобщиться Его страстям чрез раны, принятые тобою на спину и через теперешнее темничное заключение.

Ведь следовало, чтобы ты, столь премудрый и боголюбивый, не явился чуждым награды исповедников богочитания, но принял вместе с другими участие в этом, получил имя и стал светом для сидящих во тьме.

Стой, мужественный, и впредь не страшась ничего. С тобою Христос, побеждающий в нас, и победивший крепкого, и свергший его нам под ноги.

СССХІХ. ЧАДУ ГЕННАДИЮ

Я прочел, чадо, твое письмо; оно — выражение надежды и любви. Но мы не таковы, как ты говоришь и думаешь, мы грешны и лишены света. Впрочем, вера твоя да спасет тебя, где бы ты ни был, как от убийственной ереси, так и от всякого грешного деяния.

Ты прекрасно делаешь, что стремишься избавиться от тлетворного мира. Избавление же от него заключается в бегстве от греха, совершение которого есть вечная смерть, а удаление — бесконечная жизнь. Живущий так никого не боится, ни перед кем не падает духом. Желаю тебе так провести жизнь. Того же и мне всегда молитвенно желай, возлюбленный мой сын.

СССХХ. ЧАДУ КАЛЛИСТУ

Твое письмо, чадо, немногословно и хорошо, ибо достаточно только отметить, что ты здоров. А так как ты часто пишешь мне и, кроме того, я получаю письма от многих лиц, поэтому и мое письмо коротко. Знай, что я здоров и молюсь о тебе.

СССХХІ. ЧАДУ КЛИДОНИЮ

Что восхваляешь меня, непохвального, чадо? Почему просишь о скорейшем избавлении от печали? Второе понятно, однако, должно терпеливо ждать, когда призрит Господь и исцелит болезнь людей Своих. Как страждущий не может исцелиться раньше, чем находящееся у него внутри вещество не будет поглощено горячкой, так же точно и Церкви Божией невозможно получить мир, пока болезнь от на-

ших грехов не будет по достоинству заглажена бичующей нас ересью. Ведь она — бич Божий, немного вразумляющий любящих Его, а потом, в нужное время, исцеляющий.

Это издавна и с самого начала применяется к нам. Но если такое вразумление посылается послушным, то какое же осуждение грозит непослушным и гонителям! Конечно, несоизмеримое по своей тяжести. Поэтому, брат, будем стоять и терпеливо ожидать Господа, чтобы прославиться с Ним.

Я рад, что ты не одинок. Но что сказать относительно Леонтия и двух братьев? Тебе известна, как ты сказал, порочность и того, и других: один впал в полное нечестие и руководит иудействующими, а те двое ищут, как бы вместе с собою погубить и тебя. Но ты, чадо возлюбленное, оставайся сыном света. Не уподобляйся тем нечестивцам, которые отступили от Бога и продали себя сатане. Христос твой покровитель. Он да сохранит тебя. Побольше молись обо мне.

СССХХІІ. ЧАДУ МЕЛЕТИЮ

С тех пор, как узнал об увлечении жалкого Григория через нечестивую подписку, я стал опасаться, чадо, за тебя. А когда получил твое письмо с извещением о твоём разлучении с ним, то я возопил о нем, погибшем, и о том, как притворно они оба казались богочестивыми, — ведь и Василий, конечно, одного с ним образа мыслей. Но за твое спасение возблагодарил Бога моего, что не поглотил тебя змий, но, как из морского кита, ты вышел из тлетворной ереси.

Оставайся, чадо мое любезное, как ты есть в своем спасении, и привлекай себя и других братьев, увлеченных по неведению или, скорее, по непослушанию,

от меня, недостойного, а правильное сказать — от Бога. Ведь, кто неразумно отделился от своего пастыря, разве не отлучился от истины? А истина есть Бог, сохраняющий и утверждающий, и если Он попустит, чтобы тебя схватили христорбцы, то да даст силу и крепость перенести за Него всякие страдания, даже до смерти.

СССХХІІІ. ЧАДУ ИАКОВУ

В своем письме ты хвалишь меня разными способами, но я не чувствую, чтобы имел что-нибудь хорошее. А тебе я молитвенно желаю закончить начатое дело Божие — мучение за исповедание Христа.

Поэтому, чадо мое любезное, сноси темничное заключение, очищая внутреннего человека, отгоняя губительные помышления. Таким образом, ты будешь всегда готов к смерти за Христа. Блажен не только тот, кто начал хорошо, но кто и завершил достойно дело Христово. Я также оплакиваю брата Лукиана, ибо по моим грехам он сражен, а загладить поражение трудно. Всегда молись о нем и обо мне, грешном.

СССХХІV. ЧАДУ ЕВПРЕПИАНУ

Когда ты, пришедши ко мне в Анатоликон, сказал, что хотел бы укрыться от гонения, — я отклонил тебя от этого. Когда же ты отстал от братьев, я подумал, что ты сделал это главным образом из любви к тишине, и не счел это за большую ошибку с твоей стороны. Поэтому я мысленно представлял, что ты живешь в горах около Прусы и работаешь Богу, и радовался. А теперь я услышал, что ничего подобного нет,

а что, якобы ради удобства, чтобы не увлечься в ересь, ты отрастил себе волосы, оделся в белые одежды, живешь один и, как старший или попечитель, служишь игуменье, покупаешь животных, отправляешь и принимаешь грузы,ходишь и выходишь. Я поразился, лишился сил и стал как мертвец. Горе мне, жалкому!

Брат, что ты сделал! Как ты вообще осмелился сделать это? Бывший раньше, во время прелюбодеянного дела, исповедником, теперь, в иконоборческое время, ты стал христопродавцем, божественное обратив в торговлю. Прежде щепетильный даже относительно взгляда, теперь ты состоишь работником у женщины, чтобы не сказать хуже. Совершенно бежавший от своих, ты теперь обратился вспять, стал плотью и кровью, не живя с братьями; оставивший родину, ты стал по сути преступником.

Божественный Василий в одном месте говорит: «Ты и сенатора погубил, и монахом его не сделал». И это потому, что тот жил не вполне по правилам, удержав часть своих денег. А ты, извини, не погубил монаха, а отрекся. Как именовать тебя? Монахом? Но ты отрастил волосы. Впрочем, ты говоришь, что внутри носишь черную одежду и в сердце не отрекся от нее. Так теперь говорят все те, кто примкнул к ереси. Лучше бы тебе, человек, присоединиться к еретикам и затем раскаяться, чем, отвергнув святой образ, остаться нераскаянным. Ибо, отвергнув его, ты поправ Сына Божия, *не почитая за святыню Кровь завета* (Евр. 10, 29), надругавшись над Духом благодати. Поэтому ты не достоин вкушать даже освященную пищу: хлеб, воду.

О, что ты сделал, и это несмотря на то, что был наперсником! Ты низвел меня до глубин ада, напоил меня чашей смертной. Тобою овладел дьявол, как хотел.

Но пробудись, доброе мое чадо Евпрепиан. Ты обманут сатаной, думая обмануть его. Когда ты раньше лишь несколько дней, в силу обстоятельств, ради послушания к отцу и служения носил белое и ходил с открытой головой и ночью через крышу проник ко мне в темницу, — тогда можно было на время вернуться домой, сбросить покрывало и мантию с головы и потом продолжать божественное дело. Но то, что ты теперь делаешь, есть отвержение образа. Пожалей себя, брат, и меня, недостойного твоего отца. Как только получишь письмо, остриги волосы, сбрось белые одежды, присоединись к кому-нибудь из братьев, живи, как живут и прочие твои братья, и тотчас мне напиши, чтобы я тебе опять ответил. Я знаю, что ты сделал все, считая это хорошим. Но разбери и увидишь, что это дело лукавого.

СССХХV. ЖЕНЕ СПАФАРИЯ ФЛАВИЯ

Во время искушения испытываются истинные друзья, становясь прибежищем, наподобие причалов для захваченных бурей. Ты, поистине благороднейшая из женщин, искони и с самого начала и причал, и прибежище для многих душ, лишенных крова и пищи. Среди монахов нет почти никого, кто бы не величал твоего имени и не говорил о твоем гостеприимстве, если не по своему собственному опыту, то услышав от испытавших, как и я сам. Я слышал о тебе, не только будучи еще там, но и отделенный большим расстоянием. Кто же сообщил мне о тебе? Те, кого ты приняла и кому послужила во время этой нечестивой ереси.

Молюсь Богу моему, чтобы ты пережила ее, управляемая осмысленным разумом благочестия, с которым ты свыклась и с которым с самого начала жи-

лашь. Оно да представит тебя Богу в день небесного Его откровения, чтобы ты с милостью получила вечную жизнь. Этого я, грешный, от лица братии Игнатия молитвенно желаю тебе, честнейшая госпожа.

СССХХVI. МОНАХИНЕ МАРИИ

От наших братьев, которых твое боголюбие благоволило угостить и укрыть от преследующих зверей, до нас дошел слух о добром имени, правых делах и добродетельной жизни твоей.

Благодарение Богу, спасающему многих, которые в житейской скромности сохраняют божественное достоинство. И Христос, в Свое пришествие по плоти, отвергши славу мирскую, избрал слабых и униженных, чтобы посрамить богатых и гордых. Ручательством за такую твою жизнь служит принятие братьев. Укрывая их, думай, что укрываешь Христа, ибо их бегство бывает ради Него. Сохраняй и в себе добродетель во славу спасения, в котором да будешь соблюдена, еще более возрастая в добре, боголепно охраняемая. Приноси Господу старческую добродетель, как блаженная Анна или кто-либо другая из прославленных, послуживших Богу в маститой старости.

СССХХVII. ЧАДУ АФАНАСИЮ

Я рад, чадо, получив твое участливое письмо. Я не только наслаждаюсь им, потому что слышу в нем твой голос, но и веселюсь, видя твое духовное преуспеяние. Итак, прибегай к письмам, ибо этим приносишь пользу и в одном, и в другом отношении: и мне, и себе. Чем больше черпать из колодца, тем больше расширяются его струи. Тоже происходит и с языком,

излагающим письма. В себе же я не вижу ничего хорошего, хотя бы ты расточал по моему адресу и большие похвалы. Чем больше ты меня хвалишь, тем больше стесняешь, ибо я чувствую свои слабости. Если же какое-нибудь из наших слов вам кажется полезным, это должно приписать Богу, от Которого ради вас и в слепом открывается свет и в неразумном оказывается малый и скудный разум. Его следует брать; не стесняться, а всегда поучаться в слове Божиим из страха пред угрозой и в надежде на награду.

А то, что ты бродишь во все стороны, меняя места из страха пред гонителями, разве это не явление времени, разве это не страдание, не печальное явление? Но так как это ради Христа, то да будет оно радостно и да ведет к совершенству. Да сотворит Бог благо доброму спафарию, оказывающему тебе ради Христа гостеприимство и уход. Он и мне многократно оказывался полезным. Сейчас я написал архиепископу. А не писал раньше, как ты и думал, потому что не получал ответа на прежние письма. Ведь, кто из всех на свете для меня дороже него? Это понятно и справедливо. Видишь ли злобу дьявола? — Письма исчезли. Но, слава Богу еще, что они не попали в руки властям.

Почил мой духовный отец, как ты мне сообщил. Но прочти мое письмо к архиепископу и из него ты узнаешь, как я восстал и что сказал и о других лицах. Да упокоится и стратиг, одноименный со мною, за то, что в последние дни он помянул меня, недостойного. Как ты славен, если тебя приглашают такие люди в таких случаях. Да явишься еще более преподобным и избранным среди многих, ибо ты один служишь Господу всех. Чем больше будешь Ему прилепляться, тем больше будешь возвышен и почтен, так как прав Сказавший: *Я прославлю прославляющих*

Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены (1 Цар. 2, 30).

Почему ты, брат, соблюдаешь такой трехдневный пост? То, что ты поработаешь и подавляешь плоть, это хорошо, но соблюдай меру. Делай, что можешь сделать, сохраняя телесное здоровье, а это самое лучшее. Итак, молись о спасении меня, смиренного. Живущий со мною приветствует тебя. Целую твоих.

СССХХVIII. ЧАДУ АНАТОЛИЮ

Пишу ли тебе, чадо, или нет, память о тебе не исчезает из моей смиренной души не только в виду внимательности души твоей с самого детства, — ведь, твое настроение не детское и не младенческое, а старческое и мужественное, коль скоро ты не был увлечен ни сильными нападениями, ни дурными делами, — но еще и потому, что ты состоишь при моем единственном брате, а твоим отце.

То, что между всеми ты избран им на общие злоключения, то есть для услужения, — это показатель твоей немалой добродетели. Проходи свое служение так, как если бы ты все и говорил, и делал пред очами Господа. За это тебя ждет великое утешение. Вера твоя чиста, и смиренная моя любовь Христова к тебе все более крепнет. В этих немногих словах достаточно силы. Горячо молись, чадо любезное, обо мне, грешном своем отце.

СССХХIX. ЧАДУ ЕВХАРИСТУ

Мне очень нужно написать тебе, чадо, хотя ты сам и не просил об этом. Возможно ли, чтобы ты не заслуживал похвалы и не был оценен по достоинству,

если почти один несешь на себе труды и странствия, опасности и всякие положения, прислуживая святому архиепископу? Твое дело достойно одобрения, твои действия подвижнические. Ты решился ходить среди сетей, по раскаленным углям. Но укрепляйся еще, чадо, и мужайся. Исполни свое служение, умножь свой талант, чтобы тебе было хорошо, и ты был блажен навек. Наконец, молись и обо мне, смиренном своем отце.

СССХХХ. ЛЬВУ

Хорошо ты сделал, духовное чадо, написав нам письмо, хотя и краткое, но с достаточной силой выражающее твой разум и доказывающее, что ты сын нам не только по монашескому чину, но и по образу жизни. Впрочем, ты и по другой причине имеешь право обращаться к нам, как сын, будучи чадом и чадом ближайшим, нашего брата, боголюбивейшего архиепископа. Ведь то, что из всего множества клира ты один стал его последователем и вместе с выдающимися из братьев проходил гонения и подвиги, это доказательство большой близости к нему, а также, конечно, и твердой любви к Богу. За это и мы, смиренные, и любим, и ухаживаем за тобою, и считаем тебя в числе наших братьев.

СССХХХІ. КОНСТАНТИНУ

Ради чего я пишу твоей честности? Ради доброго твоего православия, ибо ты не присоединился к гонителям Христовым, предоставив помышлениям идти, куда идут, но как опытный кормчий крепко держишь руль в руках, направляя свой душевный корабль в тихие пристани Православия, при веянии Духа пресекая еретические волнения.

Узнав об этом от любезного брата нашего, который передаст тебе письмо, я решил, что хорошо бы написать тебе, чтобы сблизиться с твоей любовью. Это для христианина необходимо, особенно теперь, когда тело Христово мечом ереси сечется от дьявола. Оставайся, добрый муж, по промыслению Божию невредимым и продолжай доброе строительство *на этом основании из золота, серебра и драгоценных камней* (1 Кор. 3, 12), чтобы стать тебе храмом Божиим. Да будет.

СССХХХІІ. ПРЕСВИТЕРУ

Если кто-нибудь зимою увидит розу, он, конечно, бежит посмотреть на это необыкновенное зрелище, а указавшему выражает благодарность. Таким и ты, святой Божий человек, оказался для нас в зиму неверия, а открыл тебя, живую православную розу, возлюбленный мой сын, податель сего письма. Я увидел тебя не чувственными, а умственными глазами, и прибежал к тебе не ногами, а письмом, обонял тебя не носом, а духом, и очень приятен мне этот запах, а особенно Господу, Который да сохранит тебя от рук еретиков, дабы, когда минет этот сильный мороз и настанет теплая погода, ты вошел в сплетение венца Его славы. Подари нам лучшее, что ты имеешь, — свои священные молитвы.

СССХХХІІІ. ЧАДУ ФЕОДУЛУ

Я чувствую удовольствие, чадо мое, получив твои письма. Жаль только, что ты в таких трудах и в тюрьме. Но должно терпеть все, ибо это ради Христа. А не увлечет ли за собой твоего сожителя-брата неблагодарный ученик и предатель истины Леонтий? Ведь

он получил и Воскитий, как Иуда, наследовавший виселицу, и стал притеснять там живущих братьев. Я думаю, то же захочет сделать и с тобою. Но, брат, по примеру блаженных братьев стой даже до крови, чтобы вместе с ними спастись о Господе. Горячо молись обо мне. Приветствуй брата.

СССХХХIV. ЧАДУ СИМЕОНУ

Только сейчас собрался написать тебе, чадо мое возлюбленное. Братья сообщат о причине замедления. О чем ты раньше написал, я прочел и согласился со всем, ибо это вытекает из доброго расположения. Похвально, что ты хорошо живешь во спасение себе и сожителям своим и в назидание внешним, не обнаруживая непоседливости и склонности к блужданиям, а переживая гонение в спокойствии, с чувством благодарности и терпением. Поэтому ты стал любезен и для своих хозяев, и для слушателей. Так продолжай свое дело, умудряясь божественным, просвещая умы, избегая врага, приближаясь к Богу, чтобы, достигнув Его, наследовать царство небесное.

Как и раньше я писал тебе, если кто из братьев дурно ведет себя, окажи помощь, или написав, или лично отправившись к нему. Акакий, твой племянник по плоти, состоит в числе служащих мне и пишет мне. Эконом схвачен. Молись обо мне, грешном. Живущий при мне брат приветствует тебя. Приветствую твое братство. Господь с тобою.

СССХХХV. ЧАДУ ЕВФИМИЮ

Радуйся о Господе, добрый Евфимий. Через письмо я удостоился опять увидеть тебя и обнять, как

мое око, как сердце, как сына света, как исповедника Христова. А почему поздно — письмоносец скажет о причинах. Нужно еще терпеть. Поэтому, брат, будем долготерпеливы, чтобы получить обетования Божии, живя во славу Божию благообразно, с тщательным соблюдением всех заповедей Его. Молись обо мне, грешном, да спасусь. Мой брат приветствует тебя. Господь с Тобою.

СССХХХVI. ЧАДУ ЕФРЕМУ

Благодать тебе от Господа, чадо Ефрем. Вот опять я навещаю тебя чрез письмо. Как ты живешь? Как терпишь? Как идет твое дело? Я знаю, что хорошо, ибо изгнание и заключение — ради Христа. Я опоздал с посещением, но о причине сообщат братья. Терпеливо ожидай Господа. Неотступно проводи каждый день, как воин Христов, отгоняя помышления, просвещая душу памятованием о Боге и вечных благах. Мир есть сновидение, а добродетель пребывает вечно. Будем стремиться к ней, чтобы Бог прославился в нас и мы спаслись. Молись обо мне, грешном. Брат Николай приветствует тебя. Господь с тобою.

СССХХХVII. ЧАДУ АФРОДИСИЮ

Добро, чадо мое Афродисий, добро, чадо мое возлюбленное! Мир тебе от Господа, на Которого твоя надежда, ради Которого изгнание и заключение. Хорошо ли ты себя чувствуешь? Терпеливо ли ожидаешь Господа? Да внимает Он тебе, да слышит твою мольбу, охраняя и покрывая тебя, как зеницу ока. Почему посещение запоздало, сообщит брат. Стой еще, долготерпи, молись еще; Господь ускорит посетить народ

Свой. Только бы мы служили Ему со страхом и трепетом. Видящим и слушающим тебя яви себя ангелом во плоти, богоявленным светилом, чтобы через тебя прославился Бог. Молись и о спасении меня, грешника. Приветствует тебя живущий при мне брат. Господь с тобою.

СССХХХVІІІ. ЧАДУ ИПЕРЕХИЮ

Благо, Иперехий, благо, чадо мое. Перенеси трудное время, перенеси изгнание, озлобление. Почему посещение опоздало, расскажут братья. Впрочем, я еще раз послал тебе письмо, в котором дал тебе свое прощение. И ныне Бог да простит тебя и за то, и за все. Отложи печаль. Каждый отец и наказывает, и опять утешает. А невоспитанный и ненаказанный не имеет никакой ценности. А ты будь полезным, испытанным, как и пострадал ради Христа. Следи за собою, чадо, какое место жительства себе выбираешь, как живешь; избегай поводов к падению, средств и мест, удобных для падения, чтобы тебе, как сыну света, спастись. Потерпи еще. Молись обо мне грешном. Приветствует тебя живущий со мною. Господь с тобою.

СССХХХХІХ. ЧАДУ АММОНУ

Добрый Аммон! Радуйся радостью великою, ибо твоё изгнание и заключение — за Христа. Вот я опять пишу. А если несколько поздно, о причине сообщат братья. Однако я всегда взираю на тебя духом и молюсь о твоём спасении. Молись и обо мне, грешном. Одинок ли ты или живешь с братом? Очень желаю, чтобы он был с тобою, ибо и он, подобно тебе, — мое чадо. С радостью слышу, что ты хорошо живешь

и имеешь хорошее устройство. Будь таким в еще большей степени, в качестве доброго примера для своих братьев. Наше дело, как мучеников Христовых, должно сиять для всех во славу Божию. Да будет тебе от Господа сила, милость, мир, благословение, вечное спасение. Молись обо мне, твоём брате. Приветствует тебя живущий при мне. Господь с тобою.

СССХL. ЧАДУ СТЕФАНУ

Радуйся, честнейшее мое чадо, Стефан! Да умножатся тебе от Бога благодать, милость и мир. Братья сообщат о причине, почему я замедлил с посещением. Всегда, даже если и не пишу, имею тебя в сердце. Итак, мужайся и укрепляйся о Господе, мужественно перенося ради будущих благ нынешние печальные обстоятельства. Благодушно день за днем шествуй по правому пути Божию, отгоняй страсти, очищай сердце, благоугождай Богу, Которому ты принес себя в жертву, ради Которого подвергся бичеванию и изгнанию. Если до конца терпеливо будешь ожидать Его, Он воздаст тебе в качестве награды царство Свое. Молись о нас. Брат мой целует тебя. Господь с тобою.

СССХLІ. ЧАДУ СИМЕОНУ

Радуйся, чадо мое, Симеон! Вот опять к тебе мое слово; а почему пишу тебе несколько поздно, расскажут братья. Как ты чувствуешь себя, как живешь? Смотри, чадо, на деле Божию, которое тебе даровано Им, создай доброе обращение, надежду, долготерпение, твердость в заключении. Я слышал, что ты иногда выходишь в мир, и опечалился, ибо это не есть хотение Божие и бесполезно для души твоей. Христос

призвал тебя на мученичество, а не на врачевание тел, на то, чтобы находиться на одном месте и очищать себя от всякого зла, а не на то, чтобы блуждать и гоняться за несбыточным. Не огорчайся, чадо мое, что делаю тебе замечание, а блюди себя отныне, благоугождай Богу и молись обо мне, грешном. Брат Николай приветствует тебя. Господь с тобою.

СССХLII. ЧАДУ ПАРФЕНИЮ

Радуйся, желанное мое чадо, добрый Парфений, сын истинного света. Опять беседую с тобою через письмо, опять вижу и обнимаю тебя. Причину опоздания сообщат братья. Но память о тебе не исчезает у меня из сердца. Молюсь, чтобы ты пребывал неповрежденным, уготованным на всякое благое дело. Как прекрасен твой путь, — исповедание Христа! Как похвально твое терпение, ибо оно дарует царство небесное! Не падай же духом, сын мой, потерпи еще немного. Господь близок к ожидающим Его. Как велика будет твоя радость при разлуке с местом или телом. Но кто теперь достоин второго? Бойся Бога, будь к себе внимателен, ненавидь наслаждение, как дело пагубное. Люби Бога, как единственную радость, и Он да соблюдет тебя в целости до конца. Молись обо мне, грешном. Мой брат приветствует тебя. Господь с тобою.

СССХLIII. ЧАДУ ИГИСИМУ

Благодать тебе от Бога, Игисим, возлюбленное мое чадо. Я поздно посещаю тебя, но о причине скажут братья. Прошу и молю тебя, выноси и терпи свое изгнание и заключение. Наблюдай за местом и обра-

зом своей жизни, чтобы она была о Господе. Следи за невидимыми врагами, чтобы они не проникли в тебя: это может случиться, если допустишь в себя лукавые помышления. Если мы не будем уступчивы, то нам предстоит хотя и ежедневная брань, но и ежедневное увенчание. Так и живи, как Ангелы, как мученик Христов. Если даже враг осилит или ранит тебя, поскорее восстань, очистишь, утвердишь. И выйдя, таким образом, из опасного положения, спасайся, молясь и обо мне, грешном. Живущие при мне целуют тебя. Господь с тобою.

СССХLIV. ЧАДУ ДОРОФЕЮ

Будь благословен от Господа, чадо мое Дорофей. Благодать тебе и милость, сила и крепость. О причине замедления с посещением скажут братья. Наблюдай, брат, в какой среде ты возвращаешься, как живешь. Не отчаивайся, но терпи, не падай духом, а жди, не открывай доступа лукавым помышлениям, но если восстанут, противостоянь, напрягай против них все усилия, и они во имя Господа отойдут, обратятся в бегство. Пой известные тебе псалмы. Молись почаще, в сердце со страхом Божиим, на устах со славой Божией, чтобы был соблюден неприкосновенным. Наконец молись обо мне, грешном. Живущий при мне брат приветствует тебя. Господь с тобою.

СССХLV. ЧАДУ ПЕТРУ

Ты не перестаешь в каждом своем письме хвалить нас, недостойных. А мы, чувствуя свои недостатки, скорее стенаем, чем радуемся, ибо мы не таковы, как ты нас изображаешь. Однако, чадо возлюбленное, мы

принимаем твою веру, из которой и проистекают эти твои слова. Ответ, который ты от меня просил, в особой заметке я сообщил всем вообще, ибо многие спрашивают о том же, а каждому отдельно мне отвечать трудно. Молись более горячо о моем смирении, чтобы я, грешный, был спасен о Господе. Опять получил от тебя посылки. Когда же ты перестанешь? Пусть Господь воздаст тебе все, чего ты желаешь. Приветствует тебя живущий при мне, а я — живущих при тебе.

СССXLVI. ЭКОНОМУ МОНАСТЫРЯ СИМВОЛА

Получил письмо от твоей любви, прочел его и познал твое смиренномудрие, ради которого Господь возвышает любящих Его. Поэтому и ты удостоился в нынешнее мученичество приобщиться Его страстям. А что христорыцы, побежденные твердым твоим терпением, отпустили тебя, это совсем не позор, а победа для тебя. Благоугождай Богу на месте, где живешь. Когда кто-нибудь по совести подвизается и очищает себя от восстающих демонских помышлений, то это есть ежедневное мученичество. Будь всегда благодушен, в добром здоровье и доброй славе. Не забывай молиться обо мне, грешном. Кланяюсь живущим с тобою братьям.

СССXLVII. БРАТУ, АРХИЕПИСКОПУ ИОСИФУ

Когда я услышал твой голос, о, многожеланный; возликовал мой смиренный дух, мне показалось, что вижу тебя воочию, всецело прилепившись твоему священному лицу, черты которого никогда не покидают

меня и не покинут, даже если бы имеющие власть разлучить нас телесно сослали тебя далеко за Кадикс.

Это потому, что любовь моя стремится к тебе, что само собою разумеется. А ты, святейший, любя и восхваляя нас, как брат, и не можешь допустить в нас недостатка, достойного порицания, ибо это противоречит естественным условиям. Иначе мог ли бы ты, расточая похвалы, нарушать истину? Как ты знаешь, я грешен, сам нуждаюсь в свете и не сияю. Терплю ради Христа ничуть не больше твоего и всякого другого сопротивляющегося в это смутное время. О, если бы хотя столько же! В какое положение привел Господь нашу Церковь, как искушаются все! Как будто в горниле, и, однако, мало оказалось золотых, а почти все свинцовые. Ведь Господь сказал: *и враги человеку домашние его* (Мф. 10, 36). Возьми, например, прежде всего Леонтия. Он, как дикий зверь, преследует своих соучеников и опустошает церкви Божии. Да обратит его Господь, а нас да укрепит на предстоящий подвиг, на который должно смотреть не иначе, как на мученичество за Христа, равносильное древним.

Ты еще раньше подвергся гонению за истину, заключен в темницу, в уединение, испытал много зол не раз, а дважды. Ныне переносимыми страданиями ты вступаешь на третью ступень. Тройной венец подобает тебе, преподобнейший, от Святой Троицы. Пусть Фессалоника, сверх прежнего, вечно украшается и твоими подвигами. Пусть и Феодор радуется и гордится своим братом, сам не обладая ничем похвальным. Благодетельство духа в том и заключается, чтобы жить по смерти. Это и есть предмет, которого мы просим у Господа. Это — залог бесконечного царства, которого вместе с тобою да сподоблюсь и я, несчастный, подражая твоему православию и правой жизни.

Живущий при мне вполне раболепно целует тебя, как и я — священного Анфа.

СССXLVIII. ЧАДУ ЛИТОИЮ

Закончив опровержение иконоборцев, я опять получил ямбы, и это доставило мне труд. Однако, чадо, ты хорошо сделал, поставив меня в известность о них. Средний акростих не соблюдается. Не во всех стихах он начинается с седьмого слога, но в разных различно. Иногда он стоит в середине следующего слога; а в таком случае это не акростих. Впрочем, посмотри, как я составил, и узнаешь точно. Получи тетради, прочти их и, переписав, тотчас верни обратно. Береги их тщательно, не говори о них нечестивцам. Это может повлечь к смертной казни. Но если кто из верных, прочитав, найдет какой-нибудь недостаток или несоответствующее слово, или мысль, то пусть или сам, пробежав, исправит, или лучше сообщит мне. Я написал их не без цели, но кажется, в стихах заключен большой смысл истины. Поминай нас, чадо, чтобы мы всегда спасались о Господе, как и мы делаем это относительно тебя.

СССXLIX. ЧАДУ ФЕОДУЛУ

Уйдя из среды, ты, чадо, нисколько не погрешил, поскольку Бог попустил этому быть, хотя, с другой стороны, это не есть дело совершенства. Впрочем, примирился с братом, с которым ты живешь и которого я приветствую. Спасайтесь оба и друг за друга в страхе Божиим ходатайствуйте, скрываясь и здесь, и там, по горам и вертепам от еретических зверей и проходя путь блаженства. Молитесь и обо мне, грешном, чтобы спастись. Живущий со мною приветствует вас.

СССL. ЧАДУ НАВКРАТИЮ

Узнав, что ты выздоровел, хотя и не окончательно, от тяжчайшей болезни, с которой боролся, я, возлюбленный, возблагодарил Господа. Болезнь, посылаемая нам от Бога, промысляющего о нашей жизни, есть упражнение для нашей души, и потому нам следует относиться к ней благодушно. Апостол говорит: *когда я немог, тогда силен* (2 Кор. 12, 10). Так должно судить об этом.

Откуда это неистовство жалкого Леонтия против нас, что он так сильно огорчает братьев и без чувственного кровопролития источает их кровь, иссушая их плоть? Но да исполнится слово Господне: *и враги человеку домашние его* (Мф. 10, 36). Разве и Господь не Своим собственным учеником был предан на смерть? Обрати внимание, кому уподобляются подвизающиеся? — Христу первомученику. А мучитель на кого стал похож? — Не только на неблагодарного Иуду, но и на богоубийц Пилата и Каиафу. Как ты знаешь, для злого Леонтия настоящее есть последствие прошлых событий: от покровительства прелюбодейанию он перешел к иконоборству или, правильнее сказать, к христорству и своим нечестием так приблизился к державному, что и именем своим стал похож на него. Имя того — Лев — собственное, имя этого — Леонтий — производное, как от огня — пламя, из железа — стрекало. Но близок Господь ожидающим Его, сокрушит Он стрекало и размягчит железо. Поэтому, брат, не станем огорчаться в страданиях, имея в виду, что долготерпение ведет всех любящих Бога к испытанию и умножению венцов, как издревле и с самого начала это было со святыми. Итак, пусть это время продолжается, умножаются

мученики, искушается неподдельное золото. Никто, не очистившись достаточным плавлением и не обнаружив твердости веры, не может быть угоден очистителю золота Богу.

А дело Евпрепиана причиняет мне, грешному, огорчение. Однако должно молиться о нем. То, о чем ты спрашивал, я и сам знаю, обстоит не так. Эти люди, как монахи, так и монахини, хотя и носящие всегда снаружи белые одежды, светоносцы — внутри, и втайне святые. Это есть один из видов экономии (приспособления), по виду напоминающий лицемерие, и состоит в том, чтобы на определенное недолгое время или на определенном месте менять внешность, или привычки, или обращение. К первому прибегал святой Авраамий, ко второму — святой Давид, а к третьему — святой Петр. Когда грозят два бедствия — падение или уклонение, лучше избрать легчайшее, т. е. второе. Лучше быть тайным монахом и не касаться нечестия, хотя бы под предлогом недостаточности сил, чем быть совершенно отвергнутым.

Ты через письмоносца устно передал, что в восьмой главе есть ошибка, противоречащая канону святого Петра¹. Я этого не знал. Да соблюдается канон. Кто такой я, несчастный, чтобы отменять каноны? Однако, и в прочих главах: и в тех, которые ты сейчас попросил, и в тех, которыми я отвечал на вопросы других, — я советовал, но не давал правила или закона, общеобязательного по отношению к внешним. Это для меня непозволительно и не в моей власти. Я священник, хотя и недостойный, а не иерарх. Лишь ему и лицам его чина принадлежит право издавать всеобщие каноны и законы.

¹ VIII правило св. Петра, епископа Александрийского.

СССЛ. ЧАДУ ТИМОФЕЮ

Усиленно потерпи Господа, возлюбленное мое чадо Тимофей, ибо написано: *Если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2, 12). Какое великое обетование стать царем на небе, если совершишь мученичество за исповедание Господа. Сказанное пусть не кажется тебе странным. Апостол и Богослов говорит: *Соделал нас царями и священниками Богу и Отцу Своему* (Апок. 1, 6). Зачем и говорить об этом? Бог повелел человеку быть даже богом. *Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы* (Пс. 81, 6). Таким образом, этого достоинства достигает всякий, кто не умер от греха и не подпал нечестию.

Поэтому, брат, будем стоять, не умрем смертью греха, чтобы сделаться богами и царями. К тому же темницы, горести, стеснения, голод, огонь, меч, тысяча родов смерти, — ничто не может отлучить от любви Божией (Рим. 8, 35). Пусть нечестивцы прибегают к каким угодно мучениям. У меня решительно нет сил, а по грехам недостаток во всем. Но слово истины в силах доказать, что требуется. Благодатью Христовой ты начал это и, как слышу, обнаруживаешь в этом большую ревность. Но молись и обо мне, гнусном, чтобы я поревновал идти вслед за тобой. Живущий при мне приветствует тебя.

СССЛ. МОНАХУ ВАСИЛИЮ

Что это за звезда благочестия воссияла над нами с запада? От нее идут светлое сияние слова и блестящие лучи жизни. Твой восход — как восход солнечный, твои исповедания — мученические, хотя по устроению Исповедуемого тебе до сих пор и не дано принять

участие в подвиге бичевания, может быть, для того, чтобы запозданием дара благий Бог способствовал воспламенению в твоей душе более сильного стремления получить его. Подобно этому и матери, помимо детей одаряя прочих родственников, тем разжигают в детях стремление к получению даров. А с другой стороны, это делается, может быть, и с тою целью, чтобы на будущее время не исчезла кровь мученическая, которою и время просвещается, и почва освящается, и утверждается общество православных.

Я рад и поздравляю тебя со внесением в список исповедников. Обняв тебя духом так же, как бы видел тебя воочию, целую тебя, ценю тебя, как единомышленника, как отца или, по крайней мере, брата, — но не так, как ты из большого смиренномудрия говоришь, — на тебя смотрю и ухаживаю, и в присутствии невидимого Бога подаю руку мученику для того, чтобы нам одинаково мыслить и исповедовать даже до крови, а не как-нибудь, и не отречься от создавшего нас Христа Бога нашего, ни от Богородицы, ни от кого из святых. Ведь ясно, что при отвержении чьего-либо образа отрицается и сам изображаемый, ибо и первообраз, и образ суть одно и то же по чести и по силе. А если это так, как говорят богоносные Отцы, то разумеется — и в положительном, и в отрицательном смысле. Равным образом, не отвергается ли Животворящий Крест, когда оскорбляется его образ? Ясно, что отвергается. Разве и Христос не низлагается, если возражают против Его образа? Безусловно, низлагается. Что говорит Господь? — *Отвергающийся вас Меня отвергается* (Лк. 10, 16).

Человек есть образ Бога, но искусное изображение Его в телесном виде есть образ более близкий, чем человек, потому что между образом и первообразом

Христа больше сходства, чем между различной у каждого степенью усвоения Божества и Самим Божеством, хотя и принято в известном смысле говорить о богоподобии. Следовательно, в переносном смысле слова Господа можно понимать как: «Отвергающий Мою икону, Меня отвергает»; иначе и быть не может, хотя с этим не согласны отрекшиеся от Христа. На этом остановимся, чтобы не слишком увеличивать размеры письма. Оставь, святой, похвалы касательно меня, ибо я не имею и не совершил ничего хорошего, но молись о моем ничтожестве. А что наш ученик, брат Ипатий, заслуживает похвалы, это достоинство отрасли, а не корня, ибо очень часто, особенно в вопросах воли, и от дурного корня произрастают прямые ветви.

СССЛІІІ. ИГУМЕНУ МАКАРИЮ

Достаточно времени прошло в молчании, и потому считаю нужным обратиться к твоему отеческому преподобию с жалким, но все же любезным словом. Кто в наших глазах к Господу ближе тебя, блистающего и жизнью, и словом и, прибавлю, издавна связанного с нами одинаковыми страданиями?

Как ты, лучший из отцов, смотришь на современные события? Не вступление ли это к пришествию антихриста? Изъят из среды Христос в Своем изображении, равно как Матерь и слуги Его, а это признак иудейства или язычества. Управляют не пастыри, а волки, имея таких же в своем распоряжении. Если же где-нибудь случайно окажется овца Христова, они спешат отдать ее на растерзание зверям. Двое из моих прежних учеников, теперь безбожно пастырствуя, неистовствуют сильнее прочих: одних из своих соучеников они поглощают, увлекая их в ересь, иных

наказывают сильнее, чем всякого другого. Нужно ли перечислять? Все смешалось и разорено теперь, когда прежнее зло сплелось с нынешним нечестием, все более и более растущим. Для чего я высказал это? С одной стороны, для того, чтобы найти облегчение в жалобе на смущающие мою смиренную душу печали, а с другой стороны, чтобы побудить твою святую быть более упорным в бдении над истинным православием и молиться благому Богу нашему об отрешении власти предержавших. Я уверен, что Человеколюбец смягчится, ибо ты праведен.

СССЛІV. ИГУМЕНУ КОНСТАНТИНУ

К прежнему письму присоединяю и это и обращаюсь к твоей отеческой святине, к которой я отношусь со всем любезным расположением в виду не только еще с самого начала установившихся между нами отношений во Христе, но и одинаковых наших страданий в мученичестве за Христа. Я слышал, что ты сначала прекрасно и горячо подвизался в исповедании в столице, затем был сослан во Фракию, а теперь снова взят и препровожден в Константинополь. О, блаженный, ты проходишь путем благочестия, но радуйся, ибо тебе готовятся на век богосплетенные венцы и нетленные награды. Изреки и нам, смиренным, слова жизни.

Таковы, хотя и вкратце изложенные, твои деяния. Так ли это, или нет, но ты не оставляй усиленной молитвы обо мне, негодном, чтобы я спасся.

СССЛV. МИХАИЛУ, ЕПИСКОПУ СИННАДСКОМУ

Я давно узнал, что разрушители благочестия перевели тебя, столп и утверждение истины, из прежнего

заклучения и теперь держат в столице. И хотел, было, написать твоему блаженству, но сдерживал себя потому, что уже несколько раз я обращался к тебе, но не удостоивался ответа. Но так как я решил, что для меня, малого и ничтожного, очень много значит услышать от тебя даже одно приветствие, которое я теперь письменно получил через твоего сподвижника, отца моего святого, игумена монастыря Чистых, я радостно воспользовался этим, как поводом написать. Письмо, конечно, не принесет никакой пользы богосовершенной твоей добродетели, ибо я беден и презрен, но доставит утешение мне грешному, как сыну — беседа с достолюбезным отцом, мужественно подвигающимся за Христа.

Представляю себе место, в котором ты содержишься. Это — особенное место казней, не по самому положению, а по злобности державного. Так в одно место сошлись испытанный палач с еще более испытанным борцом. Это зрелище возбуждает в нечестивцах надежду достигнуть желаемого, которую Бог да отвратит, а для нас оно — как призыв к борьбе. Разве не так? Оно есть даже школа изоощряемых в мужестве на подвиги. Вот мое краткое обращение к тебе, святейший и вместе любезнейший. Прими его со снисхождением и воздай мне святыми своими молитвами о спасении души.

СССЛVI. ЧАДУ ТИФОИЮ

Твое письмо, брат, хорошо и прилично: в нем нет многословия, но не упущено ничто из важного. Поэтому, прочитав его с удовольствием, я благословил тебя и молитвенно пожелал тебе быть неизменным и в слове, и в деле. Итак, собирай силы и мужайся, всегда приготавливая себя к смерти ради Господа, упражняясь

в чтении, в познании догматов истины и именно догматов нашего благочестия. Радуйся и не огорчайся, а благодари Христа, Которому было угодно, чтобы ты достиг такой степени исповедания Его, за которым следует вечная жизнь и неизреченная радость, хотя бы нам пришлось подвергнуться лишению членов, не говоря уже о том, если подвергнемся одиночному заключению, холоду и голоду. Кто не подготовился таким образом — высыхает, как трава, то есть падает, как пали отщепенцы. А ты, чадо мое, стой, *переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа* (2 Тим. 2, 3), соверши свое исповедание, простирая руку, как я и раньше написал, прежде всего братьям студийского монастыря, если они еще остаются там о Господе, ибо они прежде всего имеют к тебе отношение, как сподвижники и спутники. Господь да обратит тебя в золото по чистоте твоего сердца. Молись, возлюбленный, о нас, грешных.

СССЛVII. ЧАДУ СИЛУАНУ

Я восхвалял Бога моего, чадо, узнав из письма о твоем здоровье. Я рад и даже очень, что ты избежал столичных, присоединившись к брату своему Лукиану, и что живете в месте, где совершенно нет шума, волнения и еретического пламени. Наоборот, там царят спокойствие и тишина, от которых в душе возникают добрые привычки, в частности у тебя — заслуживающее награды дружелюбное чувство печали о нем, и утешение у меня, относящегося к этому не безразлично. Благословен ты, возлюбленный. Господь да пошлет Свое промышление о вашем обществе. Да будет ваше дело преподобно. Молитесь и о нас, грешных, чтобы мы были спасены во всем.

СССЛVIII. ЧАДАМ ЕВОДИЮ И ИОАННУ

Благодаря небольшой записке о вашем здравии и спасении, мы как бы воочию увидели вашу двоицу и радуемся, что вы живете о Господе, хотя и в огорчениях. А разве не так? Ведь вы в гонении. Но надежда да облегчает огорченного. Кто радуется мирскою радостью, не возрадуется на небесах, но и никто, здесь терпящий огорчения ради Господа, не лишится вечного веселья. Взаимно утверждайте друг друга, убеждайте, ограждайте, будьте тверды в образе мыслей, чтобы стать и в деле и слове рабами Божиими, достойными богообетованного блаженства. Пишите неопустительно, чтобы на каждое свое письмо получать и ответ. Молитесь о спасении и нас, грешных.

СССЛIX. ЧАДУ СИМЕОНУ

Прочитав твое письмо и узнав, где ты живешь, возлюбленное чадо, и как, со сколькими и какими именно братьями, я, смиренный, вполне успокоился, благословил и тех, и других, а прежде всего тебя, хорошего руководителя, вследствие доброго своего состояния взявшего на себя руководство и других.

Итак, продолжайте жить в единомыслии и мире, проводя время гонения во спасение и блаженство. Ведь Господь в Евангелии назвал вас блаженными. Царство небесное есть великая слава, высшая надежда. Прошу вас, стойте, братия мои, стойте непобедимыми от врагов видимых и невидимых; готовьтесь на случай, если вас схватят, чтобы силой Божией оказаться торжествующими победителями, подобно многим из ваших братьев.

Но пока Богу угодно, чтобы вы оставались на свободе, продолжайте жить хорошо, с одной стороны, относясь друг к другу с любовью и без дерзостей, с другой, подчиняясь друг другу в страхе Христовом, разумеется, по примеру главы,— тебя, брат. Ведь все, что не имеет главы и начала, беспорядочно и полно волнений; да будем далеки от этого. Молитесь о мире Церкви Божией, о всех рассеянных ваших братьях, а особенно о тех, живущих в студийском монастыре, которых безбожный Леонтий притесняет и очень огорчает и которые, все-таки, сильно ему противодействуют, а, наконец, и о нас, грешных, чтобы мы спасались о Господе. Брат ваш Николай весьма много приветствует вас.

СССLX. МИРЯНИНУ КОНСТАНТИНУ

За все, что ты прислал моему смирению, человек Божий, лилия Православия, пламенный друг, да будет Божие благословение на тебе и на всем твоим доме. *Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытанию*, как говорит Писание (Сир. 6, 7), ибо он становится общником твоей печали, хранителем веры, и его достоинствам нет меры. Таков ты в своих словах и в делах, которыми их подтверждаешь. Но прошу тебя, оставь это, не утруждай себя слишком. А если не можешь, так же да не оставит тебя благой Бог Своими невидимыми благодеяниями. Он да соблюдет тебя вместе со всем твоим домом невредимым.

СССLXI. КАССИИ

Все, что твоя добродетельность опять сказала нам, мудро и разумно. Поэтому мы с полным правом

удивились и возблагодарили Господа, встретив такой ум в юной девице. Правда, это не похоже на бывших прежде, ибо мы, нынешние, и мужчины, и женщины, бесконечно много уступаем им и в мудрости, и в образованности. Во всяком случае, в настоящее время ты сильно выделяешься.

Слово — твое украшение больше, чем всякое тленное благолепие. Но замечательно, что у тебя со словом согласуется и жизнь, и ты не обнаруживаешь односторонности ни в одном, ни в другом отношении, ибо решилась пострадать за Христа в это гонение. Ты не ограничилась бывшим бичеванием, но опять, не будучи в силах противостоять, охвачена горячей любовью к доброму исповеданию. Ты, действительно, знаешь, *что добро, или что прекрасно* (Пс. 132, 1), именно — страдать за истину и выбрать мученичество. Золото и серебро, слава и благолепие, и всякое земное мнимое благополучие есть ничто, хотя и называются добром, ибо они мимолетны и исчезают, подобны сновидению и тени. Что же дальше? Следует избрание монашеской жизни, которую ты обещаешь принять по прекращении гонения.

Хотя это и дивно, но меня твое решение не поразило. Почему? Потому что о последующем всякий может заключать по предыдущему. Доказательство может идти и обратно. Если виден дым, — конечно, покажется и огонь. И в данном случае, если есть исповедание Христа, ясно, что воссияет и жизнь в монашеском совершенстве. Как ты блаженна в обоих отношениях! Но не жди, чтобы я возложил на тебя руки и постриг в монахини, ибо я грешен; пусть лучше сделает это тот, от священного возложения руки которого ты освятишься. Низко кланяюсь, как матери света, той, которая произвела тебя на свет и возродила в истин-

ном свете. Получив ее дары, равно как и твои, я принес в дар Господу моему благодарение и молитву за вас обеих. Однако я очень отяготил вас. Но от духовной тяготы да освободит вас «Вземляй грех мира».

СССЛXII. ИГУМЕНУ МАКАРИЮ

Я сильно хотел узнать, куда переведено и где содержится твое преподобие. А когда получил твое письмо, — то, смиренный, исполнился радости даже до прочтения его. А прочитав, мог ли я не торжествовать, ибо, мой возлюбленный отец, ты живешь о Господе, подвизаясь добрым подвигом, идя божественным путем, и по апостольскому слову (2 Тим. 4, 7) соблюдая веру?

Блажен ты, согласно со своим именем, Макарий¹, и похвален твой подвиг, и прежде известный, и теперь слышимый, ибо ты ничего не предпочел любви Божией и не увлекся обещаниями, которые теперь притворно дает император. Тебя не поразили и угрозы, отвергнутые тобой. Но ты остался верным воином Христовым, священным исповедником, мучеником еще при жизни, не посрамив прежнего своего жития, наоборот, в сильнейшей степени прославив его настоящими своими делами.

А наши дела совсем не в таком состоянии, как ты, мужественнейший отец, говоришь из любви к нам и крайнего своего смирения, но обстоят так, как мы в своей совести сознаем. Как же? А вот как: мы недостойны и причислиться к вам, по множеству своих грехов. Впрочем, пока мы еще держимся.

Как возлюбленные отвергли еретическое предложение и как думающие о себе высоко поступили на-

¹ Макарий — блаженный (греч.).

оборот? Их нет нужды перечислять. Их и так знает твоя святыня. Я прибавил бы: *и враги человеку домашние его* (Мф. 10, 36). Авессалом не одинок: таких много. Люди лукавые и чародеи, успевая во зле, заблуждаются и увлекают других в заблуждение. Вертепы полны гонимых, великое таинство благочестия подвергается осмеянию, издеваются над изображением Христа, Его Матери и слуг. Об этом ли не жалеть и не плакать? Но, священнейший, прости руку в молитве о разгромленной Церкви, дабы Господь, восстав как бы от сна, запретил мысленной буре и послал тихую миротворящую погоду. Молись и о твоём сыне, и также о состоящем при мне брате, приветствующем тебя, чтобы мы спасались о Господе.

СССЛXIII. ПАТРИЦИИ ИРИНЕ

Зачем я утруждаю тебя, боголюбивая покровительница монахов? Твои подарки превышают мое достоинство. Достаточно было бы прежних, обильных и частых. К чему же еще и эти? Ты уподобилась пиявице Соломоновой (Прит. 30, 15), не знающей пределов в благодеяниях и для напитания других источающей свою кровь. За тобой известно не одно это, но и много других свойств: ревность, пламенность, любовь к Богу. Хотя мы немного поскользнулись, но нужно покаяться и продолжать идти путем Господним. Отложи печаль, воспринимай духовную радость, ибо близок Господь к ожидающим Его, так что, когда мы еще говорим слова молитвы, Он отвечает: «Вот Я».

Госпоже Ирине, от которой я получил милостыни, да будет мир от Бога. Надеюсь, что она взойдет на высокую ступень монашеского жития, когда Господь превратит бурю в тихий ветерок.

СССLXIV. ЧАДУ ПАВЛУ

Я прочел, чадо, твое письмо и, прочитав его, возблагодарил Бога, узнав о твоём душевном и телесном здравии. Ты хорошо сделал, написав вообще, особенно сообщив, что твой ум утверждён в вере; да будет таким же и в деле. Поэтому будь внимателен к себе, избегая всякого губительного для души дерзновения. Удаляйся и лукавых помышлений, как пожара и гибели для сердца. Бойся Бога и в страхе работай Ему, почину совершая псалмопения и бдения. Не оставайся без дела, но пребывай в труде. Не предавайся смеху, но плачь. Не будь празднословом, а говори лишь полезное. Это я советую не одному тебе, но и Антипатру, и другому брату. Приветствую их и насколько могу, грешный, молитвенно желаю обоим спасения.

СССLXV. ЧАДУ ЛИТОИЮ

Я рад слышать, чадо, твой голос, как мать рада слышать голос младенца, особенно потому, что твоё скитальчество, то есть бегство, оказалось более надёжным, чем наше темничное заключение, коль скоро устроилось так, что ты смог переписать прежние мои письма. Получи и дальнейшие. Я знаю, что ты много потрудился, но, возлюбленный, потрудись и ещё. Ведь, награда тебя ожидает не малая, и половины её было бы достаточно мне, грешнику, для приобретения пользы душевной.

Да благодетельствует Господь твоему хозяину за то, что тот не забыл о дружбе и соблюдает благочестие. Низко кланяюсь ему через тебя. Объясни ему, что в твоём лице он оказывает милостыню мне. Хорошо делаешь, что учишь наизусть главы Священного

Писания. Так ты лучше поймёшь смысл слов, впрочем, тебе, не в пример другим, дан от Господа дар разумения. Воздай Ему, чадо, деятельною благодарностью за это. Молись о нас. Брат приветствует тебя. Всегда спасайся.

СССLXVI. МОНАХИНЯМ

Как вы не прекращаете своих благодеяний, так и мы, смиренные, — переписки. Но такой обмен: словом за дело — малозначителен. Я уверен, что вы получите воздаяние и делом, более славным, чем земные дела. Когда же и от кого? От Бога в будущем веке. У Бога ничто не проходит незамеченным, особенно приношение вашего великодушия. И теперь, опять получив от вас подарки, мы вознесли о вас подобающую усиленную молитву, довольствуясь этим и ничего больше не желая, ибо достаточно труда.

А вы, матери и сестры о Господе, подвизаясь добрым подвигом монашеского жития, радуйтесь, укрепляйтесь, стремясь к лучшему, ибо для того, кто идёт путем добродетели, нет остановок. Она недостижима, как бы к ней ни приближаться. Блаженны вы, избрав девственную жизнь, поистине ангельскую и небесную. Она требует немало труда и усилий и особенно напряжения, но ведёт к получению царства небесного. Поэтому в трудах не следует унывать и падать духом. Ведь не отступают же и не опускают рук стремящиеся к земному благополучию, пока не достигнут желаемого, хотя оно и неверно, и изменчиво, и может как само погибнуть, так и стать причиной вечно-го мучения. Тем более нам следует не тяготиться, а с одушевлением работать Богу Живому и ждать явления с небес Сына Его в человеческом образе, написание

Которого отрицают нынешние еретики. Избегайте погибели, госпожи, Он придет таким же образом, как и вознесся. В каком же виде? Как Человек, могущий быть изображенным, и с тою целью, чтобы судить всех, в том числе и отрицающих то, что Он изобразим.

Прошу вас, точно согласуйте свою жизнь с верою. Замужние, как говорит Писание (1 Кор. 7, 34), заботятся о мирском, а незамужние — о Господнем. Не будьте, как некоторые, усвоившие дурную привычку и пустословящие лишнее. Жизнь коротка, она вся в настоящем. Порвите прежние мирские отношения и все вместе работайте Христу, ибо недопустима привязанность к двум господам одновременно. Подавляйте плоть, поработайте ее духу. Очищайте сердце, чтобы быть девственными и по плоти, и по духу, ибо это наиболее ценно и желательно. Это я поставил вам на вид, любя вас о Господе, как свою мать или сестру. А вы молитесь, чтобы я стал исполнителем того, чему учу других. Спасайтесь.

СССЛXVII. ЧАДУ ЕПИФАНИЮ

Я опять услышал твой голос, возлюбленное чадо, и мне показалось, что воочию вижу тебя и обнимаю. Ты огорчен, что оставлен на свободе. Да будет благодарение Господу, так промыслившему о тебе. Ты по своему настроению — узник, за свое исповедничество — блажен. К тому же, ты и не знаешь, что принесет завтрашний день. Будь готов и пусть Бог ведет тебя, куда Ему угодно. Всем нужна осторожность, всюду — враг-гонитель. Стремись, чадо мое, ко спасению, где бы ты ни был, молясь и обо мне, грешном твоём отце.

Отправляясь на запад, по возвращении братьев, и взяв, конечно, с собою письма, с помощью своих мо-

литв соверши для меня боголюбезное и необходимое дело. Узнав о том, что там у вас сделано прежними предстоятелями, я поразился и впал в уныние. Как ты не сообщил мне о деле Филагрия? Моя смиренная душа подавлена заботой о нем.

СССЛXVIII. ЕМУ ЖЕ

Твое письмо явилось для меня совершенно неожиданным, любезнейшее чадо. Тот, о ком я думал, что он в Риме, тот пишет мне из Византии. Кого я считал свободным, — пребывает в узах. Что это значит? Это во всяком случае дело Божия Промысла, дабы и ты со священными своими братьями принял участие в страданиях за Христа, ибо ты не только состоишь в числе молящихся, но среди многих отличаешься знаниями и имеешь первенство среди писцов, можно прибавить, и являешься устами моего смирения. Ты уже высказался, в своих письмах прославляя мои дела, а их правильнее назвать твоими, ибо отцовское принадлежит сыну и в своей любви не знает пределов. А я умоляю тебя быть мужественным в подвигах за Христа и выносить все, даже до крови, ибо *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18).

С другой стороны, ты же и с самого начала решил примкнуть к исповедникам и почти сам предал себя опасности. Теперь, когда ты взят, тебе, брат, устроилось «законное» мученичество, как говорит Писание (2 Тим. 2, 5). Не отступим, умоляю тебя, не станем жалеть свою плоть, но предадим ее на все, что уготовал Христос, чтобы привести и душу, и тело к бессмертным благам. Пожелай молитвенно того же и

мне, грешному. Состоящий при мне брат приветствует тебя.

СССЛXIX. МОНАШЕСТВУЮЩИМ

В настоящее время гонения на Христа в Его образе не только выдающиеся по своему положению или знаниям должны подвизаться, проповедуя и уча слово Православия, но и состоящие в числе учеников должны дерзновенно исповедовать истину и свободно заявлять о ней. Это не мои, грешника, слова, а божественного Златоуста, а также и других Отцов. А если господа игумены, задержанные царем, не поступили по указанному, хотя по своей степени и знаниям они превышают всех игуменов этой страны, а, наоборот, умолчали и, не ограничившись этим, хотя и это преступно, дали еще и подписку не собираться вместе и не учить, то это есть предательство истины, отречение от предстоятельства, разрешение послушников и братьев по чину. На запрещение иудеев учить о имени Христа апостолы ответили так: *Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога* (Деян. 4, 19); и еще: *должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян. 5, 29).

Вот как и в каком смысле им следовало говорить, чтобы через них прославился Бог, чтобы назидать православных, чтобы утвердить монастыри, укреплять томящихся в ссылках. Но что ж? Богу мы предпочитаем монастыри и страдания за добро — земное благополучие. Где это: *буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь* (Пс. 118, 46)? Где слова, — *я не возбранял устам моим: Ты, Господи, знаешь* (Пс. 39, 10)? Где слава и силы нашего чина? Когда император Анастасий на-

чал здесь совершать нечестия, как горячо блаженные Савва и Феодосий сопротивлялись ему, защищая веру, с одной стороны, тем, что злочестивых в Церкви предавали анафеме, с другой — послали царю письмо с протестом и с заявлением, что всякой перемене в установлениях они предпочитают смерть!

Как передают, господа игумены говорят: кто мы такие? Во-первых, они христиане, которые теперь, конечно, должны говорить; во-вторых, монахи, которые должны быть совершенно неподкупными, как не связанные с миром и свободные от него; наконец, они игумены, которые должны от других отгонять соблазн, *никому ни в чем не полагая преткновения, чтобы не было порицаемо служение* (2 Кор. 6, 3), как говорит апостол. А они своею собственноручною подписью причинили именно такое преткновение и соблазн, а еще более — унижение.

Нужно ли и говорить об этом? Ведь, если молчание есть отчасти согласие, то как тяжело, когда подпиской распространяют его на всю Церковь! Говорят, что кто тайно священнодействует, доставляет торжество тому, что он скрывает, и что все патриции, не говоря о прочих, православны. Но Христос что говорит? *Всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 32), и наоборот, в случае отречения.

Все равно, даже если бы они подпиской обязались только не собираться вместе, как они исполняют слова Христовы: *приходящего ко Мне не изгоню вон* (Ин. 6, 37)? Приходит кто-нибудь, игумен ли или кто другой, с вопросом, желая узнать истину. Что ответит ему наш игумен? Конечно, — «мне запретили беседовать». Если бы только это, — но может даже принять тебя в монастырь и позволить жить с нами.

Христос говорит: прими и научи, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя (Евр. 10, 38). Итак, они письменно обязались повиноваться царю, вопреки Христу. Вот, братия и отцы, как я поистине понимаю их действия. Так как вы настойчиво требовали от меня ответа на предложенный мне вопрос, я и сообщил, призвав Бога во свидетели, получив и уверение, что вы блюдете тайну во избежание искушения. Итак, всеми средствами спасайте свои души, молясь и обо мне, смиренном.

**СССЛХХ. ФЕОДОР ВОЗЛЮБЛЕННЫМ
БРАТИЯМ, ЗА ГОСПОДА СОДЕРЖИМЫМ
В РАЗЛИЧНЫХ ТЕМНИЦАХ, —
РАДОВАТЬСЯ О ГОСПОДЕ**

Что теперь о нас? Радость и веселье потому, что мы удостоились подвизаться в мучениях за Христа, за слово Божие отданы на заключения и бедствия. Подверглись ранам и поруганиям ради Христа, за нас бичеванного и опозоренного, наконец, и распятого. Кто не восхвалит Бога? Кто не прославит? Радуются восток, веселится запад, торжествует вся Церковь в четырех концах мира. Что я говорю о земном мире? Само небо исполнилось сияния, потому что не только наш верховный святитель, иерархи и священники, игумены и ученики, но и монахини с игуменьями вступили в подвиг мученичества.

Не стану говорить о тех, кто в пустынях, вертепах и пропастях земных в бегстве от гонения за Христа терпит горести, лишения, страдания. С полным правом, возлюбленные и желанные мои братия, радость и венец мой, я радуюсь и сорадуюсь вам. И вы также радуйтесь и сорадуйтесь мне. Вот слова блаженного Павла, приложимые к этому времени: *Все это напи-*

сано в наставление нам (1 Кор. 10, 11). Он умоляет нас быть его последователями.

Прежде всего, должно признать ту истину, что мы не сдаемся, как того ищут и желают мучащие нас огорчениями и стеснениями. В противном случае, искушение было бы так же невыносимо, как и невидимо наводимое на нас демонами. Но на самом деле искушение таково, насколько его попускает Подвигоположник и наш Сподвижник Христос, соответственно мере и степени силы каждого, открывая подвиг по праведному суду Своему или для омовения грехов, хотя бы мы приступали к страданиям по своей воле, или же, если восходим от славы в славу, — для получения победных венцов.

Мучат ли нас так же, как и Петра и Павла с равночестными, или Георгия и Феодора с равночестными, или Феклу и Февронию с единоверными? Они много возлюбили, соответственно этому и умножились дарованные им от Христа страдания. А у кого любви меньше, слабее и страдания. Итак, нужно жалеть и горевать, когда мало терпим, а не смущаться и тяготиться, если нас сколько-нибудь накажут. Если же мы падаем, — это да не приходит нам даже и на мысль, — то не по Божию попущению, а по нашему расслабленному бессилию, бессердечию и безбожию. Бог даровал подвижнику силы для одоления лукавого, желая, чтобы он вышел победителем, а он, из малодушия, повергнув оружие терпения, погиб. Это подтверждает апостол, говоря: *верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести (1 Кор. 10, 13).*

Здесь, братия, нужно терпение, здесь даруются богосплетенные венцы за добрую веру. Не постыдим-

ся свидетельствовать о Господе нашем. Не отстанем от Фаддея, новопризванного мученика, и других, вместе с ним исповедавших и вслед за ним отшедших, которых вы, конечно, знаете по именам. И ныне Церковь Божия обливается кровью мучеников, орошается также и горестями подвижающихся и разнообразно притесняемых. Заключенные, одинокие, стесненные, отлученные от лицезрения всех, лишенные необходимого, алчущие, жаждущие, не видящие луча солнечного — все они проливают свою кровь, *каждый день умирая*, как возглашает Павел (1 Кор. 15, 31), и *весь день умерщвляемые*, как воспевают Давид (Пс. 43, 23). Но если с Ним (Христом) умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем (2 Тим. 2, 12).

В прежние времена благодать избрала тех, кои были избраны в число мучеников Христовых. Веками появляются мученики. Но Христос сказал: *надобно придти соблазнам* (Мф. 18, 7), дабы избранные воссияли, как солнце, а плевелы выступили, как мрак. О, братья, в этом роде, лукавом и развращенном, будем, как светила, сияющие во тьме ереси, ибо Христос избрал нас в торжество Свое, во славу Православия, дабы, как для нас древние, так мы для последующих поколений оказались утверждением и примером и в день пришествия Христа ликовали.

Наше мученичество более явно, чем мученичество древних. Ведь дело идет не о природах или волях во Христе, или о спорных вопросах в этом роде, отрицание которых, будучи чисто отвлеченным, не дает осязательных последствий. Ныне же предмет спора или нечестия не только не отвлечен, но и очевиден, ибо наши противники не только говорят и превратно учат, что Христос, Богородица и все святые неизо-

бразимы, но и уничтожают их изображения, называя божественные образы заблуждением и погибелью для души. О, иудейское и языческое противоречивое нечестие! Вообще, явление, о котором идет речь, есть не что иное, как один из измененных видов иудейства или язычества; иудей или язычник говорит христианину: отрекись от Христа и Богородицы. То же самое говорит и иконоборец, ибо икона Христа и Богородицы носит то же имя: Христос и Богородица. Таким образом, говорящий об отречении от иконы, открыто требует отречения от того, чья это икона.

Это слова не мои, ничтожного. Послушай, что Бог всяческих говорит Моисею: *сделай двух херувимов* (Исх. 25, 18), то есть повелел ему сделать изображения херувимов. Если бы имелась в виду природа Херувимов, то едва ли можно было приказать сотворить их. И опять говорит: *сделай себе медного змея* (Чис. 21, 8). И здесь также повелевает сделать образ змия.

Но таково по природе соотношение первообразного и производного, что производное, т.е. образ, называется именем первообраза. При отрицании одного, отрицается и другое, ибо они существуют во взаимной связи. Существует Ангел, поэтому существует и изображение Ангела; существует змий, поэтому есть и изображение змия; то же должно думать и относительно всего действительного. В одних случаях они называются образами того, что изображают, а в других, в силу соотношения, называются именем первообраза, а не изображением его.

Об этом говорит и священный апостол: *а над ним Херувимы славы, осеняющие очистилище* (Евр. 9, 5), именем первообразов обозначая образы. Выслушай и святого Василия Великого: «Да будет изобра-

жен на картине и Подвигоположник в бранях, Христос». Он не сказал: «Да напишется образ Подвигоположника в бранях, Христа», но сказал: «Да будет изображен Христос». Послушай и Григория Нисского: «Вот и Исаак», — он назвал Исааком образ Исаака. Послушай и Иоанна Златоуста: «Вот Ангел в образе». Он не сказал, что видел образ Ангела на иконе, но Ангела. В образе является первообраз, как в образе Креста — Животворящий Крест, поскольку в почитании одно от другого не различаются. Поэтому изображение носит имя первообраза, ибо и образ Креста называется Крестом. Так же мы в праве говорить и в приложении к царю, ко всякому человеку и всякому виду существующего. Божественный Василий говорит, что царем называется изображение царя и Петром — изображение Петра.

Я скажу и нечто высшее: и человек есть бог, как образ Божий. В таком же смысле и Василий назвал Христом образ Христов, ибо он, повторяю, сказал: «Да будет изображен на картине Христос, а не образ Христа. Если противники не согласны с этим, тем они отвергают божественные слова; кроме того, на деле, хотя не на словах, отрицают, что Христос вочеловечился, ибо если Он стал человеком, то, конечно, и изображается; ведь первое свойство человека это — изображимость. А если Он неизобразим, то и не человек, а бесплотен и, следовательно, еще Христос не пришел, как пустословят иудеи. Таким же образом они исключают и изображение Богородицы и всех святых, как будто она — не Мать Божия и они — не слуги Христовы. Златословесный говорит: «Твои дела для меня яснее твоих слов».

Итак, вытекает, что иконоборцы поистине иудеиствуют, а страдающий за иконы страдает за и ради

Христа, Богородицы и всех святых. Подвизающийся и восстающий за них есть истинный мученик и исповедник Христов и против этого нельзя ничего возразить. Мученики суть Маккавеи, не согласившиеся нарушить закон вкушением свиного мяса; мученик Предтеча — за истину обличения. Мученик — некто отказавшийся дать овол на построение капища, другой — исполнить нечестивое приказание.

Нужно ли распространяться? Можно ли утверждать, как говорят некоторые несчастные, что подвизающийся за Христа не есть мученик? Наоборот, он — истинный мученик, ни в чем не уступающий пострадавшим от язычников или иудеев, *свидетель на небе верный* (Апок. 1, 5).

Вообще, если отрицающий образ Креста распространяет отрицание и на Крест, тем более отвергающий икону Христову распространяет отрицание на Христа. Таким же образом, тот, кто страдает и за Крест, и за его образ, есть в полном смысле мученик; и страдающий за икону — в большем смысле, ибо то есть знак, а это — вид Христа. Прошу вас, святые мои братья, причастники божественного звания, во первых, поминайте меня, смиренного, молясь, чтобы я на деле доказал то, о чем говорю, и не был побежден от нападений невидимых и видимых. Затем, будьте осторожны по отношению к себе в предстоящем подвиге. Да не возгорится в вас пламя помышлений из-за недостаточности разумения смысла событий, с глубокою мудростью руководимых Промышлением, почему они и недоступны человеческому разуму. Да не случится с вами то, о чем поете в псалмах: *едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои*, — я позавидовал безумным, видя благодеяние нечестивых (Пс. 72, 2). Лучше внимайте словам

Господа: *Ждите Меня, говорит Господь, до того дня, когда Я восстану* (Соф. 3, 8); *претерпевший до конца спасется* (Мф. 10, 22).

СССЛХХІ. МОНАХИНЯМ

Ваше письмо почтенно, приветствие разумно, а известие, — как сказать? Печально или радостно? Отошел мой отец, исповедник Христов, второй Иов, краса монахов, водворитель любви, вселюбезный муж, Божий человек, многослезное око, любознательный ум, обогащенный божественным ведением, великий во смирении, многосторонний в разумении, славный еще до принятия монашества, еще более высокий в монашеском совершенстве. Привязавшийся к любви Божией и поэтому возненавидевший мир, туне отдавший Христу все свое богатое состояние, затем разлучившийся со славной супругой, родом, друзьями и знакомыми, оставивший земное достоинство, дом, город, отечество, и это — несмотря на цветущий возраст, благообразие лица и высоту роста, крепость тела и разносторонность своих способностей, духовных и телесных. Если кто скажет и больше этого, все же не охватит достоинств этого мужа. Он отошел и взошел ко Господу. Где и как? С трудом отторгнутый от паствы вследствие ужасной ереси иконоборства, заключенный в темницу в столице еще на два слишком года, затем сосланный на какой-то остров и там закончивший свой подвижнический путь за Христа. Это горе для меня безболезненно и даже очень радостно. Он не умер, а перешел в вечную жизнь; не земля его покрыла, а небо приняло. Встретил его лик исповедников, дружество подвижников — там истинный

свет, там места блаженного упокоения за все те труды и болезни, какие он перенес во плоти в подвигах и исповедании.

Теперь у меня торжество, праздник, веселие, но также и у всех православных, проводивших ныне к Богу, в качестве своего защитника, соревнователя прежде подвизавшихся мучеников. Да веселится Церковь, приобретая еще столпы. Да радуется священное общество, что в мире опять восходят светила, сияющие сидящим во тьме ереси. О, отче, как прекрасен твой путь! Как преподобна твоя память! Как блаженно воспоминание о тебе! Весь ты сияешь, весь любезен. Кто, увидев, не возлюбил тебя? Кто, встретившись, не испытал сладостного чувства? Твое общество заветно, твоя добродетель известна. Что же остается? Поминай как свое стадо, так и меня, сына своего, хотя и ничтожного и презренного. Ты знаешь любовь свою ко мне, как и я свою к тебе. Возопи ко Господу обо всей Церкви. Помолись и обо мне, жалком, чтобы я поскорее пришел к тебе тем же путем, каким ты скончался. Таково мое обращение к общему отцу. А вас я прошу не изменять вере, жить преподобно, чтобы вместе с ним наслаждаться вечной славой, ибо вы его близкие, каждая особенно: одна — как супруга, другая — как родственница супруги.

СССЛХХІІ. ПАТРИЦИЮ ЛЬВУ

Если ты благоволишь спрашивать о нашей смиренной жизни, как хорошо расположенный, по твоим словам, и связанный взаимной дружбой, то насколько больше я, смиренный, готов написать твоему превосходительному могуществу, узнав о твоём драгоценном

здоровье, как бы увидев твое любезное лицо и услышав твой сладчайший голос, когда ты снисходительно принял письмоносца и беседовал с ним. Ведь, ради Бога ты милостиво принимаешь и доступно беседуешь со всяким. Он сообщил мне, что ты сокрушаешься об оказавшихся дерзкими по нашим грехам, стеная и горюя в сердце по поводу каждого происшествия. И вполне прилично, ибо ты — человек Божий, обладающий священным умом, христоролюбивой душой, богосовершенным ведением, вдумчивым разумом, искренностью во мнениях. Поэтому ты трепещешь, не будучи в силах по привычке помочь делам и видя в то же время, что Церковь, которую Господь *стяжал кровию Своею* (Деян. 20, 28), находится в такой опасности.

О, господин, до каких ужасов мы дожили! Какие бедствия видим! Это — воздаяние за прежние грехи, ибо мы не рассудили иметь Бога в познании чрез соблюдение Его заповедей, но преступили не одну, а много, и наедине, и на людях разодрав Евангелие Христово. Ты, мудрый, знаешь, о чем я говорю. Бог предал нас нашим страстям, чтобы мы не были осуждены вместе с миром, в частности, считающие себя чем-то особенным. Поэтому нечестивые пусть не гордятся собою, как будто они благочестивы. Пусть лучше они признают, что отвержение честной иконы Христовой есть отречение от Самого Христа. Он откладывает еще отмщение из пощады и человеколюбивой милости и в ожидании покаяния. Но, в конце концов, Он накажет нераскаянных.

О разрешении затруднений молись ты сам, как боголюбивый, и не поручай этого нам. Мы не в силах даже свои собственные грехи замолить пред благим Богом. Впрочем, и мы об этом молимся.

СССЛХХІІІ. МОНАХУ МАКАРИЮ

Мы слышали твой братский голос, возлюбленный, и обрадовались. Нет ничего приятнее духовной дружбы, особенно когда слова и действия о Боге проникнуты одной мыслью, одной душой. Таким ты известен нам давно, с самого начала, и мы, смиренные, молитвенно желаем тебе оставаться в том же настроении, соблюдая неприкосновенным православное учение и устраивая жизнь по учению. Если ты говоришь, что получаешь от нас пользу, это должно приписать Богу, от Которого зависит и наше, и ваше душевное и телесное спасение. Достаточно об этом. У меня нет времени распространяться, так как меня тяготят другие вопросы, нелегко разрешимые.

Что это ты написал о Хиосском епископе? Избегая подозрений, мы и в глаза не видели сего мужа, когда он прибыл сюда, но и не отпустили его без всякого ответа. Ведь, грешно отвергать кого бы то ни было, тем более брата по чину — монаха, получившего епископский сан. Мы испытали удовольствие от того, что он, наконец, хотя и поздно, покинул епископскую кафедру и предпочел прийти сюда¹... Но Бог есть Бог кающихся, и это — сильное напоминание¹... Нами и прочими, имеющими обязанность врачевать, было поставлено требование, чтобы падший ушел с кафедры, принял запрещение священнослужения с епитимией, до времени наступления мира. Если это сказано человеку открыто, то кто мы, чтобы оттолкнуть приходящего и тем возбудить Божий гнев?

Не негодуй, дивный, на этого мужа, хотя твои слова о том, что он совершил, вполне подтвердились.

¹ В рукописи греческий текст испорчен.

Мы до настоящего времени не выслушали его и даже, если бы выслушали, не судили бы его теперь именно. Ведь, написано: «По закону вашему не судите человека, не выслушав его предварительно и не узнав, что он сделал» (ср. Втор. 1, 16). Также и апостол говорит: *Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях* (1 Тим. 5, 19). Затем, не об этом и речь, и мне не дана власть судить, а о том, чтобы принимать, при соблюдении замечаний твоей честности, падших в покаяние или здесь предстоятелям Церкви в приличное время, или Всеобщему Судии — в будущем веке. Поэтому советую твоей милости опустить то соображение до времени¹... в раскаянии мужа¹... Богу, хотящему спасения человека и станем иметь с ним мир¹... ради Господа нашего Иисуса Христа. И, наконец, когда¹... если ты ждешь времени, тогда и справедливо¹... А теперь молись о нас, чтобы мы спасались и душой и телом, ибо исповедуем, что мы грешнее всех¹... Архиепископ приветствует тебя, получив твое устное приветствие. Точно также и все живущие при мне братья. Будь здоров о Господе, брат.

СССЛХХIV. МОНАХУ СИМЕОНУ

Предложенный твоей честностью вопрос должен получить разъяснение от тебя же, ибо ты не из числа не посвященных, но в силах и другим помочь. *Что общего у света с тьмою?* — говорит апостол. *Или какое соучастие верного с неверным* (2 Кор. 6, 14–15)? Поэтому *Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Хрис-*

*товой?*² и *Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова* (1 Кор. 10, 16)? Ясно¹... чаша и хлеб (есть) приобщ¹... противоположному. Если это дано, то очевидно, что относительно¹... тому и другому причащению, получит в нем и свою долю. А нам следует быть осторожными в таких случаях, с рассудительностью творить возношения (помяновение имен), чтобы не пришлось нам услышать: *Просите, и не получаете, потому что просите не на добро* (Иак. 4, 3).

* * *

Вера освобождает верующего от греха, смерти, проклятия ада, дьявола и прочего бедствия и делает его духовно свободным. Духовно, говорю, поскольку телесно он может быть поработен, может быть рабом человека, может быть в пленении, в узах, темнице, связан и закован, как и бывает со многими верными, какими были святые мученики и прочие, страдающие за правду и ныне находящиеся под игом нечестивых, и благочестивые рабы, служащие своим господам. Но все они духовно свободны. Ибо духа никто не может поработить, пленить, связать, заключить, умертвить. *Где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), эта свобода обещана Христом: *Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* (Ин. 8, 36).

Святитель Тихон Задонский

¹ В рукописи греческий текст испорчен.

¹ В рукописи греческий текст испорчен.

ПРИЛОЖЕНИЕ

С ЧЕГО НАЧАТЬ УСТРОЕНИЕ СВЯТОЙ ОБИТЕЛИ?¹

Иеромонах Сергей (Рыбко)

*Терпеливым ношением немощей ближних
отец Моисей собрал в Оптиной пустыни
монашеское братство, примерное в России.*

Свт. Игнатий Ставропольский

1. НАШЕ ЛИ ЭТО ДЕЛО?

Нет никакого сомнения в том, что Русская Церковь возрождается. Одним из признаков возрождения являются многочисленные восстанавливающиеся обители. Если на канонической территории РПЦ в конце 80-х годов XX столетия насчитывалось не более двух десятков действующих монастырей, ныне их более шестисот. Практически каждое заседание Синода принимает решение об открытии нескольких монастырей. Еще несколько лет назад они, как правило, открывались на месте разоренных обителей, где не было ничего, кроме разрушенных стен и исторического имени. Возрождение такой обители, как, впрочем, любого нового монастыря, сталкивалось с определенными трудностями, самая главная из них — отсутствие подходящих опытных кадров, которые были бы в состоянии действительно возродить монастырь, а не только отстроить стены. Насельников в такие обители с трудом приходилось собирать по всей епархии, а порой приглашать со стороны. Таким образом в число братии нередко попадали случайные люди, которые долго там задержаться не могли. В результате ныне встречаются полностью восстановленные монастыри, где в числе братии — один игумен.

В последнее время решения Синода об открытии святых обителей все чаще звучат следующим образом: «Преобразовать приход такой-то в городе N в монастырь...» Таким образом, обитель возрождается не на пустом месте, а при уже восстановленном храме, что позволяет избежать многих проблем, прежде всего, экономического характера. Но самое главное — при ней имеется уже сложившаяся община, как правило, женская. Чаще всего такая община естественным образом возникает при храме, где настоятелем является монах.

¹ Журнал Московской Патриархии. № 2, 2003. Главы из книги «Записки приходского инока».

Многие иноки волею судеб Божиих, в силу разных причин, желая или не желая того, получают благословение оставить обитель и проводить свое дальнейшее иноческое житие в окружении мира при приходском храме. Есть и такие, кто изначально получил постриг на приходе. Это веяние нашего времени древние Отцы, основатели монашества, вряд ли признали бы нормальным. Но оно существует, и, несомненно, не без промысла Божия. Хотя к таким приходским инокам отношение бывает, как правило, настороженное, это не всегда справедливо.

Вопреки бытующему мнению, далеко не все они самочинно ушли из монастырей, в силу самоволия или разбушевавшихся страстей. Некоторые же из них волею священноначалия были направлены намеренно в такие места, где возрождение приходов проходит особенно трудно, как в материальном, так и в духовном отношении. Надо сказать, что они блестяще справились со своей задачей там, где у белого священника просто не хватило бы сил и терпения. Вот что пишет один из таких священноиноков: «Когда я приехал (в 1990-м году), меня встретил кусок земли, заросшей бурьяном, полуразбитый строительный вагончик и несколько ссорившихся между собой старушек. С помощью Божией за эти годы построили храм, благоустроили территорию; образовалась крепкая община. Возрождение церковной жизни в этом городишке совпало не с лучшими временами: зарплата, пенсия задерживалась на срок до тринадцати месяцев. Молились, просили у администрации помощь — обещали, не помогали — но дело свое делали».

Опыт современной церковной жизни показывает, что при храме, где настоятельствует монах, при благоприятных условиях часто складывается община монашеского направления: мужская или, чаще женская, — которая со временем может приобрести статус монастыря. Это явление вполне закономерно. Если на приходе оказывается подлинный монах, рано или поздно вокруг него соберутся единомышленники, пользующиеся от него духовным назиданием и одновременно для него самого являющиеся близкими по духу людьми, чья духовная поддержка крайне необходима.

В наше время мало кто сможет поделить опытом того, как надо действовать, чтобы успешно создать монастырь. Но у каждого, оказавшегося как-либо причастным к такого рода делу, есть что сказать о том, как этого делать не надо. Позвольте на правах такого человека поделить некоторыми соображениями, чтобы предостеречь возлюбленных собратьев от возможных ошибок.

Наверное, многим иночествующим, стечением обстоятельств несущим послушание при приходском храме, хотелось бы у себя на приходе создать монастырь, хотя бы уже для того, чтобы дело свое-

го спасения совершать не в одиночку. Но есть ли на это воля Божия? Иногда — как нечто само собой разумеющееся нам представляется, что на какое-то дело не может не быть воли Божией. Порой даже и благословение духовных лиц получишь. Но проходит время, и из обстоятельств становится ясно, что Божьего благословения на дело не было. Иногда же воля Божия есть, но начинать дело пока преждевременно. Поэтому прежде всего не нужно спешить; все должно происходить постепенно, само собой. Если будет Божья воля, Господь Сам в свое время соберет людей и определенно укажет, что пора начинать действовать.

Один современный пастырь, устроивший православный детский дом, как-то сказал: «Желающий создать приют для детей должен знать, что он строит себе Голгофу». Тем в большей степени это относится к тому, кто собирается устроить святую обитель, поскольку такой человек берется за несравненно более сложное и тяжелое дело, а значит, несомненно, вызовет большую злобу врагов невидимых. Реально сознающий всю тяжесть этой поистине непосильной для человеческих возможностей задачи, никогда не решится приступить к ней сам собой, но только убедившись из хода обстоятельств, что он призван на то Богом.

Если детский приют всегда найдет себе сочувствующих и добровольных помощников среди людей, в том числе нецерковных и даже неверующих, то создающийся монастырь очень редко встречает понимание. Опыт показывает, что в современной России создание нового монастыря вызывает, к сожалению, противоречивое отношение: от сочувствия и посильной помощи в одних, до неприятия, доходящего до вражды в других. Причем неприятие, причиной которого является атеистическое воспитание и безбожная жизнь, бывает не только со стороны власть имущих, но, к сожалению, и в простом народе. Тот, кому посылается Богом нелегкий крест устроения святой обители, должен сознавать, что в данном деле надеяться на человека, больших или маленьких, не стоит. Надеяться можно только на Бога, всемогущая десница Которого всегда готова к помощи в деле, которое Он повелевает совершить. Господь, а не человеки, пошлет своевременно все необходимое в изобилии. От нас требуется непоколебимая вера в промысл Божий, а также необходимые посильные труды, которые за нас никто не совершит, по слову одного из угодников Божиих: «Во всяком деле молиться нужно так, как будто все зависит только от Бога, а делать дело так, как будто все зависит только от нас самих».

Если явно открывается, что есть воля Божия на устроение монашеской общины, не будем отрекаться от трудов по ее созданию. Несмотря на их тяжесть, связанные с ними молву и даже, казалось

бы, вред для души, если есть воля Божия кому-то заняться устроением монастыря, это делание и будет для него самым спасительным. Если же таковой начнет уклоняться или не радет о нем, будет наказан Богом, как был наказан известный оптинский подвижник схиархимандрит Агапит (Беловидов), который, будучи призван сначала на архиерейство, а потом на старчество, отказался от того и другого, после чего временами стал впадать в помрачение ума. По мнению прп. Варсонофия Оптинского, безумие было ему попущено в наказание за отказ от общественной деятельности.

Обитель устраивается не для возрождения памятника архитектуры, не для паломников, общественности или даже архиерея, а прежде всего для ее насельников. Поэтому первая забота устроителя должна быть именно о них. Если есть насельники, готовые потрудиться в деле спасения, со временем будет и монастырь. Если же обитель начата с возведения корпусов и стен, то при самых изящных постройках и благоприятном экономическом положении, люди, способные проводить монашескую жизнь, могут так и не собраться.

Главная задача устроителя — предоставить насельникам все необходимое для того, чтобы они могли проводить духовную жизнь полноценно, т. е., прежде всего, создать условия для богослужения и молитвы. Вторая, не менее важная задача — устроить быт братии, т. е. предоставить ей кров, пищу, одежду, медицинскую помощь, все необходимое для жизни. Времена, когда подвижники жили в пещерах, спали на рогоже и питались хлебом и водой, прошли безвозвратно. Современный человек крайне немощен, прежде всего — душевно, не менее — телесно. Поэтому приходящий ныне в монастырь требует особого снисхождения. К нему нельзя приступать с мерками древнего монашества. Да и он еще не монах, а мирянин.

2. ДО ДРЕВНЕГО ЛИ МОНАШЕСТВА НАМ?

Большинство открываемых монастырей повторяют одну и ту же ошибку. В них насаждается строгий устав с ежедневным полным суточным кругом богослужений (порой, ночных), обязательным для всех, продолжительным молитвенным правилом, строгим постническим уставом с запретом вкушать пищу келейно. При этом новоустроенный монастырь, как правило, беден и имеет различные нужды, поэтому в оставшееся от богослужения время братия работает не покладая рук, практически без всякого отдыха. Вместо того, чтобы подумать о том, как облегчить этот порой непосильный труд, его, напротив, считают необходимым условием монашеского подвига. Особенно это относится к обителям женским.

Есть и такие монастыри, которые вместо того, чтобы возродить хотя бы какое-то монашество, ставят перед собой задачу возрожде-

ния непременно древнего монашества, со всеми видами его подвижничества. Не видно из житий преподобных Отцов, чтобы кто-либо из них ставил такие цели. Напротив, все они говорят о высоте прежде бывших Отцов и сетуют о современном им оскудении¹.

«Древнее монашество» в таких монастырях понимается прежде всего как строжайший пост, терпение холода и лишений, беспрекословное послушание настоятелю или настоятельнице, которые осуществляют полный духовный контроль над всеми вступившими в обитель, тяжелые труды при посещении продолжительных богослужений. При этом, как правило, насаждается пренебрежительное отношение к лечению и всем телесным нуждам. Такое понимание монашества в писаниях свт. Игнатия (Брянчанинова) названо одноким, с уклонением в телесный подвиг. Великая тайна монашеской жизни, заключающаяся в покаянии, остается непонятой.

«Жительство иноческое, не одушевленное евангельскими заповедями, подобно телу без души: воссмердит оно смрадом фарисейства, и воссмердит тем более, чем более будет облечено по наружности в телесный подвиг или притворится имеющим этот подвиг. Жизнь инока есть не что иное, как деятельное и непрестанное покаяние. Нам непременно нужно погрузиться всецело в покаяние, если желаем не тщетно и не в осуждение себе носить имя и звание иноческие. Тогда только инок шествует правильно, когда он преисполнен и руководим чувством покаяния. Когда чувство покаяния отступит от его сердца, то это служит верным признаком, что инок увлечен ложными мыслями, внушенными сатаной или возникшими из падшего естества. Постоянное отсутствие покаяния служит признаком вполне неправильного настроения»².

Ведь и древние Отцы прежде всего поучали братию об исполнении заповедей Божиих, мера же поста и бдений была сугубо индивидуальной; отношения с послушниками строились на взаимном доверии и любви.

Таким образом получается, что возрождающие «древнее монашество», не понимая его сути, пытаются возродить одни только внешние формы. В результате — не возрождают ничего. А созданные ими «монастыри» отталкивают как тех, кто стремится к монашеской жизни, так и мирян из числа паломников. Насельники же их нередко становятся искалеченными людьми, не только физически, но и духовно. И, что самое опасное, несут это искаженное

¹ Разве что западный «святой» Франциск Азисский уже через четыре года после своего обращения к католической церкви создал монашеский орден, целью которого было распространение католицизма и возрождение находившейся в упадке Римской церкви.

² Творения свт. Игнатия Ставропольского. Т. V. М., 1998. С. 366–367.

уродливое понимание монашества в другие монастыри, так как другого монашества они не знают, никогда его не видели.

К великому сожалению, по обширности распространения такого внешнего монашества создается впечатление, что никакого другого никогда и не существовало. Между тем, оно есть: было всегда и останется до Второго пришествия Христова. Не замечаемое миром, ищущим внешней эффектной праведности, гонимое и поносимое им, до сего дня сохраняется оно в редких своих представителях, верных отеческим писаниям и преданиям. Монашество, руководимое словом преподобных отцов и святых учителей Православной Церкви, до сего дня оставшееся непонятым миром: *В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими* (Ин. 1; 10–12). «Отречение от мира может ли быть понято, истолковано теми, которые вполне пленены миром, погружены умом, сердцем, телом в наслаждения мира? Учение Отцов Церкви извлекло меня из мира: оно помогало в терпении скорбей от мира: оно зовет в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в ее неизмеримые области»¹.

3. ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ЛИ МОНАШЕСТВО В ТОМ, ЧТОБЫ НЕ ЕСТЬ И НЕ СПАТЬ?

При желании сравнительно нетрудно доставить насельникам возможность посещать богослужение. Даже если в обители еще нет храма, богослужение может совершаться в любом помещении или даже под открытым небом. Гораздо сложнее обеспечить материальную сторону жизни обители. Именно это требует на первых порах наибольших трудов и забот устроителя. Продолжительный недостаток в чем-либо: в пище, одежде, помещениях, тепле и прочих необходимых удобствах, к которым привык современный городской человек — а такие наиболее изъясняют ныне произволение к монашеской жизни — приведет к тому, что братия начнет уходить, и, на наш взгляд, имея на это право. Неправильно требовать от современных иноков подвигов учеников преп. Сергия Радонежского, таких, например, как многодневное пребывание без всякой пищи. Монастырь — дом для инока, поэтому в нем должно быть в достатке все необходимое для жизни и монашеского труда.

Современная монашеская жизнь и так тяжела сама по себе. Главное делание нынешних иноков, по свидетельству Святых Отцов последнего времени, заключается в терпении различных скорбей и болезней. Даже во времена древнего монашества честь и хва-

¹ Собрание писем свт. Игнатия Кавказского. М.-СПб. 1995. С. 55.

ла была тем настоятелям, которые заботились о том, чтобы, по возможности, облегчить скорби своей братии. Не невозможно достичь того, чтобы насельники не испытывали никаких материальных нужд. Нужда иноков в современной обители говорит лишь о том, что настоятель не радит о том, чтобы ее устранить, или не видит в этом необходимости. Разговоры о бедности монастыря и невозможности достаточно кормить братию — лукавство. Чтобы иноки были сытыми, нужно немного. Там, где недостаток пищи, современный человек думает уже не о Боге и молитве, а о том, где бы достать кусок хлеба, чтобы утолить голод. Есть ли вообще смысл в существовании такого монастыря, где голодная и раздетая братия влачит жалкое существование, с ропотом на Бога и людей?

Прежде чем устраивать великолепные храмы, покрывать их золотом, делать мраморные полы, приобретать роскошную утварь, должно устроить братию — эти храмы одушевленные. Прежде попечения о паломниках, нищих, бомжах и заключенных, заботы требуют сами насельники, которые, доставляя своим трудом монастырю все его вещественные богатства, сами являются главным духовным богатством обители. Слова Христовы: *Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня... Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25; 35–36; 40) — настоятель должен относить прежде всего к подчиненной ему братии.

Преподобный Феодор Студит в поучениях братии своей обители постоянно увещевает проходить свои послушания со всем усердием, и в частности, говорит: «Келарь пусть с великим вниманием, радушием, любовью и разборчиво (ибо один человек — такой, а другой — иной) выдает, кому что нужно. Повар же, который варит пищу, терпя жар огня, пусть старается приготовить братьям пищу как можно лучше и вкуснее... И не должно оставлять без внимания нужд самого последнего брата, будто Сам Господь вместо них принимает твои услуги, как учит божественный и великий отец наш Василий»¹.

Настоятель должен позаботиться не только о том, чтобы питание было в достатке, но и о качестве самой пищи. Все, созданное Богом *в пищу и наслаждение человеком — добра зело* (См. Быт. 1; 29; Правила св. апостолов № 51), поэтому современный настоятель не имеет права в своем монастыре возбранять вкушение какого-либо рода продуктов, не запрещенных монашескими уставами. Сказанное не относится к употреблению вина и прочих спиртных напитков, т.к. у Святых Отцов встречаются запреты употреблять вино молодым инокам. На Первом Всероссийском Иноческом Съезде

¹ Преподобный Феодор Студит. Великое Оглашение.

(1909 г., Троице-Сергиева Лавра) рассматривался вопрос о полном запрещении употребления хмельных напитков в монастырях даже за праздничной трапезой. Было решено оставить это на усмотрение настоятеля¹. Мы полагаем, что если за праздничной трапезой вина не окажется, никто от этого не пострадает.

Пища должна быть свежей, разнообразной, хорошо приготовленной. Преподобный Ефрем Сирийский советует в преддверие поста запастись разнообразными снеди, чтобы потом не впасть в уныние. В разрешенные дни должно употреблять рыбу, молочные продукты, сыр, яйца. При этом вовсе не обязательно подавать дорогостоящие деликатесы. При выборе устава о посте, учитывая немощь новоначальной братии, лучше вначале ввести устав более мягкий и уже потом, по прошествии нескольких лет, постепенно делать его более строгим. При этом необходимо учитывать произволение большинства насельников, так чтобы пост не сделался бременем неудобноносимым. Следует также учесть, что в первые годы существования обители насельникам требуется много трудиться физически. Святитель Игнатий Ставропольский считает, что послушник, занятый на тяжелых работах, должен вкушать пищу досыта (Том V — «Приношение современному монашеству», «Правила внешнего поведения для новоначальных иноков»). Древний святой отец прп. Исайя Отшельник учит: «Давай телу своему, сколько нужно по требованию природы (по сложению твоему)»².

Если во вновь собранном братстве найдутся желающие поститься более строго, чем остальные, поощрять этого не следует. Обычно такие пожелания высказывают люди, только что пришедшие в монастырь, как правило, не понимающие значение и различие телесного и душевного подвигов. Преподобный Феодит, митр. Филедельфийский пишет в беседах о монашестве: «Многие предали себя злостраданиям, но не стяжали трезвения, поскольку не ведали, что пощение, воздержание, нищета, долуглание, бдения, коленопреклонения и все другие телесные труды нужны единственно для стяжания трезвения. И они думали, что достигли совершенства и стали беспопечительны, хотя, не имея трезвения, остались погруженными в сокровенные страсти злобы. Ради урожая земледелец бросает семена в землю, и ради стяжания трезвения подвижник предается телесным трудам. Но тот, кто сеет, но не снимает урожая, погибает от голода, так и человек, утесняющий тело, но не заботящийся о сердечной молитве, трудится напрасно. Если урожай побивается градом, то земледелец остается без плода; так и при телесных по-

¹ См. Первый Всероссийский Съезд монашествующих. Воспоминания участника. М., 1999.

² Добротолюбие, Т. I. М., 2000. С. 392.

двигах, если им не сопутствует молитва, способная сохранить душу в благих помыслах, то от ветров высокомерия, раздражительности, злобы и других страстей душа склоняется к злым помыслам, и тогда такой подвижник оказывается несчастнее всех людей».

Дозволение новонаначальному как-то особенно, отлично от других братьев поститься только подвергнет его искушению возношением. Тех новоначных, кто начнет самочинно поститься и принимать на себя прочие подобные «подвиги», тем более, должно строго наказывать.

Со временем новоначание проходит, ревность не по разуму и прочие душевные кровяные порывы утихают. Инок начинает осознать, что он пока не Ангел, а обыкновенный человек, и нуждается в пище и одежде так же, как и прочие люди. Между прочим, в лучших и старейших монастырях, таких как Троице-Сергиева Лавра, Псково-Печерский Свято-Успенский монастырь, Свято-Данилов монастырь и некоторых других, трапеза для братии всегда бывает разнообразной, высокого качества и в достатке. По кельям разрешено пить чай без ограничения. А эти монастыри никак нельзя упрекнуть в упадке духовной жизни. Наоборот, они повсеместно признаны по строгости своей жизни примерными обителями, в них существует преемственность монашества; пусть и не в мере древних Отцов, но сохранилось старчество.

Согласно церковному уставу, монахи обязаны, кроме среды и пятницы, соблюдать пост и в понедельник, установленный в честь бесплотных Ангельских Сил. Ныне во многих обителях, в том числе благоустроенных, этот пост почему-то не соблюдается. Причин для такого отступления от устава нет никаких. Соблюдение поста в понедельник вполне посильно для любого, даже не совсем физически здорового инока. Стыдно не поститься монахам, когда есть много благочестивых мирян, которые постятся в понедельник. Еще в недалекие времена наших благочестивых предков в монастырях этот пост был обязательным, как и воздержание от мяса, что засвидетельствовано Типиконом. Полагаем, что в любой обители, даже новооткрытой, этот пост с самого начала должен соблюдаться неукоснительно. Не погрешим, если в настоящее время в понедельник будем поститься с рыбой.

4. ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ОБИТЕЛИ

Почти все сказанное выше о посте, относится также и к уставу о молитве. А именно: вводить богослужение и молитвенное правило в устраиваемой обители нужно постепенно. Тем более, нельзя заставлять всю братию без разбора посещать ежедневно полный круг богослужений и вычитывать полностью, келейно или в храме, монашеское правило.

Первая причина этого заключается в том, что новоначальная братия еще не способна к длительным молитвенным подвигам, да это и бесполезно в новоначании. Святитель Игнатий Ставропольский пишет, что новонаначальному полезней частые и непродолжительные молитвословия, чем продолжительные правила. Кроме того, монашеские уставы и не требуют того, чтобы новоначальные послушники исполняли в полной мере положенное мантийному монаху.

Во-вторых, пока обитель еще не благоустроена, братии приходится много трудиться физически. Поэтому, при общем недостатке здоровья современных насельников, даже преуспевшие братия при всем желании не смогут полностью посещать службы и вычитывать правила, если они регулярно трудятся на послушаниях. Полный круг уставного будничного, не праздничного, богослужения с полунощницей и братским молебном (не считая келейного правила) длится в среднем 8 часов. Даже для крепкого молодого мужчины 8 часов большей частью неподвижного стояния на ногах — уже достаточно тяжело и вполне сопоставимо с полноценным рабочим днем мирского человека, занятого на производстве. Сюда добавляется, как правило, чтение и пение. Но самое главное — тяжелый многочасовой молитвенный труд, о котором может иметь представление только тот, кто сам испытал, что это такое. Для того чтобы насельник мог посещать в полном объеме богослужение в своей обители, при хорошем физическом здоровье он должен трудиться на послушаниях не более двух-четырех часов в день.

По мере роста благосостояния обители, у насельников появляется все больше возможности бывать в храме. Но даже в полностью благоустроенном монастыре некоторые послушания настолько трудоемки, что те, кто их исполняют, не могут быть за богослужением в полной мере. Нужно заметить, что, согласно древнему уставу Иверского Афонского монастыря, посещение богослужений в полном объеме для тех, кто трудился на послушаниях, было необязательно. А в уставе Афонского Хиландарского монастыря, составленном святым Саввой Сербским в XII веке, говорится: «Тех, которые, находясь на послушании, не могут совершать свою молитвенную службу и быть с братией на богослужебных собраниях, поучаем не быть малодушными и не впадать в отчаяние от помыслов, что они теряют свою пользу, но пусть прежде будут благодушными и радостными оттого, что Господь укрепил их послужить своей братии, по подобию Сказавшего: *Не пришел, чтобы Мне послужили, но послужить и положить душу Мою ради избавления многих* (Мф. 20, 28; Мк. 10, 45). ...Надо радоваться и веселиться, ибо едва ли вы смогли бы, занимаясь молитвой, достигнуть больше того, что вы исполняете делом. Ибо блага молитва, и весь-

ма блага. Она делает нас беседующими с Богом и возносит нас от земли на небо. А лучше ее и больше ее — любовь. Ибо молитва есть часть добродетели и совершеннее всего самого совершенного в теле, как некий отрезок и член, а любовь есть глава и совершенство»¹.

Ежедневные богослужения в монастыре есть милость Божия, особенно это касается Божественной Литургии, хотя она и не входит в суточный круг богослужений, обязательных для монаха. Св. прав. Иоанн Кронштадтский говорит: «Тот день, в который ты не был за Божественной Литургией, считай потерянным для своей жизни». Она не входит в суточный круг по той единственной причине, что далеко не всегда и не везде существуют условия для совершения великого Таинства: например, отсутствует священник; поэтому не во всех монастырях имеется возможность служить Литургию ежедневно.

В тех же монастырях, где Литургия все же совершается, на наш взгляд, насельники должны присутствовать на ней обязательно, т. к. Таинство Евхаристии, ради которого служит Божественная Литургия, является средоточием христианской жизни. По учению Св. Отцов, святая Литургия является центральным богослужением суточного круга. Молитву за Литургией должно ценить гораздо выше, чем, например, молитву за утреней. Несмотря на то, что утреня, согласно Типикону, продолжительней, чем Литургия, освящающее действие Литургии несравненно больше. В известных «Монастырских письмах» издания Троице-Сергиевой Лавры, авторство которых приписывают преп. Антонию Радонежскому (Медведеву), говорится, что присутствующие за Божественной Литургией освящаются благодатью, даже если не причащаются Св. Таин. «Видехом Свет истинный, прияхом Духа Небеснаго» (Чинопоследование Божественной Литургии).

Обязательным было посещение Литургии в таких обителях, как Киево-Печерская и Троице-Сергиева Лавры, Зосимова пустынь, обитель преп. Зосимы Верховского, и многих, многих других, где духовная жизнь процветала, благодаря руководству старцев. На святом Валаае, по свидетельству свт. Игнатия, даже в будние дни совершалось несколько Литургий — до пяти.

Однажды мы попросили настоятеля, трудами которого устроен один из известнейших монастырей г. Киева, помочь советом нашим друзьям, с благословения священноначалия начавшим устраивать обитель. Ответ был следующим: «Пусть начинают, как можно скорее, ежедневно служить Литургию. Будет Литургия — будет все. Проверено опытом».

Тому, кто хочет устроить монастырь, понимая важность ежедневного Богослужения, надо приложить все силы для того, чтобы

в обители совершалась Божественная служба, и прежде всего, святая Литургия. Известны случаи из современной жизни, когда иноки, пытавшиеся создать монастыри, не смогли этого сделать по причине того, что недооценили благодатную силу Литургии, вокруг которой только и может по-настоящему собраться христианская община. Установив суточный круг богослужения, они вознерадели о совершении Литургии и не позаботились о подыскании для этой цели пресвитера, тогда как можно было бы воспользоваться обычной практикой древних отшельников, которые для совершения Божественной Литургии приглашали в пустыню пресвитера из ближайшего приходского храма. Поскольку этого не было сделано, только что возникшая в пустыне монашеская община распадалась по причине того, что ее насельники без Литургии и благодати Причастия не смогли понести брань страстей, прежде всего, унынья.

В некоторых монастырях, особенно женских, сразу же устанавливают чтение неусыпаемой Псалтири, поступая, на наш взгляд, неразумно. Немногочисленные насельницы только что возникшей обители и так достаточно утомляются на послушаниях, которых по необходимости особенно много вначале. Неусыпаемая же Псалтирь, особенно читаемая ночью, отнимает и последние силы. В дореволюционных монастырях несомненно похвальный обычай чтения неусыпаемой Псалтири поддерживался в основном в скитах; в тех же обителях, где скитов не было, послушание чтения неусыпаемой Псалтири с поминовением благодетелей поручалось престарелым насельницам, кои уже не могли трудиться на других послушаниях.

Читать же неусыпаемую Псалтирь во время совершения богослужения вовсе бессмысленно и противоречит отеческим уставам, кои требуют, чтобы все насельники, которым это возможно, во время общественного богослужения собирались в храм.

На наш взгляд, при самом начале обители достаточно установить следующее минимальное правило: утренние и вечерние молитвы, может быть, полунощница и три каждодневных канона, обязательных для монашествующих. Накануне воскресных и праздничных дней совершать уставное всенощное бдение, в самый день праздника — Божественную Литургию. Если будет возможность, хорошо бы совершать Литургию еще хотя бы один раз в середине недели (в идеале — ежедневно). Такое минимальное молитвенное правило в новооткрытой обители будет наиболее удобоносимым: с одной стороны, удовлетворит потребность насельников в молитвенном предстоянии Богу, с другой стороны — сохранит столь необходимые в данных обстоятельствах физические силы. По мере возможности, с умножением братии, со временем молитвенное правило можно будет постепенно увеличить, добавив вечерню, утреню, повечерие, ежедневную Божественную Литургию.

¹ Св. Савва Сербский. Хиландарский устав. // Изречения подвижников Греции. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

I. К братству кизарскому	3
II. Огласительное к ученикам своим	4
III. К игумении Игнийской	7
IV. К Ефрему и Агафону, и прочим сынам	8
V. К Евфросинии игумении	10
VI. Огласительное к игумении	13
VII. Феодоту военачальнику	16
VIII. К Прокопию монаху	18
IX. К Феоктисту пустыннику	20
X. К Стефану игумену	22
XI. Огласительное к находящимся в Кизике	24
XII. К игумену	25
XIII. К Василию игумену	26
XIV. К нему же	28
XV. К Феодору патрицию	29
XVI. К супруге греческого военачальника	32
XVII. К братству пелекитскому	35
XVIII. Огласительное к ученикам своим	36
XIX. К Димитрию консулу	39
XX. К Ликасту консулу	40
XXI. К Евфросинии игумении	42
XXII. К Севериану, духовному сыну	45
XXIII. К Феодору монаху	47
XXIV. К Лаврентию сыну	49
XXV. К Никите игумену	52
XXVI. К Феофилу, епископу Ефесскому	55
XXVII. К братству, находящемуся при Патрикии сыне	59
XXVIII. К Антонию, епископу Диррахийскому	62
XXIX. К Иоанну спафарию	65
XXX. К Фоме халтуларию	68
XXXI. К Григорию сыну	70
XXXII. К Никите спафарию	72
XXXIII. К Феодору монаху	75
XXXIV. К Феодору патрицию	84
XXXV. К архимандриту Готфскому	86
XXXVI. К Григорию сыну	89
XXXVII. К Феоктисту пустыннику	92
XXXVIII. К Диогену секретарю	95

XXXIX. К Иоанну грамматику	97
XL. За Евстратия игумена	98
XLI. К Феодору диакону	100
XLII. К Никите монаху	101
XLIII. К Исихию протонотарию	103
XLIV. К Григорию консулу	106
XLV. К Филофею ктитору	107
XLVI. К Ирине патриции	108
XLVII. К Вриене военачальнику	109
XLVIII. К Евфросинии игумении	111
XLIX. К Евдокиму спафарию	113
L. К Сергию игумену	115
LI. К Стефану сыну	117
LII. К Марии императрице	120
LIII. К Василию монаху	122
LIV. К Илии пресвитеру	124
LV. К Макарию монаху	125
LVI. К Авксентию игумену	127
LVII. К Евдокиму спафарию	129
LVIII. К Никите спафарию	130
LIX. К Льву сакелларию	132
LX. К спафарии (супруге) Флавиана	133
LXI. К Пантолеону логофету	136
LXII. К Феофану монаху	137
LXIII. К Филофею ктитору	138
LXIV. К Ирине патриции	140
LXV. К Евдокиму спафарию	142
LXVI. К Иоанну грамматику	144
LXVII. К Евдокии кандидатке	147
LXVIII. К Евфросинии игумении	148
LXIX. К Дорофею сыну	150
LXX. К Аволию и Иоанну монахам	151
LXXI. К Михаилу и Феофилу, императорам	153
LXXII. К Петру, епископу Никейскому	163
LXXIII. К Филофею ктитору	166
LXXIV. К Марии спафарии	167
LXXV. К Ирине игумении	168
LXXVI. К Феодосии Августе и Василию, сыну ее	170
LXXVII. К Кассии кандидатке	172
LXXVIII. К Ипакое монахине	174
LXXIX. К Олвиану патрицию	175
LXXX. К Антонию епископу	177
LXXXI. К Дионисию монаху	179

LXXXII. К Иосифу, игумену Керамейскому	180
LXXXIII. К Евфимию, епископу Сардийскому	183
LXXXIV. К Иоанну грамматику	185
LXXXV. К Михаилу, синкеллу Святоградскому	187
LXXXVI. К Ипакое монахине	189
LXXXVII. К Мефодию монаху	191
LXXXVIII. К Иоанну клирику	198
LXXXIX. К Фомаиде девственнице	198
XC. К Димитрию консулу	200
XCI. Разрешение различных вопросов	202
XCII. К брату и архиепископу Иосифу	208
XCIII. Ему же	210
XCIV. К Евфимию, епископу Сардийскому	211
XCV. К Игнатию, епископу Милетскому	213
XCVI. К игумену Иоанну	214
XCVII. К патриции Ирине	215
XCVIII. К ипату (консулу) Захарии	216
XCIX. К Афанасию сыну	217
C. К Тимофею сыну	218
CI. К Анатолию и Савватию, сынам	218
CII. К Петру, епископу Никейскому	220
CIII. К игумену Иосифу	221
CIV. К мирянину Григоре	223
CV. К игумении Анне	223
CVI. К патрицию Льву	224
CVII. К патриции Ирине	225
CVIII. К мирянину Мосху	227
CIX. К Евхимону, епископу Лампсакийскому	227
CX. К архимандриту Илариону	228
CXI. Двум братьям-грамматикам	229
CXII. Племяннику Стефану	231
CXIII. Торговцу воском	231
CXIV. Льву, торговцу ароматами	232
CXV. Доместику Политиану	233
CXVI. Монахине Анне	234
CXVII. Ипату (консулу) Захарии	235
CXVIII. К Льву другу	236
CXIX. Ипату	236
CXX. Не надписанное	237
CXXI. Константинопольцу Исидору	237
CXXII. Странноприимцу Георгию	238
CXXIII. Навкратию сыну	238
CXXIV. Ему же	239
CXXV. Ему же	241

CXXVI. Ему же	.242
CXXVII. Ему же	.243
CXXVIII. Ему же	.244
CXXIX. Ему же	.245
CXXX. Ему же	.246
CXXXI. К брату, архиепископу Иосифу	.247
CXXXII. К Евфимию, епископу Сардскому	.249
CXXXIII. Патрицию	.251
CXXXIV. К Афанасию сыну	.252
CXXXV. К Навкратию сыну	.253
CXXXVI. Ему же	.254
CXXXVII. Ему же	.255
CXXXVIII. Ему же	.256
CXXXIX. Ему же	.257
CXL. Ему же	.258
CXLI. Ему же	.259
CXLII. К Григорию сыну	.260
CXLIII. К Феоктисту сыну	.261
CXLIV. К Дорофею сыну	.262
CXLV. Чаду Вассиану	.263
CXLVI. Чаду Фаддею-исповеднику	.264
CXLVII. Чаду Литоию	.264
CXLVIII. Чаду Виссариону	.265
CXLIX. Чадам Титу и Филону	.266
CL. Чаду Игнатию	.267
CLI. Ему же	.268
CLII. Навкратию сыну	.268
CLIII. Ему же	.270
CLIV. Ему же	.271
CLV. Ему же	.273
CLVI. Ему же	.273
CLVII. Ему же	.274
CLVIII. К восточному монаху Иоанну	.275
CLIX. К Никите мандатору	.276
CLX. Супруге логофета	.277
CLXI. К инокиням	.277
CLXII. К игумении	.278
CLXIII. К вдове консула	.279
CLXIV. Консулу Сергию, двоюродному брату	.280
CLXV. К Навкратию сыну	.281
CLXVI. Ему же	.282
CLXVII. К игумении	.284
CLXVIII. К спафарию Феодору	.286
CLXIX. К Навкратию сыну	.287

CLXX. Ему же	.288
CLXXI. Ему же	.291
CLXXII. Ему же	.293
CLXXIII. К Литоию сыну	.294
CLXXIV. Ему же	.296
CLXXV. К патриции Ирине	.296
CLXXVI. К Иоанну, епископу Сардскому	.298
CLXXVII. К Петру, епископу Никейскому	.301
CLXXVIII. К игумену Макарию	.302
CLXXIX. Другу от друга	.303
CLXXX. Сестрам Ирине и Кале	.304
CLXXXI. К ипату Сергию, двоюродному брату	.304
CLXXXII. К клирику Григорию	.305
CLXXXIII. К Анатолию чаду	.306
CLXXXIV. К Симеону чаду	.308
CLXXXV. К Феофилу сыну	.309
CLXXXVI. Чаду Виссариону	.310
CLXXXVII. Чаду Лаврентию	.311
CLXXXVIII. К игумену Афанасию	.312
CLXXXIX. Игумену панагрскому	.313
CLXC. Чаду Парфению	.314
CLXCI. Чаду Игисиму	.315
CLXCII. Чаду Стефану	.316
CLXCIII. Чаду Ефрему	.317
CLXCIV. Игумену Епифанию	.318
CLXCV. Навкратию чаду	.319
CLXCVI. Чаду Тифоию	.322
CLXCVII. Ему же	.324
CLXCVIII. Чаду Дометиану	.325
CLXCIX. Евфимию и прочим братьям	.325
CC. Чаду Геннадию	.327
CCI. Чаду и исповеднику Фаддею	.328
CCII. К Игнатию чаду	.329
CCIII. К нотарию Сергию	.330
CCIV. К чаду Кледонию	.330
CCV. Чаду Дорофею	.331
CCVI. К чаду Иакову	.333
CCVII. Чаду Феодулу	.334
CCVIII. К мирянину Григоре	.335
CCIX. Патриции Анне, ведущей монашескую жизнь	.336
CCX. К вдове спафария	.337
CCXI. К чаду Афанасию	.338
CCXII. К брату, архиепископу Иосифу	.339

ССХІІІ. Чаду Евхаристу	340
ССХІV. К игумену Иоанну	341
ССХV. Чаду Тимофею	342
ССХVІ. Чаду Вассиану	343
ССХVІІ. Двум сестрам Ирине и Кале	344
ССХVІІІ. Игумену Антонию	345
ССХІХ. Монаху Аркадію	346
ССХХ. К комиту	346
ССХХІ. К Навкратію сыну	347
ССХХІІ. Чаду Петру	348
ССХХІІІ. Патриции	349
ССХХІV. Другой патриции	350
ССХХV. К чаду Илариону	351
ССХХVІ. Чаду Нилу	352
ССХХVІІ. Не надписанное	353
ССХХVІІІ. Двум сестрам Ирине и Кале	354
ССХХІХ. Чаду Евсевию	356
ССХХХ. Чаду Евфимию	357
ССХХХІ. Игумену Феофану	358
ССХХХІІ. Чаду Каллисту	359
ССХХХІІІ. К Кассии, дочери кандидата	360
ССХХХІV. Чаду Мелетию	361
ССХХХV. Чаду Ипатию	361
ССХХХVІ. К брату, архиепископу Иосифу	362
ССХХХVІІ. Чаду Навкратію	364
ССХХХVІІІ. Чаду Игнатию	365
ССХХХІХ. Августе Марии	366
ССХL. Вдове спафарія	367
ССХLІ. Жене ипата	367
ССХLІІ. Игумену Макарію	368
ССХLІІІ. Игумену Афанасію	370
ССХLІV. Монаху Филиппу	372
ССХLІV. Куратору Константину	374
ССХLІVІ. Епископу Сисою	375
ССХLІVІІ. Чаду Виссариону	376
ССХLІVІІІ. Чаду Ипатию	377
ССХLІХ. Чаду Вассиану	378
ССL. Чадам Еводию и Иоанну	378
ССLІ. Чаду Дорофею	379
ССLІІ. Чаду Дорофею, другому	380
ССLІІІ. Чадам Титу и Филону	381
ССLІV. К Николаю, повару	382
ССLІV. Мирянину Исидору	382
ССLІVІ. К игумении	383

ССLІVІІ. Иоанну, епископу Халкидонскому	384
ССLІVІІІ. Чаду Евфимию	385
ССLІХ. Чаду Иперехию	386
ССLХ. Чаду Афродисію	387
ССLХІ. Чаду Аммону	388
ССLХІІ. Чаду Симеону	389
ССLХІІІ. Пресвитеру Феофилакту	390
ССLХVІ. Чаду Виссариону	390
ССLХV. Чаду Иоанну	391
ССLХVІ. Чаду Еводию	392
ССLХVІІ. Игумену Никите	392
ССLХVІІІ. Силенциарію Антиоху	393
ССLХІХ. Григорию	394
ССLХХ. Чаду Лукиану	394
ССLХХІ. Мирону	395
ССLХХІІ. Георгию Мифанину	396
ССLХХІІІ. Парду Мифанину	397
ССLХХІV. Чаду Геннадію	398
ССLХХV. Чаду Клидонию	398
ССLХХVІ. Главному врачу Евстратию	399
ССLХХVІІ. Брату архиепископу Иосифу	400
ССLХХVІІІ. Чаду Анфу	402
ССLХХІХ. Игнатию, епископу Милетскому	402
ССLХХХ. Игумену Иоанну	403
ССLХХХІ. Чаду Григорию	405
ССLХХХІІ. Жене протоспафарія	407
ССLХХХІІІ. Василию, архимандриту Римскому	408
ССLХХХІV. Иоанну, епископу Моновасійскому, и игумену Мефодію	410
ССLХХХV. Живущим во святом граде Иерусалиме монахам — Исааку и Арсению	411
ССLХХХVІ. Игумену Никите	413
ССLХХХVІІ. Монаху Антонию	414
ССLХХХVІІІ. Сергію, надзирателю над сборщиками подоходного налога	415
ССLХХХІХ. Чаду Навкратію	416
ССLХL. Ему же	417
ССLХLІ. Ему же	418
ССLХLІІ. Ему же	419
ССLХLІІІ. Чаду Силуану	420
ССLХLІV. Анне монахини	421
ССLХLІV. Чаду Игнатию	421

CCLXLVI. Игумену и исповеднику Феофану	.422
CCLXLVII. Патрицию Леонтию	.423
CCLXLVIII. Мирянину Григоре	.424
CCLXLIX. Чаду Навкратию	.424
CCC. Чаду Протерию	.425
CCCI. Игумену Иоанну	.426
CCCII. Николаю, повару	.427
CCCIII. Мирянину Константину	.428
CCCIV. Чаду Протерию	.428
CCCV. Ипату Захарии	.429
CCCVI. Эконому	.430
CCCVII. Чаду Тимофею	.431
CCCVIII. Чаду Игнатию	.432
CCCIX. Августе Марии	.434
CCCX. Чадам Еводию и Иоанну	.435
CCCXI. Чаду Анатолию	.435
CCCXII. Иоанну, (епископу) Халкидонскому	.436
CCCXIII. Игумении Анне	.437
CCCXIV. Игумену Иоанну	.438
CCCXV. Игумену Никите	.439
CCCXVI. Игумену Иоанну	.439
CCCXVII. Игумену Афанасию	.440
CCCXVIII. Монаху Василию	.441
CCCXIX. Чаду Геннадию	.442
CCCXX. Чаду Каллисту	.442
CCCXXI. Чаду Клидонию	.442
CCCXXII. Чаду Мелетию	.443
CCCXXIII. Чаду Иакову	.444
CCCXXIV. Чаду Евпрепиану	.444
CCCXXV. Жене спафария Флавия	.446
CCCXXVI. Монахине Марии	.447
CCCXXVII. Чаду Афанасию	.447
CCCXXVIII. Чаду Анатолию	.449
CCCXXIX. Чаду Евхаристу	.449
CCCXXX. Льву	.450
CCCXXXI. Константину	.450
CCCXXXII. Пресвитеру	.451
CCCXXXIII. Чаду Феодулу	.451
CCCXXXIV. Чаду Симеону	.452
CCCXXXV. Чаду Евфимию	.452
CCCXXXVI. Чаду Ефрему	.453
CCCXXXVII. Чаду Афродисию	.453
CCCXXXVIII. Чаду Иперехию	.454
CCCXXXIX. Чаду Аммону	.454

CCCXL. Чаду Стефану	.455
CCCXLI. Чаду Симеону	.455
CCCXLII. Чаду Парфению	.456
CCCXLIII. Чаду Игисиму	.456
CCCXLIV. Чаду Дорофею	.457
CCCXLV. Чаду Петру	.457
CCCXLVI. Эконому монастыря Символа	.458
CCCXLVII. Брату, архиепископу Иосифу	.458
CCCXLVIII. Чаду Литоию	.460
CCCXLIX. Чаду Феодулу	.460
CCCL. Чаду Навкратию	.461
CCCLI. Чаду Тимофею	.463
CCCLII. Монаху Василию	.463
CCCLIII. Игумену Макарию	.465
CCCLIV. Игумену Константину	.466
CCCLV. Михаилу, епископу Синнадскому	.466
CCCLVI. Чаду Тифоию	.467
CCCLVII. Чаду Силуану	.468
CCCLVIII. Чадам Еводию и Иоанну	.469
CCCLIX. Чаду Симеону	.469
CCCLX. Мирянину Константину	.470
CCCLXI. Кассии	.470
CCCLXII. Игумену Макарию	.472
CCCLXIII. Патриции Ирине	.473
CCCLXIV. Чаду Павлу	.474
CCCLXV. Чаду Литоию	.474
CCCLXVI. Монахиням	.475
CCCLXVII. Чаду Епифанию	.476
CCCLXVIII. Ему же	.477
CCCLXIX. Монашествующим.	.478
CCCLXX. Феодор возлюбленным братьям, за Господа содержимым в различных темницах, — радоваться о Господе	.480
CCCLXXI. Монахиням	.486
CCCLXXII. Патрицию Льву	.487
CCCLXXIII. Монаху Макарию	.489
CCCLXXIV. Монаху Симеону	.490

Приложение

Иеромонах Сергей (Рыбко)

С чего начать устройство святой обители	.492
---	------